

Артур Конан-Дойл

ШЕРЛОК ХОЛМС

Все повести
и рассказы
о сыщике
№ 1

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Артур Конан Дойл

**Шерлок Холмс. Все повести
и рассказы о сыщике № 1**

«Алисторус»

1887-1927

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Дойл А.

Шерлок Холмс. Все повести и рассказы о сыщике № 1 /
А. Дойл — «Алисторус», 1887-1927 — (Подарочные издания.
Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907120-60-0

Шерлок Холмс – литературный персонаж, созданный талантом английского писателя Артура Конан Дойла (1859–1930). Его произведения, посвященные приключениям знаменитого лондонского частного сыщика, по праву считаются классикой детективного жанра. Общества поклонников дедуктивного метода Холмса распространились по всему миру. Вы тоже можете присоединиться к Всемирному клубу почитателей Шерлока Холмса и его верного друга Ватсона, прочитав эту книгу. В книге использованы тексты лучших переводчиков XIX и XX вв. и иллюстрации британских художников, современников Конан Дойла.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-907120-60-0

© Дойл А., 1887-1927
© Алисторус, 1887-1927

Содержание

Конан Дойл и Шерлок Холмс	6
Красное по белому	13
Часть первая	14
I. Шерлок Холмс	14
II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой	21
III. Тайна Лористонского Сада	32
IV. Сведения, добытые через Джона Ранса	41
V. Объявление привлекает посетителя	48
VI. Тобиас Грегсон показывает, на что он способен	53
VII. Свет во тьме	62
Часть вторая	69
I. В соляной пустыне	69
II. Цветок Утаха	79
III. Пророк у Джона Ферье	86
IV. Бегство	90
V. Ангелы-мстители	98
VI. Продолжение воспоминаний доктора Ватсона	104
VII. Эпилог	113
Знак четырех	120
Глава I. Дедуктивный метод	121
Глава II. Изложение дела	128
Глава III. В поисках решения задачи	133
Глава IV. История лысого человека	136
Глава V. Убийство	143
Глава VI. Расследование дела Холмсом	148
Глава VII. Эпизод с бочкой	155
Глава VIII. Иррегулярная армия Бейкер-стрит	164
Глава IX. Недостающие звенья	174
Глава X. Конец островитянина	180
Глава XI. Клад в Агре	187
Глава XII. Странная история Джонатана Смолля	192
Приключения Шерлока Холмса	207
Скандальная история в Богемии	208
I	208
II	216
III	222
Лига красноволосых	227
Хитрая выдумка	245
Преступление в Боскомской долине	257
Пять апельсинных зернышек	278
Человек с уродливой губой	289
История голубого алмаза	309
Пестрая лента	321
Палец инженера	338
Конец ознакомительного фрагмента.	343

Артур Конан Дойл Шерлок Холмс. Все повести и рассказы о сыщике № 1

- © ООО «Агентство Алгоритм», 2019
- © Н. Либерман, перевод, 2019
- © И. Лаукарт, перевод, 2019
- © Б. Акимов, перевод, 2019
- © А. Горский, перевод, наследники, 2019
- © И. Гурова, перевод, наследники, 2019
- © Н. Дехтерева, перевод, наследники, 2019

Конан Дойл и Шерлок Холмс

Традиционно «викторианской эпохой» называют долгий период правления королевы Виктории (1837–1901). К концу XIX века Великобритания практически владела третью всей пригодной для жизни человека суши. Происходили колоссальные перемены в повседневной жизни англичан, начался быстрый рост научно-технического прогресса и промышленного производства, резко возросло число городского населения, в Лондоне и его окрестностях царил нищета и процветала преступность. Столичная полиция не пользовалась у населения популярностью, попадавшие в опасные истории горожане все чаще обращались к частным детективам. От них требовалось, в первую очередь, – хладнокровие, рассудительность и порядочность. Этими качествами и обладал Шерлок Холмс, за них его и полюбили читатели.

Писатель Артур Конан Дойл родился в 1859 году, Шерлок Холмс предположительно в 1854 году, Джон Ватсон (Уотсон) – в 1852 году. Все трое жили в эпоху позднего викторианства, когда облик «доброй старой Англии» отошел в прошлое. Героям писателя пришлось увидеть непростые времена изменения привычной жизни. Выдерживать давление стремительного движения вперед им помогал неизменный моральный кодекс – вера в добро и справедливость. Холмс неотделим от Лондона конца XIX века с его кебами и газовыми фонарями, тускло сияющими в туманные вечера.

Английское слово «детекшин» по-русски означает – открытие, обнаружение. Конан Дойл стал признанным мастером детективной литературы. Частные сыщики появились в Лондоне раньше официальной полиции, но англичане вначале относились к ним недоверчиво, так как за ними не было никакого контроля, их деятельность держалась лишь на собственной репутации, зачастую очень шаткой. Но со временем им стали доверять больше, чем официальной полиции, что и отразил Конан Дойл в образе своего героя.

Впервые появляется Холмс в повести «Красное по белому» (переводилась также на русский язык под названием «Этюд в багровых тонах»). Он знакомится с Ватсоном, и они условились вместе снимать квартиру по адресу, который стал самым знаменитым в английской литературе: Бейкер-стрит, 221б. Так было положено начало долгой нерушимой дружбе. Хотя трудно представить себе двух более разных людей. Холмс – женоненавистник, умный и расчетливый аскет; Ватсон – любитель хорошеньких женщин, простодушный и немного безалаберный лондонский обыватель. Повесть впервые вышла в свет в декабре 1887 году в периодическом сборнике «Рождественский еженедельник Битона» вместе с рассказами других авторов. Литературные тексты были разбавлены рекламными вставками, вроде: «Паста от паразитов, надежное средство от крыс, тараканов, мышей и клопов!» Повесть получила положительные отзывы. Журнал «Скотчмен» отмечал: «Это самый замечательный рассказ о хитроумном преступлении со времен Эдгара Аллана По! У автора несомненный талант. Он не идет проторенной дорогой, а показывает, как должен работать настоящий сыщик, пользуясь дедукцией и наблюдательностью. Книга обретет много поклонников».

Дойл становится известен как прозаик детективного жанра. Он указывал на двух писателей, чье творчество повлияло на его детективные истории: Эдгар Аллан По и Эмиль Габорио. Первый из них создал образ частного сыщика Огюста Дюпена, второй – полицейского детектива Лекока. Но у Холмса появились доброта и сострадание – чувства, которых были лишены Дюпен и Лекок.

В повестях и рассказах о Шерлоке Холмсе Конан Дойл описал многие методы криминалистики, которые в то время были неизвестны полиции. После выхода его произведений в свет дедуктивный метод стал использоваться криминалистами по всему миру. В начале XX века

криминальная полиция некоторых стран даже ввела произведения писателя в обязательную программу экзамена для следователя.

В 1893 году, получив очередной внушительный гонорар, Конан Дойл с семьей отправился отдохнуть в Швейцарию. Во время одной из прогулок в Альпах он привел жену Луизу к Райхенбахскому водопаду.

– Дорогая, как ты думаешь, может ли выжить человек, упавший в эту пропасть?

– Нет, совершенно невозможно, – ответила Луиза.

Внимательно посмотрев на мужа, она встревожилась:

– Что ты собираешься написать?

– Очень скоро мистер Холмс либо подтвердит, либо опровергнет твоё утверждение. Ему предстоит прыгнуть в эту бездну.

Вскоре в журнале «The Strand», где многие годы печатались новые рассказы и повести о похождениях знаменитого лондонского сыщика, появляется новелла, в финале которой Холмс погибает в схватке с главой преступного мира профессором Мориарти. После этой «новости» двадцать тысяч читателей отказались от подписки на журнал. Более того, огромные толпы народа с лозунгами «Верните нам Холмса!» ежедневно собирались вокруг офиса редакции. Даже мать Дойла обратилась к сыну-писателю с этой просьбой. На лондонских улицах появилось множество прохожих с черной повязкой на рукаве – почитатели Холмса носили траур.

– Я слышал, что многие даже рыдали, – говорил по этому поводу писатель. – Сам же я, боюсь, остался абсолютно холоден, и лишь радовался возможности проявить себя в иных областях фантазии.

Дойлу стали звонить неизвестные с прямыми угрозами, что если Шерлок Холмс не будет воскрешен из мертвых, его бессердечный создатель в ближайшее время отправится вслед за ним. По слухам, даже королева Виктория написала Дойлу и намекнула, что надо «воскресить» Шерлока Холмса. Писателю не оставалось выбора, и в апреле 1894 года в рассказе «Пустой дом» вновь появился живой легендарный сыщик.

Конан Дойл время от времени и в реальной жизни использовал способности, которыми наделил своего сыщика. Он безвозмездно принял на себя ряд мер по пересмотру судебного дела некоего Джорджа Эдалжи, осужденного по ложному обвинению полиции. Писатель опубликовал в газете «Дейли телеграф» несколько статей, после которых множество общественных деятелей встало на защиту Эдалжи. Дело слушалось повторно, и обвиняемого оправдали.

В 1929 году на торжественном заседании, посвященном 70-летию Конан Дойла, с большой речью выступил писатель Эдгар Уоллес, автор детективных произведений, причисляющий себя к последователям юбиляра. Он назвал главной заслугой Дойла создание образа Шерлока Холмса. Юбиляр по окончании речи отвел Уоллеса в сторону.

– Зачем вы это сказали? – с упреком прошептал он. – Разве вы не знаете, что не я создатель образа Шерлока Холмса? Это читатели создали его в своем воображении.

Артур Конан Дойл был женат дважды. Первый раз женился в 1885 году на 27-летней Луизе Хоукинс. Она не отличалась здоровьем, долго страдала туберкулезом и скончалась в 1906 году. Еще в 1897 году 37-летний Дойл полюбил другую женщину – 24-летнюю Джин Элизабет Лекки, дочь богатых шотландцев из древнего рода, восходящих своими корнями к знаменитому Робу Рою. Но лишь став вдовцом, в 1907 году он сделал ей предложение. Еще до свадьбы они купили в Кроуборо усадьбу под названием «Литл Уинделмаш» – в живописном уголке графства Сассекс. Перед фасадом Джин разбила розарий, из кабинета Артура открывался красивый вид за зеленые долины, ведущие к проливу. Они прожили в счастливом браке более двадцати лет, до его кончины. У супругов оказалось множество общих интересов, в том числе увлечение спиритизмом. Рано утром 7 июля 1930 года 71-летний Дойл попросил усадить его в кресло. Джин держала мужа за руку.

– Я отправляюсь в самое захватывающее и славное путешествие, каких еще не было в моей полной приключений жизни, – прошептал он, с трудом шевеля губами. – Джин, ты была великолепна.

С этими словами он умер.

На могильном камне Конан Дойла, похоронного в саду своего дома в Уинделшаме, выгравирована эпитафия, написанная им самим:

Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчина,
Или мужчине – еще наполовину мальчику.

Шерлок Холмс испытывал ужас перед уничтожением каких-либо документов. Его бумаги копились многими годами и заполнили всю квартиру на Бейкер-стрит. Так же и сам Дойл хранил большинство своих рукописей и прочих бумагах, и после его смерти понадобилось 16 лет, чтобы разобрать литературное наследство писателя. На протяжении более семидесяти лет потомки и наследники писателя отказывались публиковать значительную часть его архива, в частности, записные книжки и письма.

Шерлок Холмс и его несчастный пленник Артур Конан Дойл. Рисунок Бернарда Парtridge. 1926

Обширная коллекция рукописей и личных вещей Конан Дойла многие годы считалась утерянной. Ее случайно обнаружили в офисе одной из юридических фирм, и она 19 мая 2004 года была выставлена на аукционе «Кристис» в Лондоне. Среди них более трех тысяч писем, заметок и рукописей произведений, многие из которых никогда не издавались. Основную часть из наследия писателя была продана более чем за полтора миллиона долларов библиотеке Британского музея. Впрочем, это не так уж дорого, если учитывать повальное увлечение в мире историями о Шерлоке Холмсе.

Существует научное общество, которое было основано на утверждении, что Шерлок Холмс и доктор Ватсон – реальные люди, а их расследования – не выдумка, а подлинные собы-

тия, записанные Ватсоном, а затем изданные под именем его друга и агента Артура Конан Дойла. «Большая игра» – под таким названием объединяются все работы по изучению Холмса как реального человека. Больше половины современных британских подростков верят, что знаменитый сыщик-любитель действительно существовал и жил на Бейкер-стрит.

Артур Конан Дойл писал в своих воспоминаниях: «Видимо, я никогда полностью не осознавал, до какой степени мои доверчивые читатели уверовали в реальность Холмса, пока не услышал очень польстившую мне историю о французских школьниках, приехавших в Лондон на экскурсию. Когда их спросили, что они хотят видеть прежде всего, они в один голос ответили: квартиру мистера Холмса на Бейкер-стрит».

Писатель Роберт Льюис Стивенсон пересказывал некоторые истории Холмса жителям островов Самоа в Тихом океане. Ему приходилось многое объяснять туземцам: что такое железная дорога, кто такой инженер. Но сам образ Холмса был им понятен, рассказы о нем они воспринимали, как историю реально существующего человека. Стивенсон писал Дойлу: «Если бы вы видели горящие нетерпеливые глаза самоанцев, вы ощутили бы вкус славы».

Истории о знаменитом сыщике, курившем трубку, без конца переиздаются, фильмов и телевизионных сериалов о нем создано больше, чем о ком-либо другом. Многие английские почитатели великого детектива утверждают, что у них есть доказательства того, что Шерлок Холмс действительно существовал, а вот жил ли когда-нибудь на свете писатель Конан Дойл – это, по их мнению, довольно спорный вопрос.

В 1975 году Холмсу было присвоено звание почетного доктора Колорадского государственного университета, а в 2002 году он был принят в члены Британского королевского общества химии...

Михаил Вострышев

**Красное по белому
(Этюд в багровых тонах)
Повесть**

Часть первая Личные воспоминания Джона Ватсона, отставного старшего врача английской армии

I. Шерлок Холмс

Это было в 1878 году, когда я защитил при Лондонском университете свою диссертацию на степень доктора медицины. Пополнив мои познания в Нетлей (что необходимо для желающих делать карьеру военного врача), я поступил старшим помощником военного врача в пятый стрелковый Нортумберлендский полк. Полк этот находился в то время в Индии, и прежде, нежели я успел присоединиться к нему, началась вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк уже перешел границу и находится в самом сердце неприятельской страны. Я присоединился к нескольким офицерам, которые были в таком же положении, как и я, и мы вскоре благополучно достигли города Кандагара. Там я нашел мой полк и немедленно же приступил к исполнению своих обязанностей. Для большинства участников кампа-

нии война представлялась в виде повышений и чинов, а на мою долю выпадали одни горести и болезни. Перемена должности заставила меня отправиться в Беркширский полк, с которым я и принял участие в роковой схватке при Мэйванде. Я был ранен в плечо осколком ядра. У меня раздробило ключицу, повредило соседние артерии, и, истекая кровью, я неминуемо попал бы в руки жестоких врагов, если бы не самоотвержение моего денщика Мюррая. Он подхватил меня на руки, затем перекинул поперек седла пойманной им свободной лошади и доставил на английский перевязочный пункт.

Измученный невыносимой болью, сильно ослабевший от различного рода лишений и неудобств военной жизни, я был отправлен в поезде для раненых в госпиталь в Пешавэре. Здесь я почувствовал себя значительно лучше и даже вскоре был в состоянии не только прогуливаться по палате, но и выходить на солнышко, на веранду. Но меня постигло новое горе. Я схватил болотную лихорадку, этот бич индийских владений. Несколько месяцев я провел между жизнью и смертью. Наконец я почувствовал себя несколько лучше, и доктора решили отправить меня на родину в Англию. Я взял место на транспортном судне «Оронто» и спустя месяц уже высаживался в Портсмуте. Здоровье мое было навсегда подорвано. Благодаря отеческому отношению ко мне моего правительства я получил девятимесячный отпуск и в течение этого времени мог заняться восстановлением потерянных сил.

Не имея ни пристанища, ни дела, я был свободен как воздух, или, вернее, я был свободен, как тот, кто имеет всего-навсего пять рублей семьдесят пять копеек дохода ежедневно. И конечно, меня потянуло в Лондон, в это обширнейшее вместилище, куда несутся бесчисленные волны людские со всех сторон Англии, куда стремится всякий, не имеющий ни определенного занятия, ни намеченной цели.

На первых порах я нанял себе комнату в маленькой гостинице на Странде и некоторое время жил там, ведя совершенно бездеятельную и однообразную жизнь, стараясь экономить изо всех сил. Вскоре состояние моих финансов начало беспокоить меня. Я встал перед выбором: или уехать куда-нибудь в глухую провинцию и там прозябать и скучать, или совершенно изменить образ жизни. Я выбрал второе и для начала решил перебраться из гостиницы на квартиру.

В тот день, когда я принял такое решение, проходя по улице, я вдруг почувствовал, как чья-то рука легла мне на плечо. Обернувшись, я увидел юного Стэмфорда – моего помощника, когда я еще служил в госпитале в Барте. Для человека, находящегося в оглушительном водовороте Лондона, считающего себя совершенно беспомощным и одиноким, один вид знакомого лица действует уже ободряюще. Прежде мои отношения к Стэмфорду никогда не были особенно близки, я не мог его назвать своим другом, но теперь я приветствовал его как брата, и он со своей стороны также казался в восхищении от встречи со мною. В порыве радостного чувства я пригласил его позавтракать к Гольборну, и через секунду мы уже усаживались с ним в нанятый мною фиакр¹.

В то время когда мы катили к ресторану, Стэмфорд всматривался в мое лицо и не мог скрыть изумления.

– Что за чертову жизнь вы вели за последнее время, Ватсон? – спросил он меня наконец. – Вы исхудали, точно Кощей Бессметный, и черны, как галка.

Я передал ему в нескольких словах последние события моей жизни. Как раз в это время экипаж остановился у дверей ресторана.

– Бедный малый! – сочувственно произнес Стэмфорд. – Ну, а теперь вы что делаете?

– В настоящее время я ищу квартиру, то есть стараюсь разрешить трудную загадку, а именно: мне надо более-менее комфортабельное помещение за недорогую плату.

¹ Фиакр (франц. fiacre) – наемный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы как такси до изобретения автомобиля.

– Странно, – пробормотал мой собеседник, – вот уже второй раз сегодня я слышу совершенно одни и те же слова от двух разных лиц.

– Кто же другое лицо?

– Молодой человек, занимающийся изучением химии в лаборатории. Сегодня он жаловался мне, что не может найти товарища, чтобы снять вместе хорошенькую квартиру, которую он высмотрел и слишком дорогую для него одного.

– Господи! – воскликнул я. – Если он ищет кого-нибудь, кто пожелал бы разделить с ним квартиру и плату за нее, то я к его услугам. Я предпочитаю жить с товарищем, нежели один.

Стэмфорд поднял глаза от своего стакана и посмотрел на меня странным взглядом.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса. Может быть, вы не пожелаете иметь его постоянным своим товарищем?

– Почему нет? Разве его можно в чем-нибудь упрекнуть?

– О, я не хотел сказать ничего подобного. Но только он небольшой чудак, страшный фанатик по части некоторых явлений и наук. Но, насколько я его знаю, это прекрасный парень.

– Студент-медик, без сомнения?

– Нет, и я даже не имею ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет. Говорят, он очень силен в анатомии и химии, но я прекрасно знаю, что он никогда не проходил медицинского курса. Он занимался науками крайне нескладно, даже, можно сказать, эксцентрично. Не обращая внимания на те науки, которые большинство людей старается изучить, он изучает совершенно другие и изучает так, что мог бы удивить профессоров.

– Вы никогда не спрашивали его, к какой карьере он себя готовит?

– Конечно нет, потому что это не такой человек, которого можно заставить говорить о себе. Хотя бывают случаи, когда ему приходит фантазия быть очень экспансивным и разговорчивым.

– Я был бы очень рад встретиться с ним, – сказал я, – если мне приходится жить с кем-нибудь, я предпочитаю, чтобы это был человек занятой и спокойный в своих привычках. Я, как видите сами, еще не настолько окреп здоровьем, чтобы легко переносить шум и волнения. Всего этого я имел достаточно в Афганистане, на мой век хватит. Когда же я могу познакомиться с вашим другом?

– Он, вероятно, находится в лаборатории, – ответил Стэмфорд. – Бывает, что он там работает целые дни и ночи, но бывает и так, что он туда носа не кажет в течение нескольких недель. Если хотите, то мы после завтрака найдем экипаж и отправимся туда.

– Отлично, – ответил я.

И мы заговорили о другом. По дороге в госпиталь Стэмфорд сообщил мне еще некоторые сведения о моем будущем сожителе.

– Не будьте на меня в претензии, – сказал он, – если не сойдется с ним. Я его мало знаю и встречал только несколько раз в лаборатории. Идея поселиться с ним вместе пришла ведь вам, и вы поэтому не делайте меня ответственным за последствия.

– Если мы с ним не уживемся, – ответил я, – то нам будет нетрудно расстаться. Но, Стэмфорд, – прибавил я, пристально глядя на него, – мне кажется, что у вас есть особенные причины, что вы умываете руки наперед. Скажите, в характере моего будущего товарища действительно есть нечто, чего следует опасаться? Говорите откровенно, не будьте таким скрытным!

Стэмфорд расхохотался.

– Дело в том, что чрезвычайно трудно объяснить необъяснимую вещь, – сказал он. – Холмс, на мой взгляд, уж слишком тождествен с самой наукой, он сливается с нею, и вследствие этого, быть может, он и относится совершенно равнодушно ко всему остальному. И я думаю, что он был бы в состоянии испробовать на своем друге какой-нибудь только что открытый им яд не по злобе, а попросту, чтобы проследить его действие. Но, чтобы быть справедливым, я должен прибавить, – и это мое искреннее убеждение, – что он совершенно так же способен

и сам подвергнуться добровольному подобному же испытанию. Он с каким-то бешенством старается углубить науку, за которую принимается, и свои познания заключить в известные, математические точные формулы.

– Я нахожу, что он прав.

– Согласен, но таким образом можно прийти и до крайностей. Может, например, показаться очень странным, если кто-нибудь возьмет палку и начнет колотить препарированные части, находящиеся на анатомическом столе.

– Что вы говорите!

– Чистую правду. Он сделал подобную вещь однажды. Я видел собственными глазами. Кажется, он хотел знать, как действуют на труп удары палкой.

– Но ведь вы говорите, что он студент-медик?

– Нет. Один Бог знает цель его занятий и изучений... Но вот мы и прибыли, и вы можете сами составить о нем какое угодно мнение.

Беседуя таким образом, мы повернули в переулок и прошли в маленькую дверь, находившуюся в боковом корпусе госпиталя.

Обстановка госпиталя не была чужда мне, и я не нуждался в проводнике, чтобы ориентироваться и найти дорогу. Я поднялся по широким каменным ступеням, от которых веяло холодом, и пошел по коридору с белыми стенами и открывающимися налево и направо дверями, выкрашенными в темную краску. К коридору примыкал низенький сводчатый проход, ведущий в лабораторию. Это была громадная и очень высокая комната, сверху донизу заставленная флаконами и бутылками внушительных размеров. Широкие и низкие столы были расставлены по всей комнате там и сям, без всякого порядка. Реторты, ступки и бензиновые лампочки, на которых вспыхивало голубоватое пламя, сплошь загромождали все столы.

В глубине зала, наклонившись над столом и весь углубленный в свои занятия, сидел молодой человек. При шуме наших шагов он быстро поднял голову и бросился к нам, испутив восклицание триумфа и подсовывая под нос моего спутника стеклянную ступку.

– Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел его! – воскликнул он.

И если бы он открыл залежи золотого песку, то вряд ли был бы более счастлив, нежели в настоящую минуту.

– Доктор Ватсон, Шерлок Холмс, – произнес Стэмфорд, представляя нас друг другу.

– Как поживаете? – приветливо сказал мне Шерлок Холмс, пожимая мою руку с силой, которой нельзя было подозревать в нем на первый взгляд. – Вы, я вижу, возвращаетесь из Афганистана.

– Каким образом вы можете знать? – совершенно ошеломленный, воскликнул я.

– Ну, это все равно! – ответил он, улыбаясь своим мыслям. – В настоящую минуту меня более всего занимает гемоглобин и его реактив. Надеюсь, что вы понимаете все громадное значение моего открытия?

– Несомненно, что это открытие очень полезно и важно в области химии, но с практической точки зрения...

– Как! Да ведь это именно такое открытие, которое принесет громадную пользу в практической жизни! Подобного ему не было сделано в течение уже многих, многих лет. Разве вы не понимаете, что при помощи этого реактива мы будем безошибочно распознавать пятна, сделанные человеческой кровью? Подите-ка сюда! – и в порыве радости и нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым занимался. – Добудем сначала немного свежей крови...

Проговорив это, он сделал ланцетом разрез на своем пальце и взял каплю крови в тоненькую стеклянную трубку.

– А теперь я опущу эту каплю крови в литр воды, – продолжал он. – Заметьте, что вода сохранила совершенно такой же вид, какой имела и раньше. Кровь не составляет и миллионной части ее, и все-таки я не сомневаюсь, что при помощи моего реактива мы получим осадок.

Говоря таким образом, он опустил сначала в сосуд несколько прозрачных кристалликов, а затем влил туда же немного какой-то бесцветной жидкости. В один момент вся вода приняла цвет потемневшего красного дерева, а на дне сосуда появился коричневатый осадок.

– Ха! Ха! – восклицал Холмс, хлопая в ладоши с видом ребенка, которому предложили новую игрушку. – Что вы думаете об этом?

– Думаю, что этот реактив редкой чувствительности, – заметил я.

– Чудесный реактив! Прямо чудесный! Получали и прежде осадок при помощи бакаута, но он очень слабый и несовершенный. Точно такой же слабый результат получался и от исследований кровяной капли под микроскопом, потому что состав крови сильно изменялся уже через несколько часов. А мое средство производит реакцию одинаково хорошо как свежей, так и старой, запекшейся крови. О! Если бы это открытие было сделано раньше, многие и многие сотни людей, совершивших преступления и спокойно разгуливающих теперь по белу свету, понесли бы заслуженное наказание.

– Вероятно, – пробормотал я.

– Ну да, конечно. Мы подошли к главной точке, на которую опирается в большинстве случаев искусство юридических расследований. Бывает так: человек совершил преступление, и только по истечении нескольких месяцев после его совершения на него падает подозрение. Осматривают его платье, белье, находят на них темные пятна. Откуда они? Суть ли это пятна

грязи, крови, ржавчины или попросту фруктового сока? На этом срезался не один эксперт, а почему? Потому что мы не имели в руках реактива, который бы действовал безошибочно. Но теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и неизвестности нет более места.

Он говорил это с глазами, сверкающими, как уголь, а затем, окончив свою маленькую речь, приложил руку к сердцу и поклонился, как будто стоял перед многочисленной публикой и благодарил за аплодисменты.

– Поздравляю вас, – сказал я, невольно поддаваясь его искреннему восторгу.

– Не имели ли мы в прошлом году замечательного дела Ришоф де Франфора? Его повесили бы непременно, если бы мой реактив был открыт в то время. А Массон из Брандфорда? А знаменитый Мюллер, а Лефевр и Монпелье? А Самсон из Нового Орлеана?.. Да я мог бы вам перечислить еще с двадцать совершенно аналогичных случаев.

– Вы точно живой список всех преступлений! – смеясь, воскликнул Стэмфорд. – Отчего вы не отпечатаете справочный календарь под названием «Альманах преступлений»?

– Это было бы очень интересно, – пробормотал Шерлок Холмс, заклеивая кусочком пластыря то место на своем пальце, где он сделал разрез ланцетом.

– Я должен принимать меры предосторожности, – смеясь, сказал он мне, – потому что мне приходится постоянно возиться с ядами.

Я взглянул на его руки и увидел, что пальцы во многих местах были покрыты такими же кусочками пластыря и обожжены ядовитыми кислотами.

– Но дело не в этом, – сказал Стэмфорд, садясь на скамейку и подталкивая меня другой ногой. – Мы пришли сюда, чтобы поговорить о серьезном деле. Мой друг, стоящий перед вами, ищет квартиру. Я слышал от вас, что вы не можете найти товарища для совместного жительства, и думаю, что сделаю благо вам обоим, сведя вас.

Шерлок Холмс казался очень обрадованным возможностью поселиться со мною вместе и воскликнул:

– У меня есть квартирка в виду, на Бейкер-стрит, которая нам подошла бы как раз впору! Надеюсь, что вы переносите запах очень крепкого табаку?

– Я сам курю матросскую махорку, – ответил я.

– Отлично. Предупреждаю вас еще, что я вечно окружен химическими веществами и по временам произвожу опыты. Подходит вам это?

– Совершенно.

– Постойте, я подумаю еще, какие у меня недостатки... Да! Мне случается впадать в мрачную хандру, которая длится по нескольку дней, в течение которых я не раскрываю рта. Поэтому не следует думать в это время, что я дуюсь на вас. Меня надо только оставить в покое на это время, и я быстро возвращаюсь к обычному состоянию. Ну, а теперь ваша очередь делать признания. Гораздо лучше для людей, собирающихся жить вместе, чтобы они знали привычки и недостатки друг друга.

Я невольно улыбнулся.

– У меня есть маленькая собачка, – начал я мою исповедь, – потом я был очень болен недавно, вследствие чего нервы у меня расстроены, и я не выношу шума и гама. Встаю я очень поздно, до смешного поздно, и ленив чертовски. Когда я буду совершенно здоров, у меня появятся, конечно, другие недостатки, но в настоящее время их у меня больше того, что я уже сказал, нет.

– Говоря, что вы не выносите гама, вы не хотите сказать, что не выносите игры на скрипке? – с беспокойством спросил Холмс.

– Это зависит от исполнения, – ответил я. – Хорошая игра на скрипке доставляет мне громадное удовольствие, но если вместо игры я слышу пиликанье...

– В таком случае отлично! – весело воскликнул он. – Наше дело в шляпе, если квартира вам понравится, конечно.

– Когда мы можем ее осмотреть?
– Приходите за мной сюда завтра после двенадцати часов, и мы отправимся вместе.
– Согласен. Итак, до свидания. Завтра в указанное время я буду здесь, – сказал я, пожимая его руку.

Шерлок Холмс отошел от нас и снова погрузился в свои занятия, а мы вышли из госпиталя и пошли по направлению к моей гостинице.

– Кстати, – сказал я, обращаясь к Стэмфорду, – какой черт мог ему сказать, что я вернулся недавно из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся.

– Это одна из его странностей, – сказал он. – Многие удивляются его способности угадывать массу вещей с первого же взгляда.

– О! Тут, значит, кроется тайна! – воскликнул я, с удовольствием потирая руки. – Это становится интересным. Я вам бесконечно благодарен за знакомство с подобным субъектом. Кто желает знать человечество, тот должен постепенно изучать разные личности отдельно.

– Ну, и поизучайте эту личность, – сказал Стэмфорд, прощаясь со мною. – Но я должен вас предупредить, что в лице Шерлока Холмса вы натолкнетесь на загадку, которую вам трудно будет разобрать. И я готов поддержать пари, что он, пока вы только еще приступите к изучению его характера, будет знать вас вдоль и поперек... А затем – до свиданья.

– До свиданья! – ответил я и пошел снова прогуливаться по улицам Лондона, сильно заинтересованный своим новым знакомством.

II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой

На другой день, в указанное время, я и Шерлок Холмс отправились на Бейкер-стрит, чтобы осмотреть намеченную квартиру. Она состояла из двух небольших комнат, но очень комфортабельных, и из большой гостиной – высокой, с массой света, льющегося через два широкие окна, и обставленной прекрасной мебелью. Общее впечатление было такое приятное и цена, принимая во внимание, что мы платили пополам, такая подходящая, что мы тотчас же порешили дело. В тот же вечер я, сгорая от нетерпения поместиться покомфортабельнее, перевез в новое жилище из гостиницы все свои вещи, а на другой день утром явился и Шерлок Холмс в сопровождении довольно большого числа ящиков и сундуков. Два или три дня мы были заняты тем, что расставляли и развешивали все имеющиеся у нас вещи и украшения, стараясь поместить каждую вещицу таким образом, чтобы она выигрывала как можно больше.

После этих предварительных хлопот мы почувствовали, что находимся дома, и начали понемногу осваиваться со своим новым помещением.

Холмс оказался действительно очень покладистым человеком, ужиться с которым не представляло никакого труда. Он был очень покоен в своих привычках и крайне аккуратен. Ложился он редко позже десяти часов, и когда я на другой день поднимался с постели, то никогда уже не заставал его дома. Он завтракал один и тотчас же куда-то исчезал. Иногда он проводил целые дни то в лаборатории, то в анатомическом зале, иногда совершал длинные прогулки, причем неизменно выбирал самые отдаленные, самые бедные улицы. Никакими словами невозможно было описать его необычайную деятельность и энергию, когда он находился в возбужденном состоянии. Но после нескольких таких дней наступала реакция, и он целую неделю с утра до ночи лежал, растянувшись на диване, и буквально не произносил ни одного слова, ни двигая ни одним членом. В эти дни выражение его глаз было до такой степени мечтательным и как бы не от мира сего, что я мог бы заподозрить, что он употребляет какие-нибудь сильные наркотические средства. Но, зная его трезвые привычки и совершенно порядочный образ жизни, я не решался допустить ничего подобного.

Недели шли за неделями, и мое любопытство возросло до крайних пределов. Особенно меня интриговали его занятия и цель, которую он преследует в своей жизни. Самая наружность Холмса была такова, что невольно останавливала внимание даже самого ненаблюдательного человека. Он был очень высок ростом и так худ, что это еще более увеличивало его рост. Его глаза были блестящи и проницательны, за исключением дней столбняка, о которых я говорил выше. Нос его, тонкий и сильно горбатый, придавал ему вид хищной птицы. Все его лицо носило выражение решительности и необычайной проницательности. Широкий подбородок также свидетельствовал о необыкновенной силе воли и настойчивости. Его руки были вечно покрыты чернильными пятнами и обожжены химическими кислотами, что было очень странно при той ловкости, с какой он обращался с хрупкими принадлежностями химической лаборатории.

Рискуя показаться читателю любопытным, как старая баба, я все-таки должен сознаться, что Шерлок Холмс возбуждал мое любопытство до крайних пределов. Многократно, но и бесплодно пытался я проникнуть в тайну, которой он окружал себя. Как единственное оправдание себе, я должен привести тот факт, что в то время моя собственная жизнь была лишена всякого интереса. К тому же состояние моего здоровья позволяло мне выходить на прогулку только в исключительно благоприятную погоду. У меня не было ни друзей, ни знакомых, которые могли бы прийти навестить меня и оживить таким образом однообразное течение дней и часов, становившееся для меня все тягостнее и тягостнее. И поэтому нет ничего удивительного в том, что я с жадностью набросился на возможность приподнять завесу таинственности, за которой скрывался мой новый товарищ.

Белл

Профессор Джозеф Белл

Шерлок Холмс создан писателем по реальному прототипу – преподавателю Эдинбургского университета, известному хирургу Джозефу Беллу (1837–1911). Его образ послужил основой характера сыщика, выдуманного Артуром Конан Дойлом. Изобретение Беллом во врачебной практике дедуктивного метода было введено в следственную практику. Профессор Белл взял молодого врача Артура к себе в ассистенты

в Эдинбургской клинике и поставлял ему сюжеты будущих произведений. Дойл писал своему наставнику в 1892 году: «Не думаю, что аналитическая работа Холмса хоть как-то может превзойти то, что вы проделывали во время приема пациентов. Я собрал самое выдающееся из тех исследований, наблюдений, опытов и выводов, свидетелем которых мне посчастливилось стать. Я постарался создать человека, который сможет продвинуть это дальше».

Когда на 74-м году жизни Белл скончался, вся Англия знала его не только как выдающегося врача, но и как первообраз Шерлока Холмса.

Эдинбургский университет. XIX в.

Вот пример занятий, которые проводил со студентами медицинского факультета Эдинбургского университета доктор Белл. Перед собравшимися предстал, хромая, пациент, даже не снявший пальто перед входом в аудиторию.

– Скажите, используя только зрение, – обратился доктор, к одному из студентов, – почему хромает пациент?

– Заболевание тазобедренного сустава, сэр!

Белл откинулся на спинку стула и скрестил длинные тонкие пальцы под подбородком.

– Никакой тазобедренный сустав у него не болит! – насмешливо фыркнул он. – Он хромает, потому что у него болят ноги, а точнее, ступни ног. Если бы вы внимательно понаблюдали, то увидели бы, что у него на башмаках сделаны надрезы в тех местах, где обувь сильнее всего давит на ступни... Этот человек страдает от мозолей, господа! А с тазобедренными суставами у него все в порядке.

Несомненно для меня было одно: он не изучал медицины. Однажды даже я прямо спросил его самого об этом, и он подтвердил мои заключения. Да и вообще его чтение и занятия носили крайне беспорядочный характер. Работал он без системы, порывами, и трудно было

заклЮчить, какую из отраслей знаний он изучает. Но усидчивость и усердие, с которыми он занимался некоторыми предметами, были поистине велики. Его замечания в области той или другой отрасли знаний поражали меня своей глубиной и верностью. «Конечно, – думал я, – никто не станет таким образом изучать специальные науки, не имея ввиду определенной цели. Многие много читают, изучают, всем интересуются, но, в конце концов, бывают не в состоянии даже приблизительно резюмировать прочитанное. К тому же кому охота отягощать свой мозг такой массой второстепенных знаний, не рассчитывая утилизировать их впоследствии?»

Удивительнее всего было то, что в некоторых вещах он был положительный невежда. Его знакомство с отечественной литературой, политикой и философией сводилось к нулю. Однажды я при нем процитировал что-то из Карлейля. Шерлок самым искренним тоном спросил меня, кто такой Карлейль и чем он занимается. Но изумление мое достигло крайних пределов, когда однажды совершенно случайно я открыл, что он совершенно не знаком с теорией Коперника и не имеет ни малейшего понятия о Солнечной системе. Я совершенно не мог понять того, каким образом в середине девятнадцатого века мог существовать человек, не знающий, что Земля вращается вокруг Солнца.

– Вы удивлены? – спросил он меня с улыбкой. – Но будьте покойны, теперь, когда я знаю теорию Коперника, я постараюсь забыть про нее как можно скорее.

– Забыть?

– Вы сейчас поймете почему. В первые годы существования мира человеческий ум представляется мне в виде пустой мансарды, которую всякий может меблировать по своему вкусу и усмотрению. И если владелец мансарды окажется глупцом, то он загородит ее массой вещей совершенно лишних, а те, которые ему могли бы понадобиться, окажутся в куче за дверью. Или, даже если он и найдет возможность втащить их внутрь, то он до такой степени перепутает их с разным хламом, что никогда не найдет в нужную минуту. Если хозяином окажется умный человек и ремесленник вдобавок, то он отнесется к этому делу с большим старанием. Он не оставит в комнате ничего, кроме вещей, которые ему необходимы в его ремесле. И эти-то необходимые ему вещи он разместит в строгом порядке и каждую в надлежащем месте. Ошибочно думают, что маленькая мансарда, о которой я говорю, обладает эластичными стенами, которые могут растягиваться по желанию. Верьте мне, что наступит, наконец, такое время, когда для того, чтобы запомнить одно, вы должны будете выбросить из памяти другое. Поэтому крайне необходимо не загромождать бесполезно ваш чердак, чтобы не стеснять его в то время, когда он должен будет вам послужить.

– Но Солнечная система... – запротестовал было я.

– На кой черт она мне нужна! – воскликнул он с нетерпением. – Вы говорите, что Земля вертится вокруг Солнца; пусть она вертится и вокруг Луны, если это ей доставит удовольствие. А мне наплевать на нее! Мои занятия нисколько не пострадают от этого.

Чуть-чуть я не спросил его, в чем же, собственно, состоят его занятия, но, взглянув на него, я понял, что мой вопрос будет несвоевременным. Но этот разговор заставил меня все-таки размышлять и сделать несколько заключений. Ведь он сказал, что избегает всяких знаний, которые не могут служить ему для достижения намеченной цели. Я перечислил в памяти те отрасли знаний, в которых он казался мне особенно сильным, и даже, взявши карандашик, составил следующий список:

Список знаний Шерлока Холмса

- 1. Литература – полное незнание.*
- 2. Философия – тоже.*
- 3. Астрономия – тоже.*

4. Политика. Знания крайне ограниченные.

5. Ботаника. Знания колеблющиеся. Он очень силен во всем, что касается белладонны, опиума и сильных ядов вообще. Совершенный невежда в знании хлебных злаков и овощей.

6. Геология. Знания заключены в строгую систему. Прекрасно различает с первого взгляда земляные наслоения. Часто показывает мне после своих прогулок различные пятна грязи на своем платье и объясняет, каким образом он распознает по цвету этих пятен, в какой части Лондона они были сделаны.

7. Химия. Знания очень глубокие.

8. Анатомия. Знания обширны и серьезные, но без всякой системы.

9. Психология. Знания необычайные. Ни одно преступление в течение почти целого текущего столетия, не неизвестно ему.

10. Прекрасно играет на скрипке.

11. Очень силен в боксе и хорошо дерется на рапирах.

12. Прекрасно знает английское законодательство, но только в применении его на практике.

Окончивши этот список, я перечел его и с досадой бросил в огонь. «Не лучше ли вместо того, чтобы угадывать по этой куче разнообразных знаний цель, к которой стремится этот человек, бросить все?»

Я упомянул в своем списке, между прочим, тот факт, что Холмс прекрасно играет на скрипке. Он, действительно, играл на этом инструменте поразительно хорошо. Но и тут он был крайне оригинален. Я знал, что он был в состоянии исполнить самые трудные пьесы, но часто, сидя в кресле, он брал скрипку и, закрыв глаза, принимался, если можно так выразиться, царапать смычком по струнам. По временам он извлекал из них таким образом грустную и сладкую мелодию, в другое время звуки быстро следовали друг за другом, порывисто, весело, без всякого такта. Эта фантастическая музыка была как бы ответом на его собственные мысли.

Я мог бы с полным правом восстать против этих оригинальных концертов, но Шерлок Холмс, прежде, нежели приступить к вариациям собственного творчества, играл мне всегда массу самых излюбленных моих пьес и этим задабривал меня.

В течение первой недели никто не посетил нас. Я начал уже думать, что Холмс, равно как и я, не имеет ни родных, ни знакомых, но мало-помалу заметил, что у него, напротив, масса связей и знакомств в различных слоях общества. Между другими посетителями я обратил внимание на одного сухощавого субъекта с черными и пронзительными глазами и формой головы, страшно напоминающей крысу. Он приходил по два и даже по три раза в неделю и был мне представлен под именем Лестрейда.

Однажды утром я увидел входившую к нам молодую, очень элегантную даму, которая беседовала с Холмсом более получаса наедине. В другой раз предо мною промелькнуло немолодое, морщинистое лицо какого-то седовласого еврея, по-видимому, торговца подержанными вещами, который находился в сильнейшем волнении. Почти вслед за ним явилась старушка в деревянных башмаках и крайне бедно одетая. Приходил и пожилой господин с длинными усами, очень respectable вида, и чиновник с железной дороги, которого я узнал по мундиру с бархатными выпушками.

Всякий раз, когда появлялись эти странные посетители, Холмс просил меня предоставить в его распоряжение гостиную, и я уходил в свою комнату. При этом он ужасно извинялся предо мною за беспокойство, причиняемое мне этим.

– Но ничего не поделаешь, – говорил он, – эти люди мои клиенты, и я должен говорить с ними без свидетелей.

И тут опять у меня вертелся на языке вопрос о роде его занятий, но мне показалось непорядочным врываться таким образом в его интимный мир. В конце концов, я уже было совсем порешил, что он скрывается передо мною по очень важным причинам, как в один прекрасный день он сам затронул так сильно интриговавший меня вопрос.

Это было четвертого мая, – я имею серьезные основания запомнить это число точно, – когда однажды, проснувшись немного ранее обыкновенного, я встал и присоединился к Холмсу, который завтракал в гостиной. Наша хозяйка так уже привыкла к тому, что я встаю поздно, что не приготовила мне завтрак ко времени. Я с раздражением, свойственным всем капризным людям, позвонил и сухо отдал приказание поторопиться с завтраком.

Товарищ мой молчаливо поглощал один бутерброд за другим, а я, увидев на столе газету, принялся ее перелистывать. Одна статья, отмеченная красным карандашом, привлекла мое внимание, и я принялся читать ее. Заглавие статьи «Книга жизни» показалось мне несколько напыщенным. Автор старался доказать великую пользу, какую может извлечь всякий маломальски наблюдательный человек из наблюдений над фактами повседневной жизни, если он отнесется к ним критически и будет производить свои наблюдения по известной системе. Все то, что он приводил для подтверждения своей мысли, показалось мне странной смесью утонченности и глупости. Несмотря на сжатость рассуждений, выводы казались мне до того натянутыми, что производили впечатление полной нелепости. Мгновенное выражение изумления на лице, небольшая спазма мускула, легонькое прищуривание глаз, по словам автора, являлись совершенно достаточными для того, чтобы проникнуть в сокровеннейшие мысли человека. И если кто владеет даром наблюдения и анализа, никогда не ошибется в своих выводах, которые окажутся математически верными.

«Пусть дадут, – говорил автор, – человеку, в совершенстве владеющему логическим аппаратом, одну каплю воды, и он по ней, следуя дедуктивному методу изучения, составит себе точное и ясное понятие об Атлантическом океане, о Ниагарском водопаде, не имея до сих пор ни малейшего понятия о том и другом. Жизнь каждого человека точно так же представляет из себя не что иное, как длинную цепь. Достаточно знать одно только ее звено для того, чтобы суметь восстановить и всю цепь. Дар анализа и дедукции существует наравне с другими научными способностями. Можно приобрести этот дар только путем многолетнего терпеливого и глубокого изучения. Но и тогда даже ум человеческий не в состоянии будет достигнуть в этой области высших пределов знания. Предмет этот до такой степени сложен и необъятен, что, приступая к его изучению, самое лучшее начинать с самых простых вещей. Когда мы встречаемся с незнакомым человеком, мы должны с первого же взгляда угадать историю его жизни, его профессию и характер. Подобные упражнения необходимы, и, как бы ребяческим и пустым нам это ни показалось, это единственный способ изошрить нашу наблюдательность. Это научит нас впоследствии, куда и на что мы должны обращать прежде всего свои взгляды. Поэтому обратите внимание на ногти, на рукава платья, на обувь, на выпуклые места, которые производятся коленями и изменяют форму брюк, на мозоли указательного и большого пальцев. Следите за выражением лица, за манжетами у кистей рук, и вы можете сделать из этих наблюдений такие следствия, которые безошибочно откроют перед вами всего человека».

– Что за бессмыслица! – воскликнул я, бросая газету на стол. – Никогда еще мне не приходилось читать ничего более идиотичного.

– Что это с вами? – спросил Холмс.

– Это вина вон той статьи, – ответил я, указывая на газету и приступая к своему завтраку. – Впрочем, вы ее, вероятно, прочли, потому что отметили ее карандашом. Она остроумна, с этим надо согласиться, но все-таки раздражает меня до крайности. Я как будто вижу перед собой этого автора-теоретика, который забавляется измышлением подобных парадоксов,

как он сидит себе, развалившись преудобнейшим образом в кресле, в своем рабочем кабинете. В конце концов, какой же практический вывод из его прекрасной теории? Посадить бы этого господчика в третий класс подземной железной дороги и заставить его перечислить род занятий всех его спутников. Пари держу, что он оказался бы несостоятельным.

– И проиграли бы пари, – смеясь, сказал Холмс. – Что касается статьи, о которой идет речь, то ее автор – я сам.

– Вы?

– Да, я. У меня природное влечение к наблюдениям и анализу. Теория, которую я излагаю в этой статье, и которая кажется вам такой утопической, на самом деле как нельзя лучше применима в практической жизни. И применима настолько, что она одна и доставляет мне средства существования.

– Каким образом? – невольно воскликнул я.

– Ну, да потому что я занимаюсь известным ремеслом и полагаю, что я единственный в своем роде. Я, если можно так выразиться, присяжный советник полицейских агентов. Здесь, в Лондоне, полиция разделяется на две части: одна правительственная, другая частная. И когда господа полицейские находятся в затруднении, то приходят ко мне за советом, а я распутываю дела. Они рассказывают мне дело во всех подробностях, и обыкновенно, благодаря тому, что я долго и пристально изучал всякие преступления, я очень быстро направляю их на надлежащий путь. Все преступления имеют в себе массу общего, и если вы хорошенько изучили тысячу преступлений, вам не доставит никакого труда разобраться и в тысяча первом преступлении. Лестрейд, которого вы видели у меня, в настоящее время очень известный полицейский. Недавно он сел в лужу с одним делом о поддельвателе денег и обратился за помощью ко мне.

– А те другие субъекты, которые ходят к вам?

– Большинство из них посылаются ко мне частными агентствами полиции. Все это люди, попавшие в затруднительное положение и спрашивающие, как из него выйти. Я выслушиваю их маленькие истории, они выслушивают мои комментарии и советы, и я кладу в карман свой гононар.

– И вы утверждаете, что, сидя здесь, в своей комнате, вы можете яснее и безошибочнее разобраться в деле, нежели люди, проследившие его вблизи и по горячим следам?

– Да, я именно это и утверждаю. Я от природы обладаю известным как бы духовным чутьем. Правда, время от времени мне приходится встречаться с преступлениями несколько более запутанным и сложным. Тогда я принужден немного пошевелиться и проследить дело собственными глазами. Вы заметили, может быть, что я обладаю большим запасом специальных знаний. Вот я и прилагаю их для решения различных загадочных дел, и знания эти оказывают мне неоценимые услуги. Метод, который я излагаю в своей статье и который возбудил ваше негодование, на самом деле необходим для меня при решении дел, которые я веду лично. Впрочем, наблюдательность у меня стала уже второй природой. Вы ведь были удивлены немного, когда я при первом знакомстве с вами сказал, что вы возвращаетесь из Афганистана?

– Ну, вероятно, вы слышали что-нибудь об этом раньше.

– Нисколько. Я видел, что вы возвращаетесь оттуда. Благодаря долгой привычке, цепь моих мыслей составляется так быстро, что я вывожу окончательное заключение, даже не отдавая себе отчета в том, что существуют отдельные звенья этой цепи. На самом же деле они существуют. Возьмем для примера хоть случай с вами. Я сказал про себя: вот господин с видом врача, и именно врача военного. Он возвращается из тропических стран, потому что цвет лица у него очень темный. Но это не природный цвет его кожи, потому что кисти его рук очень белы. Выражение его лица ясно доказывает, что он подвергался многим лишениям и был болен. Затем он был ранен в левое плечо, потому что рука его не сгибается, и он не свободно владеет ею. В какой же тропической стране английский военный врач мог подвергнуться лишениям, болезни и получить рану? Конечно же, в Афганистане. Все эти наблюдения промелькнули в

моем мозгу не более чем в секунду. И я сказал вам, что вы возвращаетесь из Афганистана, а вы удивились.

– Благодаря вашим объяснениям теперь это мне кажется очень естественным, – улыбаясь, сказал я. – Вы напоминаете мне Дюпэна у Эдгара По. Но я думал, что подобные люди существуют только в романах.

Шерлок встал и закурил трубку.

– Сравнивая меня с Дюпэном, вы, вероятно, хотели сделать мне комплимент, – сказал он. – А, по-моему, Дюпэн был очень обыкновенный человек. Все его искусство заключалось в том, что он задавал неожиданные вопросы после нескольких минут молчания, и таким образом улавливал мысли собеседника, затем он умел вставлять замечания очень кстати и вызывать реплики. Но этот метод допроса уж очень бесхитроsten, и против него всегда можно быть настороже. Дюпэн действительно обладал некоторым даром наблюдения и анализа, но он далек от типа выдающегося феномена, каким его хотел изобразить Эдгар По.

– Читали ли вы сочинения Габорио? – спросил я. – Если да, то считаете ли вы его Лекока совершенным сыщиком?

Шерлок иронически засмеялся.

– Лекок был просто грязный сплетник! – с досадою воскликнул он. – У него только и было, что необыкновенная энергия. Знаете ли, я прямо был болен после чтения этой книги. Для того, чтобы установить личность какого-нибудь неизвестного преступника, я обыкновенно употребляю двадцать четыре часов, а Лекоку понадобилось бы не менее шести месяцев. Я придерживаюсь того мнения, что эту книжку надо обязательно вручать для прочтения каждому полицейскому для того, чтобы они могли научиться, чего не надо делать в их профессии.

Мне было очень досадно слушать его. Я видел, что оба мои излюбленные типы, которым я удивлялся, низвержены с их пьедесталов. Я встал и, подойдя к окну, стал бесцельно смотреть в него, желая скрыть свое неудовольствие и волнение. «Может быть, – думал я, – этот молодой человек очень ловок и искусен, но он слишком уж много думает о себе».

– Увы, – сказал Шерлок Холмс, как бы говоря сам с собою, – в наше время нет больше преступлений, нет больше преступников! Зачем теперь иметь хорошо устроенную голову? Я, например, сознаю, что способен был бы прославить и обессмертить свое имя. До сих пор еще не было, да и никогда не будет человека, который бы подобно мне изучил так много различных специальных отраслей знания только для того, чтобы раскрывать преступления. А зачем все это? Нет более преступлений, а если есть, то они так мизерны и так неискусно совершаются, что самый последний из скотланд-ярдовских полицейских в состоянии распутать их сразу.

Окончательно шокированный его словами, я постарался переменить разговор.

– Хотел бы я знать, чего надобно этому субъекту? – сказал я, указывая в окно на человека, который медленно шел по противоположной стороне улицы и внимательно прочитывал номера домов. Он был высок ростом, широк в плечах и одет самым обыкновенным образом. Очевидно, он был послан с каким-нибудь поручением, потому что держал в руке большой синий конверт.

– Вы говорите об этом морском унтер-офицере в отставке? – спросил Холмс.

«Черт бы побрал это хвастливое животное! – подумал я. – Он отлично знает, что я не могу проверить точности его заключений».

Едва успела эта мысль промелькнуть в моей голове, как человек, о котором шла речь, прочтя номер нашего дома, быстро перешел улицу. Послышался сильный стук молотка в дверь, затем низкий голос, говоривший что-то, и вслед за этим по лестнице раздались тяжелые шаги.

– Мистеру Шерлоку Холмсу, – произнес человек, входя в комнату и протягивая конверт моему другу.

Для меня представлялся очень удобный случай зажать рот моему хвастливому сожителю. Вероятно, он ни одной минуты не подозревал, что я могу проверить его утверждение.

– Скажите мне, мой друг, – сказал я самым любезным тоном, обращаясь к вошедшему незнакомцу, – чем вы занимаетесь?

– Я комиссионер, – резко ответил он, – одет я так потому, что мой костюм в починке.

– А раньше этого, – продолжал я, бросая на Холмса лукавый взгляд, – где вы служили?

– Я был унтер-офицером в королевской морской инфантерии. Ответа не будет? Честь имею кланяться.

Он стукнул каблуками, приложил руки к козырьку, повернулся и вышел вон.

III. Тайна Лористонского Сада

Я должен сознаться, что такое неопровержимое подтверждение выводов моего друга глубоко взволновало меня. И раньше я был очень высокого мнения о его таланте, а теперь мое уважение к нему возросло еще более. Но не был ли случай с комиссионером подстроен заранее, чтобы одурачить и ослепить меня? Эта мысль невольно пришла мне в голову, и я спрашивал себя, что за цель была у него поступать таким образом со мною. Я оглянулся и начал внимательно рассматривать Шерлока Холмса. Он только что окончил чтение письма, и его лицо приняло задумчивое выражение, доказывавшее, что его мысли блуждали далеко.

– Каким образом вы угадали так безошибочно? – спросил я.

– Что угадал? – быстро ответил он.

– Да что этот человек был некогда морским унтер-офицером?

– Мне некогда заниматься пустяками! – с гневом воскликнул он, затем улыбнулся и продолжал: – Простите меня за грубый ответ, но разве вы сами не видели, что это отставной моряк и унтер-офицер?

– Конечно нет.

– А между тем угадать это несравненно легче и скорее, нежели объяснить, как сделал это я. Если вас заставят доказать, что дважды два – четыре, вы думаете, это будет легко? А между тем вы совершенно убеждены в том, что дважды два – четыре. Но возвращаюсь к нашему субъекту. Когда он находился еще на той стороне улицы, я заметил большой голубой якорь, выжженный на верхней части его руки. Это пахнет морем. Затем у него фигура военного человека и его баки подстрижены так же, как у военного. В его манерах, наконец, было нечто, что указывало на привычку командовать, и он держал себя с сознанием собственного достоинства. Разве вы не заметили, как он держал голову и как постукивал своей тросточкой? И так как он был не особенно молод и имел в своей фигуре нечто «респектабельное», то я заключил, что он был унтер-офицером.

– Великолепно! – воскликнул я.

– Все это очень просто, – ответил Холмс, но по его лицу я прекрасно видел, что он был очень доволен моим восторженным восклицанием.

– Только сейчас я говорил вам, что нет более преступников, – продолжал он. – Я ошибся: прочтите это.

И он протянул мне письмо, которое принес комиссионер.

– Но это ужасно! – воскликнул я, пробежав быстро письмо.

– Да, это как будто выходит из обычного шаблона, – спокойно заметил он. – Не будете ли вы так любезны прочесть мне это письмо еще раз вслух.

Вот что говорилось в письме:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс! Нынешней ночью в доме номер 3-й в Лористонском Саду, возле Брикстонской дороги произошел несчастный случай. Полицейский агент, проходя около двух часов ночи мимо этого дома, заметил в нем свет. Так как в доме никто не жил, то присутствие огня показалось ему очень подозрительным, и он подошел к дому поближе. Дверь оказалась открытой настежь; в первой комнате, совершенно пустой, лежал на полу труп человека, одетого в платье, показывающее, что покойный принадлежал к высшему обществу. В карманах платья убитого оказались карточки с именем Эноха И. Дреббер, Кливленд, Огайо, США. Очевидно, он был убит не с целью грабежа, и совершенно невозможно даже предположить, что было причиной его смерти. По всей комнате заметны явные следы крови, но на теле покойного нет ни малейшей царапины. Каким образом проник этот человек в необитаемый дом? Здесь начало тайны, да и все это дело сначала до конца таинственно и загадочно.

Если вы пожелаете побывать на месте преступления еще до полудня, то вы найдете меня там. Я оставил все так, как нашел, до тех пор, пока вы не скажете мне, что думаете обо всем этом и что рассчитываете делать дальше. В случае если вы не можете побывать там лично, я постараюсь дать вам более точный и подробный отчет и буду чрезвычайно счастлив услышать ваше мнение. Преданный вам *Тобиас Грегсон*».

– Грегсон – самый тонкий и искусный сыщик Скотланд-Ярда, – заметил мой друг. – Он да Лестрейд – вот и все избранные из этого мало уважаемого учреждения. Оба они горячи, полны энергии и усердия, но всегда действуют по предубеждению. А еще хуже то, что они между собою на ножах. И тот и другой ревнуют к славе друг друга, точно известные красавцы. И если они оба занимаются этим делом, то мы будем присутствовать при забавных сценах.

Я был поражен спокойствию, с которым он говорил все это.

– Но вы не должны терять ни одной минуты! – воскликнул я. – Хотите, я сбегаю за фиакром?

– Я еще не решил, пойду ли туда; я принадлежу к разряду самых неисправимых лентяев, какие когда-либо существовали. Но бывает это не всегда, а только приступами. По временам, напротив, я умею быть очень деятельным.

– Но ведь вам представляется случай, о котором вы так мечтали.

– Но, мой друг, рассудите, мне-то что будет из всего этого дела? Предположим, что я распутаю дело; вы можете быть уверены, что всю прибыль от этого получают Грегсон, Лестрейд и К°. Вот что значит быть вне всякого официального положения, в каком нахожусь я.

– Но ведь вас просят помочь!

– Да. Грегсон знает отлично, что я хитрее его, и со мною вместе он легче сделает дело. Но он ни за что не сознается в этом перед другими, скорее он позволит себе отрезать язык. Во всяком случае, мы можем пойти посмотреть, что там происходит. Я буду действовать по своему усмотрению и, если не получу ничего другого, то по крайней мере посмеюсь над всеми этими куклами. Итак – в путь.

Говоря это, он торопливо одевался. Ни малейшего признака лени не было в его движениях. Начинался период деятельности.

- Живо берите вашу шляпу, – сказал он.
- Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?
- Да, если у вас нет ничего более интересного.

Минуту спустя мы уже сидели в фиакре и во весь дух мчались по направлению к Брикс-тон-Рэду. Утро было туманное, мрачное. Небо сплошь затянули серые облака. Вся неприглядная серая грязь улиц, казалось, отражалась в них и нависла над домами.

Холмс находился в восхитительном настроении духа и всю дорогу с большим оживлением болтал, сравнивая достоинства знаменитых скрипок Страдивари и Амати. Что касается меня, то я хранил упорное молчание. Пасмурное утро и это ужасное убийство, в которое нас впутали, тяжело действовали на мои нервы.

– Вы, кажется, не очень-то серьезно обдумываете, как приняться за дело, – сказал я наконец, прерывая поток музыкального красноречия моего спутника.

– У меня еще нет никаких точных данных, – ответил он. – Большая ошибка – строить какую-нибудь теорию прежде, нежели собран весь необходимый материал. Это только сбивает с надлежащего пути.

– Вам недолго осталось ждать, – ответил я, выглядывая в окно. – Мы приехали в Брикс-тон-Рэд, и, если не ошибаюсь, вон и дом, о котором шла речь в письме.

– Вы правы. Стой! – воскликнул он.

Несмотря на то, что мы находились еще, по меньшей мере, в сотне метров от дома, Холмс приказал кучеру остановиться, и мы вышли из экипажа. Дом под № 3 производил внушительное и мрачное впечатление. Это был собственно не один, а четыре соединенных дома, построенные несколько вглубь от улицы. В двух домах жили, два остальных пустовали. Эти последние были в три этажа. Три ряда темных окон, мрачных и запущенных, глядели на улицу. Там и сям налепленные на стекла билетки о сдаче квартир производили впечатление бельма на глазу. Маленькие палисадники отделяли каждый дом от улицы. В данный момент вследствие дождя, непрерывно шедшего всю ночь, палисадники эти представляли собой одно сплошное болото. Между палисадниками шла узкая аллея, по бокам которой чахли жиденькие и редкие деревца. Желтоватая глина проглядывала местами сквозь жидкий слой песка и гравия. Вокруг всех домов тянулась деревянная решетка на каменном низеньком фундаменте высотой всего один метр.

В тот момент, когда мы подходили, возле этой решетки стоял, опершись на нее, полицейский агент. Довольно многочисленная толпа прохожих зевак стояла тут же, вытягивая шеи и тараща глаза, в тщетной надежде проникнуть в таинственную драму, разыгравшуюся за этими стенами. Я думал, что Шерлок Холмс, не теряя ни одной минуты, бросится в дом и сразу начнет работать над разгадкой печальной истории, но я ошибся. К моему величайшему удивлению, его манера действовать была совершенно иная. С видом полнейшего равнодушия он начал прогуливаться взад и вперед по тротуару. Он передвигался маленькими шагами, бросая по временам рассеянные взгляды то на землю, то на дома на противоположной стороне улицы, то на решетку, окружающую дом № 3. Закончив этот странный осмотр, он медленно направился в аллею между палисадниками, стараясь ступать по траве, окаймлявшей дорожку, и внимательно устремив глаза вниз. Два раза он останавливался, и я видел на его лице улыбку, в то время как с его губ срывались легкие восклицания удовольствия. На влажной, мягкой земле дорожки виднелись многочисленные следы; но, принимая во внимание, что множество полицейских проходило взад и вперед здесь, я не мог понять, какой толк мог выйти из такого внимательного разглядывания следов. Но, зная его способность замечать малейшие подробности, я был уверен, что он откроет массу интересных вещей там, где, по моему мнению, нечего было и открывать. У дверей дома мы увидели высокого человека с бледным лицом и светлыми волосами, который поспешил к нам навстречу. В руках он держал большую записную книжку.

– Как это мило с вашей стороны, что вы пришли, – сказал он, горячо пожимая руку моего товарища. – Я велел все оставить неприкосновенным и в том виде, как сам застал.

– За исключением этого, – сказал Холмс, указывая пальцем на аллею. – Если бы целое стадо буйволов прошло здесь, то, наверное, не произвело бы большего беспорядка. Но я надеюсь, Грегсон, что вы все хорошенько осмотрели еще прежде.

– У меня было слишком много дел внутри дома, – ответил он уклончиво, – но мой коллега, мистер Лестрейд, находится здесь. Именно ему-то я и поручил наблюдение надо всем, что происходит вокруг дома и в саду.

Холмс бросил на меня украдкой насмешливый взгляд.

– С такими помощниками, как вы и Лестрейд, не думаю, что на мою долю остались хоть какие-то дела во всем этом происшествии, – сказал он любезно.

Грегсон от удовольствия начал потирать руки.

– Я думаю, – сказал он, – что мы сделали решительно все, что только было возможно. Но это очень любопытное дело; тем не менее, зная ваше пристрастие ко всему, что выходит за пределы обыкновенного, я...

– Вы, конечно, прибыли сюда не в экипаже? – перебил его Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– И Лестрейд тоже.

– В таком случае пойдем, осмотрим комнату.

После этого замечания, казавшегося совершенно неуместным, он вошел дом. Грегсон следовал за ним с лицом, выразившим полнейшее недоумение. Маленький коридорчик, пол которого был покрыт густым слоем пыли, вел в кухню и комнаты для прислуги. Налево и направо были две двери; одна из них, по-видимому, уже давным-давно не отворялась, другая вела в столовую, где и разыгралась кровавая драма. Холмс вошел в столовую; я последовал за ним, охваченный тяжелым чувством, которое мы всегда испытываем в присутствии смерти. Это была большая четырехугольная комната, казавшаяся еще больше вследствие совершенного отсутствия мебели. Стены были обиты гладкими, самыми обыкновенными обоями. На стенах местами виднелись пятна от сырости. Кое-где обои совершенно отстали и висели большими полосами, открывая старые, плачевно выглядывавшие стены. Против двери, на камине, сделанном под белый мрамор, виднелся огарок восковой красной свечи. Стекла в окнах были до такой степени грязны, что, казалось, они как бы с сожалением пропускают немного сомни-

тельного света в комнату. Вследствие этого в комнате стоял неприятный, серый полумрак, еще более усилившийся от толстого слоя пыли, лежавшей на всем.

Все это я вспомнил только уже некоторое время спустя. Тогда же все мое внимание целиком привлекло ужасное зрелище трупa. Он лежал перед нами вытянувшийся, застывший, с широко открытыми глазами, безжизненный взгляд которых был устремлен в потолок. Убитому казалось не более сорока лет на вид. Он был среднего роста и широк в плечах. Волосы у него были черные и курчавые, а борода редкая и коротко подстриженная. Одет он был в сюртук из толстого сукна и светлые брюки. Воротничок и манжеты блестели свежей белизной. Высокая, блестящая, как зеркало, совершенно новая шляпа валялась на полу рядом. Руки мертвеца были широко раскинута, и пальцы скорчены, как будто мучения, перенесенные в момент смерти, были невыносимы. Я читал на его неподвижном лице выражение такого ужаса и ненависти, каких мне еще никогда в жизни не приходилось видеть на человеческом лице. Весь вид несчастного, его низкий лоб, слегка сплюснутый нос, его широкие челюсти и более всего его скрюченные пальцы и ступни делали его ужасно похожим на гориллу.

Мне случалось видеть смерть в различных видах и формах, но никогда в таком ужасном виде, как здесь, в этой мрачной комнате, в двух шагах от главной артерии окраинного Лондона.

Лестрейд, стоящий возле двери, со свойственным ему видом ищейки поклонился нам.

– Это дело подымет шум, сэра, – сказал он. – Я занимаюсь своим ремеслом не со вчерашнего дня и немало видел, но это дело превосходит все, что я видел до сих пор.

– Ни малейших улик и следов! – сказал Грегсон.

– Ни малейших! – подтвердил Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к трупу и, став перед ним на колени, с величайшим вниманием принялся осматривать его.

– Вы уверены, что на теле нет никаких ран? – спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови, видневшиеся вокруг тела на полу.

– Совершенно уверены! – в один голос воскликнули оба агента.

– В таком случае эта кровь принадлежит кому-то другому, по всей вероятности убийце, если только мы имеем дело с убийством. Это мне ужасно напоминает обстоятельства, связанные со смертью Ван Жансена из Утрехта в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэра.

– Вы поступили бы очень разумно, если бы прочли его, уверяю вас: ничего нет нового под луной. Все, что случается, уже было раньше.

В то время, пока он говорил, его ловкие пальцы скользили по всем направлениям, ощупывая, пожимая, расстегивая, исследуя все, до мельчайших подробностей. Но в выражении его лица стало проглядываться безразличие и рассеянность, о которых я уже упоминал раньше. Осмотр трупа длился такое короткое время, что никто не поверил бы, что он был тщательным.

Затем Шерлок Холмс наклонился к губам мертвого и начал нюхать, вдыхать и в конце концов внимательнейшим образом осмотрел каблуки у башмаков убитого, по-видимому купленных в очень хорошем магазине.

– Никто не трогал труп? – спросил он.

– Никто, если не считать нас, поскольку это было необходимо в ходе сделанного нами осмотра.

– Можете отослать его теперь в морг. Он ничего более не скажет нам.

Грегсон заранее побеспокоился и привел с собой четырех рабочих с носилками. На его зов они явились в комнату и подняли мертвое тело. В момент, когда они клали его на носилки, откуда-то выпало кольцо и покатилося по полу. Грегсон схватил его и начал рассматривать с величайшим изумлением.

– Здесь была женщина! – воскликнул он, показывая находку. – Это обручальное кольцо.

Мы окружили Грегсона и принялись разглядывать кольцо. Сомнений не было: оно когда-то было надето на палец новобрачной.

– Это еще более осложняет дело, – пробормотал Грегсон, – и одному только Богу известно, насколько оно уже было запутано до этого.

– Вы не уверены в том, что это обстоятельство, наоборот, упрощает дело? – заметил Холмс. – Но мы ничего не узнаем более, созерцая это колечко. Что вы нашли в карманах убитого?

– Здесь находится все, – указал Грегсон на кучку различных предметов, сложенную на одной из ступеней лестницы. – Золотые часы № 97163, купленные у Барро в Лондоне; золотая цепь, известная под названием «Альберт», очень крепкая и тяжелая; золотое кольцо с выгравированным на нем масонским девизом; булавка в виде головы бульдога с рубиновыми глазами; портфель из русской кожи, в котором лежат визитные карточки с именем Эноха И. Дреббер, Кливленд. На белье имеются такие же инициалы Э. И. Д. Портмоне не оказалось, деньги лежали прямо в кармане; их было 75 шиллингов; маленькое карманное издание Боккаччо «Декамерон», на первой странице которого стоит имя Джозефа Стангерсона; два письма, одно на имя Э. И. Дреббера, другое – Д. Стангерсона.

– Адрес этих писем?

– Американский банк, Странд, до востребования. Оба письма имеют отношение к отплытию пароходов компании Гион из Ливерпуля. Очевидно, этот несчастный должен был отплыть в Америку, Нью-Йорк.

– Вы навели справки о Стангерсоне?

– Я с этого и начал, – ответил Грегсон, – я напечатал объявления во всех журналах и отправил одного из моих помощников в Американский банк. Но Стангерсон еще не вернулся.

– Телеграфировали вы в Кливленд?

– Еще утром.

– Как вы составили телеграмму?

– Я попросту изложил все обстоятельства дела и просил дать мне необходимые сведения для его выяснения.

– Потребовали ли вы сведения относительно одного пункта, который мог показаться вам чрезвычайно важным?

– Я только наводил справки о Стангерсоне.

– И все тут? Не кажется ли вам, что в этом деле существует один стержень, на котором все держится? Может быть, вы найдете нужным послать другую телеграмму?

– Я сделал все, что было нужно, – ответил Грегсон обиженным тоном.

Шерлок Холмс пробормотал что-то сквозь зубы и уже готов был сделать какое-то замечание Грегсону, когда Лестрейд, находившийся в первой комнате пока мы разговаривали в прихожей, вдруг появился перед нами, потирая с торжествующим видом руки.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие чрезвычайной важности. Открытие это могло легко ускользнуть от внимания всех, если бы мне не пришла счастливая идея осмотреть хорошенько стены.

Глаза маленького сыщика блистали, и он не мог скрыть удовольствия, что ему удалось сделать «подножку» своему товарищу.

– Идите сюда, – сказал он озабоченно, проходя обратно в большую комнату.

Мы последовали за ним, и эта большая комната теперь показалась мне уже не такой мрачной, потому что в ней не было ужасного скорченного трупа.

– Теперь смотрите хорошенько, – сказал Лестрейд.

Он чиркнул о свою подошву спичкой и поднял ее кверху, освещая стену.

– Смотрите, – торжествующе сказал он.

Я уже говорил выше, что обои отстали в некоторых местах. В одном из самых темных углов большая полоса бумаги оторвалась совсем и висела, открывая пожелтевшую штукатурку-

ренную стену. И на этой-то обнаженной части стены грубыми каракулями было написано чем-то красным одно только слово «Rache».

– Ну, дорогие сэры, что вы думаете об этом? – спросил Лестрейд, становясь в позу, делающую его похожим на индюка. – Никто не заметил этой надписи, потому что она находилась в темном углу, который никому в голову не пришлось осмотреть. Убийца, женщина или мужчина, сделал эту надпись своей собственной кровью. Смотрите, кровь текла здесь, вдоль стены. Значит, нет более места предположению, что мы имеем перед собой самоубийство. Но почему убийца избрал именно это место для надписи? Я сейчас вам объясню. Видите ли вы свечку, поставленную на камине? В момент убийства она, конечно, была зажжена, и этот угол был освещен полосой света, тогда как теперь он остается более всего в тени.

– Ну, хорошо. Сделав такое важное открытие, не будете ли вы так любезны объяснить нам, какое заключение вы делаете из этой надписи? – иронически спросил Грегсон.

– Какое заключение? Да очень простое: кто-то хотел написать имя Рашель, но ему помешали, и слово осталось неоконченным. Запомните хорошенько то, что я вам говорю, и увидите, что, когда дело это будет распутано, окажется, что в нем участвовала женщина, которую зовут Рашель. Смеяться очень легко, мистер Холмс, смейтесь. Вы, спора нет, очень ловки и хитры, но увидите, что последнее слово будет принадлежать мне, старой охотничьей ищейке!

– Прошу вас извинить меня, – сказал мой товарищ, не удержавшийся от взрыва невольного смеха, раздражавшего маленького полицейского. – Вам, бесспорно, принадлежит честь открытия на стене этой надписи, которая, как вы совершенно справедливо заметили, сделана вторым действующим лицом вчерашней кровавой драмы. Я не успел еще хорошенько осмотреть эту комнату, но, если позволите, я сделаю это сейчас.

Говоря это, Шерлок Холмс вытащил из кармана сантиметр и большую круглую лупу. Вооруженный таким образом, он принялся бесшумно бродить по комнате, то останавливаясь, то опускаясь на колени и временами даже растягиваясь по полу на животе. Эти занятия, очевидно, до такой степени поглотили его внимание, что он, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии. Непрерывно слышалось то его бормотание сквозь зубы, то вздохи или посвистывание, перемежающиеся время от времени восклицаниями, в которых сквозило торжество и надежда. Глядя на него, я находил в нем поразительное сходство с хорошей охотничьей собакой, ищущей след. Она бросается то направо, то налево, издавая по временам громкий нетерпеливый лай, пока, наконец, не упадет на настоящий путь.

Манипуляция Шерлока Холмса продолжалась около получаса. Мы глядели, как он с необыкновенной тщательностью измерял расстояние между двумя невидимыми нам следами на полу. Точно таким же образом он измерял что-то на стене. Все эти измерения казались мне крайне непонятными. Затем он старательно собрал с полу небольшое количество сероатой пыли и положил ее в конверт; а в конце он с помощью лупы приступил к исследованию надписи на стене. Он долго и внимательно водил лупой по контурам каждой буквы и затем, считая, вероятно, свое дело оконченным, положил сантиметр и лупу обратно в карман.

– Недаром говорится, что гений должен бесконечно страдать, – заметил Холмс с улыбкой. – Это совсем неверно, но иногда это можно сказать по отношению к хорошему полицейскому.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за всеми действиями коллеги-любителя не только с величайшим любопытством, но также и с оттенком некоторого скептицизма. Они не видели того, что я начинал уже подозревать понемногу, а именно, что все действия и вопросы Холмса неизменно вели к одной практической цели, уже намеченной им окончательно и бесповоротно.

– Каково ваше мнение, сэр? – спросили в один голос оба полицейских агента.

– Я с удовольствием украл бы у вас честь распутывания этого дела, если бы имел столько наглости думать, что могу помочь вам, – ответил Холмс, – но вы так прекрасно ведете сами

все это дело, что вам было бы крайне неприятно видеть третье лицо, вмешивающееся в ваши действия.

Я уловил в этих словах явные ноты тонкой и ядовитой иронии.

– Но если вы будете так любезны и дадите мне возможность также участвовать в ваших расследованиях, то я буду счастлив помочь вам по мере моих сил и возможностей. В ожидании вашего решения я хотел бы поговорить с полицейским, который первым увидел труп. У вас записаны его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свою записную книжку.

– Джон Ранс, – сказал он, – в настоящее время его дежурство кончилось. Вы можете найти его в Одли Кортэ, Кенингтон-Парк-Гат; № 46.

Холмс записал адрес.

– Идемте, доктор, – сказал он, – отправимся на поиски этого человека.

Затем, обернувшись к Грегсону и Лестрейду, прибавил:

– Позвольте мне сказать несколько слов, которые могут пригодиться вам. Перед нами действительно убийство, и совершил его мужчина. Рост этого человека достигает, по меньшей мере, одного метра восьмидесяти сантиметров, и сам он в полном расцвете сил. Ноги его малы, принимая во внимание его рост; обувь его обыкновенного фасона, с прямоугольными носами; он курит трихинопольские сигары; он прибыл сюда со своей жертвой в фиакре на четырех колесах, запряженном в одну лошадь. Три подковы у последней порядочно потерты, между тем как одна передняя совершенно новая. Думаю, что не ошибусь, сказав, что лицо убийцы очень красное. Наконец, ногти на правой его руке необыкновенно длинные. Я даю вам лишь несколько очень небольших указаний, но они могут быть вам полезны.

Полицейские переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Какова причина смерти этого человека? – спросил Лестрейд.

– Яд, – сухо и коротко ответил Шерлок, поворачиваясь, чтобы уйти.

На пороге двери он остановился и прибавил:

– Еще одно только слово, Лестрейд: «Rache» – немецкое слово, означающее месть. Поэтому советую вам не терять понапрасну времени в поисках мистрис Рашель.

И, выпустив эту поистине парфянскую стрелу, он, наконец, вышел, в то время как два соперничающих друг с другом полицейских остались стоять с разинутыми от изумления ртами, провожая его взглядом.

IV. Сведения, добытые через Джона Ранса

Был первый час пополудни, когда мы вышли из дома № 3 в Лористонском Саду. Шерлок Холмс направился на ближайший телеграф и составил длинную телеграмму. Затем, окликнув экипаж, приказал кучеру везти нас по адресу, указанному Лестрейдом.

– Сведения, добытые на месте, не стоят ровно ничего, – заметил Шерлок. – Судя по фактам, я составил для себя уже окончательное решение и сделал вывод из этого дела, но все-таки будет правильным, если мы постараемся не упустить из виду ни одной самой мельчайшей подробности.

– Вы удивительный человек, Холмс, – сказал я ему, – неужели вы надеетесь, что я поверю, что все сказанное вами им в самом деле правда, и что вы сами в этом убеждены?

– Для меня тут нет ни малейшего сомнения, и я не ошибаюсь, – ответил он. – Первое, что я заметил, когда мы прибыли на место преступления, были двойные следы от колес фиакра, ведущие к аллее. Против решетки палисадника экипаж, по-видимому, остановился. Колеса очень глубоки и отчетливы, потому что всю прошлую ночь шел дождь, а так как до этого уже давно стояла сухая погода, то я делаю заключение, что эти следы сделаны именно прошедшей ночью, то есть в ночь убийства. Я заметил также ясные отпечатки лошадиных подков; один из

этих отпечатков несравненно яснее и глубже остальных трех: следовательно, одна из четырех подков новая. Обратите внимание: я видел, что в то время, когда шел дождь, то есть прошлой ночью, какой-то экипаж останавливался у решетки дома. Но это не был экипаж ни Грегсона, ни Лестрейда. Вы слышали, как я спрашивал их об этом. Из этого я и заключаю, что экипаж, подъезжавший к дому № 3 прошлой ночью, привозил убийцу и его жертву.

– Все это кажется довольно логичным, но каким образом могли вы измерить рост убийцы?

– А вот каким образом: в девяти случаях из десяти можно угадать рост всякого человека, измерив ширину его шагов. Это делается при помощи математических вычислений, но я не хочу утомлять вас ими. Удовлетворитесь тем, что я дважды измерил ширину шагов убийцы, один раз на глиняном грунте аллеи, а другой – на пыльном полу комнаты. Но у меня был еще один способ проверить эти вычисления. Когда кто-нибудь пишет на стене, то инстинктивно он делает это на уровне своих глаз. А надпись, которую мы видели на стене, находится от пола на высоте одного метра восьмидесяти двух сантиметров. Теперь вы сами видите, что это детская игра, а не серьезная задача.

– А как вы узнали его возраст? – спросил я.

– Если человек делает прыжок шириной в один метр двадцать сантиметров, то отсюда можно легко сделать вывод, что он не стар и не хил. А именно такой ширины была лужа воды, которую он перепрыгнул при входе в садик. Я заметил следы легкой обуви, которые вели в обход лужи, в то время как человек в более грубых сапогах, имеющих прямоугольные носы, легко перепрыгнул ее. Право, тут нет ничего таинственного. Я только применяю к самым обыкновенным фактам тот дедуктивный метод исследования, о котором я трактовал в моей статье. Нет ли еще чего-нибудь, что кажется вам непонятным?

– Да! Длина ногтей на руке убийцы и трихинопольские сигары, – ответил я.

– Надпись на стене была сделана указательным пальцем, обмакнутым в кровь. Моя лупа открыла мне, что штукатурка вдоль букв была слегка оцарапана. А этого не случилось бы, будь у нашего незнакомца короткие ногти. Что касается сигар, то я собрал щепотку пепла с полу. Зола была черна и компактна, что бывает только у трихинопольских сигар. Надо вам знать, что я специально изучал пепел различных сортов сигар и даже издал об этом предмете небольшую брошюрку. Тешу себя надеждой, что могу безошибочно с первого же взгляда различить по остатку пепла, происходит ли он от сигары, или от какого другого табака. Вот по таким-то именно мелочам хороший полицейский и отличается от Грегсонов и Лестрейдов.

– Вы сказали также, что лицо убийцы должно быть очень красно, – заметил я.

– А! Это предположение несколько смелое, хотя я убежден, что оно верное. Но относительно этого пункта пока не спрашивайте меня ничего.

Я провел рукой по лбу.

– У меня все спуталось в голове, – заметил я, – и чем больше я думаю обо всем этом, тем больше оно кажется мне таинственным и непроницаемым. Каким образом двое людей, если только их было действительно двое, могли проникнуть в этот необитаемый дом? Куда девался кучер, привезший их туда? Каким образом один человек может заставить другого отравиться? Откуда кровь, которую мы видели? Какая могла быть цель убийства, раз оно совершено не ради грабежа? Откуда взялось возле трупа женское кольцо? И потом, зачем понадобилось убийце вместо того, чтобы поспешно скрыться, написать на стене слово «Rache»? Признаюсь, что мне чрезвычайно трудно осознать все это.

Мой товарищ одобрительно кивнул.

– Вы с необыкновенной ясностью и точностью перечисляете все затруднительные пункты в этом деле, – сказал он. – Да, действительно множество мелких подробностей остаются еще не выясненными, хотя главный пункт я уже решил окончательно. Что касается открытия бедного Лестрейда, то это обыкновенная хитрая уловка, чтобы сбить с толку полицию, направив

ее на ложный путь, заставив ее поверить, что тут замешано немецкое тайное социалистическое общество. Но слово «Rache» написано не немцем. Вы, может быть, заметили, что буква «а» написана так, как пишется в немецкой азбуке, между тем как настоящий немец всегда употребляет латинское «а». Отсюда мы легко можем заключить, что надпись сделана не немцем, а каким-то разиней, который перемудрил, желая спрятать концы в воду. Итак повторяю, что это обыкновенная хитрость в целях сбить с толку следствие. Но не буду более подробно объяснять вам все это, доктор. Вы хорошо знаете, что всякий фокусник теряет обаяние с того момента, когда раскрывает свои секреты. Так и я; если я вам полностью открою тот способ, которым я достигаю цели, вы будете считать меня за самого обыкновенного человека.

– Никогда я не подумаю ничего подобного! – горячо воскликнул я. – Вы, в пределах возможного, подняли ремесло сыщика до степени точной науки.

Эти слова и еще более искренний тон, которым они были произнесены, заставили моего спутника покраснеть от удовольствия. Я еще раньше замечал, что он так же чувствителен ко всякой похвале, касающейся его таланта, как хорошенькая женщина, когда хвалят ее красоту.

– Я должен сказать вам еще одну вещь, – продолжал он. – Человек, обутый в тонкие башмаки, и другой, на котором были надеты сапоги с прямоугольными носами, приехали вместе, в одном экипаже. В то время, пока они шли по аллее, они, по-видимому, были в прекраснейших, почти дружеских отношениях. Возможно, что они даже шли под руку. Войдя в комнату, они принялись ходить по ней взад и вперед, или, вернее сказать, человек с тонкими башмаками остался стоять на месте, в то время как другой шагал вдоль и поперек. Все это я прочел на пыльном полу комнаты. Даже более: я узнал, что чем дольше тот человек ходил по комнате, тем становился все более и более взволнованным. Это я узнал по его все увеличивающимся шагам. Он говорил на ходу, и, по-видимому, его гнев достиг апогея. Это был момент, когда наступила развязка трагедии. Теперь я сказал вам все, что знаю сам, а остальное уже суть только предположения и вероятности. Во всяком случае, мы имеем великолепную основу, на которой построен весь фундамент. Но я должен поторопиться, потому что хотел бы после обеда пойти на концерт послушать Нормана Неруду.

Пока мы беседовали, наш экипаж катился по длинным грязным улицам и кривым переулкам. В одном из самых грязных и темных переулков кучер остановился.

– Одли Корт здесь, – сказал он, указывая рукояткой кнута на узкий проход между двумя стенами из кирпича. – Я подожду вас.

Одли Корт не представлял собой ровно ничего привлекательного. Миновав узкий проход, мы очутились перед целым рядом мрачных конур, стоящих четырехугольником и образующих собой большой, грубо вымощенный двор. Мы шли по двору, где кишели в большом количестве плохо вымытые дети, и висело сомнительной чистоты белье. На одной из дверей, под № 46, была прибита медная дощечка, на которой мы прочли «Ранс». На наш вопрос нам ответили, что он лежит в постели, пригласили войти в маленькую приемную и подождать. Вскоре к нам вышел сам хозяин, видимо недовольный тем, что его сон был прерван.

– Я уже дал показание в участке, – сказал он хмуро.

Холмс вынул из кармана золотую монету и начал небрежно играть ею.

– Я буду очень счастлив сообщить вам все, что сам знаю, – ответил полицейский, не спуская глаз с золотой монеты.

– Так расскажите же нам, как все это произошло.

Ранс сел на диванчик и, нахмутив брови от усилий не пропустить ничего в своем рассказе, начал так:

– Я вам расскажу все, с начала и до конца. Мое дежурство обыкновенно начинается с десяти часов вечера и кончается в семь часов утра. В этот день на моем участке все было спокойно, если не считать небольшой драки, имевшей место в «Золотом сердце». В час ночи пошел дождь. Я встретил своего товарища Гарро Мюршера, полицейского из Голландского участка, и

мы постояли, беседуя, минут пять на углу Генриетской улицы. Затем мне пришло в голову, что хорошо бы пройти по Брикстон-Рэду и посмотреть, нет ли там чего нового. Было около двух часов утра или, может быть, ровно два. Брикстон-Рэд – самый пустынный и самый грязный угол на моем участке. Пока я шел вдоль улицы, мне не встретилось ни одной живой души, хотя один или два фиакра проехали мимо меня. Я тихонько двигался вперед, раздумывая о том, как было бы хорошо выпить немного горячего джина, как вдруг заметил свет, падавший из окон дома № 3. Я знал, что в двух домах в Лористонском Саду никто не жил, потому что домовладелец не хотел чинить водопроводные трубы и даже один из последних жильцов умер, заразившись, вследствие неисправности труб, тифозной горячкой. Поэтому я остановился, крайне изумленный, и, глядя на свет, падавший из окна, тотчас же подумал, что тут происходит нечто неладное. Я подошел к двери...

– И остановились; затем вы вернулись опять к решетке, – перебил его мой друг. – Зачем вы это сделали?

Ранс вскочил и с недоумением взглянул на Шерлока Холмса.

– Но вы рассказываете именно то, что было на самом деле, сэр! – воскликнул он. – Разве только один дьявол мог сказать вам это. Дело в том, что, подойдя к этому мрачному и молча-

ливому дому, я подумал: не лучше ли мне пригласить с собой товарища? Знаете, я не боюсь людей и вообще не боюсь ничего. Что они могут со мной сделать? Но тут я невольно подумал, что не умерший ли это от тифа бедняк пришел снова в свою квартиру, чтобы осмотреть проклятые трубы? Эта мысль до того испугала меня, что я почувствовал, как холодная дрожь пробежала по всему моему телу, и я вернулся к решетке в надежде увидеть хоть издали огонек от фонаря Мюршера. Но на улице не было ни души.

– На улице не было никого?

– Решительно никого, не было даже собаки, сэр. Тогда я пересилил свой страх, подошел снова к двери, отворил ее и вошел. Все было тихо вокруг. Тогда я проник в комнату, откуда исходил свет. На камине стояла зажженная свечка из красного воска, и при ее свете я увидел...

– Да, я знаю, что увидели... Вы несколько раз обошли комнату, потом вы стали на колени перед трупом, потом вы прошли через комнату и попытались отпереть кухонную дверь; потом...

Джон Ранс вскочил одним прыжком с места. На его лице были написаны ужас и недоумение.

– Где вы прятались, чтобы все это видеть? – спросил он. – Вы знаете не меньше моего!..

Холмс разразился хохотом и бросил на стол перед полицейским свою визитную карточку.

– Не вздумайте меня арестовать по подозрению, – сказал он. – Я принадлежу к вашей стае, а не зверь, которого преследуют. Мистеры Грегсон и Лестрейд могут вам подтвердить это. Но продолжайте ваш рассказ. Что вы сделали затем?

Ранс сел на прежнее место, сохраняя некоторое беспокойство на лице.

– Я вышел на улицу и принялся свистеть. На этот призыв прибежал Мюршер и два других полицейских агента.

– Улица была по-прежнему пуста? – осведомился Шерлок.

– Да, или, вернее сказать, была почти пуста.

– Что вы хотите этим сказать?

Полицейский сделал гримасу.

– На своем веку я видел много пьяниц, но никогда, решительно никогда не встречал пьяного до такой степени, каким был неизвестный прохожий, стоявший на улице в тот момент, когда я вышел из дома. Он стоял, ухватившись обеими руками за решетку палисадника, и во все горло орал песни. Кажется, он пел «Коломбину» или что-то в этом роде. Он не мог быть нам ни в чем полезным, так как с трудом держался на ногах.

– Каков он был на вид? – спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс казался обиженным той настойчивостью, с которой мой друг расспрашивал его о таких не имеющих к делу вещах.

– Это был человек отвратительно пьяный, во-первых. И вернее верно, что он проснулся бы сегодня утром в участке, если бы мы в то время не были заняты более серьезным делом.

– Его лицо, одежда? Разве вы не разглядели ничего? – с нетерпением воскликнул Холмс.

– Полакаю, что отлично рассмотрел, потому что должен был поддержать его некоторое время. Я и Мюршер: он с одной, я с другой стороны. Это был высокий парень с красным лицом и...

– Достаточно, – перебил Холмс: – что с ним было далее?

– У нас было слишком много забот и без него, – ответил полицейский уже ворчливо, – но я боюсь об заклад, что он все-таки смог сам отыскать дорогу к дому.

– Как он был одет?

– В коричневое пальто.

– Не было ли у него кнута в руке?

– Кнута? Нет, не было.

– Значит, он его оставил в экипаже, – пробормотал мой друг. – Не слышали ли вы немного спуста после этого стука отъезжающего экипажа?

– Нет, не слышал.

– Вот, возьмите себе, – сказал Холмс, опуская монету в руку полицейского. Затем он взял шляпу и встал. – Боюсь, Ранс, что вы никогда не достигнете высоких степеней в вашей профессии. Нельзя смотреть на свою голову, как на придаток к телу, а нужно сделать из нее полезную машину. Вы могли бы прошлой ночью сразу заслужить погоны бригадира. Человек, которого вы держали в руках ночью, есть именно тот, который обладает ключом к разгадке. Одним словом, это человек, которого мы разыскиваем. Не возражайте, это бесполезно. Я говорю вам, что это так. Идем, доктор.

И мы вышли, оставив полицейского в полном недоумении.

– Четырежды идиот! – с горечью вырвалось из уст Холмса, пока мы катили по направлению к нашему дому. – Подумать только, что у него в руках была такая выгодная находка, а он не воспользовался ею!

– Я еще не совсем ясно понимаю все это, – сказал я. – Правда, описание наружности этого человека как раз подходит к тому, о ком вы нам рассказали как о втором действующем лице драмы. Но почему ему понадобилось вернуться на место преступления? Преступники, сколько я знаю, не делают ничего подобного.

– А кольцо, мой друг, кольцо? Вот почему он вернулся. Если у нас не будет другого способа поймать его, у нас остается это кольцо, которым мы всегда приманим его. Но я найду способ, доктор, держу какое угодно пари, что я его найду. И я буду обязан этим вам, потому что, не будь вас, я, вероятно, не поднялся бы с места и лишился бы таким образом возможности сделать лично интереснейшие наблюдения. Я потерял бы возможность изучить дело, какого я еще не встречал, изучить красное, как выразились бы художники. Какой прекрасный цвет на самом деле имеет эта нить, окрашенная человеческой кровью и теряющаяся в клубке человеческих жизней! Нашей задачей будет проследить эту красную нить, отделить от других, изучить ее волокно за волокном. А пока позавтракаем, и я отправляюсь слушать Нормана Неруду. Его манера извлекать тоны и удар его смычка поистине замечательна. Как это, я забыл, начинается та небольшая пьеска Шопена, которую он исполняет так превосходно? Вы не припомните ли, дорогой Ватсон? Тра-ла-ла-ли-ла-ли!

И, откинувшись вглубь экипажа, этот любитель-сыщик запел, как птица, а я принялся размышлять о странностях, которые представляет ум человеческий.

V. Объявление привлекает посетителя

Волнения этого утра оказались настолько сильными для моих нервов, еще не успевших окрепнуть, что я почувствовал себя страшно утомленным. После того как Холмс уехал в концерт, я растянулся на диване в надежде поспать часок или два. Но надежда моя оказалась тщетной. Я был слишком взволнован всем виденным и слышанным, и самые фантастические идеи, самые невероятные предположения вихрем кружились в моей голове. Как только я закрывал глаза, мне тотчас же представлялся этот ужасный труп с лицом гориллы и скрюченными руками. Его лицо было до того ужасно, что я был почти благодарен убийце, потому что если когда-либо на лице смертного читались до такой степени отгалкивающие пороки и дурные наклонности, то это было именно на лице Эноха Дреббера. Но я должен был сознаться, да и трудно было сделать иначе, что, как бы ни была мало привлекательна жертва, правосудие должно идти своим путем, и закон не в силах найти смягчающих вину обстоятельств, находясь перед таким зверским злодеянием.

Чем более я размышлял над этим делом, тем более удивлялся той уверенности, с которой мой товарищ утверждал, что Энох Дреббер был отравлен. Я видел, как Холмс наклонился над ртом мертвого и нюхал, и решил, что он в это-то время и напал на какие-нибудь признаки яда. И если не яд повлек смерть, то что же именно, – потому что на теле покойного не было найдено ни малейшей раны, ни малейшего следа удушения? А в то же время откуда взялась кровь, пролитая на полу в таком большом количестве? Вокруг не было заметно никаких признаков борьбы, ничто не наводило на мысль, что в руках жертвы было какое-нибудь орудие защиты. Все это было крайне загадочно и таинственно, и я чувствовал, что до тех пор, пока все это дело не будет прояснено, ни я, ни Холмс не заснем спокойно. Что касается Холмса, то он был так спокоен и так уверен в правильности своих действий, что уже составил себе совершенно определенную теорию, объясняющую все факты. Но какую именно? Этого я никак не мог угадать.

Холмс вернулся очень поздно, так поздно, что мне стало очевидным, что он побывал не на одном только концерте. Наш обед был уже подан, когда он вошел в комнату.

– Концерт был великолепен, – сказал он, усаживаясь за стол. – Помните ли вы, что сказал о музыке Дарвин? Он утверждает, что человек создал гармонические тоны еще прежде, чем научился говорить. И может быть, вследствие этого музыка так сильно действует на нас. Мы продолжаем сохранять в себе неясное воспоминание этого прошлого времени, когда мир переживал еще период детства.

– Эта концепция слишком широка, – заметил я.

– Концепции и должны быть широки, как мир, когда они призваны к истолкованию чего-либо, – ответил он. – Но что с вами, доктор? Вы что-то совершенно не в своей тарелке. Не происшествие ли в Брикстон-Рэде так расстроило вас?

– Да, сознаюсь, хотя я должен быть более закаленным после моей афганской экспедиции. В Майванде я видел моих несчастных товарищей, рассеченных на части, и это ужасное зрелище никогда не волновало меня до такой степени, как сегодняшний день.

– Я вас очень хорошо понимаю. В нашем деле много таинственного, а это будоражит вашу фантазию. А если бы фантазии не от чего было разыгрываться, вы не чувствовали бы ужаса. Читали вы сегодняшние газеты?

– Нет.

– Они дают довольно точный отчет об убийстве, но не упоминают о кольце, найденном в то время, когда поднимали труп. И лучше, что не упоминают.

– Почему?

– Прочтите это объявление, – сказал он. – Когда мы вернулись сегодня домой, я отправил такое же объявление во все газеты.

Он подал мне газету и указал место. Объявление было помещено первым в столбце, где печатаются пропавшие вещи. Оно было составлено следующим образом:

«Найдено сегодня утром в Брикстон-Рэде, на половине дороги между «Золотым сердцем» и Голланд-Грувом, обручальное кольцо червонного золота. Обращаться в Бейкер-стрит, № 221, от восьми до девяти вечера, к доктору Ватсону».

– Простите, что я воспользовался вашим именем, – сказал он, – но если бы я это сделал от своего имени, то кто-нибудь из этих идиотов заметил бы это и впутался в дело.

– Вы правы, – ответил я. – Но предположим, что кто-нибудь явится за кольцом, которого у меня нет.

– Вот оно, – оказал Холмс, протягивая мне золотое кольцо, – оно прекрасно исполнит свою роль. Это почти тождественный двойник того, другого кольца.

– Кто, по вашему мнению, откликнется на объявление?

– Человек в коричневом пальто, наш друг с красным лицом и прямоугольными носами у сапог. А если он не пожелает явиться лично, то пришлет сообщника.

– Не сочтет ли он такой поступок слишком опасным?

– Нисколько, если, разумеется, мои предположения правильны, а я имею основания думать, что это так. Этот человек способен пренебречь всякой опасностью, лишь бы только вернуть кольцо обратно. По моему мнению, он уронил его, наклонившись над трупом Дреббера, и в ту минуту не обратил на это внимания. Отойдя от дома, он заметил потерю и поспешил вернуться. Но он уже совершил ошибку раньше, оставив на камине горящую свечу, вследствие чего, вернувшись, застал уже полицию на месте преступления. И чтобы отвести от себя всякие подозрения, он вынужден был прикинуться пьяным. А теперь войдите на минуту в его положение: раздумывая о своей потере, он мог прийти к заключению, что, может быть, обронил кольцо уже выйдя на улицу. Как он должен поступить в этом случае? Конечно, он прочтет внимательнейшим образом объявления о найденных вещах во всех вечерних газетах. Наше объявление бросится ему в глаза, и он будет в восторге. Почему он может заподозрить ловушку? У него нет ни малейшего основания думать, что находка кольца связана с убийством. И он придет, должен прийти. Не более как через час вы его увидите здесь.

– И тогда?

– О, тогда предоставьте действовать мне. У вас есть оружие?

– У меня есть мой походный револьвер и несколько патронов.

– Было бы хорошо, если бы вы привели его в порядок и зарядили. Мы будем иметь дело с человеком, который будет бороться с отчаянием. И поэтому, несмотря на то, что я надеюсь схватить его в то время, когда он этого будет менее всего ожидать, лучше принять все меры и быть настороже.

Я отправился в свою комнату, чтобы последовать совету Холмса. Когда я вернулся обратно, держа револьвер в руках, со стола было уже все убрано, а Холмс, погрузившись в глубокое кресло, предавался излюбленному занятию, то есть легонько водил смычком по струнам своей скрипки.

– Круг сужается, – произнес он при виде меня, – я только что получил телеграмму из Америки в ответ на мою. Все мои предположения полностью оправдываются.

– Какие предположения? – спросил я.

– Моя скрипка нуждается в новых струнах, – просто заметил он. – Спрячьте револьвер в карман. Когда субъект будет здесь, говорите с ним самым естественным тоном, а все остальное предоставьте мне. В особенности постарайтесь не слишком пристально глядеть на него, чтобы не испугать.

– Теперь ровно восемь часов, – сказал я, вынув часы.

– Да. Он будет здесь, по всей вероятности, через несколько минут. Приотворите немного дверь, вот так. А теперь переложите ключ внутрь... Спасибо. Посмотрите, какую интересную книжицу я выудил вчера в одной книжной лавчонке: *De Jure inter Gentes*². Книжка издана по-латыни в Льеже в 1642 году Голова Карла I еще крепко сидела на его плечах, когда эта книжонка в коричневом переплете вышла в свет.

– Кто издал ее?

– Некий Филипп Декруа. На первой странице написано пожелтевшими чернилами: «Из книг Вильгельма Вита». Я спрашиваю себя, кто мог быть этот Вильгельм Вит? Какой-нибудь усердный судейский сановник XVII века, без сомнения. По его почерку видно, что он принадлежит к законникам... Но вот, кажется, и наш субъект, если не ошибаюсь.

В ту же минуту мы услышали порывистый звон колокольчика. Шерлок Холмс тихонько поднялся с места и повернул свое кресло к двери. Мы слышали, как в переднюю прошла служанка и отодвинула засов.

– Здесь живет доктор Ватсон? – спросил звонкий, хотя несколько грубоватый голос.

² О международном праве (лат.).

Мы не расслышали ответа служанки, но дверь захлопнулась, и кто-то начал подниматься по лестнице неверными и нерешительными шагами. Мой товарищ прислушивался к звуку этих шагов, и величайшее изумление отобразилось на его лице.

Шаги приблизились, и раздался робкий стук в дверь.

– Войдите! – закричал я.

Вместо человека с грубым видом, которого мы поджидали, в комнату на мое приглашение вошла, прихрамывая и ковыляя, совсем сморщенная и очень старая женщина. Выйдя из темноты на яркий свет, она казалась ошеломленной и, сделав нечто вроде реверанса, остановилась у двери, застенчиво шаря правой рукой в своем кармане.

Я взглянул на Холмса и прочел на его лице такое обескураженное выражение, что мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не расхохотаться.

Старая колдунья вытащила, наконец, из кармана газету и указала нам на объявление.

– Вот зачем я пришла, мои добрые господа, – сказала она, снова делая реверанс, – золотое обручальное кольцо, найденное в Брикстон-Рэде. Это, наверное, кольцо моей дочери Салли, которая вышла замуж как раз год тому назад, и муж которой служит буфетчиком на одном из пароходов Компании. Я не могу без страха подумать, что он способен сделать, вернувшись домой и узнав о потере кольца. Он, видите ли, очень прыток на руку, но бывает еще хуже, когда он выпьет! Итак, мои добрые господа, с вашего позволения, Салли вчера вечером отправилась в цирк с...

– Это ваше кольцо? – спросил я.

– Слава богу! – воскликнула она. – Вот Салли-то обрадуется сегодня вечером! Это именно ее кольцо.

– Скажите мне ваш адрес, – спросил я, взявши в руки карандаш.

– Дункан-стрит, 13, Ундсдич. Как видите, это очень далеко отсюда.

– Мне кажется, что Брикстон-Рэд вовсе не находится по пути между Ундсдичем и парком? – сухо заметил Холмс.

Старуха быстро оглянулась и бросила на моего друга проницательный взгляд из-под своих покрасневших век.

– Господин доктор спрашивал у меня мой адрес, – ответила она. – Салли живет на Майфельдовской площади, № 3, в Пекгаме.

– Ваше имя? – спросил я.

– Меня зовут Савьер, а Салли – Денисс. Муж ее очень красивый малый, Том Денисс. Когда он находится в море, то нельзя найти ему подобного в ловкости и умении исполнять обязанности буфетчика. Его за это очень высоко ценит Компания и дорожит им. Но когда он сойдет на берег, среди женщин и виноторговцев...

– Вот ваше кольцо, мистрис Савьер, – сказал я, перебивая по знаку Холмса старуху, – вероятно, оно принадлежит вашей дочери, и я очень счастлив, что мог услужить вам.

Старая мегера сунула кольцо в карман, бормоча сквозь зубы слова благодарности и признательности. Затем она вышла, и мы слышали, как она спускалась по лестнице своими неверными и ковыляющими шагами.

Едва она вышла, Шерлок Холмс вскочил как ошпаренный со своего места и бросился в спальню. Через несколько секунд он появился снова, одетый в пальто с воротником, закрывавшим его лицо вплоть до самых глаз.

– Я прослежу за ней, – быстро сказал он, – она должна быть сообщницей и приведет меня к нашему субъекту. До свидания, подождите меня.

И Холмс выскочил на лестницу как раз в тот момент, когда дверь внизу захлопнулась за нашей посетительницей.

Подойдя к окну, я увидел старуху, с трудом волочившую ноги по противоположному тротуару, в то время как ее преследователь шел за нею в нескольких шагах.

«Или вся его история оказалась неверной, или он проникнет таким образом в самое сердце тайны», – подумал я.

Холмсу не надо было просить меня подождать его возвращения, потому что я чувствовал, что ни за что не засну, пока не узнаю, чем кончится его новое похождение.

Было почти десять часов, когда Холмс ушел. Не зная, как долго может продлиться его отсутствие, я растянулся с комфортом в кресле и принялся курить трубку, перелистывая книжку Генри Мюрже «Сцены из жизни богемы».

Пробило десять часов, и я услышал за дверью шаги служанки, которая прошла к себе в комнату спать. В одиннадцать часов снова раздались шаги, на этот раз более тяжелые. Это сама хозяйка проплыла также на покой. Наконец, около 12 часов ночи я услышал звук ключа, которым Холмс отпирал входную дверь. Как только он вошел, я сразу по выражению лица дога-

дался, что его постигла неудача. Он был одновременно и весел, и раздосадован. В конце концов, он не вытерпел и разразился неистовым хохотом, откинувшись на спинку своего кресла.

– Ни за что в мире не пожелал бы я, чтобы эти господа из Скотланд-Ярда видели то, что произошло. Я столько раз осмеивал их, что они, в свою очередь, не преминули бы и меня поднять на смех и дразнить до конца моих дней. Но я могу хохотать над собою, потому что все-таки уверен в успехе, – сказал он сквозь смех.

– Что же случилось? – спросил я.

– О, я расскажу вам, как меня одурачили, провели! Эта старая почтенная женщина шла несколько времени впереди меня и вдруг начала хромать так сильно, как будто у нее заболела нога. Она остановилась и окликнула фиакр. Я подошел поближе, чтобы не пропустить, какой она назовет адрес. Но это была напрасная предосторожность, потому что она прокричала свой адрес так громко, что его слышали бы на другом конце улицы.

– Дункан-стрит, Ундсдич, № 13!

И я поверил, слыша это, что она сказала нам правду. Как только она уселась в экипаж, я немедленно прицепился сзади. Я обладаю и этим маленьким талантом, который должен бы был иметь всякий полицейский. Мы тронулись в путь и покатали по данному адресу. Немного не доезжая до места, я спрыгнул наземь и с самым равнодушным видом принялся прохаживаться по тротуару. Фиакр остановился. Кучер слез, открыл дверцу и ждет. Никто не выходит из экипажа. Я искоса глядел на все происходившее. Не вытерпев, я подошел ближе и увидел, что кучер влез внутрь фиакра и шарил в нем, заглядывая даже под сиденье и откидывая подушки. Вид его был совершенно взбешенный, и он сыпал отборнейшими ругательствами, каких я в жизни не слыхивал. Седока и след простыл, и у меня есть все основания думать, что он долго не заплатит кучеру за проезд. В доме № 13 нам сказали, что дом принадлежит почтенному и уважаемому торговцу обоями, которого зовут Кесвик, и что имена Савьер и Денисс им совершенно неизвестны.

– Ну! – воскликнул я в крайнем изумлении. – Вы не заставите меня поверить, что эта добрая старушка, едва передвигавшая ноги, была способна выскочить из экипажа на ходу таким образом, что ни вы, ни кучер не заметили этого!

– К черту добрую старушку! – с горечью ответил Холмс. – Это мы с вами «добрые старушки» за то, что так глупо попались впросак. Это был молодой человек и даже очень сильный и ловкий, не считая того, что он несравненный актер. Его гримировка прямо бесподобна. Вероятно, он заметил, что за ним следят, и схитрил, чтобы выскользнуть у меня из рук. Все это доказывает, что тот человек, которого мы разыскиваем, не один, а имеет друзей, готовых идти ради него на серьезный риск. Но у вас измученный вид, доктор, идите-ка спать.

Я последовал его совету, так как действительно чувствовал себя страшно утомленным. Холмс остался сидеть перед камином, и долго еще в ночной темноте я слышал тихие звуки его скрипки, служившие доказательством того, что он продолжает размышлять над страшной проблемой, которую он поклялся разгадать.

VI. Тобиас Грегсон показывает, на что он способен

На другой день во всех газетах только и было речи, что об убийстве в Брикстон-Рэде. Каждая газета высказывала свое мнение о «Брикстонской тайне», как они называли эту печальную драму, и посвящали ей целые статьи. Я узнал из этих статей несколько новых подробностей, ранее мне неизвестных. Так как я записывал в свою записную книжку все, что касалось этого дела, то и из газетных статей я занес туда же нечто вроде конспекта. Вот он:

«Дейли телеграф» замечает, что ему еще не приходилось встречать преступлений, подобных Брикстонской тайне. Немецкое имя жертвы, видимое отсутствие мотивов преступления, мрачная надпись кровью на стене – все это невольно заставляло думать, что тут замешаны

политические партии и революционеры. Общество социалистов широко распространилось и по Америке, и возможно, что они-то и преследовали свою жертву, преступившую какой-нибудь их тайный закон, и настигли ее в Лондоне. Коснувшись слегка дарвинизма, теории Мальтуса, преступлений, совершенных на большой дороге грабителями, описанными у Ратклифа, автор оканчивал свою статью обращением к правительству, которое он умолял приложить все старания к обеспечению личной безопасности иностранцев, проживающих в Лондоне.

«Стандарт» объяснил все таким образом: дескать, чаще всего происходят подобные выходящие из ряда вон преступления тогда, когда либеральная партия берет перевес и занимает видные государственные должности. Вот к чему приводят либеральные идеи, насаждающие в народной массе смятение и стремление попирать все нравственные принципы и уважение к авторитету! Жертвой пал американец, только несколько недель как прибывший в Англию. Он нанял себе помещение в Торквей-Террасе, в меблированных комнатах мистрис Шарпантье в квартале Камбервель. При нем находился его личный секретарь – некто Стангерсон.

В четверг 4-го числа текущего месяца оба джентльмена распростились с хозяйкой, объяснив ей, что они уезжают в этот же день в Ливерпуль, и направились на Эустонскую станцию. Действительно, их видели в пассажирском зале названной станции. Но с этого момента никто

ничего не знал о них до тех пор, пока мертвое тело Эноха Дреббера не было найдено в пустом доме в Брикстон-Рэде. Кто привел его туда? Кто был его убийцей? Все это покрыто мраком неизвестности. Неизвестно также, куда девался секретарь Стангерсон.

К счастью, мы узнали, что дело поручено Грегсону и Лестрейду из Скотланд-Ярда. Они-то призваны возглавить розыски и провести расследование, и мы можем с уверенностью сказать, что эти два агента, известные своим усердием и ловкостью, не замедлят пролить яркий свет на это темное и мрачное злодеяние.

«Дейли ньюис» не сомневалась ни одной минуты, что имеет дело с политическим убийством. Ненависть ко всякому проявлению свободы и деспотизм континентального правительства заставляют многих и многих эмигрировать в Англию. Эти эмигранты могли бы быть прекраснейшими гражданами, если бы они не были так истерзаны различными гонениями, которые им пришлось претерпеть на родине. Людей этих связывают суровые законы чести, карающие смертью всякое нарушение их.

«Все старания должны быть направлены на розыски Стангерсона, чтобы расспросить его до малейших подробностей о привычках и характере убитого. Кстати сказать, следствие сделало уже серьезный шаг вперед, найдя квартиру последнего, чем оно обязано единственно лишь усердию и расторопности мистера Грегсона из Скотланд-Ярда».

Мы с Шерлоком читали эти статьи за завтраком, и моего друга они очень позабавили.

– Я же вам говорил, что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон пожнут лавры успеха.

– Все будет зависеть от оборота, какой примет дело, – ответил я.

– О, оставьте, пожалуйста! Им от этого ни тепло ни холодно. Если субъекта поймают, то это будет благодаря их усилиям, если он ускользнет из их рук, то это случится, несмотря на их усилия. Они играют на верняка. Что бы они ни сделали, они сделают хорошо. Глупец всегда найдет другого глупца, который его похвалит.

– Господи! Кто это такой идет к нам? – воскликнул я, прислушавшись.

В самом деле, на лестнице слышались многочисленные шаги ног, обутых в деревянные башмаки, и крики неудовольствия нашей хозяйки.

– Это маленький отряд Бейкер-стритской полиции, – серьезно ответил мой товарищ.

В ту же минуту в комнату ввалились с полдюжины уличных мальчишек, до того оборванных и грязных, что я почувствовал к ним прямое отвращение.

– Смирно! – сурово воскликнул Холмс, и тотчас же все шестеро оборванцев выстроились в ряд и стали как вкопанные у двери, наподобие шести статуй.

– На будущее время, Виджинс, вы один только будете входить сюда для доклада, а остальные пусть подождут на улице. Что нового?

– Ничего нет, сэр, – ответил мальчишка.

– Я так и думал. Но вы должны продолжать ваши розыски до тех пор, пока не нападете на след. Вот ваше жалованье. А теперь уходите и постарайтесь в следующий раз принести более приятные известия.

Говоря это, Шерлок сунул каждому из оборванцев по шиллингу, после чего махнул рукой, и все они мгновенно исчезли за дверью, подобно стае крыс. Через минуту мы услышали их пронзительные голоса уже на улице.

– Иногда один из этих маленьких человечков бывает более осведомлен и приносит лучшие известия, чем целый десяток полицейских, – заметил Холмс. – Один вид официального лица способен сделать людей немыми и глухими, в то время как эти маленькие пройдохи все высмотрят и всюду проникнут. Кроме того, они очень хитры и догадливы, и им только недостает хорошей организации.

– Вы ими пользуетесь для раскрытия Брикстонской тайны? – спросил я.

– Да, там есть один пункт, который я бы хотел прояснить. Впрочем, это дело только времени. Ага! Мы сейчас узнаем, как Грегсон превзошел соперника. Вот он идет по улице с лицом, на котором написано блаженство. Вероятно, он направляется к нам. Да, вот он и остановился.

Грегсон сильно дернул звонок, затем взбежал по лестнице в три прыжка и ворвался в комнату.

– Дорогой сэр! – воскликнул он, схватив руку Холмса, которую тот и не думал протягивать ему. – Поздравьте меня! Я раскрыл дело.

Мне показалось, что легкая тень беспокойства пробежала по выразительному лицу Шерлока Холмса.

– Вы пришли нам сказать, что напали на верный след? – спросил он.

– Верный след! Но, дорогой друг, мы схватили злодея! Он находится уже в тюрьме.

– Его имя?

– Мистер Артур Шарпантье, лейтенант королевского морского училища, – патетически произнес Грегсон, потирая руки и надув от удовольствия щеки.

Шерлок Холмс вздохнул с облегчением, и лицо его тотчас же стало веселое, улыбающееся.

– Сядьте и попробуйте вот эту сигару, – сказал он. – Мы горим от нетерпения узнать, как вы все это устроили. Хотите виски с водой?

– Не откажусь, – ответил полицейский агент. – Невозможная работа, которую я навалил на себя в течение этих двух последних дней, измучила меня совершенно. И это не столько был физический труд, сколько труд умственный. Страшное напряжение ума! Вы, мистер Холмс, должны меня понять лучше, нежели кто другой, потому что мы с вами принадлежим к числу людей, часто подвергающих свой мозг тяжелым испытаниям.

– Вы мне делаете слишком много чести, – ответил наисерьезнейшим образом Холмс. – Но расскажите же нам, каким образом вы добились таких блестящих результатов?

Грегсон развалился в кресле, принял самую удобную позу и начал не без удовольствия любоваться колечками дыма, которые выпускал изо рта. Вдруг он хлопнул себя по коленке с самым веселым видом.

– Забавнее всего то, что этот глупец Лестрейд, мнящий себя таким пронизательным, пустился во всю прыть по фальшивым следам. Он сейчас разыскивает Стангерсона, который так же непричастен к этому убийству, как новорожденный младенец. И может статься, что в настоящую минуту Лестрейд уже арестовал его.

Эта мысль до такой степени развеселила Грегсона, что он чуть не задохнулся от приступа хохота.

– Что вас навело на след? – спросил Холмс.

– Ах! Я вам сейчас все расскажу. Но, доктор Ватсон, вы понимаете, все это должно остаться между нами. С самого начала в этом деле для меня была сложность в том, что я не

знал никаких подробностей, ни обстоятельств, окружающих этого американца. Другие стали бы ждать ответа на объявления, помещенные в газетах, или на случайные известия со стороны, но Тобиас Грегсон так не работает никогда! Помните ли вы шляпку, которая валялась возле трупа?

– Да, – ответил Холмс, – шляпа была куплена у Джона Ундервуда в Камбервель-Рэде, № 129.

В голосе Грегсона почувствовалась досада.

– Я бы не подумал, что вы заметили все это. Вы ходили туда?

– Нет.

– А! – произнес Грегсон с облегчением. – Видите ли, никогда не следует ничего упускать из виду, даже если вещь была самая пустяковая.

– Для великого ума нет пустяковых вещей, – сентенциозно произнес Холмс.

– Итак, я отправился лично к этому Ундервуду и спросил его, кому он продал шляпу такого-то сорта и такого-то размера. Он посмотрел свои записные книги и отыскал то, что мне было нужно. Шляпу, о которой шла речь, он отправил некоему мистеру Дребберу, живущему в меблированных комнатах Шарпантье на Торквей-Террасе. Итак у меня появился адрес.

– Сильно, очень сильно! – пробормотал Холмс.

– А затем, – продолжал рассказчик, – я отправился к Шарпантье и сразу же заметил, что она была очень бледна и расстроена. Здесь же находилась и ее дочь, очень хорошенькая, сказать кстати, девушка. Глаза девушки были красны и губы дрожали. Конечно, все это не ускользнуло от моего взгляда, и я подумал сейчас же, что тут что-то есть. Наверное, вы и на себе испытывали, мистер Холмс, ощущения как бы дрожи, когда вам случалось напасть на верный след?

Тогда я спросил у них:

– Известно ли вам, что ваш бывший жилец, мистер Энох Дреббер из Кливленда, убит?

Мать кивнула головой, будучи не в состоянии произнести ни одного слова, – до того она была взволнована. Что касается дочери, то она разразилась рыданиями. И я еще более убедился в том, что эти люди замешаны в деле.

– В котором часу мистер Дреббер ушел от вас, чтобы отправиться на поезд?

– В восемь часов, – ответила мать, стараясь овладеть собою. – Его секретарь Стангерсон говорил, что есть два поезда: в 9 и 11 часов. Они порешили ехать первым.

– И с тех пор вы его больше не видели?

При этом вопросе лицо ее из бледного сделалось синеватым. Прошла целая минута, в течение которой она, видимо, боролась с волнением, и, наконец, сказала «нет», но слабым и хриплым голосом. Наступило молчание, и вдруг дочь произнесла ясным и ровным голосом:

– Мама, ложь никогда никому не принесла ничего доброго. Будем искренни с этим господином. Да, мы видели еще раз мистера Дреббера.

– Господь да простит тебя! – воскликнула мать, поднимая руки к небу и падая на кресло. – Ты убила своего брата!

– Артур сам бы был за то, чтобы говорить правду, – решительно ответила дочь.

– Вам будет лучше, если расскажете мне все по порядку, – заметил я, – потому что эти полупризнания хуже всего. Тем более, что вы и понятия не имеете, до какой степени нам все известно.

– Так пусть же все ложится на тебя, Алиса, – воскликнула мать, и затем, повернувшись ко мне, продолжила: – Я вам все расскажу, сэр. Но вы не думайте, что мое волнение от страха, так как я не имею повода бояться чего-нибудь. Я слишком уверена, что мой сын не играл никакой роли в этой ужасной истории. Я только очень боюсь, что, несмотря на его полную невинность, он может оказаться скомпрометированным. Но, к счастью, он известен безукоризненным поведением и положением в обществе.

– Самое лучшее, если вы будете совершенно откровенны со мною, – настаивал я. – Будьте покойны, если ваш сын невиновен, то с ним не случится ничего худого.

– Алиса, оставь нас вдвоем с этим господином, – обратилась она к дочери.

Та встала и вышла из комнаты.

– Да, сэр, я не хотела говорить вам об этом, но так как моя дочь настаивает, то я буду откровенна с вами и все расскажу, не пропуская ни малейшей подробности.

– И сделаете правильно, – заметил я.

– Мистер Дреббер прожил у нас около трех недель. Он и его секретарь Стангерсон только что вернулись из путешествия на континент. Я заметила, что на каждом из их чемоданов была наклеена бумажка с надписью «Копенгаген», значит это был последний город, где они были до этого. Мистер Стангерсон был смирный, сдержанный человек, но его патрон, я должна это сказать с крайним сожалением, был совершенно другого характера. Это был грубый, дерзкий человек. Даже в первый день своего пребывания у нас он напился, да и вообще каждый день после полудня он всегда был уже в неприличном виде. Со служанками он обращался так свободно и распушено, что вызывал у меня отвращение. Но случилось нечто худшее: он очень скоро начал позволять себе различные вольности и по отношению к моей дочери. Несколько раз он заводил с ней разговор на тему, которой она по своей невинности не могла, к счастью, даже понять хорошенько. Однажды он схватил ее за талию и поцеловал! Даже его секретарь возмутился таким недостойным поступком своего патрона и уговаривал его опомниться и вести себя приличнее.

– Но почему вы все это терпели? – спросил, я. – Полагаю, что вы совершенно свободно могли избавиться от неприятных жильцов?

Мистрис Шарпантье даже покраснела, до того мое замечание было логично.

– Бог мне свидетель, как я сожалею теперь, что не выставила его за дверь в первый же день, как он поселился у нас, – ответила она, – но соблазн был слишком велик. Они платили очень хорошо, а у нас, квартирохозяек, теперь мертвый сезон. Я – вдова; сын мой, который находится на морской службе, стоит мне очень дорого. И я не нашла в себе силы воли, чтобы отказаться от этих денег, и думала, что поступаю хорошо. Но последняя наглая выходка Дреббера перешла всякие границы, и я отказала ему в квартире, объяснив и причину отказа. Вот почему они и порешили уехать из Лондона.

– Прекрасно. Продолжайте.

– Я почувствовала большое облегчение, когда мои жильцы уехали. Я должна вам сказать, что мой сын в настоящее время в отпуске, и я побоялась рассказать ему все из опасения его вспыльчивого характера. Он так сильно любит свою сестру! Поэтому, когда дверь за этими господами затворилась, страшная тяжесть спала у меня с души. Увы! Менее чем через час раздался звонок. Это был мистер Дреббер, который казался чем-то взволнованным и, очевидно, сильно выпил. Он ворвался в комнату, что-то бормоча и пытаясь объяснить, из чего я поняла, что он опоздал на поезд. Затем повернулся к Алисе и на моих глазах, в моем присутствии начал уговаривать ее бежать с ним вместе.

– Вы совершеннолетняя, – говорил он, – и никакой закон не может помешать вам сделать это. У меня денег больше, нежели я в состоянии израсходовать. Не слушайте старуху, идемте со мною сию минуту. Вы будете жить как царица.

Бедная Алиса, сильно напуганная, отступила от него подальше, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и в тот же момент на пороге появился мой сын Артур. То, что произошло затем, не поддается описанию. Я слышала проклятия, шум борьбы, но от ужаса не смела даже поднять глаз. Когда я пришла несколько в себя, то увидела Артура, который стоял с тростью в руке возле двери и неистово хохотал.

– Не думаю, что этому джентльмену снова придет желание досаждать вам, – сказал он, – но я пойду за ним и посмотрю, что с ним будет.

Сказав это, он взял шляпу и пошел вниз. А на другой день мы узнали, что Дреббер умер загадочной смертью.

Ее рассказ часто прерывался вздохами и слезами. По временам мистрис Шарпантье говорила так тихо, что я едва улавливал ее слова. Я сделал несколько пометок в своей записной книжке.

– Это поразительно, – заметил Шерлок, зевая, – а затем?

– Когда она кончила свой рассказ, – продолжал Грегсон, – я понял, что все сосредоточилось на одном пункте. Потому, устремив на нее пронзительный взгляд, который, как знаю по опыту, производит большое впечатление на женщин, я спросил, в котором часу вернулся ее сын домой.

– Не знаю, – ответила она.

– Вы не знаете, когда?

– Нет, не знаю. У него был с собой ключ от входной двери.

– Вы уже легли, когда он вернулся?

– Да.

– В котором часу вы легли?

– Около одиннадцати.

– Значит, ваш сын находился в отлучке, по крайней мере, два часа?

– Да.

– Может быть, даже пять часов?

– Может быть.

– Что он делал в продолжение этого времени?

– Не знаю.

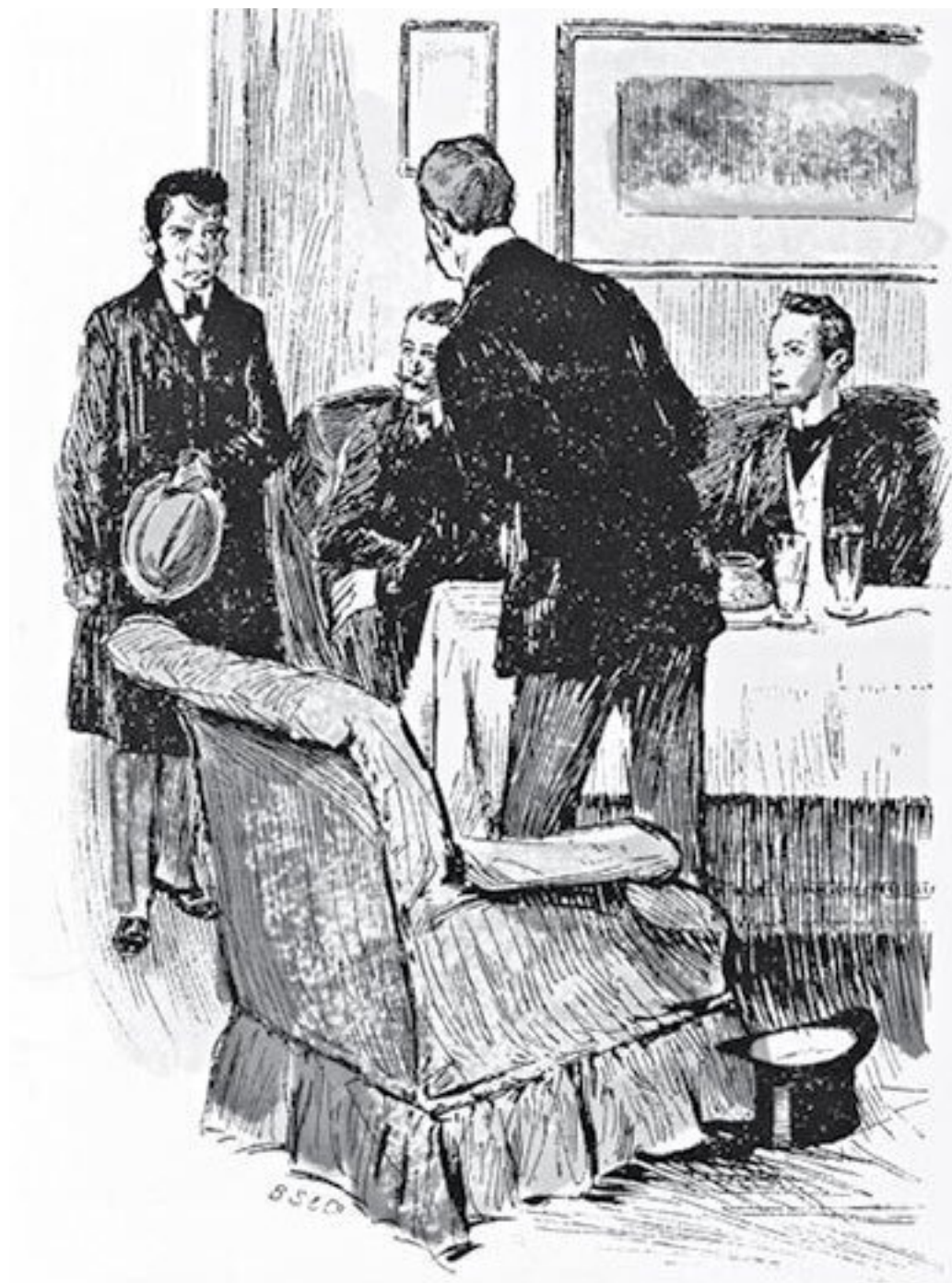
– Конечно, я-то знал. Расспросив, где находится лейтенант Шарпантье, я взял с собой двух агентов и арестовал его. Когда я коснулся его плеча и попросил его следовать за мной, он спросил меня с наглостью: «Вероятно, по делу этого мерзавца Дреббера?» Так как я не объявлял ему причины его ареста, то это восклицание показалось мне в высшей степени подозрительным.

– В высшей степени, – подтвердил Холмс.

– В руках он еще держал толстую трость, которую взял, по словам его матери, когда отправлялся провожать мистера Дреббера. Толстушая палка из цельного дуба.

– Так какое же ваше мнение? – спросил Холмс.

– Такое, что он последовал за Дреббером до самого Брикстон-Рэда. Здесь между ними снова разгорелась ссора, и Дреббер получил удар палки, может быть, под ложечку, что и причинило моментальную смерть, не оставив ни малейшего знака насилия. Ночь была дождливая, на улице ни собаки, и Шарпантье преспокойно мог втащить труп своей жертвы в необитаемый дом. Что касается до свечки, крови и надписи на стене, то все это сделано с хитрой целью отвлечь внимание полиции.

– Сработано чисто, – произнес одобительно Холмс, – действительно, Грегсон, вы идете вперед. Из вас выйдет толк.

– Лыщу себя надеждой, что я действительно вел дело довольно чисто, – снисходительно ответил полицейский. – Молодой человек объяснил, что некоторое время он шел за Дреббером, когда последний, обернувшись, увидел его и поторопился удрать, сев в наемный фиакр. Затем он уверяет, что, возвращаясь домой, встретил товарища, с которым и прогулял более часа по улицам. Когда у него спросили адрес этого товарища, он не был в состоянии дать удовлетворительного ответа. Итак, все идет отлично. Но что меня забавляет более всего, так это то, что Лестрейд катит по ложному следу. Боюсь, что ничего путного из этого для него не выйдет. Но, черт возьми, вот и он сам собственной персоной.

Действительно, Лестрейд быстро взбежал по лестнице и вошел в комнату. Он был непохож на самого себя. Лицо его было расстроено, платье в беспорядке. По-видимому, он пришел, чтобы посоветоваться с Шерлоком, потому что, увидев своего коллегу, он ужасно сконфузился и, остановившись посреди комнаты, безжалостно стал мять в руках свою фуражку, не зная, что сказать.

– Это выходящий из ряда вон случай, – сказал он, наконец, – совершенно непонятное дело...

– Вы так полагаете, мистер Лестрейд? – торжествующе воскликнул Грегсон. – Я так и думал, что вы ничего не сделаете. Отыскали ли вы, в конце концов, этого секретаря, мистера Стангерсона?

– Этот секретарь, этот Джозеф Стангерсон убит нынче утром, около шести часов, в гостинице «Холидей», – серьезно произнес Лестрейд.

VII. Свет во тьме

Известие, которое нам принес Лестрейд, было так неожиданно и так важно, что все мы были прямо ошеломлены и невольно умолкли. Грегсон в первую минуту порывисто вскочил с места, опрокинув стакан с виски. Я ограничился тем, что молча наблюдал за Шерлоком Холмсом, который стиснул губы и нахмурил брови.

– И Стангерсона также! – прошептал он. – Дело осложняется.

– Оно и без того было очень запутано, – заворчал Лестрейд, опускаясь на стул. – Но я вижу, что попал на настоящий военный совет.

– Вы... вы уверены, что это правда? – пролепетал Грегсон.

– Я был в его комнате, – ответил Лестрейд. – Я первый открыл преступление.

– Мы только что выслушали мнение Грегсона об этом деле, – заметил Холмс, – не будете ли вы так добры рассказать нам теперь все то, что видели и слышали?

– Охотно, – ответил Лестрейд. – Я должен сознаться вам, что был почти убежден в причастности Стангерсона к убийству Дреббера. Но последнее событие доказало мне мою ошибку. С этой идеей я принялся разыскивать Стангерсона. Его видели в последний раз вместе с патроном на Эустонской станции вечером 3-го числа. В два часа ночи Дреббер был найден мертвым в Брикстон-Рэде. Следовательно, первейшей важностью было узнать, как провел время Стангерсон от восьми часов до момента, когда было совершено преступление, и куда он делся. Я телеграфировал в Ливерпуль, описав приметы Стангерсона и поручив внимательно следить за всеми отплывающими на американских пароходах. Со своей стороны я принялся обшаривать все гостиницы и меблированные комнаты поблизости Эустонской станции. Потому что я подумал, что, если Стангерсон и Дреббер почему-либо расстались в роковой вечер, первый должен был переночевать где-нибудь поблизости, чтобы, наутро явившись на станцию, подождать своего компаньона.

– По всей вероятности, они условились о месте свидания, расставаясь вечером, – заметил Холмс.

– Я также подумал об этом и провел вчера весь вечер в поисках, к сожалению не увенчавшихся никаким успехом. Сегодня рано утром я продолжал свои поиски и к пяти часам очутился в гостинице «Холидей» в Литтл-Джордж. На мой вопрос, не здесь ли остановился мистер Стангерсон, я получил утвердительный ответ.

– Вы, вероятно, тот самый господин, которого он ищет вот уже второй день, – сказал мне слуга.

– Где он в настоящее время? – спросил я.

– У себя наверху. Он приказал не входить к нему раньше девяти часов.

– Мне нужно повидать его сию минуту, – сказал я, подумав про себя, что при моем неожиданном появлении он растеряется и чем-нибудь выдаст себя.

Привратник вызвался проводить меня наверх. Комната, которую занял Стангерсон, находилась во втором этаже, и в нее нужно было идти через небольшой коридорчик. Человек указал мне дверь и собирался уже спускаться вниз, как вдруг моим глазам представилось такое ужасное зрелище, что сердце мое дрогнуло, несмотря на мою многолетнюю полицейскую практику. Из-под двери вытекала тоненькая струйка крови, образовавшая целую громадную лужу на противоположной стороне коридора. Я невольно вскрикнул, что заставило привратника вернуться назад. Ему сделалось дурно при виде такой массы крови. Дверь в комнату была заперта изнутри ключом, но мы совместными усилиями вышибли ее плечами и кулаками. Возле открытого настежь окна, лицом вниз, лежал труп человека, одетого в одну ночную сорочку. Смерть наступила, по-видимому, некоторое время тому назад, потому что тело уже окоченело. Привратник перевернул труп вверх лицом и узнал в нем жильца, который под именем Стангерсона сиял комнату два дня тому назад. Смерть последовала от удара кинжалом в левую сторону груди. Удар был нанесен с такой силой, что проколол сердце насквозь. И странное дело, как вы думаете, что мы нашли возле трупа?

Я почувствовал, как дрожь пробежала по моему телу, как бы в предчувствии чего-то мрачного и дикого.

– Слово Rache, написанное кровью, – ответил Холмс.

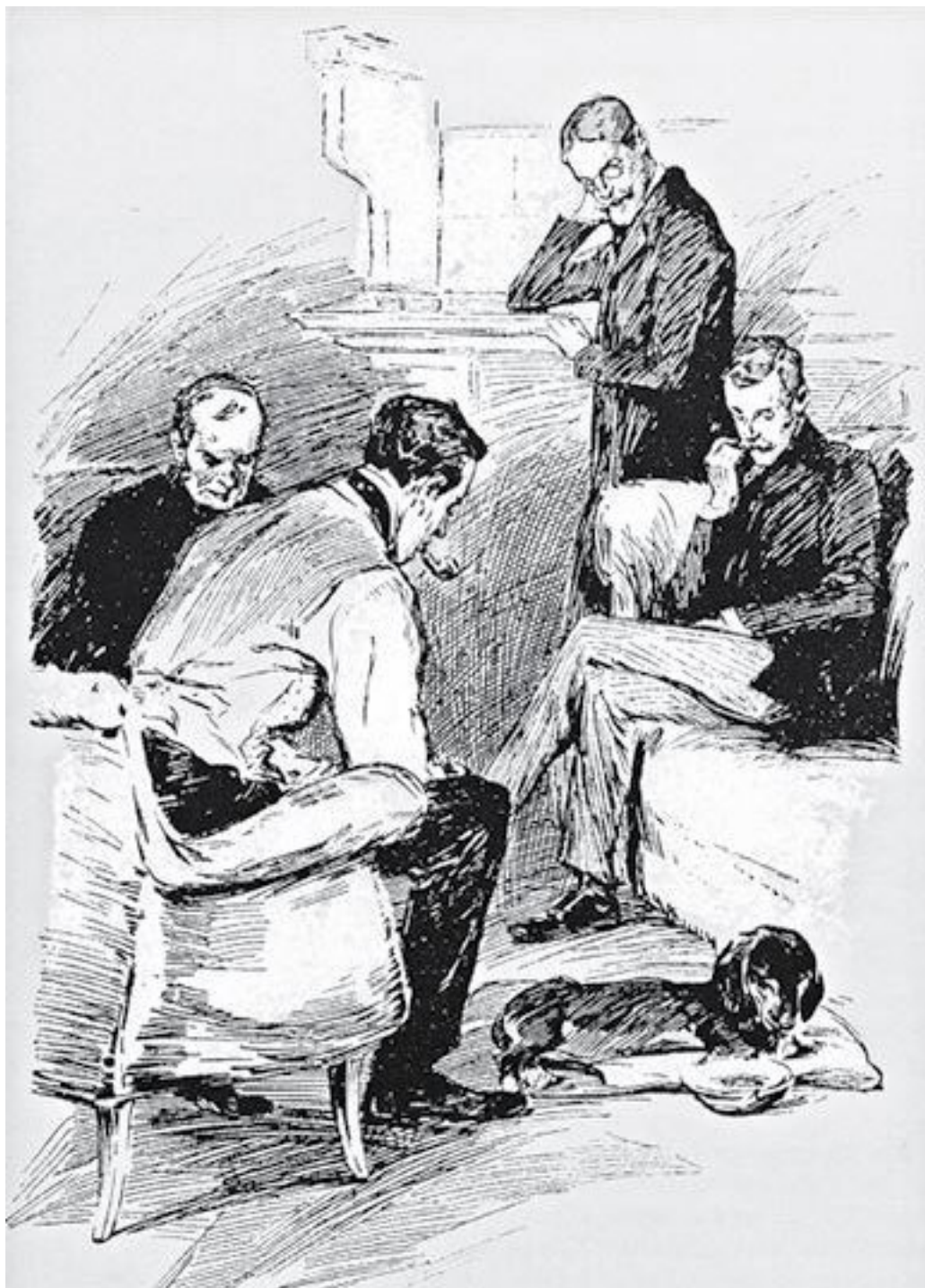
– Именно, – произнес дрогнувшим голосом Лестрейд.

Мы все переглянулись в молчании. Этот неизвестный убийца действовал так методически и непонятно, что его преступление вследствие этого делалось еще более ужасным. Мои нервы напрягались до крайности перед этой тайной.

– Убийцу видели, – продолжал Лестрейд. – Мальчик-молочник, отправляясь в свою молочную, пробирался узким проходом, отделяющим гостиницу от конюшен. Он заметил, что деревянная лестница, обыкновенно валявшаяся на земле, была приставлена к широко открытому окну второго этажа. Пройдя мимо, мальчик оглянулся и увидел какого-то человека, который спускался по лестнице. Человек спускался так медленно и так естественно, что мальчик принял его за слесаря или за какого-нибудь другого ремесленника, работающего в гостинице. Поэтому он не обратил на этот инцидент внимания и только подумал, что этот субъект начинает работать что-то уж очень рано. Мальчик припомнил, что человек этот был высок, красен лицом и одет в длинное пальто. Он, вероятно, некоторое время оставался после совершения преступления в комнате, потому что я нашел кровь в рукомойнике, где он мыл руки, и кровь на углу простыни, о которую он обтер кинжал.

Я бросил быстрый взгляд на Холмса, услышав описание наружности убийцы, совершенно тождественное тому, какое он дал мне. Но на его лице я не заметил ни малейшего признака торжества, ни даже удовлетворенности.

– Не нашли ли вы какого-либо следа в комнате, который указал бы на убийцу? – спросил он.

– Никакого. В кармане Стангерсона мы нашли кошелек Дреббера, что было, очевидно, привычной вещью, так как первый всегда заведовал расходами в пути. В кошельке было что-то около двухсот фунтов.

Какие бы ни были мотивы этих преступлений, ясно до очевидности, что они совершены не ради грабежа. Кроме кошелька, в карманах убитого мы нашли телеграмму из Кливленда, посланную уже с месяц тому назад. Вот что было в ней. «Д. Г. уехал в Европу». Подписи не было.

– И больше ничего?

– Ничего особенного. Книжка, которую несчастный читал перед тем как заснуть, и трубка валялись на стуле возле постели. На столике стоял стакан с водой, а на подоконнике деревянная коробочка, в которой находились две пилюли.

Вдруг Шерлок Холмс вскочил, испустив крик восторга.

– Вот мое последнее звено! – воскликнул он. – Все теперь ясно.

Оба полицейские с удивлением поглядели на него.

– Видите ли, – продолжал мой друг конфиденциальным тоном, – теперь я держу в руках все нити этой запутанной истории. Конечно, мне недостает еще нескольких деталей. Но я так же уверен в истинности происшествий, случившихся с момента, когда Стангерсон и Дреббер расстались, и до момента, когда труп последнего был найден, как если бы я лично присутствовал при этом. Вы взяли пилюли с собой?

– Вот они, – ответил Лестрейд, показывая маленькую белую коробочку. – Я их взял вместе с кошельком и телеграммой, чтобы передать их суду в числе вещественных доказательств. Но я чуть не оставил пилюль на месте, потому что, признаюсь, придал им мало значения.

– Дайте их мне, – сказал Холмс. – А теперь, доктор, – продолжал он, обращаясь ко мне, – скажите нам, имеют ли эти пилюли обычный вид лекарственных?

Конечно, это не были лекарственные пилюли. Жемчужно-белого цвета, они были маленькие, круглые и почти совершенно прозрачные.

– Они так легки и прозрачны, – заметил я, – что должны растворяться в воде.

– Именно, – ответил Холмс, – а теперь пойдите, принесите сюда этого несчастного старого терьера, который болен уже давно и которого вчера хозяйка вас просила отравить, чтобы положить конец его мучениям.

Я вышел и вернулся с собачкой на руках. Ее тяжелое дыхание и стеклянные глаза показывали, что конец ее близок. И в самом деле, его белая как снег мордочка доказывала, что он давно уже перешел предел, положенный природой долговечности собак. Я положил собачку на подушку возле камина.

– Теперь я разрежу надвое одну из этих пилюль, – сказал Холмс, взяв перочинный нож и сопровождая слова действием. – Одну половинку я снова уберу в коробку, чтобы воспользоваться ею впоследствии, а другую опускаю в стакан, в котором находится немного воды. Вы видите, что наш друг доктор Ватсон прав и что пилюли растворяются в воде совершенно.

– Все, что вы делаете, может быть, и очень интересно, но я не вижу связи между всем этим и смертью Джозефа Стангерсона, – сказал Лестрейд обиженно, подозревая, не смеются ли над ним.

– Терпение, мой друг, терпение. Вы сами скоро убедитесь, насколько это касается нашего дела. Теперь я прибавлю в воду немного молока, чтобы сделать питье более вкусным.

Говоря это, Шерлок вылил содержимое стакана в полоскательную чашку и поставил ее перед собачкой, которая проглотила питье в несколько глотков. Серьезный вид, с которым Шерлок проделывал все эти манипуляции, сильно подействовал на нас, и мы все стояли молча, ожидая каких-то удивительных результатов. Но ничего не произошло. Собачка лежала, растянувшись на подушке, по-прежнему с усилием дыша, но, очевидно, не ощущая ни ухудшения, ни улучшения, приняв небольшую дозу лекарства Шерлока. Последний вынул часы, но минуты проходили за минутами, не принося никакой перемены. Выражение скуки и разочарования возникло на подвижном лице Холмса. Он кусал губы, постукивал пальцами по столу, проявляя явную раздраженность. Его волнение было так сильно, что я почувствовал себя обиженным за него, в то время как два полицейских агента, довольные его явной неудачей, иронически улыбались.

– Невозможно, чтобы это было простое совпадение, – воскликнул Холмс, порывисто вскакивая и бегая по комнате, – это невозможно! Пилюли, которые я заподозрил в деле Дреббера, снова появляются на сцену в деле Стангерсона. Однако они совершенно безвредны...

Что все это значит? Нет, вся цепь моих подозрений и заключений не может быть ошибочной! Это немыслимо! Но эта проклятая собака чувствует себя как ни в чем не бывало... Ах! Нашел! Нашел!

С криком радости Холмс бросился к коробочке с пилюлями, вынул вторую пилюльку, разрезал ее пополам, развел в воде с молоком и предложил выпить собачке. Едва только несчастное животное обмочило язык в питье, как конвульсивная дрожь пробежала по его телу, лапки свела сильная судорога, и оно упало на подушку мертвое, точно сраженное громом.

Холмс испустил глубокий вздох облегчения и отер пот, обильно выступивший на лбу.

– Мне нужно было быть более доверчивым к себе, – сказал он – Я должен был знать, что если один какой-нибудь факт идет вразрез целой серии фактов, добытых по методу дедукции, то это значит, что надо искать другое объяснение этому факту. Из двух пилюль, лежавших в коробочке, одна заключала в себе смертельный яд, другая была совершенно безвредна. Я должен был знать это, даже не видя коробочки в глаза.

Это его утверждение показалось мне до такой степени удивительным и выходящим из ряда вон, что я подумал, не сошел ли мой друг с ума. Но как неопровержимое подтверждение его слов, перед нами лежала мертвая собака. Мне казалось, что туман, окутывавший мой ум, рассеивается понемногу, и я начинаю познавать истину.

– Вам все это кажется странным, – продолжал Холмс, – потому что вы не обратили внимания на единственный верный факт с самого начала. Мне посчастливилось заметить его, а все последующее только подтверждало мои предположения, составляя длинную логическую цепь. То, что мешало вам и сбивало с толку, для меня было логическим следствием и светом впотьмах. Напрасно думают, что все странное и непонятное – уже тайна. Иногда самое обыкновенное преступление бывает окружено непроницаемой тайной, потому что не обставлено подробностями, за которые могла бы уцепиться дедукция. Убийство, которым мы заняты в настоящее время, было бы несравненно труднее для расследования, если бы тело жертвы было найдено где-нибудь на большой дороге, где его не окружали бы никакие характерные подробности. Но мы нашли его в доме, в странной загадочной обстановке, которая, вместо того чтобы запутать дело, облегчила нам задачу.

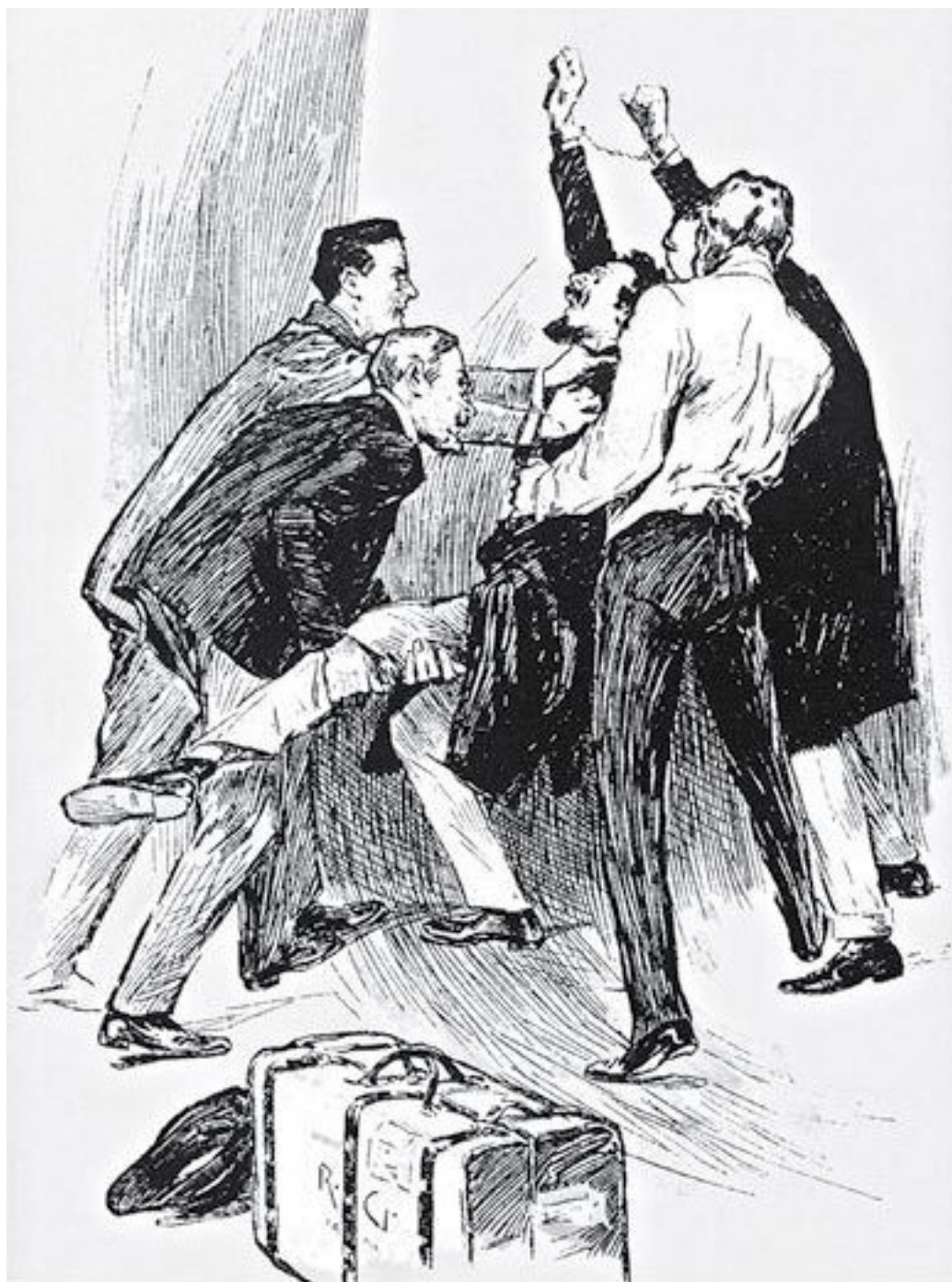
Грегсон слушая слова Шерлока с плохо скрываемым нетерпением, воскликнул:

– Слушайте, Шерлок Холмс, мы все готовы признать вас за очень умного человека, готовы признать, что вы изобрели единственный надежный метод следствия. Но в настоящее время мы нуждаемся в кое-чем большем, нежели теории и красивая речь. Надо арестовать преступника. Я действовал так, как считал самым верным, но мне кажется, что я шел по ложной дороге. Юный Шарпантье не может быть замешан в этой истории. С другой стороны, и Лестрейд, охотившийся за Стангерсоном, зашел, в конце концов, в тупик. Вы временами делали намеки, из которых можно было понять, что вы знаете больше нас. И мы имеем теперь право спросить вас: известно ли вам имя убийцы?

– Я должен заметить, что Грегсон прав, – сказал Лестрейд. – Мы оба делали все, что могли, и оба сели в лужу. С того момента, как я вошел сюда, я слышал несколько раз, как вы говорили, что имеете все улики в руках. Надеюсь, вы не станете хранить долее вашу тайну?

– Всякая задержка с арестом преступника может иметь печальные последствия, – добавил я, – можно ожидать новых убийств.

Понукаемый таким образом со всех сторон, Шерлок Холмс, казалось, колебался. Он продолжал шагать по комнате из угла в угол, склонив голову на грудь и нахмутив брови, как он всегда делал, когда раздумывал.

– Больше не будет преступлений, – сказал он наконец, внезапно останавливаясь и глядя на нас, – можете в этом быть уверены. Вы спрашиваете меня, знаю ли я имя убийцы? Да, я его знаю. Узнать его имя было, однако, несравненно легче, чем задержать его. Но я надеюсь сделать это и очень скоро, благодаря некоторым совершенно особенным мерам, которые я использовал. Эта вещь требует очень много такта, потому что мы имеем дело с человеком хитрым и способным на все. К тому же он не один и пользуется услугами друга, такого же ловкого, как и он сам. До тех пор, пока этот человек будет уверен, что никто не гонится по его следам, мы имеем некоторые шансы поймать его. Но при первом же подозрении он немедленно переменит имя и затеряется в четырехмиллионном населении Лондона. Не желая сделать вам неприятного, я все-таки принужден сказать, что в этом деле полиция очутилась лицом к лицу с людьми более сильными, чем она. И поэтому-то я и не просил вашей помощи при следствии. Если я

провалюсь, вся вина падет на меня одного, но я подготовился уже к этому. Обещаю вам: как только увижу, что могу открыться без вреда для дела, тотчас же сообщу вам все, что знаю сам.

Грегсон и Лестрейд, казалось, не совсем были довольны его словами, особенно же обидным намеком на полицию. Грегсон покраснел до корней своих волос, в то время как выпученные глаза Лестрейда заблестели гневом и любопытством. Но ни тот ни другой не успели еще и рта разинуть для ответа, как раздался стук в дверь, и на пороге комнаты появился предводитель уличных мальчишек – юный Виджинс, все такой же грязный и отталкивающий.

– Извините, сэр, – произнес он, почесывая затылок, – я привел вам фиакр. Он ждет внизу.

– Ты молодец, мальчик, – просто ответил Холмс. – Смотрите, – продолжал он, показывая нам пару стальных наручников, которые он вынул из ящика комода, – вы должны завести такого же образца и у себя, в Скотланд-Ярде. Механизм устроен так ловко, что в одно мгновение сковывает преступника.

– И старые образцы хороши, – недовольно пробормотал Лестрейд, – было бы только кого заковывать.

– Это правда, – ответил Холмс, улыбаясь. – Но я думаю, что кучер мог бы подняться сюда и помочь мне управиться с чемоданом. Позови его, Виджинс.

Я очень удивился, услышав, что мой друг говорит об отъезде, о чем раньше не проронил мне ни полслова. В одном из углов комнаты лежал старый кожаный чемодан. Шерлок Холмс вытащил его и принялся укладывать. Он был весь углублен в это занятие, когда в комнату вошел кучер фиакра.

– Помогите же стянуть ремень, – произнес Холмс, не поворачивая головы.

Кучер с мрачным и недоверчивым видом подошел к нему и протянул руки к чемодану. В тот же момент послышался какой-то сухой металлический лязг, щелканье замка, и Шерлок Холмс быстро вскочил на ноги.

– Господа! – воскликнул он, блестя глазами. – Позвольте мне представить вам мистера Джеферсона Гоппа, убийцу Эноха Дреббера и Джозефа Стангерсона!

Все это произошло так быстро, что произвело впечатление сверкнувшей молнии. Но я никогда в жизни не забуду этого момента, не забуду торжествующего выражения лица Шерлока Холмса, вибрирующего звука его голоса и дикого отчаяния, изобразившегося на лице кучера, с каким он глядел на блестящие стальные браслеты, точно волшебством обвившиеся вокруг его кистей. В течение первых двух минут мы стояли молча, точно каменные статуи. Затем, испустив глухой крик ярости, кучер вырвался из рук Холмса и бросился к окну. Рама и стекла разбились вдребезги, но, прежде чем он успел высунуться в окно, Грегсон, Лестрейд и Холмс вцепились в него, точно охотничьи собаки в добычу. Им удалось опрокинуть его назад, повалить на пол, и тогда завязалась ужасная, отчаянная борьба. Этот человек был так силен и так дик, что стряхивал нас всех четверых, как только мы налегали на него, желая усмирить. Вид его был ужасен: он походил на эпилептика во время припадка. Его лицо и руки были сильно изранены стеклами, но лившая из ран ручьем кровь несколько не ослабляла силы его сопротивления, и, только когда Лестрейду удалось просунуть руку за его воротник и наполовину удушить его, он понял бесполезность своих усилий. Но мы не успокоились до тех пор, пока не скрутили ему ноги полотенцем. После этого мы встали с полу утомленные и тяжело дыша.

– Его фиакр внизу, – произнес Холмс, – мы можем его доставить в нем в Скотланд-Ярд. А теперь, господа, – сказал он, любезно улыбаясь, – вот мы и пришли к решению нашей маленькой проблемы. Вы можете теперь спрашивать меня о чем угодно, и я буду счастлив отвечать на ваши вопросы.

Часть вторая В Стране Святых

I. В соляной пустыне

В центральной части Северной Америки находится бесплодная, унылая пустыня. Она являлась границей, за которую не смела проникать цивилизация. Окаймленная с одной стороны горами Сьерра-Невады, с другой – горами Небраски, с северной стороны – рекой Йеллоустоун и с запада – рекой Колорадо, пустыня эта кажется местом уединения и молчания. Но она не имеет однообразного, ровного вида. Высокие темные горы, покрытые снегом, сменяются обширными мрачными равнинами. Местами извилистые, быстрые речки пробивают себе путь в бесплодной каменистой почве. Громадные равнины раскинулись в бесконечную даль, в зимнее время занесенные снегом, точно окутанные белым саваном, а летом – серые от пыли, толстым слоем покрывающей их. Но зимой и летом на горах и равнинах повсюду царит одинаковый негостеприимный, заброшенный и бесплодный вид. Это – земля отчаяния, в которой не живет никто. Время от времени по ней проносятся шайки павнов краснокожих, которые забредают сюда в поисках дичи, но и самые храбрые из храбрых только тогда чувствуют себя в безопасности, когда, поохотившись, покидают эти молчаливые равнины и возвращаются в свои жилища. Ящерица, скрывающаяся в низких кустарниках, ястреб, парящий в воздухе, медведь-гризли, который ковыляет своей тяжелой походкой, пробираясь между скалами, отыскивая себе пищу, – вот постоянные и единственные гости этой пустыни.

Во всем мире нет более грустного места, чем южный склон Сьерра-Бланки. Докуда хватает глаз, без малейших возвышений, тянется бесконечная равнина, усеянная местами сероватыми пятнами соляной пыли. А на горизонте равнина эта окаймляется длинной цепью серых неприветливых гор, поднимающих к небу белые от покрывающего их снега вершины. Здесь незаметно никаких признаков живых существ. Никогда птица не прорежет быстрым полетом темную лазурь неба, никогда ни одно животное не пробежит по этой серой земле. Одна тишина царит здесь, тишина ненарушаемая, абсолютная. Прислушайтесь: ни один звук не прерывает тишины этой дикой пустыни, и такая тишина приведет вас в отчаяние, охватит холодом сердце.

Ватсон

Майор Альфред Вуд

Прототипом доктора Джона Ватсона (Уотсона) можно назвать самого Дойла. Их общая профессия – врач. Был и второй прототип, которого назвал сам писатель, – майор Альфред Вуд, отставной военный медик, выпускник Эдинбургского университета. С ним писатель познакомился в середине 1880-х годов. В 1886 году Вуд стал добровольным литературным секретарем Дойла, прослужив в этой должности почти 40 лет. Называют еще несколько человек из

среды врачей, знакомых писателей, похожих на Ватсона своим характером. И хотя этот персонаж уступает своему другу в наблюдательности и умении делать выводы, он незаменим, как верный оруженосец Санчо Панса у Дон Кихота.

Примечательно, что биография Ватсона имеет больше деталей, нежели описание загадочного Шерлока Холмса. Он окончил Лондонский университет, затем оперировал в больнице Святого Варфоломея, служил военным врачом в Индии и Афганистане. Добрый и чуткий Ватсон олицетворяет собой среднестатистического законопослушного гражданина своей страны.

Доктор Ватсон. 1881

И все-таки нельзя сказать, что здесь нет хоть каких-нибудь следов, напоминающих о живых существах. Если вы с вершины Сьерра-Бланки внимательно рассмотрите равнину, то заметите узенькую дорожку, извивающуюся по пустыне и теряющуюся вдали. Множество колес оставили на ней свои следы, множество бродяг рыскали по ней. Здесь и там виднеются белые пятна, резко выделяющиеся на серой почве. Подойдите ближе и разглядите их. Это – кости. Одни крупные и грубые, другие тонкие и маленькие. Это кости животных и людей. Эти кости наметили, таким образом, дорогу на всем ее протяжении, по которому проходили караваны.

Четвертого мая 1847 года одинокий путешественник созерцал с вершины горы этот унылый пейзаж. Кто был он: добрый ли гений или злой демон этих мест? Глядя на него, трудно было определить его возраст. Ему могло быть сорок, могло быть и шестьдесят лет. Лицо его было худо и вытянуто. Желтая кожа, наподобие старого пергамента, обтягивала его кости. Белые нити проглядывали в его темных волосах и в густой всклокоченной бороде; глубоко впавшие глаза сверкали странным огнем, а рука, сжимавшая дуло ружья, была совершенно лишена мягких частей и напоминала руку скелета. Он опирался на ружье, и, несмотря на страшную худобу, все в его фигуре говорило о силе и мужественности. Его лицо, его платье, свободно висевшее на нем, красноречиво объясняли причину его теперешнего несчастного вида: человек этот умирал от жажды и голода.

Тяжелой поступью спустился он вниз, в равнину. Еще с большим трудом поднялся он снова на соседнюю скалу, в надежде – увы, тщетной! – заметить хоть какой-нибудь признак воды, столь желанной! Но куда ни достигал его взгляд, нигде не было заметно ни одного деревца или какого-нибудь другого растения, свидетельствующего о присутствии источника или хотя бы болота. Всюду одна безбрежная соляная пустыня, окруженная цепью темных, неприветливых гор. В этой пустыне должна была погибнуть всякая надежда на спасение. И путешественник понял, что настал его конец, что путь его свершен и что здесь, на этом голом камне, ему остается только умереть...

– А почему и не так? – прошептал он, опускаясь на землю в тени под гигантской скалой. Здесь или дома в своей постели, не все ли равно?

Он бросил ружье и тяжелую ношу, которую таскал с собой до сих пор. Ноша эта состояла из большого свертка, обернутого в серую ткань и слишком тяжелого для его слабых сил. При падении на землю сверток издал жалобный крик, и из серой ткани выглянуло детское личико с большими испуганными глазами. Две маленькие ручки конвульсивно сжимали одна другую.

– Вы мне сделали больно, – произнес детский голосок тоном упрека.

– Правда? – спросил сконфуженно незнакомец. – Я это сделал не нарочно.

Говоря это, он распутал серую шаль, в которую была закутана девочка, и откинул ее в сторону. Ребенку могло быть около пяти лет. Судя по изящным башмачкам, розовому нарядному платьицу и белому фартучку, можно было заключить, что мать ее была состоятельной. Девочка была очень бледна, но ее полные ручки и твердая устойчивость доказывали, что она страдала не так сильно, как ее товарищ.

– Все еще больно? – с беспокойством спросил он, видя, что девочка продолжает потирать головку, покрытую светлыми шелковистыми кудрями.

– Поцелуйте меня, и тогда все пройдет, – серьезно ответила она. – Мама всегда так делала. Где мама?

– Мама уехала, – ответил он, – но я думаю, что ты скоро последуешь за ней.

– Уехала? Вот странно! Она не попрощалась со мной. Она всегда прощалась, когда шла к тете пить чай, а теперь вот уже прошло три дня и ее нет! Но мне хочется пить. Скажите, разве нет здесь воды и чего-нибудь поесть?

– Увы, нет, моя дорогая! Еще немного терпения, и ты скоро не будешь нуждаться ни в чем. Положи головку ко мне сюда, вот так; тебе будет лучше. Хотя трудно разговаривать, когда

губы пересохли и горло сжимается, но я думаю, что будет лучше, если я тебе скажу, в чем дело. Но что это у тебя в руке?

– О, это прелестные вещички! – воскликнуло дитя, весело показывая два обломка слюды, сверкавшей на солнце, как алмазы. – Когда мы вернемся домой, я их подарю маленькому брату Бобу.

– Подожди немного, и ты увидишь вещи гораздо лучше этого, – пробормотал человек, – но позволь мне говорить. Ты помнишь, когда мы покинули речку?

– О, да.

– Ну, вот мы надеялись найти другой источник, но сделали ошибку. Не знаю, что было этому виной: компас ли, карта ли, но я знаю точно, что мы не нашли этого источника. Наша вода, которую мы несли с собой, вся вышла, если не считать остающихся еще нескольких капель, которые я берегу для тебя. А затем... затем...

– Затем, – перебила девочка, устремив серьезные глаза на запыленное лицо своего спутника, – вам нечем будет умыться.

– Да, но и нечего также пить. Первым умер от жажды Бендер, затем настала очередь индийца Тэта, потом – мистрис Макгрегор и Дженни Гопп и, наконец, дорогая, твоей матери...

– Как! Мама также умерла! – вскрикнула девочка и, закрыв личико передником, разразилась рыданиями.

– Да, все они умерли, кроме нас с тобой. Я подумал, что, может быть, найду воду здесь. Я взял тебя на руки и пустился вперед наудачу. Но я убедился теперь, что это было бесполезно и нам не остается никакой надежды.

– Вы хотите сказать, что и мы также умрем? – спросил ребенок, поднимая на своего спутника лицо, залитое слезами.

– Я думаю, что только это и ожидает нас.

– Почему же вы мне не сказали этого раньше? – весело улыбнувшись, сказала она. – Вы напугали меня! Но раз мы умрем, значит, перенесемся к маме, правда?

– Да, моя дорогая, ты будешь с ней.

– И вы также. И я скажу ей, как вы были добры ко мне. Я уверена, что она выйдет к нам навстречу на порог рая и принесет большую чашку чистой воды и много, много пирожков, сладких и поджаренных с двух сторон, как мы любили с Бобом. А мы долго будем еще ждать?

– Не знаю, вероятно, недолго.

Незнакомец устремил взор к горизонту, по направлению к северу. На ясной лазури неба он различил три темные точки, быстро росшие и постепенно приближавшиеся. То были три громадные птицы темного цвета, которые начали описывать круги над головами путешественников и, наконец, сели неподалеку на скалу. Это были коршуны, предвестники смерти.

– Ах! Петух и куры! – воскликнула девочка радостно, увидев птиц, хлопая руками, чтобы спугнуть их. – Скажите, кто создал эту пустыню? Бог?
– Конечно, Бог, – ответил он, несколько ошеломленный этим вопросом.

– Нет, нет, – продолжал ребенок. – Он создал Иллинойс и Миссури, но я уверена, что кто-нибудь другой создал страну, в которой мы сейчас находимся. Она и в половину не так хороша, как те. Здесь забыли сделать деревья и воду.

– Что, если бы ты прочла маленькую молитву? – робко заметил ее спутник. – Как думаешь?

– Но ведь ночь еще не настала, – возразила девочка.

– Нужды нет. Если еще и не время для молитвы, я уверен, что добрый Бог не обратит на это внимания. Прочти те молитвы, которые ты читала каждый вечер в нашей повозке, когда мы еще находились там, в долине.

– Почему же вы сами не можете прочесть молитвы? – спросил ребенок, с удивлением глядя на него.

– Я позабыл их, – ответил он, – Когда я был ростом вот с это ружье, я уже бросил привычку молиться, но я думаю, что никогда не поздно делать хорошее. Молись ты, а я буду повторять за тобой.

– Тогда надо вам стать на колени рядом со мною, – сказала она, расстилая шаль по земле, – затем вы должны сложить руки вот так, и вам будет сразу легче.

Странная картина, которую созерцали одни только коршуны! Резвое дитя и старый бродяга стояли на коленях рядом на разостланной серой шали. Полное, жизнерадостное личико ребенка повернулось к небу одновременно с другим лицом, изможденным и худым. Эти два такие различные по виду существа чувствовали, как их сердца в согласном порыве стремились вверх, к Тому, с Кем они теперь говорили лицом к лицу. Два голоса – один серебристый и ясный, другой грубый и сдавленный – соединились вместе, взывая к божественному милосердию.

Окончив молитву, оба уселись снова на прежнее место и сидели тихо до тех пор, пока ребенок не заснул, прижавшись к широкой груди своего покровителя. Последний сидел еще некоторое время, сторожа сон девочки, но вскоре заснул и сам. Уже три дня и три ночи он ни на одну минуту не давал себе покоя и отдыха, и поэтому теперь веки его невольно сомкнулись над уставшими глазами, голова опустилась на грудь, и темные пряди его седеющей бороды смешались с шелковистыми кудрями ребенка. Оба погрузились в одинаковый тяжелый сон без сновидений.

Если бы наш путешественник бодрствовал еще несколько минут, то был бы свидетелем необыкновенного зрелища. На горизонте соляной пустыни, далеко, очень далеко, показалось небольшое облачко пыли. Легкое, едва заметное сначала, оно постепенно увеличивалось и наконец выросло в большое густое облако, медленно приближавшееся. Отчего произошло это облако? Если бы это было в более плодородной стране, то его могло образовать пробежавшее стадо диких бизонов, но в таком бесплодном и унылом месте, как эта пустыня, подобное предположение было лишено всякого основания. Когда облако приблизилось к скале, на которой отдыхали наши путешественники, можно было различить рядом с большими крытыми повозками силуэты вооруженных всадников. Это был караван, направляющийся к востоку. Но какой это был громадный, многочисленный караван! Первые ряды его уже подошли к скале, в то время как последние еще не были даже заметны на горизонте. Вся эта толпа всадников и пешеходов, фургонов и повозок высыпала широкой лентой с одного конца пустыни до другого. Женщины пошатывались под непосильной ношей, дети шли неуверенными шагами или с любопытством выглядывали из-под полотна повозок. Было очевидно, что это не обыкновенный караван, а кочующий народ, которого какие-то зловещие заставили бросить насиженные места и искать новые пастбища для своего скота. Воздух наполнился смешанным гулом голосов, заглушаемых скрипением колес и ржанием лошадей. Но этот шум не достиг ушей двух несчастных существ, спавших тяжелым сном на вершине скалы.

Во главе каравана ехали двадцать всадников, вооруженных ружьями. Их лица были суровы и цветом напоминали их темные платья. Подъехав к утесам, они остановились и начали совещаться о чем-то.

– Колодцы находятся вправо от нас, братья, – произнес один из них.

Это был человек с острым, стальным взглядом и тонкими губами. Его подбородок был гладко выбрит, а волосы пестрели сединой.

– Направо от Сьерра-Бланки мы попадем на Рио-Гранде, – возразил другой.

– Не будем бояться того, что останемся без воды. Тот, Кто источил воду из скалы, не оставит своего избранного народа и ныне! – воскликнул третий.

– Аминь! – ответили все.

Они уже хотели снова двинуться в путь, когда один из них, самый юный, обладающий острым зрением, вдруг издал удивленное восклицание, указывая на голый утес, возвышавшийся над их головами. Высоко над скалой весело колыхался от ветра маленький уголок розовой материи, производя странный контраст с общим серым тоном пустыни.

Караван мгновенно остановился, мужчины схватились за оружие, в то время как другие всадники быстро приблизились к передовому отряду, чтобы поддержать его. Страшное слово «краснокожие» было у всех на устах.

– Их здесь не должно быть много, – сказал старик, который имел вид начальника. – Мы уже вышли из областей павнов и не можем встретить другие племена, пока не перевалим за эту горную цепь.

– Если вы позволите, брат Стангерсон, то я пойду на разведку? – спросил один из всадников.

– И я, и я! – воскликнуло с полдюжины голосов.

– Оставьте лошадей здесь, мы подождем вас, – сказал начальник.

В одно мгновение молодежь сошла с коней, спутала им ноги и начала проворно взбираться по отвесной скале, на вершине которой мотался по ветру кусочек розовой тряпки, так заинтриговавший всех. Они карабкались по голым камням с ловкостью и проворством людей, бывавших в опасных переделках. Оставшиеся внизу следили за тем, как они отважно прыгали с камня на камень, взбираясь все выше и выше, пока не исчезли за последним выступом, ярко вырисовывавшимся на лазури неба. Молодой человек, который первым вызвался идти на разведку, шел впереди во главе других. Шедшие за ним товарищи увидели, как он, достигнув вершины, вдруг остановился и с удивлением поднял руку вверх. Они поспешно подбежали к нему и в свою очередь остановились как вкопанные при виде зрелища, возникшего перед их глазами.

На маленькой площадке, которой оканчивалась скала, находился громадный камень. Под защитой этого камня лежал, растянувшись, какой-то человек крепкого сложения, несмотря на ужасающую худобу, с густой всклокоченной бородой. Его спокойное лицо и ровное дыхание свидетельствовали о глубоком сне. Вокруг его морщинистой и мускулистой шеи обвилились две полные беленькие ручки ребенка, который спал, плотно прижав свою золотистую головку к груди пожилого человека. Розовые губки ребенка, полуоткрывшись в сонной улыбке, показывали ряд ровных молочных зубов. Ножки, полные и маленькие, были обуты в короткие белые чулочки и башмачки с блестящими пряжками. Нежное личико спящего ребенка представляло странный контраст с лицом незнакомца. Недалеко от них, на остром выступе соседней скалы, важно сидели три громадные птицы. Увидев приближающуюся группу людей, они начали испускать резкие крики досады и, наконец, тяжело поднявшись с места, улетели прочь. Крик этих птиц разбудил спящих. Они быстро вскочили, бросая испуганные взгляды, и в остолбенении уставились на окружавших их людей.

Незнакомец окинул быстрым взглядом равнину, такую тихую и пустынную несколько времени тому назад, а теперь наполненную шумом и громадной толпой людей и повозок. На лице его промелькнуло выражение недоверия, и он провел костистой рукой по своим глазам.

– Вот и галлюцинации уже начались, – прошептал он.

Маленькая девочка стояла возле него и, держась рукой за полу его платья, смотрела на все происходившее глазами, полными наивного любопытства.

Прибывшие люди, с которыми пришла помощь двум бедным странникам, вскоре убедили их, что они – вовсе не плод их воображения. Один из них взял девочку и посадил ее себе на плечо, в то время как двое других подхватили под руки ее спутника, чтобы помочь ему сойти к повозкам.

– Меня зовут Джон Ферье, – произнес последний. – Нас было двадцать человек эмигрантов. Я и этот ребенок остались в живых, а остальные все погибли от голода и жажды там, на севере.

– Это ваша дочь? – спросил один из всадников.

– Я полагаю, что вполне приобрел право называть ее так, – тоном вызова ответил он. – Она моя, потому что я ее спас, и никто не придет за нею. С этого дня ее зовут Люси Ферье. Но кто же вы? – прибавил он, с любопытством разглядывая своих спасителей, энергичные лица которых густо загорели от солнца. – Как вас много!

– Нас около десяти тысяч, – ответил один из них, самый младший. – Мы – гонимые Богом дети, избранные ангела Мерона.

– Я никогда не слыхал о нем, – сказал странник, – но мне кажется, глядя на вашу многочисленность, что он себе на уме.

– Не смейтесь над тем, что священо, – возразил другой сурово. – Мы принадлежим к людям, верующим в священные письмена, которые начертаны египетскими буквами на кованых золотых досках, врученных святому Иосифу Смиту в Пальмире. Мы идем из Нову в Иллинойсе, где мы выстроим наш храм. Мы бежим от несправедливого человека и от клеветы и найдем себе убежище, даже если для этого придется поселиться в пустыне.

- Слово Нову, по-видимому, что-то напоминало Джону Ферье и показалось ему знакомым.
- Я знаю теперь, кто вы: вы – мормоны.
 - Да, мы мормоны – в один голос ответили все его спутники.
 - Куда же вы идете?

– Мы не знаем. Бог рукою нашего пророка ведет нас. Вы должны будете предстать пред его очи, потому что один только он может решить вашу судьбу.

В эту минуту они как раз достигли подошвы горы. Их окружили женщины с бледными лицами и сосредоточенными глазами, смеющиеся, здоровые дети и мужчины, на лицах которых были написаны недоверие и суровость. Со всех сторон послышались восклицания жалости и удивления при виде этих двух скитальцев, одного – такого юного, другого – несчастного на вид. Окруженные таким образом громадной толпой мормонов, Ферье и Люси двинулись дальше. Наконец их подвели к повозке необыкновенных размеров и чрезвычайно роскошно отделанной. Запряжена она была шестеркой лошадей, в то время как остальные повозки имели только по две, в редких случаях по четыре лошади. Рядом с человеком, управлявшим лошадьми, сидел другой, которому на вид было не более тридцати лет. Но его гордая голова, могучее сложение и повелительное выражение лица ясно свидетельствовали о том, что он был здесь начальником. Увидев подошедшую толпу, он закрыл небольшую в кожаном переплете книгу, которую читал, отложил ее в сторону и внимательно выслушал рассказ о случившемся. Затем он повернулся к двум путешественникам:

– Мы можем взять вас с собой только при условии, что вы примкнете к нам совсем, то есть примете веру, которой живем мы. Не нужно пускать волков в овчарню. И лучше было бы, если бы кости ваши остались здесь, в этой пустыне, и белели при дороге, нежели быть гнилым плодом, который заразит и испортит всю корзину. Принимаете ли вы эти условия, чтобы остаться при нас?

– Вы сами знаете, что ради этого я согласен на все! – воскликнул Ферье с таким убеждением в голосе и взгляде, что старцы, несмотря на свою суровость и сдержанность, не могли скрыть улыбок. Один только начальник продолжал оставаться серьезным и суровым.

– Возьмите его, брат Стангерсон, – сказал он, – дайте ему пить и есть, также и ребенку, а затем я поручаю вам посвятить его в догматы нашей веры. А теперь двинемся в путь к Сиону!

– Идем к Сиону! – воскликнула вся толпа мормонов, и слово это, переходя из уст в уста вдоль всего каравана, напоминало рокочущую волну, шум которой, удаляясь, становился все тише и тише, пока не замер совсем вдалеке. Раздалось щелканье бичей, скрип колес, и все множество людей и животных двинулось в путь снова, подобно гигантской змее, развертывающей свои кольца вдоль пустыни.

Человек, которому поручили двух несчастных заблудившихся, повел их к своей повозке, где их ждали уже приготовленный им обед и питье.

– Вы устройтесь в этой повозке, – сказал им ее хозяин. – Через несколько дней вы отдохнете и восстановите утраченные силы. В течение этого времени помните только, что вы навсегда примкнули к нам. Бригем Янг сказал это: он говорил голосом святого Джозефа Смита, а голос последнего – глас Божий.

II. Цветок Утаха

Не станем описывать в подробностях все трудности и лишения, которые пришлось испытать мормонам в пути, пока они не достигли цели. От берегов Миссисипи до Скалистых гор они трудились и боролись с препятствиями с энергией, которой мало примеров в истории. Благодаря этой-то энергии и выносливости, которая является отличительной чертой англосаксонской расы, они все преодолели: голод, жажду, болезни, усталость, – одним словом, все препятствия, которые природа, казалось, умышленно воздвигала на их пути. Но все-таки эти бесконечные лишения и труды поколебали и самые твердые сердца. Поэтому все от мала до велика в порыве горячей благодарственной молитвы бросились на камни, увидев, наконец, расстилающуюся у их ног залитую солнцем и сверкающую изумрудной зеленью громадную равнину

Утаха. Именно сюда вел их начальник каравана, называя ее обетованной землей, девственная почва которой отныне принадлежала им навсегда.

Янг скоро доказал, что он такой же отличный администратор, как и решительный вожак. Быстро были нарисованы карты и планы, намечено место нового города, вокруг которого должны были раскинуться фермы, которыми он наделил каждого в соответствии с его рангом и имуществом. Купцы могли приступить к торговле, ремесленники – к своему ремеслу. В городе точно по волшебству появились площади и улицы. В деревнях воздвигались заборы, выкорчевывались пни, распахивались поля с такой быстротой, что на следующее лето вся долина запестрела уже полями, на которых колыхался созревающий хлеб. Все удавалось и поспевало в этой странной колонии. В середине города был заложен громадный храм, стены которого с каждым днем поднимались все выше и выше. С восхода солнца и до поздней ночи ни на одну минуту не переставали раздаваться удары молотка и скрип пилы вокруг памятника, который воздвигался Тому, Кто привел их здоровыми и невредимыми чрез такое множество опасностей.

Двое наших путешественников, Джон Ферье и Люси, которую все начали считать его дочерью, сопровождали мормонов до самого конца их экспедиции. Маленькую Люси поместили в удобной повозке Стангерсона в обществе трех женщин и его сына, мальчика около двенадцати лет, но уже отважного и ловкого, как взрослый. Девочка скоро оправилась от удара, который ей нанесла смерть матери, – в эти годы так легко забывать! – и стала балованным ребенком женщин. С необыкновенной легкостью привыкла девочка к этому движущемуся дому, покрытому полотном вместо крыши. Со своей стороны, Ферье быстро оправился и оказался очень полезным товарищем и неутомимым, метким стрелком. Этим он снискал себе большое уважение и любовь со стороны мормонов, и когда они прибыли, наконец, в свою обетованную землю, Ферье, с общего согласия, дали один из самых больших и плодородных участков земли, не многим меньше, чем те, которые получили, после Янга, четыре главных старца: Стангерсон, Кембаль, Джонстон и Дреббер.

На новой земле Джон Ферье выстроил сначала простую, маленькую, но очень крепкую избушку. Затем, из года в год увеличивая и украшая ее, он преобразовал избушку в восхитительную виллу. Он был человек крайне практичный, предусмотрительный и ловкий. Его железное телосложение позволяло ему работать с утра до вечера. И он обрабатывал свой участок земли с такой тщательностью и знанием дела, что ему все удавалось точно по мановению волшебного жезла. Через три года он во многом стал отличаться от своих соседей; через шесть лет он сделался богачом, а через двенадцать во всем Соляном городе было не более пяти-шести таких богатых людей, как он. От берегов громадного моря до отдаленнейших гор Вагзата его имя было известно и всеми почитаемо.

Но был все-таки один-единственный очень щекотливый пункт в его отношениях к новым единоверцам. Ни убеждения, ни советы не могли поколебать его упрямства, и он ни за что не соглашался завести себе гарем. При этом он не давал никаких объяснений и продолжал с непоколебимой твердостью стоять на своем.

Одни обвиняли его в неправильном толковании новой религии, другие в скупости, – будто бы он не заводит жен из боязни лишних расходов, третьи, наконец, рассказывали какую-то старую историю его любви к белокурой девушке, жившей на берегах далекого моря, которая умерла от отчаяния, когда их разлучили. Но что бы они ни говорили, Ферье так и остался старым холостяком. Впрочем, что касается других пунктов, указанных в религии мормонов, то он исполнял их все точно и добросовестно и скоро даже прослыл за человека очень стойкого и фанатичного в этом смысле.

Люси Ферье выросла в хижине своего приемного отца, присутствуя при всех его работах и предприятиях. Живительный горный воздух и бальзамический запах сосен заменили ей нежные ласки и уход матери. С каждым годом она росла и развивалась все более и более, щеки ее делались все свежее и миловиднее, а походка легче и эластичнее. Нередко прохожий, идя

мимо фермы ее отца и увидев Люси, чувствовал, как его старое сердце вздрагивало от наплыва чувств, которые он почитал уже давно угасшими. С одинаковой грацией ее прелестный силуэт вырисовывался то среди полей, куда она уходила для прогулок, то на резвой, едва выезженной лошади, которою девушка управляла с ловкостью истинной дочери Запада. Она была похожа на чудный, едва распустившийся цветок, и ко времени, когда ее отец стал считаться одним из богатейших фермеров страны, она превратилась в самую восхитительную и соблазнительную американку-невесту, подобную которой редко можно встретить.

Старый Ферье был далеко не первым, кто заметил красоту девушки, превратившейся из ребенка в женщину. Впрочем, это участь всех отцов. Такую перемену трудно заметить вдруг, в какой-нибудь определенный момент, потому что рост и развитие женщины совершаются постепенно и неуловимо. Даже сами девушки никогда не замечают этого до тех пор, пока чей-нибудь взволнованный голос или дрожащая рука, пожимающая руку, не откроют им, что наступила пора, когда более сильные ощущения готовы пробудиться в юном сердце. Это сначала пугает их немного, но какую сладостную гордость ощущают они в то же время! Почти всякая женщина с точностью может назвать вам число, когда какой-нибудь, иногда незначительный, случай зажигает перед их глазами лучи новой зари.

Точно так же и в жизни Люси Ферье настал такой день, повлекший, впрочем, за собою тяжкие для нее самой и для многих других последствия.

В теплый июльский день люди, называвшие себя «работниками, вышедшими на работу в последний час», были заняты трудом, подобно пчелам. На полях и на улицах царил неумолкаемый шум и грохот, которые производят трудящиеся люди. По пыльным дорогам тянулись длинные ряды тяжело нагруженных мулов. Они направлялись к западу, так как золотая лихорадка тогда уже охватила Калифорнию. Временами по дороге проходили стада баранов или быков, которых перегоняли с одного пастбища на другое; иногда по ней тянулись караваны. Люди и лошади в этих караванах, измученные дальним путешествием, казались жалкими и истощенными до последней степени.

Однажды Люси Ферье верхом пробиралась сквозь такую разнородную толпу, с большой ловкостью лавируя между повозками и людьми. Лицо ее слегка зарумянилось от быстрой езды, а длинные шелковистые волосы свободно развевались по ветру. Отец послал ее, как это случалось довольно часто, с поручением в город, и она торопилась со всей беззаботностью юности, думая только о поручении и о том, чтобы хорошо исполнить его.

Конные и пешие путешественники с удивлением провожали ее глазами, и даже вечно равнодушные и невозмутимые индейцы на минуту оживлялись, любуясь этой прелестной дочерью бледнолицых.

При самом въезде в городское предместье Люси увидела, что дорога перед нею загорожена громадным стадом, которое сопровождали несколько погонщиков очень дикого вида. В нетерпении поскорее достигнуть цели она решилась проехать сквозь стадо быков и смело направила лошадь в узкий просвет, который образовали животные посередине дороги. Но в ту же минуту быки стеснились, и молодая девушка почувствовала себя сжатой со всех сторон и уносимой вперед этим живым рогатым потоком. Привыкшая иметь дело с различного рода скотом, она не смутилась, попав в такое неприятное положение. Как только она замечала небольшой промежуток между быками, тотчас направляла в него лошадь, надеясь таким образом постепенно проехать сквозь все стадо. Но к несчастью, случайно ли или в припадке ярости, один из быков всадил свои острые рога в бок ее лошади. Последняя, обезумев от испуга и боли, взвилась на дыбы и принялась прыгать и вертеться с такой силой, что только ловкость девушки и привычка ездить верхом помогли ей удержаться в седле.

Но положение ее было все-таки очень критическое. При каждом новом прыжке лошадь наталкивалась на рога быков, и боль от этих новых уколов заставляла ее беситься все более и более. Молодая девушка с величайшими усилиями держалась в седле, хорошо сознавая, что

ее падение будет равносильно смерти, и какой смерти! Быть раздавленной, истоптанной этими ужасными животными!.. Она начала терять голову; руки ее слабее держали поводья, а острый запах, исходящий от потных и грязных быков, вызывал спазм в ее горле, в то время как клубы дорожной пыли совершенно ослепляли ее. В отчаянии она уже готова была предаться своей судьбе, когда вдруг услышала неподалеку ободряющий голос, и в то же мгновение чья-то загорелая рука, схватив лошадь под уздцы, уладила ее и вскоре вывела из стада.

– Надеюсь, что вы не ранены? – спросил ее спаситель почтительно.

Она с минуту глядела на его бронзовое от загара и энергичное лицо и засмеялась.

– О, я ужасно перепугалась! И подумать только, что несколько десятков коров могут показаться такими страшными!

– Благодарение Небу, что вы не упали с лошади, – серьезно сказал ее спутник.

Это был молодой, высокого роста человек с несколько диким видом. Он сидел верхом на сильном коне и был одет в грубое платье охотника. В руках он держал длинное ружье в чехле.

– Пари держу, что вы дочь Джона Ферье, – сказал он. – Я видел, как вы выехали верхом из его ворот. Вернувшись домой, спросите его, помнит ли он Джеферсона Гоппа из Сен-Луи. Его отец и мой были некогда в большой дружбе.

– Не хотите ли лучше спросить его об этом лично? – поинтересовалась молодая девушка.

Юноша был в восторге от ее слов, и в глазах его вспыхнул огонек.

– С удовольствием, – ответил он, – но мы путешествуем в горах вот уже два месяца и одеты совсем не для визитов. Пусть уж Ферье примет меня таким, каков я есть.

– О, конечно, – воскликнула Люси, – ведь он обожает меня. Не будь вас, эти проклятые коровы раздавили бы меня насмерть, и Ферье никогда бы не утешился.

– И я точно так же, – ответил он.

– Вы! Не знаю, чем бы это могло огорчить вас, когда вы даже не принадлежите к числу наших друзей.

Лицо путешественника при этих словах девушки омрачилось до такой степени, что Люси расхохоталась.

– Ну-ну, я не то хотела сказать. Конечно, вы наш друг. Приходите к нам, а теперь я должна ехать дальше, в город, иначе мой отец никогда больше не даст мне никаких поручений. До свиданья!

– До свиданья! – ответил он, приподнимая свою широкую шляпу и наклоняясь над маленькой ручкой, которую ему подала девушка.

Затем Люси повернула лошадь, ударила ее хлыстиком и скрылась как молния, поднимая за собой целое облако пыли.

Юный Джефферсон продолжал с другими товарищами путь, но стал вдруг мрачным и молчаливым. Все они занимались в горах Невады разработкой золотых приисков, но не имея достаточно средств для дальнейшей работы, отправились в Соляной город, надеясь найти там

необходимый капитал для разработки золотых жил. До этого дня Джеферсон Гопп проявлял необычайную целеустремленность в золотодобыче, но только что происшедший случай заставил его задуматься совсем о других делах.

Вид этой девушки, свежей и здоровой, как ветерок, ласкающий верхушки Сьерры, до глубины взволновал это дикое и страстное сердце. Глядя ей вслед, он понял, что жизнь его должна измениться в чем-то и что отныне ни золотые прииски, ни что другое в мире не в силах соперничать с новым и сильным ощущением, охватившим так внезапно его душу. Он не был мальчиком, способным поддаться первому же любовному впечатлению, это был человек с сильной волей и ярким характером. Он любил повелевать, умел преодолевать все преграды на жизненном пути, и чувство, которое он испытывал теперь, было чувством бурной, глубокой и неистовой страсти. Все, что он предпринимал до сих пор, удавалось ему вполне. И теперь в глубине души он поклялся преодолеть все препятствия, которые возникнут перед ним при достижении этой новой, прелестной цели. Он поклялся отдать для этого все свои силы.

В тот же вечер Джеферсон Гопп сделал первый визит Джону Ферье. С этого дня посещения его были все чаще и чаще, и, наконец, он стал одним из самых близких людей на ферме.

Джон Ферье в течение всех последних двенадцати лет мало интересовался жизнью других стран, и Джеферсон Гопп покорила его всевозможными рассказами из жизни внешнего мира. Люси разделяла любопытство и внимание отца к рассказчику. Они узнали, что их гость был сначала землекопом в Калифорнии и знал много историй быстрого обогащения и затем разорения в этой стране, полной неожиданностей и приключений. Затем последовательно он был охотником за дикими зверями, охотником за индейцами, укротителем зверей. Всюду, где только пахло опасностью и приключением, являлся Джеферсон Гопп.

Вскоре он стал любимцем Джона Ферье, без устали восхвалявшего его достоинства и качества. Юная Люси больше молчала, но ее раскрасневшиеся слегка щеки и блестящие глаза ясно свидетельствовали о том, что сердце ее уже перестало принадлежать ей. Ее добряк-отец мог и не заметить этих красноречивых симптомов, но избранник ее сердца отлично все видел и понимал.

В один прекрасный летний вечер Джеферсон подскочил на своей лошади к решетке сада старого Ферье. Привязав ее к железному кольцу, он двинулся по аллее к Люси, которая еще издали заметила всадника и вышла его встретить.

– Я уезжаю, Люси, – сказал он, взяв ее ручки в свои и с нежностью заглядывая в ее глаза. – Я не прошу вас следовать за мной теперь, но, когда я вернусь, будете ли вы готовы уехать со мною?

– А когда вы вернетесь? – спросила она, слегка покраснев и улыбаясь.

– Я вернусь самое позднее через два месяца, моя дорогая, и тогда заберу вас, как мое собственное сокровище. Кто может разлучить нас?

– А мой отец?

– Он дал мне свое согласие, но при условии, чтобы мои дела на приисках пошли хорошо. На этот счет я совершенно спокоен.

– О! Если вы и мой отец все уже устроили, мне нечего сказать более, – произнесла она, прислонив головку к широкой груди своего друга.

– Слава Богу! – воскликнул он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. – Итак, дело улажено. Но чем дольше я буду оставаться здесь, тем труднее мне будет уйти. Мои товарищи ждут меня на дороге в ущелье. Прощай, моя любовь, через два месяца мы увидимся снова!..

Он вырвался из ее объятий и, вскочив на лошадь, усакал, как вихрь, не смея даже оглянуться из боязни, что одного взгляда на любимую девушку будет достаточно, чтобы поколебать его решимость.

Молодая девушка облокотилась на решетку и не спускала с него глаз до тех пор, пока он не скрылся из виду. Затем она медленно вошла в дом. В этот час она была самым счастливым человеком Утаха.

III. Пророк у Джона Ферье

Прошли три недели с того дня, как уехал Джеферсон Гопп. Джон Ферье с болью в сердце думал о возвращении его снова, так как этот день – увы! – должен был стать днем отъезда Люси из родительского дома. Но при виде веселого и счастливого личика Люси старик сдерживал свое горе и старался найти свое счастье в ее счастье. Давно еще он поклялся самому себе, что ни за какие блага мира не допустит, чтобы его дочь вступила в брак с каким-нибудь мормоном. Подобный союз он считал не за настоящий брак, а за позор и несчастье. Но он тщательно таил эти мысли в самом дальнем уголке своего сердца, потому что в этой Стране Святых в то время было чрезвычайно опасно высказывать что-либо против религии.

Да, это было опасно. Так опасно, что самые благочестивые не осмеливались даже шепотом высказывать свои религиозные мнения. Они боялись, что случайно сказанное слово будет ложно истолковано и их постигнет наказание. С другой стороны, и жертвы стали теперь преследователями, да еще какими! Севильская инквизиция и тайные общества Италии с их мрачными интригами не наводили на Европу такого ужаса, какой теперь царил над Утахой.

Эта организация была невидима и таинственна, но тем больше она была и страшна. Она обладала всезнанием и всемогуществом, несмотря на то, что была невидима. Человек, пытавшийся завязать борьбу с их законом, в один прекрасный день исчезал, и исчезал навеки. Никто более никогда не слышал о нем. Напрасно жена и дети ожидали его возвращения, – он не приходил и не мог никому рассказать, что произошло с ним на тайном суде.

За одно легкомысленное слово, за один необдуманный поступок могло постигнуть это наказание. Человек уничтожался ужасной, невидимой силой, уничтожался непонятным для всех образом. Чего же после этого удивляться, если люди, жившие под непрерывным страхом, опасались даже шептаться о томивших их душу сомнениях.

Вначале эта темная и ужасная власть преследовала только бунтовщиков, – тех, которые, приняв мормонство, делали попытки его исказить или даже совсем оставить. Но потом число жертв возросло. Дело в том, что число взрослых женщин в колонии уменьшилось, а из-за их недостатка стало невозможным многоженство, которое по мормонской религии обязательно. И вот начали ходить странные слухи.

В местностях, где индейцев не было и в помине, неизвестные злодеи грабили целые поселения, убивая мужчин. Зато в гаремах старцев появлялись новые женщины, разбитые скорбью и слезами, на лицах которых читался пережитый ими ужас.

Побывавшие в горах путешественники рассказывали, что они видели в ночном мраке силуэты вооруженных людей в масках. Эти рассказы и многие другие догадки постепенно проясняли дело, и все поняли то, что происходит. И если сегодня даже произнести в какой-нибудь далекой, уединенной ферме слово о шайке «бандитов» или «ангелов-мстителей», – имена эти вызовут в сердцах слушателей чувство неудержимого ужаса. Когда люди поняли, наконец, силу этой организации, проявления которой были так ужасны, то страх среди них, вместо того чтобы уменьшаться, усиливался все более и более, потому что никто не знал, кто были члены этого неумолимого общества. Их имена, число, их сообщники, помогающие им совершать преступления, убийства, были покрыты глубокой тайной. Если кто имел друга, то не знал, можно ли довериться ему, высказав свои сомнения или страх относительно пророка и о его миссии, потому что друг мог оказаться причастным к тайному обществу и исполнителем высших велений. Он мог прийти под покровом ночи, вооруженный железом и огнем, судить вас самым ужасным, самым беспощадным судом. Никто не доверял соседу и никогда не обменивался с ним ни единым словом относительно этого интересующего всех, но опасного вопроса.

В один прекрасный день, рано утром, Джон Ферье собирался выходить из дому, чтобы сделать обычный обход полей. Вдруг он услышал скрип засова у своей калитки и увидел средних лет человека с золотистыми волосами и внушительным видом, который шел по аллее к дому. Сердце Джона дрогнуло в груди, когда он узнал в идущем знаменитого Янга Бригема.

Полный тяжелого предчувствия, – ибо подобный визит не мог предвещать ничего хорошего, – Ферье пошел гостю навстречу и почтительно поклонился ему в пояс. Но великий предводитель мормонов чрезвычайно холодно принял эти знаки почтения и последовал за хозяином в комнату, продолжая хранить на лице суровое и неприветливое выражение.

– Брат Ферье, – сказал он, садясь на стул и сверкая сквозь длинные, бесцветные ресницы острым взглядом, – истинно верующие, я надеюсь, были добры к вам. Мы подобрали вас умирающего от голода и жажды в пустыне, мы поделились с вами хлебом, мы привели вас здоровым и невредимым в обетованную землю, наделили вас хорошей землей и позволили вам нажать состояние, охраняя вашу безопасность. Все это так или нет?

– Все это так, – отвечал Джон Ферье.

– Что же мы требовали от вас взамен этого? Одну только вещь, а именно – чтобы вы приняли нашу веру со всеми ее законами и предписаниями. Вы обещали это, однако, если слухи, дошедшие до меня, верны, вы не исполнили обещания.

– Но чего же я не исполнил? – воскликнул Ферье, поднимая руки к небу. – Не вложил ли я свою часть в общую кассу? Не хожу ли я аккуратно в храм? Не...

– Где ваши жены? – перебил его Янг, бросая кругом вопросительный взгляд. – Позовите их, чтобы я мог их приветствовать.

– Это правда, я не женился, – ответил Ферье, – но число женщин у нас очень ограничено, и многие из братьев имеют больше прав на них, нежели я, потому что я все-таки не один. У меня есть дочь.

– О ней-то я и хочу поговорить с вами, – продолжал начальник мормонов. – Она возросла в силе и красоте и сделалась лучшим цветком Утаха. Многие и лучшие из нас бросили взор свой на нее.

Джон Ферье заглушил вздох.

– Про нее ходят слухи, которым я бы не хотел верить. Говорят, что она помолвлена с каким-то язычником. Но я надеюсь, что это только обычные сплетни, потому что девятнадцатая заповедь в законе блаженного Иосифа Смита гласит: «Всякая дочь правой веры должна сделаться женою одного из избранных, ибо если она избирает себе мужем язычника, на ней будет лежать незамолимый грех». Итак, вы видите, что вам, который принадлежит к правой вере, немислимо допустить собственную дочь до такого греха.

Джон Ферье ничего не ответил, а только нервно сжимал рукоятку своего длинного охотничьего кнута.

– Вот и представляется случай подвергнуть испытанию вашу веру. Так было решено на священном Совете Четырех. Ваша дочь молода, и мы не хотим, чтобы она соединилась с каким-нибудь седовласым старцем; точно так же мы решили предоставить ей известную свободу выбора. У каждого из старцев уже есть порядочное «стадо», но дети наши также должны быть обеспечены. У Стангерсона и Дреббера есть по взрослому сыну. У очага первого ваша дочь будет так же счастлива, как и у очага второго. Пусть она выберет одного из двух. Оба они молоды, богаты, оба истинно верующие... Что вы ответите на это?

Сдвинув брови, Ферье молчал в течение нескольких минут.

– Дайте нам немного времени, чтобы подумать, – сказал он наконец. – Моя дочь так молода... Я еще и не думал о браке для нее.

– Даю вам месяц на размышление, – произнес Янг, вставая, – но как только минет назначенное время, пусть она даст нам ответ.

Он был уже на пороге двери, говоря это, как вдруг остановился и оглянулся; лицо его приняло свирепое выражение и глаза засверкали.

– Если вы, Ферье, и ваша дочь станете, несмотря на ваше бессилие, бороться с волей Четырех Святых, лучше бы вам было, если бы кости ваши остались белеть при дороге в Соляной пустыне!

И, потрясая угрожающе рукой, он удалился. Мелкий гравий, которым была усыпана аллея, резко скрипел под его тяжелыми шагами.

Ферье так и остался сидеть на месте, сжав голову руками и думая, как бы поосторожнее рассказать о всем случившемся дочери. Вдруг он почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу и, подняв глаза, увидел Люси, которая стояла перед ним. По ужасу, написанному на ее бледном лице, он понял, что она все слышала.

– Я сделала это неумышленно, – ответила она на его вопросительный взгляд. – Голос его был слышен по всему дому. О, мой отец, мой отец, что нам делать?

– Не огорчайся, дитя мое, – сказал он, притягивая ее к себе и лаская своей широкой и узловатой рукой шелковистые локоны девушки. – Мы найдем способ увернуться. Твоя симпатия к нашему отсутствующему путешественнику ведь не уменьшилась, не так ли?

Рыдание было ему ответом.

– Да, да, я знаю, что нет, – продолжал он, – я очень этому рад. Он славный мальчик и добрый христианин, чего нельзя сказать про здешних, несмотря на их длинные проповеди и молитвенные кривляния... Слушай: завтра поезд отходит в Неваду. Я устрою так, что к нему отправится посланец, который расскажет, в какой капкан мы попали. И если я не ошибаюсь в нем, то наш друг будет здесь так быстро, как депеша.

При этих словах Люси улыбнулась сквозь слезы.

– Когда он будет здесь, то укажет нам самый лучший выход, – сказала она. – Но я дрожу за тебя, мой дорогой отец. Они так ужасны, эти истории, которые рассказывают про людей, пытавшихся противиться великому пророку! Всегда с ними приключались какие-то тяжелые несчастья.

– Но ведь мы еще не начинали противиться им! – ответил отец. – Мы еще имеем время, чтобы миновать бурю: у нас целый месяц впереди. Правда, по истечении его будет, пожалуй, лучше исчезнуть из прекрасной страны Утаха.

– Покинуть Утаху?

– Это мое желание.

– А как же ферма?

– Постараемся собрать в наш дом сколько возможно больше денег, а затем убежим и бросим все остальное. Если говорить правду, Люси, то я уже не в первый раз помышляю об этом. Я не очень-то люблю, чтобы из меня делали игрушку, как делает это со всеми здешними людьми этот несчастный пророк. Я вольный сын свободной Америки, и все это крайне стесняет меня. В мои годы поздно уже учиться кривляниям, и, если этот старец еще вздумает заглянуть сюда ко мне, он рискует получить добрый заряд картечи.

– Но нам не дадут уехать, – заметила молодая девушка.

– Подождем, когда приедет Джеферсон. Он что-нибудь придумает. А пока не унывай, моя крошка, чтобы твои глазки не были красны, когда он вернется. А то я боюсь, как бы мне не пришлось отвечать перед ним за это. Ничего ужасного пока еще не случилось, и нам не грозит никакая опасность.

Но, несмотря на эти ободряющие слова, сказанные, по-видимому, спокойным тоном, девушка не могла не заметить, с какой тщательностью в этот день запирает на замок двери ее отец, ложась спать. Не удовольствовавшись этим, он основательно вычистил сначала, а затем зарядил свое старое ружье, висевшее в его комнате.

IV. Бегство

Утром на другой день после визита пророка Джон Ферье отправился в Соляной городок и передал одному своему другу, который собирался в Неваду, письмо для Джеферсона Гоппа. В нем он описывал молодому человеку, какая ужасная опасность угрожает им и как необходимо

его присутствие. Исполнив это, Ферье почувствовал, как часть тяготы спала с его груди, и он уже с более легким сердцем вернулся домой.

Подходя к дому, он был чрезвычайно удивлен, увидев двух лошадей, привязанных к решетке его забора. Удивление его увеличилось еще более, когда, войдя в комнату, он нашел двух молодых людей, которые его ожидали. Один из них, с бледным и длинным лицом, лежал развалившись в кресле и положив ноги на решетку очага. Другой, грубые черты которого прекрасно гармонировали с бычьей шеей, сидел на окне, засунув руки в карманы и посвистывая. Оба приветствовали Ферье кивком головы, и тот, который лежал в кресле, начал следующий разговор:

– Вы, может быть, не знаете нас? Мой товарищ – сын старца Дреббера, а я – Джозеф Стангерсон. Оба мы путешествовали вместе с вами в пустыне, когда Господу угодно было протянуть вам руку помощи, причислив вас к избранному стаду верных овец.

– Точно так же он может сделать с народом всех наций и соединить их в одно стадо! – сказал другой несколько гнусавым голосом. – Мельница мелет тихо, но мелет хорошо.

Джон Ферье холодно поклонился. Теперь он знал, с кем имеет дело и чего ему ожидать от этого визита.

– Мы явились к вам, – продолжал Стангерсон, – с согласия наших родителей, чтобы просить у вас руки вашей дочери. Выбирайте, она и вы, между нами двумя. Но так как у меня только четыре жены, в то время как Дреббер имеет их семь, мне кажется, право на моей стороне, и мое предложение будет принято более благосклонно.

– Нет, нет, брат Стангерсон! – воскликнул другой. – Дело не в том, сколько женщин мы имеем, а в том, сколько их можем содержать. Мой отец передал мне свои мельницы, и я богаче моего соперника.

– Но у меня более блестящее будущее, нежели у вас, – с жаром возразил Стангерсон. – Когда Господь позовет моего отца к Себе, мне достанутся его кожевенная фабрика и его жилище. И затем я старше вас и занимаю в церкви более высокое положение.

– Пусть решит сама молодая девушка, – сказал Дреббер, рассматривая себя с видимым удовольствием в зеркало. – Подождем ее решения.

Во время этого диалога Джон Ферье, сдерживая бешеную ярость, стоял у порога, с невероятными усилиями удерживаясь от желания обломать свой кнут о спины гостей.

– Слушайте меня хорошенько, – сказал он, наконец, делая два шага к ним. – Когда моя дочь пригласит вас сама, я соглашусь принять вас в своем доме, но до тех пор поворачивайте лопатки назад, и чтобы я не видел вас более!

Оба молодых мормона вскочили, пораженные услышанным. Они были убеждены, что приносят и отцу и дочери величайшую честь своим соперничеством, ради которого и явились сюда сегодня.

– Есть два способа выйти отсюда, – воскликнул Ферье, – через окно или через дверь. Выбирайте сами!

Его загорелое лицо было ужасно, его костистые руки – так угрожающе, что визитеры сочли правильным быстро отступить. Старый фермер последовал за ними до самой калитки.

– Когда вы окончите споры и придете к какому-нибудь соглашению, то оповестите меня, кто из вас двоих должен стать моим зятем, – насмешливо сказал он им.

– Достанется вам за все это, так жарко будет! – вскрикнул бледный от ярости Стангерсон. – Вы бросили вызов пророку и Совету Четырех. И вы покаетесь в этом, до конца ваших дней покаетесь!

– Рука Господа тяжело ляжет на вас, – сказал Дреббер. – Он восстанет, чтобы наказать вас.

– Так я сначала возьму свое вперед! – крикнул Ферье, взбешенный окончательно, и бросился за ружьем. Но из дома выбежала Люси, схватила его за руку и увела в комнату. Старик

вырвался из ее рук, но в ту же минуту послышался галоп отъезжающих мормонов, и он понял, что они ушли от его выстрела.

– Мерзавцы! Ханжи! – воскликнул Джон, вытирая обильно струившийся по лбу пот. – Лучше мне видеть тебя мертвой, дитя мое, нежели женою одного из них.

– И я того же мнения, – спокойно ответила она. – Но теперь Джеферсон скоро вернется.

– Да, я надеюсь, и чем скорее, тем лучше, потому что мы не знаем даже, что способны они придумать теперь.

И действительно, пора было, чтобы кто-нибудь, способный дать добрый совет и поддержку, быстро явился на помощь старику-фермеру и его дочери. С самого первого дня возникновения здесь города Святых еще никто ни разу не отважился так резко идти против ясно выраженной воли Старцев. Если они жестоко карали самые малейшие провинности против их авторитета, то что же они сделают теперь, ввиду такого явного бунта? Ни богатство, ни положение, ни общее уважение не могли спасти виновного. Много других еще более богатых и уважаемых лиц в один прекрасный день исчезали с лица земли самым таинственным образом, а община святых вступала во владение всем их имуществом. Поэтому, несмотря на всю храбрость, опасность, которую Ферье чувствовал над своею головою, наполняла его ужасом. Он готов был стать лицом к лицу перед опасностью явной, видимой, но неизвестность сводила его с ума. Не желая пугать Люси, он в ее присутствии принимал спокойный, равнодушный вид и старался показать ей, что не обращает особого внимания на все случившееся. Но девушка с проницательностью любящей дочери прекрасно понимала его беспокойство и ужас.

Ферье ожидал от Янга или какого-нибудь посланца, или же письмо, и он не ошибся в своих ожиданиях, хотя ни за что не догадался бы относительно способа, который использует для этого Пророк. Проснувшись утром на другой день, он, к величайшему изумлению, нашел приколотым к одеялу, как раз у своей груди, маленький лоскуток бумаги, на котором крупными буквами было написано:

«29 дней остается вам еще, чтобы принять решение, а затем...»

Подобное предостережение было ужаснее всякой угрозы. Каким образом эта бумага очутилась приколотой на его груди, в запертом отовсюду доме? Это более всего волновало и интриговало Ферье. Его слуги ночевали в отдельных помещениях, а все двери и окна в доме были снабжены крепкими засовами.

Он разорвал бумажку в мелкие клочки и ничего не сказал о ней дочери, но это происшествие охватило холодом его сердце. Двадцать девять дней, о которых говорилось в записке, был, очевидно, месяц, данный Янгом ему на размышление. Какая сила, какая храбрость устоит в борьбе с таким могущественным врагом, который пользуется подобными таинственными средствами? Рука, прикалывавшая записку, могла точно так же поразить его насмерть в самое сердце, и никто бы никогда не узнал, чья это рука.

На следующий день он получил новый, еще более чувствительный удар. Он и Люси только что уселись за стол обедать, как вдруг молодая девушка вскрикнула, указывая рукой на потолок: в самой середине потолка углем было начертано число 28. Люси не понимала значения этой цифры, но Ферье не спал всю эту ночь и сидел на страже, сжимая руками дуло ружья. Но, несмотря на то что он ничего не видал и не слышал, утром громадное «27» появилось на внутренней стороне двери. Каждый день происходило одно и то же; каждое утро Ферье мог констатировать, что его невидимые враги аккуратно с неумолимой настойчивостью вели счет дням, данным ему на размышление. По временам роковые цифры оказывались начертанными на стене или на полу, либо он находил небольшие записочки на крыльце или приклеенными к решетке сада. И, несмотря на всю свою бдительность и тщательную слежку, старик никогда не мог понять, откуда появлялись эти ежедневные предостережения. При виде их он стал крайне нервным и беспокойным, и в его глазах мелькало выражение затравленного оленя.

Единственной оставшейся ему надеждой было ожидание молодого охотника из Невады.

Двадцать дней превратились в пятнадцать, последние в десять, и никакого ободряющего слуха о нем до сих пор еще не было получено на ферме. Каждый раз, когда по дороге проезжал какой-нибудь всадник верхом, старый фермер бросался к своей калитке, надеясь, что его мольбы услышаны.

И когда число 5 превратилось на его глазах в 4, затем в 3, он упал духом и совершенно перестал надеяться. Предоставленный только своим собственным силам и совершенно незнакомый с окружающими равнину горами, он понял свое бессилие. К тому же он знал, что все дороги были всегда очень строго охраняемы и никто не мог пройти по ним без письменного приказа, подписанного рукою Пророка.

Как ни осмысливал все это Ферье, одно только казалось ему верным и неминуемым, а именно, что ему не избежать катастрофы, нависшей над его головой. Но решимость старика не поколебалась, и он готов был лучше встретить смерть, нежели видеть свою дорогую Люси женою одного из этих ханжей.

Ферье сидел вечером на пороге своего жилища и думал над ужасным положением, в котором он очутился с дочерью, и еще раз пытался изобрести какой-нибудь способ выйти из него. На рассвете этого дня на стене он прочел цифру 2. Значит, завтра наступает последний день отсрочки, данной ему. Что же он должен делать затем?

Тяжелые и сбивчивые мысли кружились в его голове. Что станет с его дочерью, когда его самого не будет? Неужели нет никаких средств, чтобы вырваться из сети, которая, он чувствовал, стягивается над его головой? И, поняв всю безвыходность своего положения, Ферье уронил голову на руки и зарыдал.

Но вдруг какой-то шум привлек его внимание. Что это такое? За дверью послышалось легкое царапанье, все-таки ясно различаемое в ночной тишине. Ферье проскользнул в прихожую и прислушался. Шум на минутку затих, но затем повторился снова. Было очевидно, что кто-то тихонько стучался в дверь.

Был ли это убийца, посланный кровавым советом, или какой-нибудь агент, чтобы начертить роковую цифру последнего дня? Эти мысли до такой степени взволновали старика, что он задрожал с головы до ног и, предпочитая верную смерть неизвестности, бросился к двери, отодвинул засов и открыл ее настежь.

Снаружи все было тихо. Ночь сверкала тысячью блестящих звезд. Взор свободно различал дорожку сада, решетку, но ни на дороге, ни поблизости от дома не было заметно ни малейшего следа присутствия человека. Со вздохом облегчения Ферье осматривался вокруг, и, случайно бросив взгляд на землю у своих ног, он к своему крайнему изумлению увидел там растянувшегося во всю длину человека, который лежал ничком. Вид этого человека произвел на Ферье такое сильное впечатление, что он чуть не вскрикнул, вообразив, что это какой-нибудь раненый или умирающий, который дотащился до его порога. Но вдруг лежащий человек быстро пополз и проскользнул в прихожую с быстротою змеи. Затем он проворно вскочил на ноги, запер дверь, и изумленный фермер увидел перед собой гордое и решительное лицо Джеферсона Гоппа.

– Царь Небесный! – воскликнул Ферье. – Как же вы меня напугали! Но почему вы входите в мой дом таким образом?

– Дайте мне поесть, – ответил тот глухим голосом, – я не имел крошки во рту в течение сорока восьми часов.

Он накинута на холодное мясо и хлеб, оставшиеся после ужина.

– Как поживает Люси? – спросил он, утолив первый голод. – Она здорова?

– Да, – ответил отец, – и она не подозревает о той опасности, какой мы подвергаемся.

– Это хорошо. Дом окружен, и его стерегут со всех сторон. Вот почему я должен был пробираться ползком. Они могут хитрить сколько им угодно, но никогда они не перехитрят охотника за антилопами.

С момента прибытия такого сильного союзника Джон Ферье почувствовал себя совсем другим человеком. Он схватил загорелую руку молодого человека и сердечно пожал ее.

– Вами можно гордиться, – сказал он, – немногие согласились бы, подобно вам, прийти разделить наши несчастья и опасности в данную минуту.

– Вы правы, отец, – ответил молодой охотник, – я очень уважаю вас, но если бы в опасности находились одни только вы, то я подумал бы, прежде чем сунуться в такое осиное гнездо. Ради одной только Люси я приехал сюда, и, прежде чем с нею случится какое-нибудь несчастье, одним Джеферсоном Гоппом будет меньше в прекрасной стране Утаха.

– Что нам делать?

– Завтра последний день отсрочки, которую вам дали, и, если мы не начнем действовать сегодня же, все погибнет. У меня один мул и две лошади, которые ждут нас в долине Орла. Сколько у вас денег?

– Две тысячи долларов золотом и пять тысяч в билетах.

– Достаточно. У меня столько же приблизительно. Нам надо достичь города Гарсона через горы. Но вы правильно сделаете, если разбудите немедленно Люси. Очень хорошо то, что прислуга спит не в доме.

Когда Джон Ферье удалился, чтобы подготовить дочь к предстоящему путешествию, Джеферсон собрал сколько мог провизии в узелок, а также наполнил водой большой каменный кувшин. Он знал по опыту, как редки в горах колодцы. Едва он успел закончить эти приготовления, как фермер и его дочь появились в комнате полностью одетые для путешествия. Свидание возлюбленных было нежное, но поневоле они должны были сдерживать свои чувства, ибо минуты были дороги, а им предстояло много трудностей.

– Надо идти, не медля ни минуты, – проговорил тихим, но твердым голосом Джеферсон. Он отлично сознавал, что идет на опасный подвиг, но сердце его было спокойно и твердо.

– Передние и задние ворота окружены, и их стерегут, но, соблюдая большую осторожность, мы можем ускользнуть через окно сбоку дома и затем перебежать поле. А как только мы очутимся на дороге, до лошинки, где нас ждут лошади, не более двух тысяч шагов. При благоприятном исходе мы к восходу солнца успеем сделать почти половину пути в горах.

– А если нас задержат? – спросил Ферье.

Гопп коснулся рукой револьвера, который носил всегда за поясом.

– Если их будет слишком много, мы все-таки успеем уложить нескольких, прежде чем ляжем сами, – сказал он, мрачно усмехнувшись.

Огни в доме были потушены, и сквозь потемневшие окна Ферье бросил последний взгляд на сад и поля, в которые он вложил столько труда и которые ему приходилось теперь покидать. Но он уже давно решил принести эту жертву. Честь и будущее дорогой дочери он ставил несравненно выше своего благосостояния.

Все было спокойно, начиная с тихо трепещущих в полумраке деревьев и кончая громадными распаханнами полями, с которых не доносился ни малейший звук. Трудно было поверить, чтобы над этим мирным, прекрасным пейзажем носился призрак смерти. Но бледность

молодого охотника и суровое выражение его лица ясно свидетельствовали о том, что он видел эти призраки, когда подходил к дому.

Ферье взял в руки мешок с золотом и банковскими билетами; Джеферсон Гопп захватил провизию и воду, а Люси держала в руках небольшой сверток вещей, с которыми ей не хотелось расстаться. С величайшими предосторожностями они открыли окно и, выждав, когда густые облака заволокли небо, по очереди вылезли в сад. Спотыкаясь, ползком, удерживая в груди дыхание, они кое-как добрались до забора, намереваясь идти вдоль него до небольшого пролома, выходящего в поле. Они уже приближались к этому пролому, когда молодой человек вдруг схватил своих спутников и с силой оттолкнул их снова в тень, где они все трое притаились, дрожа от страха. Воспитанный в степи и долго ведя бродячую жизнь, Джеферсон Гопп обладал необыкновенно чутким слухом. И это было счастьем для беглецов, потому что едва они успели прильнуть к забору, как услышали совсем близко возле них меланхоличное завывание горной совы, на которое тотчас же ответили таким же. В ту же минуту в проломе забора появился человеческий силуэт, который продолжал повторять печальный сигнал до тех пор, пока из темноты сада не вынырнул другой силуэт.

– Завтра в полночь, когда сова прокричит три раза, – произнес первый, который был, по-видимому, начальником.

– Хорошо, – ответил другой, – надо предупредить брата Дреббера?

– Предупредите их, а также и остальных... от девяти до семи...

– От семи до пяти, – ответил второй, и оба силуэта после этого удалились в разные стороны.

Последние слова, которыми они обменивались, были, очевидно, паролем, данным на эту ночь. Как только их шаги замерли вдали, Джеферсон Гопп поднялся и помог своим спутникам пролезть в пролом. Затем он скомандовал, и все двинулись в путь напрямик по полю, причем Гопп временами, когда силы оставляли молодую девушку, поддерживал ее или почти нес на руках.

– Скорее, скорее, – шептал он время от времени, – мы находимся как раз на высоте сторожевых будок, и все зависит от нашей быстроты.

Очутившись на большой дороге, они пошли еще быстрее. Им повезло, они только один раз встретились с каким-то человеком, причем были вынуждены скрыться в поле. Возле города молодой охотник свернул в сторону и направился по узкой и крутой тропинке, ведущей в горы. Два острых зубчатых горных ребра вырисовывались в темноте. Между этими выступами и находился небольшой проход, названный долиной Орла, где спутников ожидали лошади.

С тонким инстинктом, который никогда не обманывал его, Джеферсон Гопп шел вперед, пробираясь между камней, или по высохшему ложу горного ручья. Наконец они достигли отдаленного уголка между скалами, где за огромным выступом камня были привязаны верные животные. Молодая девушка села на мула, ее отец, сжимавший мешок с деньгами, вскочил на одну лошадь, а Джеферсон Гопп на другую. После этого все трое направились в горы по тропинке, ведущей мимо глубоких, ужасных пропастей. Вид этих пропастей был так страшен, что заставлял леденить ужасом сердце всякого, не привыкшего к суровым видам горной природы. С другой стороны отвесно поднималась на тысячу с лишком метров громадная, черная и мрачная скала, которая, казалось, угрожала окрестностям. Широкие полосы базальта бороздили красноватую поверхность скалы, придавая ей вид какого-то чудовища с выдающимися боками. С другой стороны невообразимый хаос скал и обломков камня загораживал проход. Посередине этих обломков и скал проложена была тропинка, но такая узкая и неудобная, что по ней могли проехать только очень опытные и привычные к горным поездкам всадники.

Несмотря на эти опасности и препятствия, беглецы ощущали большую легкость на сердце, ибо каждый шаг удалял их все более и более от страшного могущества, от которого они бежали. Но они все еще находились в пределах наблюдения Святых, в чем и не замедлили убедиться очень скоро. Когда они достигли самой далекой, самой уединенной части прохода, Люси вдруг издала восклицание, указывая на вершину горы. На скале, нависшей над ними, ясно обрисовался силуэт часового.

– Кто идет? – воскликнул он в тот момент, как беглецы поравнялись с ним.

– Путешественники, идущие в Неваду, – ответил Джеферсон Гопп, опуская руку на ружье, привязанное к седлу.

Часовой зарядил ружье и начал рассматривать проезжавших, так как их ответ показался ему недостаточным.

– С чьего разрешения? – спросил он снова.

– С разрешения Четырех Святых, – ответил Ферье.

Он по опыту знал, что это был самый могущественный авторитет для мормонов.

– От девяти до семи! – воскликнул часовой.

– От семи до пяти! – подхватил тотчас же Джеферсон Гопп, вспомнив слова, подслушанные им в саду.

– Проезжайте с Богом! – произнес голос сверху.

Немного далее дорога стала удобнее, и беглецы пустили лошадей рысью. Оглянувшись назад, они увидели часового, который стоял на своей вышке, опершись на ружье. Фигура этого часового была для них как бы границей, отделявшей их от страны избранных, и они подумали, что зря свободы уже заблестела впереди них.

V. Ангелы-мстители

В течение всей ночи они следовали безостановочно, между крутых скал, по дорожке, стесненной отовсюду крупными обломками камня. Несколько раз они сбивались с пути, но Гопп был так хорошо знаком с горами, что очень быстро опять находил верный путь.

На рассвете их глазам представилось грандиозное зрелище. На громадном протяжении возвышались многочисленные высокие горные пики, покрытые снегом. Ряд этих пиков примыкал к высокой отвесной горе, на вершине которой росли лиственницы и буки, нависшие вниз, на дорожку, как будто собираясь задавить всякого, кто отважится пройти по ней. И это могло быть на самом деле, потому что местами на тропинке виднелись громадные упавшие деревья.

В ту минуту, когда беглецы вступили на эту тропинку, сверху оторвался большой кусок скалы с растущим на нем деревом и покатился вниз с глухим рокотом, который эхо повторило тысячу раз. Испуганные лошади бросились скакать галопом, несмотря на крайнюю утомленность.

Солнце всходило. По мере того как оно поднималось над горизонтом, снежные вершины одна за другой зажигались розовым светом, подобно блестящим факелам в день торжества. Чудные переливы света и вид ясного, ободряющего дня оттаили сердца беглецов и придали им новые силы.

Они сделали короткий привал на берегу ручейка, вытекавшего из-за выступа скалы. В то время пока лошади переводили дух, путешественники быстро закусывали. Люси и ее отец, очень утомленные, охотно отдохнули бы подольше, но Джеферсон Гопп воспротивился этому.

– В настоящую минуту они идут, наверное, по нашим следам, – сказал он, – поэтому все зависит от быстроты нашего бегства. Как только мы здоровыми и невредимыми достигнем Карсона, мы можем отдыхать всю нашу жизнь.

Весь этот день они не сходили с лошадей и к вечеру подсчитали, что не менее тридцати миль отделяют их от преследователей. С наступлением ночи они выбрали небольшое углубление в расщелине скалы и, прижавшись друг к другу, чтобы лучше укрыться от холода, несколько часов провели в крепком сне.

Было еще далеко до восхода солнца, когда они снова пустились в путь. До этого момента решительно ничего не указывало на то, что их преследуют, и Джеферсон Гопп начал надеяться, что они, наконец, вырвались из власти своих ужасных врагов. Но он еще не знал, как велика и всемогуща власть этого общества, как неумолима рука, которая вскоре должна была их схватить и уничтожить...

К полудню второго дня их провизия подошла к концу. Но охотник, который привык рассчитывать на свое ружье и знал, сколько дичи водилось в этих горах, не мог огорчаться такими пустяками. Джеферсон Гопп сначала отыскал укромный уголок между скалами, куда натаскал сухого хворосту и развел костер, возле которого все трое с удовольствием отогрели озябшее тело. Теперь они находились на высоте более пяти тысяч футов, и холодный воздух давал о себе знать. Спутав лошадей и поцеловав Люси, Джеферсон вскинул ружье на плечо и отправился на охоту, веря в свою счастливую звезду, которая ему должна помочь встретить дичь. Пройдя некоторое расстояние, он обернулся. Молодая девушка и старый Ферье сидели перед огнем, а возле них рисовались неподвижные силуэты лошадей. Охотник продолжал свой путь, и скоро острый выступ скалы скрыл его спутников. Он прошел более двух миль, зорко осматриваясь по сторонам, но не встретил ни малейшего следа какой бы то ни было дичи. Наконец ему стали попадаться отпечатки медвежьих лап на снегу, а кора на некоторых деревьях была обглодана. Прошло еще два или три часа в бесплодных поисках, и Гопп, отчаявшись в успехе, стал уже помышлять о возвращении к оставленным товарищам, когда, подняв глаза вверх, он вдруг вздрогнул от неожиданности. На выступе громадной скалы, в трех– или четырехстах футов над его головой стояло большое животное, по виду походившее на барана, но голову которого венчали два больших ветвистых рога. Это был муфлон, вожак невидимого отсюда стада. Животное, к счастью, стояло, обернувшись в другую сторону, и не почуяло присутствия охотника. Джеферсон Гопп лег на живот и, положив дуло ружья на камень, прицелился и выстрелил. Животное сделало отчаянный прыжок, зашаталось на мгновение на самом краю пропасти и затем упало вниз на камни.

Дичь была слишком велика, чтобы ее взять с собой целиком. Поэтому молодой человек удовлетворился тем, что вырезал заднюю ногу и весь филей. Взяв добычу на плечо, он поспешил в обратный путь, так как день уже клонился к вечеру. Но тут ждали его новые затруднения. Сгоряча он зашел слишком далеко, очутился в местах совершенно ему незнакомых и теперь заметил, что ему невозможно отыскать дорогу, по которой шел сюда. Долина, на которой он находился, прорезалась вдоль горными кряжами совершенно одинаковой величины и формы, так что их немыслимо было различить одну от другой. Между этими кряжами находились узкие проходы. Он выбрал наудачу один, шел им целую милю и, в конце концов, дошел до шумящего ручья, мимо которого, – он хорошо помнит, – не шел по пути на охоту. Тогда он повернул назад и пошел другой тропинкой. Результат получился тот же: тропинка вывела его к ручью.

Ночь уже наступила, когда он наконец напал на ту самую тропинку, по которой шел утром. Но теперь ему было очень трудно подвигаться вперед, ибо луна еще не взошла, а со всех сторон надвинувшиеся скалы еще более затемняли путь. Сгибаясь под тяжестью ноши, изнемогая от усталости, он спотыкался на каждом шагу. Но радость при мысли, что он сейчас увидит Люси и что он несет с собой запас провизии, достаточный для остального пути, придавала ему нечеловеческие силы.

Наконец он дотащился до конца прохода, в начале которого, несмотря на сумерки, на фоне неба ярко были видны два пика скал. Тут ему пришло в голову, что его спутники должны быть очень обеспокоенными, потому что его отсутствие продолжалось более пяти часов. И, желая сообщить им поскорее о своем возвращении, он приложил руку ко рту и испустил радостный возглас. На минуту приостановившись, он прислушался, не раздастся ли ответный крик. Но только одно эхо, гулко пронесшееся по диким скалам, многократно повторило его призыв. Тогда снова, еще громче, он прокричал, но и на этот раз никто не ответил ему. Ни один звук не раздался в ответ, и ничто не говорило о близости присутствия дорогих ему лиц, которых он совсем недавно покинул. Ужас неопределенности, которому нет имени, охватил его, и в безумном страхе он бросился бежать вперед, уронив на камни свою драгоценную ношу.

Завернув за угол скалы, он вдруг очутился перед догорающим костром. Огонь в нем уже потухал, и легко можно было заметить, что костер не поддерживался со времени его ухода отсюда. Мертвое молчание царило кругом. Его опасения превратились в уверенность: он ринулся вперед, но не увидел ничего, кроме догорающих углей. Отец, дочь, даже лошади, исчезли бесследно. Было до очевидности ясно, что во время его отсутствия здесь произошла какая-то ужасающая катастрофа, поглотившая их.

Сраженный этим тяжким ударом, Джеферсон Гопп почувствовал, что голова у него пошла кругом, и он должен был опереться на ружье, чтобы не упасть. Но он был слишком деятелен и энергичен, чтобы поддаваться мимолетной слабости, и быстро овладел собой. Выхватив из костра еще дымящуюся головню, он начал раздувать ее до тех пор, пока она снова не вспыхнула огнем, а затем принялся внимательно осматриваться. Кругом вся земля была истоптана многочисленными следами лошадиных копыт. Значит, здесь побывало множество верховых, которые, судя по следам и их направлению, повернули затем в сторону Соляного города. Захватили они с собою и его спутников? Джеферсон Гопп начинал уже думать, что да, когда вдруг его охватила ужасная дрожь. Он заметил в сторонке довольно большой холмик свежей красноватой земли, которого не было здесь раньше. Ошибиться было невозможно: это была свежеврытая и засыпанная затем могила. Подойдя поближе, молодой охотник заметил клочок бумаги, надетый на заостренную тонкую палку, воткнутую в могилу, а на бумаге была сделана лаконичная, но, увы, слишком многозначительная надпись:

Джон Ферье.

При жизни гражданин Соляного города.

Умер 4 авг. 1860 года.

Крепкий старик, которого он всего только несколько часов тому назад оставил здесь, не существовал более. О нем напоминал только этот маленький клочок бумаги! Бледный как смерть от ужаса, Гопп дико озирался, думая увидеть другую могилу, но ее не было нигде.

Люси была увезена своими преследователями, ибо она предназначалась ими для другого и должна была окончить жизнь в гареме сына одного из старцев!

Убедившись, таким образом, в постигшем его несчастье и собственной беспомощности перед ним, Джеферсон Гопп горько пожалел, что не может в эту минуту разделить со стариком Ферье его последнего жилища, где он нашел бы верный покой.

Природная энергия вскоре вновь восторжествовала над отчаянием, в которое он было погрузился. Если все потеряно, по крайней мере, он может посвятить всю свою жизнь мести. Кроме неслыханной выносливости и умения долго и много терпеть, Джеферсон Гопп умел еще ненавидеть и помнить зло, причиненное ему. В этом отношении он несколько не уступал индейцам, среди которых ему пришлось жить долгое время.

Усевшись перед угасшим костром, он подумал, что одна-единственная вещь в мире может теперь хоть немного облегчить его страдания, а именно: он должен сам собственными руками жестоко наказать своих врагов. И, устремив глаза на могилу старика Ферье, он поклялся посвятить всю свою жизнь, все свои силы этой цели. Бледный как смерть, с искаженными от страдания чертами лица, он пошел отыскивать оброненную им часть дичи, нашел ее, раздул костер и изжарил мясо, которое должно было служить ему пищей на несколько дней.

Затем он тщательно завернул мясо в мешок и, невзирая на страшную усталость, пустился в путь по следам тех, кто сами себя называли ангелами мести.

На протяжении пяти дней он, изнуренный, с окровавленными ногами, шел пешком обратно по той тропинке, которую только что перед этим проехал на лошади. Вечером он падал на землю где-нибудь в углублении камней и спал несколько часов, но утренняя заря уже заставляла его на ногах, и он снова пускался в дорогу.

Наконец на шестой день он достиг узкой долины Орла, той самой, откуда они отправились в роковое путешествие несколько дней тому назад. Отсюда можно было уже видеть город «Святых».

Разбитый морально и физически, опершись на ружье, чтобы не упасть, он потрясал кулаком в пространство, грозя большому городу, расстилавшемуся перед его глазами. Присмотревшись внимательнее, он заметил множество развевающихся в честь праздника разноцветных флагов. Гопп начал размышлять, что бы это могло означать, когда вдруг услышал топот лошадиных ног и увидел всадника, двигавшегося ему навстречу. В этом всаднике он узнал некоего Кровпера, мормона, которому ему пришлось оказать несколько услуг. И он, не колеблясь ни минуты, подошел к нему, в надежде узнать что-нибудь о судьбе несчастной Люси.

– Разве вы не узнаете меня? – спросил он. – Я Джеферсон Гопп.

Всадник в ошеломлении глядел на него. Действительно, в этом несчастном бродяге, покрытом лохмотьями вместо одежды, в этом человеке с худым и диким лицом, на котором сверкали блуждающие глаза, трудно было узнать изящного молодого охотника, каким он был некогда. Но когда мормон наконец все-таки узнал Гоппа, то удивление его сменилось жалостью.

– Вы с ума сошли, что решаетесь появляться здесь! – воскликнул он. – Одно то, что я разговариваю с вами, может мне стоить жизни. Разве вы не знаете, что Четверо Святых вынесли вам роковой приговор за то, что вы помогали бежать Ферье и его дочери.

– Я не боюсь их и их приговора, – холодно ответил Джеферсон. – Вы, Кровпер, без сомнения, осведомлены обо всем случившемся, и я умоляю вас всем, что для вас свято и дорого в мире, ответить мне на несколько вопросов. Ведь мы были всегда добрыми друзьями, не правда ли? Ради Неба, не откажите мне в моей просьбе.

– Что вы хотите знать? – спросил мормон, несколько смешавшись. – Спрашивайте скорее, потому что здесь скалы имеют уши и деревья – глаза.

– Что случилось с Люси Ферье?

– Она вчера обвенчалась с молодым Дреббером... Но что с вами? Будьте мужественней, мой друг, а то вы упадете в обморок.

– Нужды нет! – слабым голосом проговорил Гопп.

Действительно, бледность его перешла в синеву, и он упал на землю у подножия скалы, на которую опирался до сих пор.

– Она замужем, говорите вы?

– Замужем со вчерашнего дня. Вот почему развеваются в городе флаги, которые вы видите отсюда. Из-за нее был большой спор между Дреббером и Стангерсоном. Оба они участвовали в погоне за вами, и так как Стангерсон своей рукой убил Ферье, то он и думал, что поэтому имеет больше прав на его дочь. Но когда дело поступило на рассмотрение Совета Четырех, то старцы высказались за Дреббера, и великий Пророк отдал ему Люси Ферье в жены. Но я думаю, что она скоро будет уже ничьей, потому что вчера я явственно различил тень смерти на ее лице. Она походила больше на призрак, нежели на живое человеческое существо. А вы теперь куда? Уходите?

– Да, я ухожу отсюда, – сказал Джеферсон Гопп, поднимаясь с земли.

Лицо его было страшно и походило на мраморное изваяние, – до того черты этого лица сделались жестки и неподвижны. Одни глаза сверкали мрачным огнем.

– Куда вы пойдете? – спросил его мормон.

– Не все ли равно! – ответил охотник.

Затем он вскинул ружье на плечо, спустился вниз по тропинке и исчез за серыми скалами, в которых одни только дикие звери находили себе логовище и пищу. В эту минуту убитый горем охотник был несравненно более опасным и жестоким, чем все те дикие звери, среди которых он хотел жить.

Предсказание мормона сбылось очень скоро. Убитая сначала горем при виде ужасной смерти своего отца, а потом ненавистным браком, к которому ее принудили ее мучители, Люси Ферье не поднимала головы с подушки с самого дня своей свадьбы. Она угасала в течение месяца и к концу его умерла.

Варвар-муж, который женился на ней силой, главным образом, из-за имущества и денег ее отца, не выразил ни малейшего огорчения, узнав о ее кончине. Но зато остальные его жены искренно плакали над телом несчастной Люси и, согласно с обычаями мормонов, пожелали стеречь ее тело ночью, предшествующей похоронам. На рассвете, когда они все сидели вокруг гроба, к их неопишуемому ужасу, дверь вдруг с силой отворилась и в комнату ворвался какой-то дикого вида, весь оборванный незнакомый человек.

Не сказав ни слова расступившимся перед ним женщинам, он направился прямо к белому неподвижному телу Люси Ферье, которое уже покинула ее чистая душа. Наклонившись над умершей, незнакомец благоговейно прикоснулся губами к ее чистому лбу и затем, взяв ее за руку, сдернул с нее обручальное кольцо.

– По крайней мере, хоть в могилу она не понесет этого! – воскликнул он с угрозой.

И прежде чем женщины успели поднять тревогу, он сбежал с лестницы и исчез. Все это произошло так быстро и так неожиданно, что свидетели этой сцены сами могли бы подумать, что находились во власти грез, если бы не было одного факта, подтверждающего действительность происшедшего: с руки умершей исчезло обручальное кольцо.

В течение нескольких месяцев Джефферсон Гопп бродил по окрестным горам, ведя жизнь настоящего дикаря. В сердце своем он питал ненасытную жажду мести, жажду, поглотившую все его мысли и желания.

Вскоре по городу начали ходить странные слухи. Рассказывали о каком-то привидении, которое видели то ползущим где-нибудь на краю предместья, то блуждающим по уединенным горным тропинкам и обрывистым склонам гор. Однажды Стангерсон услышал свист пули, пролетевшей в разбитое стекло мимо его уха и ударившейся позади него в стену. В другой раз, когда Дреббер проходил по тропинке мимо высокой каменной стены у подошвы гор, сверху оторвался громадный кусок скалы и, падая вниз, едва не увлек его за собой в бездонную пропасть. Дреббер спасся только тем, что бросился в сторону и лег на землю.

Молодые мормоны скоро догадались, кто был виновником этих покушений на их жизнь. В надежде изловить или застрелить врага, они в обществе других вооруженных людей устроили несколько экспедиций в горы, но все было напрасно. Тогда они решили не выходить никуда в одиночку и без оружия, особенно вечером, а вокруг своих домов расставили стражу. Но прошло несколько времени, и они стали понемногу пренебрегать этими предосторожностями в надежде, что время уже успело утолить жажду мести их невидимого врага. К тому же никто его более не встречал ни в горах, ни в окрестностях города, и мало-помалу рассказы об охотнике-мстителе прекратились совершенно.

Но они ошиблись. Ненависть Гоппа не только не утихала с течением времени, но возрастала все более и более. Его горячая натура была вся охвачена, как огнем, жаждой мести, и в его сердце не было места ни для какого другого чувства. Но это был человек, который легче переносил всевозможные физические лишения, нежели душевные муки. Смерть Люси точно в самом корне подкосила силы молодого охотника. Он вскоре понял, что его железное здоровье сломано навсегда и что он быстро теряет силы. Это открытие опечалило его, потому что, если он должен скоро умереть, что станет с его мезьей? Кто отомстит за смерть Люси и ее отца?

Он сознавал, что если будет продолжать вести образ жизни, полный лишений и невзгод, как теперь, то его неминуемо ждет скорый конец, и он подойдет в горах, как бездомная собака. Взвесив и обдумав все это, он опустошенный и мрачный вернулся в Неваду, к своим приискам, с целью отдохнуть немного, собрать, сколько возможно, денег и затем уже снова приняться за дело мести с тем, чтобы довести его до конца.

Джеферсон Гопп думал сначала, что для этого ему будет достаточно одного года. Но обстоятельства сложились так, что он провел на своих приисках в Неваде около пяти лет. И, несмотря на это, воспоминание о пережитых страданиях и жажда мести были так же живы в его сердце, как и в ту незабываемую ночь, когда он произнес свою клятву над могилой Джона Ферье. Он переменял платье, прическу, назвался фальшивым именем и вернулся в Соляной город, нисколько не заботясь о том, что рискует своей жизнью, а лишь помышляя о возделенном часе мщения.

Но в Соляном городе он узнал дурные новости. Общество Святых разделилось вследствие возникшего среди них конфликта.

Несколько молодых членов общества восстали против власти Старцев. В результате произошел разрыв общества, и многие ушли из Утаха, чтобы сделаться «язычниками». Среди них находились также Стангерсон и Дреббер, но никто не знал, куда именно отправились эти последние. Ходили слухи, что Дреббер, распродав все свое имущество, оказался обладателем громадного состояния, в то время как Стангерсон выехал из Утаха совершенно разоренным. Они уехали оба, не оставив никаких следов за собой, по которым их можно бы было разыскать.

Ввиду таких вновь возникших затруднений другой человек бросил бы всякую мысль о мести, но Джеферсон Гопп не поколебался ни на одну минуту. Имея небольшие средства и громадную способность всюду находить себе заработок, он начал переезжать из одного города Соединенных Штатов в другой, повсюду отыскивая своих врагов.

Годы шли за годами, седые волосы на его голове все прибавлялись и прибавлялись, а Джеферсон Гопп упорно продолжал идти избранным путем к намеченной цели, которой он посвятил всю свою жизнь. Он походил на хорошую охотничью собаку, жадную до дичи и неуклонно бегущую по ее следам. И это упорное постоянство было, наконец, вознаграждено. Однажды, находясь в Кливленде в Огайо, он, идя по улице, заметил, как за одним из окон мелькнул знакомый профиль. Это было только одно мгновение, но Гопп узнал человека и когда вернулся в этот вечер домой в свою хижину, то план мести был уже совсем готов.

Но, к несчастью, Дреббер из окна также узнал своего врага в этом бродяге, в глазах которого он прочел себе приговор. Вместе со Стангерсоном, который у него жил в качестве секретаря, Дреббер бросился к одному из судей в городе и объяснил ему, что он преследуем своим прежним соперником и находится в опасности. В тот же вечер Джеферсон Гопп был арестован, а так как он не мог представить за себя поручителя, то и просидел в заточении три недели.

Когда же он был, наконец, выпущен на свободу, дом Дреббера уже опустел, а он и его секретарь отплыли на пароходе в Европу.

Еще раз не удалась, таким образом, планы мести Джеферсона Гоппа, но он слишком сильно ненавидел, чтобы прекратить преследование. К этому времени опустел в значительной степени и его кошелек, и он вынужден был некоторое время посвятить труду, экономя и собирая грош к грошу ввиду предстоящего путешествия. Собрав достаточное количество денег, он решил отправиться в путь.

В Европе ему посчастливилось, и он скоро напал на след своих врагов.

Он следовал за ними из города в город, временами останавливаясь ненадолго, чтобы заработать что-нибудь, но никак не мог их настичь. Приехав в Петербург, он узнал, что они только что отправились в Париж, и, когда он последовал за ними туда, они были уже по пути в Копенгаген. Едва только он высадился в столице Дании, как узнал, что они отплыли в Лондон. Но здесь, наконец, час их пробил!

Проследить дальнейшие события в их строгой последовательности мы можем по рассказу об этом самого Гоппа. Этот рассказ точно и подробно записал в своих воспоминаниях доктор Ватсон.

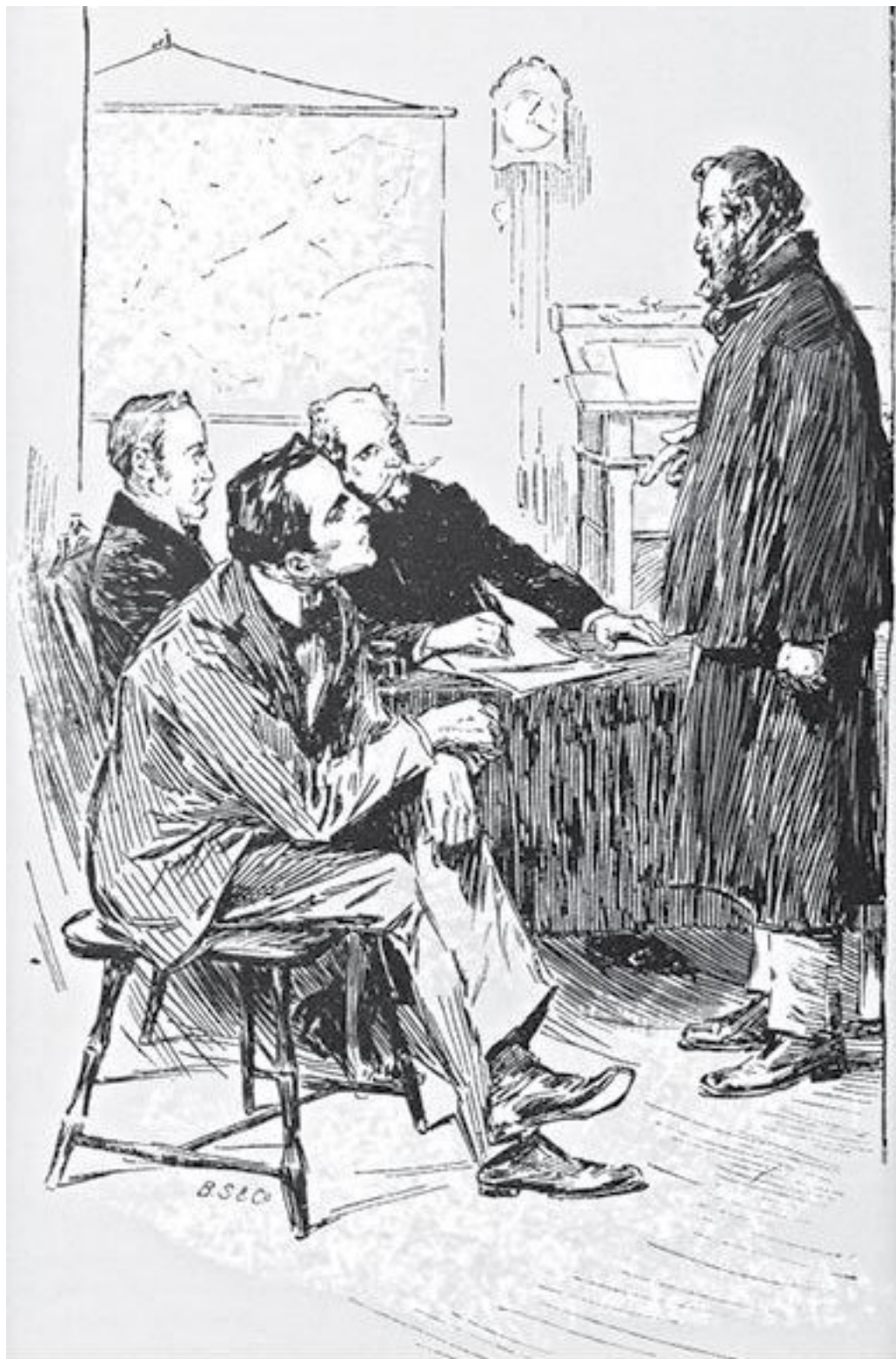
VI. Продолжение воспоминаний доктора Ватсона

Отчаянное сопротивление нашего узника, однако, ничем не угрожало лично нам, потому что, как только он почувствовал себя связанным, то посмотрел на всех нас по очереди ласковыми глазами и улыбнулся самым любезным образом. Затем он осведомился, не ранил ли кого-либо из нас в борьбе.

– Полагаю, что вы отвезете меня в полицейский участок, – сказал он, обращаясь к Шерлоку Холмсу. – Мой фиакр стоит у подъезда, и если вы будете так любезны и освободите мне чуточку ноги, то я сойду вниз. Я в настоящее время немного тяжелее, нежели был в дни моей юности, и нести меня будет слишком трудно.

Грегсон и Лестрейд обменялись быстрыми взглядами, удивляясь подобной дерзкой просьбе. Но Шерлок Холмс, полагаясь на слово узника, тотчас же развязал полотенце, которыми были скручены щиколотки Гоппа. Тот встал и пошевелил ногами, как бы для того, чтобы убедиться, что снова владеет ими. Я разглядывал его фигуру и должен признать, что мне очень редко случалось встречать человека более крепкого сложения. Лицо его, все обожженное солнцем, дышало силой и энергией и придавало еще большую внушительность всей его колоссальной фигуре.

– Если должность начальника полиции свободна, то вы более, чем кто другой достойны занять ее, – сказал он, глядя с восхищением на Холмса. – Способ, каким вы выследили меня, поистине гениален.

– Надеюсь, что вы будете сопровождать меня, – сказал Холмс, обращаясь к двум полицейским.

– Я умею править лошадью, – сказал Лестрейд.

– Отлично! Грегсон сядет в карету со мною... и с вами, доктор. Так как вы принимали участие в этом деле, то, надеюсь, что теперь уже вы не оставите нас?

Я более не заставил себя просить, и все мы сошли вниз. Наш узник, не делая ни малейших попыток к бегству, спокойно уселся в свой фиакр, а мы поместились по обе стороны от него.

Лестрейд взобрался на козлы, стегнул лошадь, и в несколько минут мы уже были на месте. Нас ввели в маленькую комнату, где один из инспекторов полиции записал имя арестованного рядом с именами других людей, обвиняемых в убийстве.

Инспектор был человек с бледным лицом и неподвижными чертами. Свои обязанности он исполнял четко, но как-то машинально, словно во сне.

– Арестованный предстанет перед судом присяжных на будущей неделе, – произнес он, – а в ожидании этого, Джеферсон Гопп, может быть, вы хотите что-то сказать? Но я должен предупредить вас, что каждое ваше слово будет записано и впоследствии может свидетельствовать против вас.

– Разумеется, у меня есть что рассказать, – спокойно ответил наш узник. – Я желаю это сделать в присутствии данных господ.

– Не лучше ли отложить это до того дня, когда вы появитесь перед судом? – спросил инспектор.

– Быть может, я не предстану перед ним совсем, – ответил он. – О, не пугайтесь! Я и не подумаю кончать самоубийством. Ведь вы доктор, не правда ли? – обратился он ко мне, глядя на меня своими черными и пронизательными глазами.

– Действительно, – ответил я.

– Тогда будьте так добры, приложите вашу руку вот сюда, – продолжал он, поднимая к своей груди скованные руки.

Я исполнил его просьбу. Под моей рукой я тотчас же почувствовал сильнейшее внутреннее сотрясение, сопровождавшееся ускоренным сердцебиением. Стенки грудной клетки вздрагивали наподобие тонкой перегородки какого-нибудь строения, сотрясаемого гигантской машиной, помещающейся внутри его. В наступившей тишине я явственно различил глухое хлокотанье, происходившее, конечно, по той же причине.

– Как! – воскликнул я, – У вас аневризма аорты?

– Именно так называли другие доктора мою болезнь, – ответил он без малейшего волнения. – Неделю тому назад я ходил к доктору, прося его совета. И мне кажется, что разрыв должен произойти очень скоро. Ведь прошло уже столько лет, как эта болезнь прогрессирует! Лишения и непомерные труды, которые я перенес, живя в горах Соляного города, были причиной моего недуга. Но теперь мое дело окончено, я готов умереть. Я хотел бы только рассказать всю мою историю, чтобы не оставлять о себе воспоминания как об убийце.

Инспектор и оба полицейских чиновника начали быстро совещаться, не зная, должны ли они соглашаться с просьбой арестанта.

– По вашему мнению, доктор, этот человек находится в непосредственной опасности? – спросил меня первый.

– Несомненно, – ответил я.

– В таком случае в интересах правосудия мы обязаны выслушать его. Итак, вы можете рассказать нам все, мистер Гопп, но я повторяю еще раз, что каждое ваше слово будет записано.

– Позвольте мне только сесть, – сказал последний, – моя аневризма очень утомляет меня. К тому же борьба, которую мне пришлось выдержать, также не принесла мне пользы. Я стою на краю могилы, поэтому можете мне верить, что я скажу правду. Каждое мое слово будет правдиво, а какие выводы вы сделаете из моей истории, меня это не касается и не интересует.

Произнеся это, Джеферсон Гопп откинулся на спинку стула и начал рассказывать свою страшную историю спокойным и ровным голосом, как будто говорил о самых обыкновенных вещах. Лестрейд записывал каждое его слово в свою записную книжку, и из этой-то книжки я впоследствии точно и верно списал то, что повествовал нам наш узник.

– Причины моей ненависти к этим двум людям не могут очень интересовать вас, – начал он. – Достаточно вам будет знать, что они убили два человеческих существа – отца и дочь, – этим самым заслужили себе смерть. С момента этого убийства прошло столько уже лет, что

я не мог обратиться ни к какому суду с просьбой судить их, но я, зная об их преступлениях, решил быть их обвинителем, судьей и палачом одновременно. Ни один человек на всем земном шаре, слышите, ни один человек не поступил бы иначе на моем месте. Двадцать лет уже прошло с той поры, когда молодая девушка, о которой я упомянул сейчас, должна была сделаться моей женой. Но ее силой принудили выйти замуж за Дреббера, и она умерла с разбитым от горя сердцем. И в то время, когда она находилась на смертном одре, я снял кольцо с ее пальца и поклялся, что в момент, когда виновник ее гибели будет умирать от моей руки, я покажу ему это кольцо, чтобы он лучше вспомнил свою вину, за которую понес заслуженное наказание.

С этого дня я ни на минуту не расставался с кольцом и преследовал по всему свету своих врагов до тех пор, пока не настиг их наконец. Они, вероятно, надеялись утомить меня, переезжая с места на место, но как они ошибались! Если я скоро умру, как и надеюсь на это, то я умру, по крайней мере, зная, что моя задача в этом мире окончена и окончена хорошо. Да, я могу похвалиться тем, что она окончена хорошо. Оба убиты моей рукой! После этого что еще остается мне делать здесь?

Они были богаты, а я беден, поэтому мне нелегко было гоняться за ними. Когда я приехал в Лондон, мой кошелек был пуст, и я вынужден был искать себе работу, чтобы жить. Править лошадьми, ездить верхом было делом для меня привычным, поэтому я и обратился к одному содержателю извозчиков, который тотчас же нанял меня. Я должен был, по условию, выплачивать еженедельно моему хозяину известную сумму денег, а весь излишек поступал в мою пользу. Но это все была мелочь, и я быстро постиг искусство увеличивать мой скудный заработок. Самое трудное для меня было изучить улицы Лондона, потому что никогда в жизни я еще не встречал нигде такого путаного лабиринта улиц и переулков, как в вашем городе. Я приобрел себе план Лондона и, взявши за исходный пункт самые большие гостиницы, вскоре ориентировался довольно удовлетворительно в своем новом положении.

Прошло довольно много времени, прежде нежели мне удалось открыть место проживания моих врагов. Они поселились в меблированных комнатах в Камбервеле, по ту сторону реки. С того момента, как я отыскал их жилище, они оказались в моей власти. Я отрастил бороду, и меня трудно было узнать. Я решил следить за ними до тех пор, пока мне не представится удобный случай для нападения. Теперь я уже твердо решил, что они не уйдут от моего возмездия. Они не могли никуда ступить и шагу, как я уже следовал за ними по пятам. Иногда я ехал вслед за ними в своем фиакре, иногда же шел пешком. Первое было гораздо удобнее. Но при этой системе я мог зарабатывать деньги только в течение нескольких часов утром и поздно вечером и вскоре заметил, что оказался в большом долгу у своего хозяина. Но я нисколько не беспокоился об этом и старался только не потерять следа своих врагов.

Они были очень хитры и, очевидно, боялись преследования, так как вечером никогда не выходили из дому, а если выходили, то днем и всегда вместе. Целые две недели я с высоты моих козел видел, как они появлялись в разных местах, то там, то сям, но никогда один без другого. Дреббер был неизменно пьян, а вот Стангерсон постоянно держался и был настороже. И, несмотря на то, что день проходил за днем, не представляя мне удобного случая, я не падал духом, потому что чувствовал, что час возмездия близок. Единственно, что меня беспокоило, была моя аневризма. Я боялся, что мое сердце разорвется слишком рано, и я не успею завершить начатое дело.

Наконец, однажды вечером, когда я проезжал взад и вперед по Торквай-Террасе, – так называлась улица, на которой они жили, – я увидел, как перед их дверью остановилась карета. Затем из дома начали выносить чемоданы и корзины и уложили их наверх кареты. После этого Дреббер и Стангерсон вышли из подъезда и уселись в карету. Как только она тронулась с места, я стегнул свою лошадь и пустился следом. Я был страшно обеспокоен, подозревая, не собираются ли они уехать из Лондона совсем. Они сошли на Эустонской станции. Я поручил свою

лошадь какому-то мальчишке и вошел следом за ними в вокзал. Здесь я услышал, как они спрашивали у одного чиновника о времени отхода поезда в Ливерпуль. Чиновник ответил им, что один поезд в Ливерпуль только что отошел, а следующий пойдет лишь через несколько часов. Стангерсон казался раздосадованным этой неудачей, а Дреббер, напротив, как будто был доволен.

Смешавшись с толпой, я подошел близко к ним и мог отлично слышать все, о чем они говорили между собой. Дреббер объявил, что у него есть небольшое личное дело, по которому он должен ненадолго отлучиться, и требовал, чтобы Стангерсон подождал его здесь, на станции. Но его товарищ возразил, напомнив, что они условились не расставаться никогда. На это Дреббер сказал, что его дело очень щекотливого характера, и он может его исполнить только в одиночку. Я не расслышал ответа Стангерсона, но Дреббер начал кричать и ругаться, говоря, что он, Стангерсон, простой секретарь и, не имеет права давать советы и приказывать хозяину.

После этого Стангерсон перестал с ним спорить и только сказал, что в случае, если Дреббер опоздает на последний поезд, то пусть придет в гостиницу «Холидей», где он займет номер. На это Дреббер ответил, что непременно придет не позже одиннадцати часов на станцию, и затем ушел. Случай, которого я так долго и так жадно ждал, настал наконец. Мои враги были теперь в моей власти. Вместе они могли защищать друг друга, порознь они вполне зависели от меня. Но я решил действовать без спешки.

Ибо я хотел, чтобы моя жертва, прежде чем умереть, узнала и руку, которая ее поражает, и то, за что она ее карает. Несколько дней тому назад один из моих седоков, а именно управляющий домами в Брикстон-Рэде, обронил в моем экипаже ключ от одного из этих домов. В тот же вечер я возвратил ключ хозяину, но сначала сделал с него слепок и заказал другой точно такой же. Сделал я это с той целью, чтобы на всякий случай иметь в громадном городе укромный уголок, где меня никто бы не мог потревожить. Затруднение было теперь в том, чтобы заманить Дреббера в этот дом.

Последний вышел со станции пешком. По пути он заходил в несколько кабаков, и в одном из них даже просидел более получаса. Когда он вышел, наконец, на улицу, то было заметно, что он сильно пошатывается. Впереди меня стоял фиакр. Дреббер махнул кучеру и уселся в экипаж. Я, конечно, последовал за ним. Мы проехали мост Ватерлоо, затем двинулись по бесконечно длинным улицам и, наконец, повернули к прежнему жилищу Дреббера. Что он намеревался делать здесь? Я остановился неподалеку от дома и наблюдал. Дреббер вышел из экипажа и вошел в дом, а фиакр медленно удалился... Но будьте добры, дайте мне стакан воды, я очень устал от этого длинного рассказа.

Я протянул ему стакан воды, которую он с жадностью выпил.

– Теперь мне лучше, – продолжал он. – Прошло с четверть часа, когда я вдруг услышал шум внутри дома, точно там происходила борьба. Дверь с силой отворилась, и я увидел двух мужчин: Дреббера и молодого человека, которого я еще ни разу не видел. Последний вел Дреббера за воротник и, стоя на верхних ступенях крыльца, сильно толкнул его вниз, отвесив ему при этом полновесный удар ногой. Дреббер полетел на середину улицы.

– Грязное животное! – воскликнул молодой человек, грозя ему вслед своей тростью. – Я тебя научу, как быть вежливым с порядочными девушками!

Он был так взбешен, что непременно попотчевал бы Дреббера палкой, если бы последний не бросился изо всех сил наутек. Пробегая мимо меня, он вскочил в мой фиакр и крикнул:

– В гостиницу «Холидей»!

Наконец-то я держу его в руках! Эта мысль наполнила меня такой радостью, сердце мое так сильно забилося в груди, что я испугался, как бы оно не разорвалось тут же. Я, не торопясь, двинулся по улице, соображая, как поступить лучше. Мне пришла в голову мысль завезти его за город и в каком-нибудь укромном местечке поговорить с ним. Я уже повернул было лошадь в другую сторону, как вдруг Дреббер, уступая своему желанию выпить, приказал мне остановиться перед дверьми одного кабака. Он вошел туда и пробыл там до закрытия. Когда он вышел, наконец, снова на улицу, где я поджидал его, то находился уже в состоянии полной невменяемости и всецело очутился в моей власти.

Не подумайте, однако, что я хотел попросту убить его, как собаку, совершенно хладнокровно, со спокойным сердцем. Нет, хотя я должен сказать, что он вполне заслужил подобную смерть. Еще давно я решил ему предоставить некоторый шанс спасения, если только он примет мои условия. Во время моих многолетних тяжелых скитаний по белу свету я жил одно время при Нью-Йоркской университетской лаборатории в качестве сторожа. Однажды профессор читал лекции о ядах. Во время лекции он показывал ученикам один алкалоид, который дикари Северной Америки употребляют для отравления своих стрел. Яд этот был так силен, что малейшая его крупинка, введенная в организм человека, влечет за собой моментальную смерть. Я сделал заметку на пузырьке с этим алкалоидом и, когда зал опустел, взял оттуда немного яду. Так как я умел приготавливать некоторые простые химические препараты, то я и сработал себе из этого алкалоида известное количество пилюль. Затем я взял несколько пустых коробочек и в каждую из них положил по две пилюли: одну безвредную, другую с ядом. Я намеревался сделать так, что, когда настигну своих врагов, предложу им выбрать одну пилюлю, а сам проглочу другую. Этот способ был более удобен, нежели дуэль с двумя пистолетами,

из которых один только заряжен, потому что бесшумен. С этого дня я носил пилюли всегда с собой в кармане.

Было уже далеко за полночь. Ночь была темная и холодная, шел дождь, потоки которого гнал сильный холодный ветер. Но, несмотря на это, я был в необычайно приподнятом настроении и готов был даже петь на всю улицу.

Меня может понять только тот, кому приходилось желать чего-нибудь всей душой, в течение двадцати лет питать надежду, что это желание исполнится, и наконец получить желаемое. Я закурил сигару, чтобы успокоиться, но руки мои дрожали, и в темноте ночи я явственно слышал биение моего сердца.

Проезжая из улицы в улицу, я точно видел перед собой неясные очертания Джона Ферье и дорогой Люси, выступающие из тумана. Так доехал я до дома в Брикстон-Рэде. На улице не было видно ни живой души, не слышалось ни малейшего звука, кроме плеска дождевых потоков по трубам. Заглянув внутрь фиакра, я увидел Дреббера, который погрузился в тяжелый, пьяный сон. Я взял его за плечо и встряхнул.

– Мы приехали, – сказал я.

– Отлично, мой друг, – ответил он.

Очевидно, он воображал, что приехал в указанную им гостиницу. Поэтому, не говоря ни слова, он вышел из экипажа и пошел за мною через сад. Но я должен был пойти с ним рядом и поддерживать его под руку, до того он был пьян. Подойдя к двери дома, я отпер ее и ввел моего спутника в первую комнату. И здесь, клянусь вам Небом, я явственно увидел перед собой лица убитых некогда старого фермера и его дочери.

– Здесь темно, точно в печке! – воскликнул Дреббер, гневно топая ногой.

– Сейчас будет светло, – ответил я, чиркая спичкой и зажигая огарок восковой свечи, которую я носил в кармане, – А теперь, Энох Дреббер, – продолжал я, поворачиваясь к нему лицом и освещая его огарком, – узнаете меня?

Он молча глядел на меня пьяными глазами в течение нескольких секунд. Затем глаза негодяя широко раскрылись от безумного страха, исказившего его лицо. Он знал, что ждет его, и поэтому отпрянул от меня назад. Обильный пот выступил на его лбу, а зубы застучали. Я прислонился к двери и от души расхохотался. Я всегда думал, что месть для меня будет сладка, но никогда не предполагал, чтобы она будет сладостной до такой степени.

– Несчастный, – сказал я, – я гонялся за тобой по всему миру, и ты все время ускользал из моих рук. Но теперь настал конец: один из нас не увидит завтра восхода солнца.

Он продолжал пятиться от меня в то время, пока я говорил, и по его глазам я видел, что он считает меня сумасшедшим. О! Я действительно был им в этот момент. Кровь бурно клокотала в моих жилах и молотом стучала в висках. Я близок был к припадку, как вдруг сильное кровотечение из носа принесло мне облегчение.

– Помнишь ли ты Люси Ферье? – воскликнул я, затворив дверь и показывая ему ключ. – День твоей казни откладывался очень долго, но он настал, наконец!

Негодяй дрожал, как в лихорадке, и готов был умолять меня о пощаде, если бы не понял сразу, что это было бесполезно.

– Вы хотите убить меня? – пролепетал он.

– Кто говорит об убийстве? Разве можно называть убийством; когда подстреливают бешеную собаку? Имел ли ты жалость в сердце, когда оторвал дорогую мне девушку от трупа ее отца и подверг ее поруганию в твоём проклятом гареме?

– Не я убил ее отца! – оправдывался несчастный.

– Но ты разбил ее невинное сердце! – закричал я, вынимая из кармана одну коробочку с пилюлями. – Пусть Бог правосудный судит между нами: выбирай одну из этих пилюль. Одна из них содержит смерть, другая безвредна; я возьму ту, которая останется. И мы увидим, действительно ли существует Бог на небесах или же один лишь случай руководит нами.

Он бросился на колени, унижаясь и моля о пощаде. Но я вынул из кармана нож и поднес к его горлу. Тогда он решился и выбрал пилюлю, а я проглотил другую. Несколько секунд мы молча глядели друг на друга. Кто из нас должен умереть? Никогда в жизни я не забуду выра-

жения его лица, когда первые муки известили его, что яд начал совершать свое дело. Я захотел и показал ему тогда обручальное кольцо Люси. Но действие яда было точно громовой удар. Сильная судорога свела черты его лица, он протянул руки вперед, зашатался и с глухим криком упал к моим ногам. Я перевернул его ногой на другой бок и, приложив руку к его сердцу, почувствовал, что он мертв. Не помню как, но мне в голову пришла мысль воспользоваться моим кровотечением из носа, чтобы сделать надпись на стене. Мне хотелось сбить с толку полицию и направить ее по ложному следу. В эту минуту я был так счастлив и весел! Я вспомнил, как в Нью-Йорке произошло однажды убийство какого-то немца и на его трупе нашли приколотый клочок бумаги с надписью «Rache», и как все газеты, комментируя этот факт, объясняли убийство политической мезтью. Я и подумал, что если жители Нью-Йорка заинтересовались этой надписью, то жители Лондона сделают также. И я, обмакивая палец в собственную кровь, написал на стене, на самом виду, слово «Rache».

После этого я вернулся к своей лошади. Погода была отвратительная. Хотя дождь перестал, на улице по-прежнему не было ни души. Отъехав уже на порядочное расстояние от дома, я заметил, что кольцо Люси исчезло из моего кармана. Это обстоятельство меня очень огорчило, так как это колечко было единственной оставшейся мне от Люси памятью. Решив, что я его, вероятно, выронил, когда наклонялся над телом Дреббера, я повернул лошадь назад. На углу улицы я оставил ее и смело направился к дому. Я готов был подвергнуться какой угодно опасности, лишь бы вернуть это кольцо обратно. Но у входа в сад я наскочил на полицию и спасся от ее внимания только тем, что притворился мертвецки пьяным.

Так умер Энох Дреббер. Мне оставалось еще покончить со Стангерсоном, чтобы расквитаться за Джона Ферье. Я знал, что он поселился в гостинице «Холидей», но напрасно ездил перед нею взад и вперед в течение целого дня: он не показывал носу на улицу. Думаю, что его охватили дурные предчувствия, когда он не дождался возвращения Дреббера. Стангерсон был чрезвычайно хитер, и его трудно было захватить врасплох.

Тогда я узнал случайно, какое было его окно, и на другой день утром, с помощью лестницы, которую я нашел в проходе между стеной и забором во дворе, проник в его комнату. Я разбудил его, напомнив, что настал час расплаты за его старые дела. Затем я предложил ему коробку с пилюлями, как и Дребберу. Вместо того чтобы ухватиться за последнюю надежду спасенья, которую я предлагал ему, он вскочил с постели и схватил меня за горло. Тогда-то я, на законном основании самозащиты, вонзил ему в сердце кинжал. Впрочем, он все равно должен был умереть, ибо я совершенно не верю в то, что Провидение позволило бы ему выбрать безвредную пилюлю.

Мне осталось немного прибавить к сказанному, и я этому очень рад, потому что страшно устал. Совершив свое дело, я продолжал заниматься извозом, рассчитывая вернуться в Америку, как только мне удастся собрать некоторое количество денег.

Я находился во дворе у моего хозяина, когда туда явился совершенно обтрепанный уличный мальчишка, который спросил, нет ли тут извозчика Джеферсона Гоппа.

Когда ему сказали, что есть, то он нанял меня отвезти седока с вещами на станцию, к поезду. Ровно ничего не подозревая, я отправился тотчас же с моим фиакром на Бейкер-стрит, и через несколько минут молодой человек, присутствующий здесь, самым любезным образом опутал меня парой вот этих миленьких браслетов. Вот, мистер, и вся история. Вы можете меня считать убийцей, но я в моих собственных глазах только судья, карающий за преступление. Вы можете быть точно такими же судьями.

Рассказ Джеферсона Гоппа до того захватил нас, а выражение его лица и голоса было так выразительно, что в течение нескольких минут мы все сидели, глубоко задумавшись. Даже оба полицейских агента, несмотря на многолетнюю привычку ко всякого рода преступлениям, были заинтересованы до высшей степени. В наступившей тишине только и слышался скрип карандаша Лестрейда, который торопился окончить запись.

– Мне остается еще только один пункт, который я хотел бы отметить, – сказал наконец Шерлок Холмс. – Кто был этот ваш сообщник, который явился ко мне за кольцом после того, как я напечатал объявление в газетах?

Арестованный лукаво подмигнул.

– Я могу раскрывать свои личные тайны, но не желаю впутывать в затруднения из-за меня других, – сказал он. – Я прочел ваше объявление и подумал, что оно могло быть простой ловушкой. Но в то же время мне хотелось получить обратно мое кольцо. Тогда один друг вызвался мне помочь и исполнил свою задачу довольно чисто, не правда ли?

– Без сомнения, – искренно ответил Шерлок Холмс.

– А теперь, мистеры, – произнес торжественно инспектор, – предоставим правосудию исполнять свое дело. Через несколько дней подсудимый предстанет перед судом, и ваше присутствие там будет необходимо. А до тех пор я один отвечаю за узника.

Сказав это, он позвонил в колокольчик. Тотчас же появились двое конвойных солдат, которые и увели Джеферсона Гоппа. Шерлок Холмс и я вышли из полицейского участка и, наняв фиакр, направились домой, на Бейкер-стрит.

VII. Эпилог

В следующий четверг мы должны были явиться в качестве свидетелей на суд. Но в назначенный день наши показания уже были излишни. Более могущественный и справедливый Судья принял на себя разбор дела Джеферсона Гоппа. В ночь, последовавшую за его арестом, ему стало хуже, а утром его нашли лежащим на полу камеры без признаков жизни. Лицо его было покойно, счастливая улыбка застыла на губах, как будто в последнее мгновение своей полной деятельности и труда жизни он ясно осознал, что намеченная им цель достигнута.

– Лестрейд и Грегсон будут очень огорчены его смертью, – заметил Холмс, когда мы на другой день рассуждали об этом. – Теперь пропала их самая лучшая реклама.

– Но я не думаю, что они принимали уж очень-то большое участие в расследовании этого дела, – ответил я.

– Людям нужды нет до того, что вы делаете, – с горечью продолжал Холмс, – главное заключается в том, что вы будто бы делали. Но как бы то ни было, пропустить это дело для меня было бы большим огорчением. Я еще не встречал до сих пор ни разу дела более интересного и поучительного, несмотря на его простоту.

– На его простоту! – воскликнул я невольно.

– Господи Боже мой, ну разумеется, это дело было совершенно простым! Я не могу выразиться иначе, – смеясь над моим изумлением, сказал Холмс. – Это доказывается тем, что благодаря небольшой цепи очень простых рассуждений мне посчастливилось накрыть преступника уже на третий день после совершения преступления.

– Да, это правда, – подтвердил я.

– Мне уже приходилось объяснять вам, что если какая-нибудь задача не укладывается в обычные рамки, то от этого она не становится труднее, а, напротив, гораздо легче к разрешению. Но в случаях подобного рода нам необходимо исходить из противоречивости. Кажется, что это так просто и ясно, и однако никто не хочет этого понять. Это происходит оттого, что люди как-то уж привыкли делать быстрые заключения и не понимают других. Из пятидесяти человек, умеющих строить синтетические выводы, вы найдете только одного, который идет к цели путем анализа.

– Откровенно говоря, я не совсем вас понимаю, – произнес я.

– Я так и думал. Попробую объяснить свою мысль более ясно. Представьте себе кого-нибудь, кому вы излагаете целый ряд фактов; он непременно скажет вам, что, в конце концов, было следствием этих фактов. Но если вы ему представите только результат этих фактов, то вряд ли найдется много людей, которые будут в состоянии восстановить все факты, предше-

ствовавшие результату, в их строгой последовательности. А именно последний метод я и называю ретроспективным рассуждением, или, иначе говоря, рассуждением аналитическим.

– Теперь я понял, – сказал я.

– Вот, например, в нашем последнем деле: вы узнали только результат, а вам нужно было на основании его угадать все предыдущие факты. Теперь постарайтесь постигнуть мой метод исследования; вернемся к самому началу. Помните ли вы, что, когда я пешком подходил к роковому дому, у меня не было никаких предвзятых мыслей. Я сначала только озабочился тщательно исследовать дорогу, на которой, как я уже говорил вам и тогда, я явственно заметил следы колес от фиакра. Точно так же я тогда объяснил вам, что этот фиакр мог проехать там только в ту ночь. Почему я узнал, что это был наемный экипаж? Да потому, что фиакры-собственники имеют ход гораздо шире. Обыкновенный наемный фиакр оставляет на земле колею много уже, нежели какая-нибудь элегантная карета собственника. Ну, вот вам первый добытый из наблюдений факт. Затем я осторожно направился по аллее, глинистая почва которой явственно сохранила отпечатки множества следов. Вы видели только одну смешанную ногами грязь там, где мой опытный глаз нашел множество ценных вещей. Для сыщика чрезвычайно важно умение читать по оставленным на земле следам, а между тем эта отрасль полицейского знания находится в большом небрежении. Но я всегда придавал ей главное значение, а продолжительная практика обогатила меня знаниями о различного рода и вида следов. И вот благодаря своему опытному глазу я легко различил шаги полицейских по дорожке. Но тут же рядом я заметил другие следы, следы двух людей, которые пришли в сад раньше. Это я узнал потому, что в некоторых местах дорожек следы эти совершенно были затерты и затоптаны шагами полицейских. Итак, в моих руках было уже два звена этой таинственной цепи. Я знал, что ночью здесь прошли двое незнакомых посетителей, что один из них был высок ростом, доказательством чему служила ширина его шагов, и что другой был изящно одет. Об этом я мог судить по узкому и элегантному отпечатку его следов. Войдя в дом, я увидел подтверждение моей догадки; человек изящно одетый и обутый в щегольские ботинки лежал, распростертый на полу. Значит, тот, другой, высокого роста, совершил убийство, если только это было убийство. И действительно, на теле убитого не было найдено ни малейшей раны, но выражение ужаса, застывшее на его лице, ясно свидетельствовало о том, что прежде, чем умереть, он понял, какой его ожидает конец. Люди, умирающие от разрыва сердца или от какой-либо другой внезапной, но естественной причины, никогда не имеют такого выражения. Мне пришла в голову мысль понюхать губы мертвого, и терпкий запах их тотчас же убедил меня, что этого человека заставили силой выпить какой-то ужасный яд. Выражение ужаса и ненависти, разлитое по лицу покойника, подтверждали мою догадку, что он выпил яд именно против воли. Вот к каким выводам пришел я путем исключения, – так как никакая другая гипотеза не могла быть объяснена данными фактами. Не подумайте, что такое предположение могло быть недопустимо. Мысль заставить кого-нибудь проглотить яд насильно не часто приходит в голову людям, но она не нова в истории преступлений. Те, кто занимался изучением ядов, хорошо помнят случай с Дольским в Одессе, а также подобный ему с Летюрелем в Монпелье.

Для меня самое важное было узнать причину преступления. Ясно до очевидности, что незнакомец был убит не с целью грабежа, так как его не ограбили.

Не была ли тут замешана какая-нибудь женщина или он пал жертвой политической мести? Я размышлял над этим, склоняясь, впрочем, не в пользу последнего предположения. И в самом деле: политические убийцы, совершив свое дело, помышляют только о бегстве. А здесь убийца действовал не спеша и с редким хладнокровием. Он надолго задержался в комнате, оставляя повсюду следы за собою. Такие действия показывают, что причиной убийства могла быть месть за какую-нибудь личную обиду, а никак не политическая месть.

Надпись на стене только укрепила меня в моем мнении: она была сделана лишь для того, чтобы ввести в заблуждение полицейских, что подтвердилось находкой кольца. Разве вам не

очевидно также, что жертве поднесли к глазам кольцо, чтобы напомнить ей о женщине, которую они знали оба? Тогда-то вот я и спросил у Грегсона, не справлялся ли он, телеграфируя в Клевеленд относительно каких-нибудь особенностей, касающихся частной жизни Дреббера? Если вы помните мой вопрос, то помните также и то, что Грегсон ответил на него отрицательно.

Тогда я начал внимательно рассматривать комнату. Из этих расследований я убедился в том, что не ошибся относительно роста незнакомца. Ширина его шагов доказывала это и здесь. Кроме того я собрал еще некоторые данные, как, например, трихинопольскую сигару и необычайную длину ногтей преступника. Затем, в виду полного отсутствия каких бы то ни было признаков борьбы, я пришел к заключению, что кровь, покрывавшая пол, это следствие сильного кровотечения из носа, из-за возбужденного состояния преступника. Что это была его кровь, я понял из того, что капли сопровождали именно его следы. Отсюда ясно, что человек, с которым приключился такой случай, непременно должен быть сангвинического темперамента. И я взял на себя смелость забежать немного вперед, объявив, что преступник был человек с красным лицом.

Выйдя из дома, где было совершено преступление, я использовал все свои возможности для того, чтобы исправить упущения, сделанные Грегсоном. Я телеграфировал начальнику сыскной полиции в Кливленде, попросив его сообщить мне все, что он знает о женитьбе Эноха Дреббера. Ответ получился чрезвычайно убедительный: Дреббер обращался в полицию с просьбой защитить его от преследования старинного соперника, которого зовут Джеферсон Гопп, и что последний находится в настоящее время в Европе.

Вы видите, что я собрал таким образом все нити этой интриги и держал их в руках. Мне оставалось только схватить убийцу.

Одно было мне совершенно ясно, что человек, в ночь убийства вошедший вместе с Дреббером в дом, мог быть только кучером фиакра. Следы, оставленные лошастью на улице, показывали, что она была там оставлена без присмотра, и воспользовавшись этим, немножко побродила по улице. Сделать иное предположение немыслимо, потому что какой же сумасшедший человек решится совершить преступление, на глазах свидетелей, каким мог быть наемный кучер? Вот и выходит, что кучер, привезший Дреббера, вошел с ним вместе в дом. К тому же, для человека, разыскивающего и преследующего своего врага в таком большом центре, как Лондон, ремесло кучера самое подходящее. И я твердо решил искать Джеферсона Гоппа среди извозчиков.

Я решил также, что он не мог оставить свое занятие после совершения убийства. Этого он не сделал бы уже только потому, чтобы не привлечь к себе внимание внезапной переменной образа жизни. И поэтому, для соблюдения тайны, он должен был хоть еще некоторое время заниматься прежним делом. Я не опасался также и того, что он переменит имя. Это ему было ни к чему, так как его все равно никто не знает. Вот тут-то мне в голову и пришла идея набрать уличных мальчишек и сформировать из них настоящий полицейский отряд. Я приказал им обходить по очереди все дворы извозчиков и разыскать Джеферсона Гоппа. Как блестяще выполнили они возложенное на них поручение вы, конечно, помните. Относительно Стангерсона, должен вам откровенно сказать, что я не предвидел этой смерти, которой помешать было невозможно. Но благодаря убийству Стангерсона я овладел пилюлями, о существовании которых только подозревал. Теперь вы сами видите, что все эти факты образуют одну цепь, непрерывную и строго-логичную.

Спорт

Первый биограф Конан Дойла Хаскет Пирсон писал: «Мало кто из читателей видит в Холмсе спортсмена, но именно это место он занимает в

народном воображении: он – следопыт, охотник, сочетание ищейки, пойнера и бульдога, который также гоняется за людьми, как гончая – за лисой; короче он – сыщик».

Конан Дойл и Луиза Хокинс в Давосе

Дойл любил спорт, как и большинство британских джентльменов, он был высоким человеком с мощными мышцами и невероятной силой. Еще в детстве, живя в бедной семье, он приобрел боксерские навыки, чтобы побеждать в драках. Позже говорил о британском боксе: «Уж лучше пусть наш спорт будет груб, чем мы станем женоподобны». В университете он полюбил футбол, был лидером студенческой сборной по регби, увлекался крикетом и гольфом. Дойл – один из основателей любительской футбольной команды «Портсмут», где сначала стал вратарем, а потом защитником. Выступал за «Портсмут» под псевдонимом Смит, так как для профессионального врача считалось зазорным играть в футбол, в то время имевшего репутацию хулиганского занятия. На курорте в Альпах в 1894 году Дойл увлекся лыжами и написал несколько очерков, восхвалявших горнолыжный спорт. В 1896 году неугомонный Артур в Германии испытал себя в боулинге. Да и его многочисленные путешествия по миру на протяжении всей жизни и постоянное участие на старости лет в авторалли тоже отчасти можно причислить к занятиям спортом. Неугомонный Дойл стал одним из организаторов Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме, а четырьмя годами раньше как журналист освещал Олимпийские игры в Лондоне.

Конан Дойл играет в гольф

– Превосходно! – воскликнул я в восторге. – Вы не должны таить свой талант, который заслуживает широкой известности. Я скажу вам прямо: если вы сами не хотите, то я непременно опубликую подробный отчет об этом деле.

– Как вам угодно. Но только сначала прочтите вот эту статью, – сказал Шерлок Холмс, протягивая мне газету.

Это был последний номер газеты «Эхо». Вся статья была посвящена делу об убийстве Дреббера и Стангерсона. Содержание ее было следующее: «Неожиданная смерть преступника лишила общество чрезвычайно сенсационного уголовного процесса. Возможно, что подробности этого интересного дела так и останутся неизвестными публике. Мы знаем лишь из достоверных источников, что преступление было совершено из мести, возникшей двадцать лет тому назад по весьма романтической причине. Тут и любовь, и мормонизм слились воедино. Обе жертвы преступления некогда принадлежали к религиозной секте, равно как и убийца, Дже-

ферсон Гопп, родившийся в городе Соляного озера. И судя по тому, как быстро было закрыто это дело, оно ярко продемонстрировало блестящие способности нашей полиции. Пусть это дело послужит уроком для иностранцев и научит их сводить свои счета у себя на родине, а не избирать местом действия нашу столицу. Всем известно, что главная заслуга в этом деле принадлежит двум полицейским агентам Скотланд-Ярда, мистерам Грегсону и Лестрейду. Джефферсон Гопп был арестован в квартире некоего Шерлока Холмса, который в качестве сыщика-любителя временами демонстрировал известное чутье. Мы не сомневаемся, что, имея таких учителей, и он впоследствии сравняется с ними в таланте. Смеем выразить надежду, что оба названных агента получат вполне заслуженную награду за свои блестящие труды».

– Ведь я предсказал подобный исход еще тогда, когда мы только собирались с вами ввязаться в это дело! – воскликнул Шерлок Холмс, смеясь. – Вот вам и результат нашего изучения «Красного по белому!». Мы только выхлопотали этим господам аттестат ловкости и искусства.

– Это все равно, – заметил я. – Я уже записал это дело подробно и помещу его в журнале, так что общество узнает его. А пока что удовольствуетесь сознанием, что вы блестяще выполнили труднейшую задачу, и воскликните вместе со скупцом древнего Рима:

*Populus me sibilat, at mihi plaudo.
Ipse domi simul ac nummos contemplar in area.*³

³ Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой люблюсь. [Гораций. Сатиры, I, строки 66–67.]

Знак четырех Повесть

Глава I. Дедуктивный метод

Шерлок Холмс снял с камина бутылку и вынул из изящного сафьянового футляра шприц, для подкожного впрыскивания. Длинными, белыми нервными пальцами он вставил тонкую иглу и отвернул левый рукав рубашки. На несколько минут глаза его задумчиво остановились на мускулистой руке и запястье, испещренных бесчисленными знаками уколов. Наконец он воткнул острую иглу, нажал крошечный поршень и откинулся на бархатное кресло с облегченным вздохом.

В продолжение нескольких месяцев я три раза в день наблюдал эту церемонию, но все еще не мог привыкнуть к ней. Напротив, с каждым днем она раздражала меня все сильнее и сильнее, и каждую ночь совесть упрекала меня в недостатке мужества. Я постоянно давал себе слово, что выскажу откровенно свое мнение, но небрежные спокойные манеры моего приятеля не допускали фамильярности. Его талант, властность, необыкновенные способности – все это вместе делало меня робким и застенчивым в его присутствии.

Но в этот раз, благодаря ли выпитому за закуской вину, или особенному раздражению, вызванному его решительным образом действий, я не в силах был сдержаться дольше.

– Что это? – спросил я. – Морфий или кокаин?

Шерлок лениво поднял глаза от книги, которую только что открыл.

– Кокаин, – ответил он, – семипроцентный раствор. Желаете попробовать?

– Ну, нет, – резко ответил я. – Мой организм еще не вполне оправился после Афганской кампании. Я не могу слишком напрягать его.

Он улыбнулся моей горячности.

– Может быть, вы правы, Ватсон, – сказал он. – Я думаю, что это вредно для тела. Но зато мысль так сильно возбуждается, так просветляется, что все другое не имеет значения.

– Но подумайте хорошенько! – серьезно проговорил я. – Рассчитайте, стоит ли игра свеч! Может быть, как вы говорите, разум ваш и возбуждается, и просветляется, но это нездоровый патологический процесс, требующий усиленного обмена веществ, и может, в конце концов, вызвать постоянную слабость. Вы знаете, какие страшные припадки реакции бывают у вас. Право, игра не стоит свеч. К чему ради скоропроходящего удовольствия рисковать потерей тех великих талантов, которыми вы одарены? Помните, что я говорю не только как товарищ товарищу, но и как медик человеку, за здоровье которого он отвечает в известной степени.

Холмс, казалось, не обиделся на мои слова. Он скрестил пальцы и положил локти на ручки кресла, как будто готовясь к продолжительному разговору.

– Мой разум противится застою, – сказал он. – Дайте мне загадки, дайте работу, дайте разобрать самый трудный шифр или сделать самый сложный анализ, – я буду в присущей мне атмосфере и могу обойтись без искусственного возбуждения. Но я ненавижу скучную рутину жизни. Я жажду умственного возбуждения. Вот почему я и избрал мою профессию – или, вернее, создал ее, так как я единственный в своем роде.

– Единственный неофициальный сыщик? – сказал я, поднимая брови.

– Единственный неофициальный сыщик, с которым советуются, – ответил он. – Я – последняя и высшая инстанция в делах сыска. Когда Грегсон, или Лестрад, или Этелни Джонс теряются – что, между прочим, постоянно случается с ними, – дело передается мне. Я рассматриваю данные, как эксперт, и даю заключение как специалист. Мое имя не встречается в газетах. Работа сама по себе, удовольствие применить свои дарования – вот высшая моя награда. Но вы и сами несколько познакомились с моим методом в деле Джеферсона Гоппа.

– Да, – чистосердечно сказал я, – никогда в жизни не бывал я так поражен, как тогда. Я даже описал это дело в маленькой брошюре под несколько фантастическим названием «Красное по белому».

Он печально покачал головой.

– Я просмотрел ее, – сказал он, – и по правде сказать, не поздравляю вас. Искусство сыска – точная наука, или, по крайней мере, должно быть такой, а потому о ней следует говорить в таком же холодном, равнодушном тоне. Вы же пытаетесь придать делу романтическую окраску, что все равно, как если бы вы вставили любовную историю или побег в теорему Эвклида.

– Но дело-то было романтическое, – возразил я. – Не мог же я изменить факты.

– Некоторые из них можно было бы и пропустить или, по крайней мере, сохранить должное соответствие при описании их. Единственное, о чем стоило упомянуть, это любопытный анализ причин и следствий, благодаря которому мне удалось раскрыть это дело.

Это критическое отношение к произведению, которое я написал в надежде, что оно понравится Холмсу, неприятно подействовало на меня. Признаюсь, что меня раздражал и эгоизм, с которым мой приятель требовал, чтобы каждая строчка моего памфлета относилась исключительно к его личным подвигам. В продолжение многих лет, что я жил с ним на Бейкер-стрит, я не раз замечал, что немалая доля тщеславия скрывается под его спокойным, нравоучительным тоном. Но я ничего не ответил и продолжал сидеть, поглаживая раненую ногу. У меня в ней застряла пуля, и, хотя это не мешало мне ходить, но нога сильно болела при каждой перемене погоды.

– В последнее время мне пришлось побывать на континенте, – сказал Холмс после короткого молчания, набивая свою старую трубку. – У меня попросил совета Франсуа де Вильяр. Как вы знаете, он выделился среди французских сыщиков. Он вполне обладает способностью кельтов быстро схватывать данные, но у него нет обширных знаний, необходимых для высшего развития искусства. Дело шло о завещании и представляло собой некоторый интерес. Я мог указать ему на два подобных события, одно – в Риге в 1857 году, другое – в Сант-Луи в 1871 году, и таким образом навел на верное решение задачи. Вот письмо, которое я получил от него сегодня утром, где он благодарит меня за помощь.

Он бросил мне смятое письмо на заграничной бумаге. Я пробежал его глазами и увидел массу восторженных восклицаний, расточаемых французом.
– Он пишет, словно ученик учителю, – заметил я.

– О, он слишком преувеличивает мою помощь, – небрежно проговорил Холмс. – Он сам достаточно талантлив. Он обладает двумя из трех качеств, необходимых для идеального сыщика. У него есть наблюдательность и способность к дедукции. Ему не хватало только знаний, но и это придет со временем. Теперь он переводит на французский язык мои сочинения.

– Ваши сочинения?

– О, разве вы не знали? – смеясь, спросил он. – Да, каюсь, написал несколько монографий. Все они касаются технических вопросов. Вот например: «О различии золы разных сортов табака». Тут я перечисляю сто сорок сортов табака, употребляемого для сигар, папирос и трубок, и рисунками иллюстрирую разницу в их золе. Этот пункт постоянно встречается в уголовных преступлениях и иногда играет важную роль в поимке преступника. Если, например, вы можете наверняка сказать, что убийство совершено человеком, который курит индейский табак, то таким образом естественно ограничивается поле исследований: опытный глаз сейчас же различает пепел различных сортов табака.

– У вас гениальная способность отыскивать мельчайшие подробности.

– Я придаю им большое значение. Вот моя монография насчет отыскивания следов ног с примечаниями о том, что гипс хорошо сохраняет отпечатки следов. Вот маленькая брошюра о влиянии ремесел на форму руки, с фотографиями рук кровельщиков, моряков, рабочих, делающих пробки, композиторов, ткачей и шлифовальщиков. Все это вопросы практического интереса для ученого сыщика, особенно в случаях неопознанных трупов или для ознакомления с преступлениями, сходными с настоящими. Но я надоедаю вам с моим коньком.

– Нисколько, – серьезно ответил я. – Все это чрезвычайно интересует меня, особенно с тех пор, как мне пришлось видеть на практике применение ваших рассуждений. Но сейчас вы говорили о наблюдательности и способности к выводам. Одна из этих особенностей до известной степени предполагает и другую.

– Ну, не совсем, – сказал он, с наслаждением откидываясь на спинку кресла и выпуская из трубки клубы голубого дыма. – Вот, например, наблюдательность доказывает мне, что сегодня утром вы были в почтовом отделении на улице Вигмор, а способность к выводам дает уверенность, что вы отправляли там телеграмму.

– Верно! – сказал я. – Верно и то, и другое. Но признаюсь, не вижу, каким образом вы узнали это. Я сделал это по внезапному побуждению и никому не сказал ни слова.

– Дело самое простое, – заметил Холмс, усмехаясь при виде моего изумления, – до смешного простое, не требующее объяснений; а между тем, оно может служить для объяснения границ между наблюдательностью и способностью к выводам. Наблюдательность заставляет меня заметить комочек красноватой земли, прилипшей к подошве вашего сапога. Как раз напротив улицы Вигмор поднят тротуар и разрыта земля, так что трудно не наступить на нее. Земля эта особого красноватого оттенка, и, насколько я знаю, встречается только в этом месте. Вот все, что касается наблюдательности. Остальное – способность сделать выводы.

– Но каким образом вы пришли к выводу, что я посылал телеграмму?

– Ну, ведь я знаю, что вы не писали письма, потому что сидел с вами все утро. В открытом ящике вашего стола я вижу много почтовых марок и открытых писем. Зачем же вам было идти в почтовое отделение, как не за тем, чтобы дать телеграмму? Откиньте все другие факты – и останется истина.

– В этом случае вы действительно правы, – сказал я после короткого молчания. – Как вы сказали, дело совершенно простое. Вы не сочтете меня дерзким, если я применю к вашему методу более строгий критерий?

– Напротив, – отвечал Холмс. – Это только заставит меня отказаться от второй дозы кокаина. Буду очень рад заняться всякой задачей, которую вы предложите мне.

– Я слышал, как вы говорили, что трудно допустить, чтобы человек, постоянно пользующийся какой-нибудь вещью, не оставил на ней следов своей личности, своей индивидуальности.

сти. Вот часы, которые мне недавно достались в наследство. Скажите, что можете вы по ним заключить о их прежнем владельце?

Я подал ему часы, надеясь несколько позабавиться, так как думал, что задаю ему невозможную задачу, и рассчитывал дать ему урок в наказание за принимаемый им иногда догматический тон. Он некоторое время раскачивал часы в руке, посмотрел на циферблат сначала простым глазом, а затем в сильную лупу. Я еле сдерживал улыбку при виде его лица, когда он наконец захлопнул крышку и возвратил мне часы.

– Нет почти никаких данных, – проговорил он. – Часы были недавно в чистке, так что самые важные факты остаются неизвестными.

– Вы правы, – ответил я. – Часы были в чистке перед тем, как их послали ко мне.

В глубине души я обвинял приятеля в том, что он выдумал самую неудачную причину для объяснения своего неуспеха. Каких данных мог ожидать он от нечищенных часов?

– Хотя исследования мои и не вполне удовлетворительны, но все же не бесплодны, – заметил Холмс, смотря на потолок задумчивыми, тусклыми глазами. – Если не ошибаюсь, часы эти принадлежали вашему брату, который получил их в наследство от своего отца.

– Без сомнения, вы заключаете это из инициалов Г. В. на крышке?

– Совершенно верно. В – это начальная буква вашей фамилии. Часы сделаны лет пятьдесят тому назад, и инициалы того же времени; следовательно, они принадлежали человеку прошлого поколения. Драгоценности обыкновенно переходят к старшему сыну, и он часто носит одно имя с отцом. Если я не ошибаюсь, ваш отец умер много лет тому назад. Следовательно, часы были в руках вашего брата.

– До сих пор все верно, – сказал я. – Что дальше?

– Он был человек неаккуратный – очень неаккуратный и небрежный. У него были хорошие средства, но он не воспользовался представлявшимися ему шансами, жил в бедности, нарушаемой иногда короткими периодами процветания, наконец стал пить и умер. Вот все, что я мог узнать.

Я вскочил с кресла и с нетерпением, хромая, стал ходить по комнате, ощущая чувство горечи в душе.

– Это недостойно вас, Холмс, – сказал я. – Никогда бы не поверил, что вы снизойдете до этого. Вы справлялись о жизни моего несчастного брата и теперь представляетесь, что узнали его историю по каким-то фантастическим данным. Ведь не думаете же вы, что я поверю, что вы узнали все это благодаря его старым часам! Это нехорошо с вашей стороны, и, говоря по правде, смахивает на шарлатанство.

– Примите мои извинения, милый доктор, – ласково сказал он. – Смотря на дело с отвлеченной точки зрения, я совершенно забыл, что это может быть тяжело для вас. Но уверяю вас, я не знал о существовании вашего брата, пока вы не дали мне эти часы.

– Как же, во имя всего святого, вы узнали все эти факты? Они совершенно верны во всех подробностях.

– Ах, это просто удача. Я говорил только в пределах вероятностей и никак не ожидал, что все замеченное мною окажется настолько верным.

– Но ведь это не простая догадка?

– Нет-нет; я никогда не прибегаю к догадкам, это отвратительная привычка, разрушительно действующая на логические способности. Вам это кажется странным, потому что вы следуете ходу моих мыслей и не замечаете мелочей, от которых зависят важные заключения. Например, я начал с заявления о небрежности вашего брата. Если вы обратите внимание на футляр часов, то заметите, что он не только поцарапан в двух местах, но весь избит вследствие привычки держать в кармане другие жесткие предметы, как, например, монеты и ключи. Право, вовсе уж не так трудно предположить, что человек, так легкомысленно обращающийся с часами ценой пятьдесят гиней, должен быть небрежным. Нет также ничего мудреного и в пред-

положении, что человек, получающий в наследство такую дорогую вещь, обеспечен недурно и в других отношениях.

Я кивнул головой в знак того, что слежу за ним.

– Английские закладчики часто имеют обыкновение выцарапывать булавкой номер квитанции на внутренней стороне крышки. Это удобнее, чем бумажная квитанция, которая может затеряться. На крышке я увидел в лупу четыре таких номера. Заключение первое – ваш брат часто бывал в стесненных обстоятельствах. Заключение второе – у него иногда бывали и средства, иначе он не мог бы выкупать часы. Теперь я попрошу вас взглянуть на внутреннюю пластинку, где находится дырочка для ключа. Посмотрите на тысячи царапин вокруг дырочки, указывающих места, по которым скользит ключ. Мог ли трезвый человек провести ключом такие бороздки? Зато их всегда можно видеть на часах пьяницы. Он заводит часы ночью и оставляет следы неверной руки. Где же тут таинственность?

– Все ясно, как Божий день, – ответил я. – Сожалею, что был несправедлив к вам. Мне следовало бы верить больше в ваш удивительный дар. Что, у вас есть какое-нибудь профессиональное дело в настоящее время?

– Никакого. Оттого и появляется на сцене кокаин. Я не могу жить без умственной работы. Чего ради стоит жить? Встаньте к окну. Что за ужасный, печальный, бесполезный мир! Посмотрите, как желтый туман кружится по улице и несется вдоль мрачных домов. Может ли быть что-либо более безнадежно прозаическое и обыденное? Что в том, доктор, что у человека есть талант, когда не к чему применить его? Банальные преступления, пошлая жизнь – тут и способности-то нужны обыденные.

Я открыл рот, чтобы ответить на эту тираду, как вдруг кто-то постучался в дверь. Вошла хозяйка с визитной карточкой на медном подносе.

– К вам барышня. – сказала она, обращаясь к моему приятелю.

– Мисс Мэри Морстэн, – прочел Холмс. – Гм! Не помню такой фамилии. Попросите барышню войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Мне хочется, чтоб вы остались.

Глава II. Изложение дела

Мисс Морстэн, наружно спокойная, вошла в комнату твердой походкой. Это была белокурая, изящная молодая девушка небольшого роста, одетая с большим вкусом. Простота ее костюма указывала на ограниченность ее средств. Платье ее было из темно-серого бежа без всякой отделки; шляпа того же цвета оттенялась только белым крылышком. Лицо ее не отличалось ни правильностью черт, ни цветом, но выражение было очень мило и привлекательно, а большие голубые глаза сверкали умом и добротой. Я видел много женщин разных национальностей на трех материках, но никогда не случалось мне видеть лица, в котором отражалось бы столько утонченности и выразительности. Я не мог не заметить, что, когда она села на стул, предложенный ей Шерлоком Холмсом, губы у нее дрожали так же, как и руки. Вся она была, очевидно, охвачена сильнейшим волнением.

– Я пришла к вам, мистер Холмс, – начала она, – потому что вы помогли как-то миссис Сесиль Форрестер, у которой я занималась, распутать одно сложное домашнее дело. Вы произвели на нее большое впечатление своей добротой и искусством.

– Миссис Сесиль Форрестер, – задумчиво повторил он. – Помнится, мне удалось сделать ей кое-что. Дело, кажется, было совсем простое.

– Она так не думала. Но про мое дело вы не можете сказать этого. Я не могу представить себе более странного, более необъяснимого положения, чем то, в котором я нахожусь в настоящее время.

Холмс потер руки, и глаза его заблестели. Он нагнулся и сидел с выражением сосредоточенного внимания на резко очерченном ястребином лице.

– Расскажите ваше дело. – сказал он отрывистым, деловым тоном.

Я почувствовал себя в неловком положении.

– Извините, пожалуйста, – сказал я, вставая со стула.

К моему удивлению, молодая девушка протянула затянутую в перчатку руку, чтобы удержать меня.

– Если ваш друг будет так добр, что останется здесь, он окажет мне громадную услугу, – проговорила она.

Я снова опустился на место.

– Вот в общих чертах все факты, – сказала она. – Отец мой служил офицером в одном из индийских полков и отослал меня ребенком в Европу. Мать у меня умерла, и в Англии не было родных. Меня поместили в хороший пансион в Эдинбурге, и я пробыла там до семнадцати лет. В 1878 году мой отец – старший капитан в своем полку – получил годовой отпуск и приехал домой. Он телеграфировал мне из Лондона о своем благополучном прибытии и просил приехать немедленно, причем прибавлял, что остановится в отеле «Лэнгхэм». Телеграмма, насколько я помню, была составлена в очень ласковых выражениях. Приехав в Лондон, я тотчас же отправилась по данному адресу и узнала, что капитан Морстэн остановился в отеле, но накануне вечером вышел и не возвращался более. Весь день я ожидала его, но об отце не было никаких вестей. Вечером, по совету управляющего гостиницей, я дала знать полиции, а на следующее утро мы поместили объявление в газетах. Наши розыски не привели ни к какому результату, и с тех пор о моем несчастном отце не было ни слуху ни духу. Он вернулся домой с сердцем, полным надежды, чтобы найти мир, покой, и вместо того...

Она подняла руку к горлу, и голос ее прервался от рыданий.

– Число? – спросил Холмс, открывая записную книжку.

– Он исчез 3 декабря 1878 года – почти десять лет тому назад.

– Багаж?

– Остался в гостинице. Там не было ничего, что могло бы послужить указанием... платье, несколько книг и много редкостей с Андаманских островов. Он там служил, и ему был поручен надзор за ссыльными.

– Были у него друзья в городе?

– Мы знаем только одного... Майор Шольто из одного полка с ним, 34-го пехотного, Бомбейского. Майор незадолго перед тем вышел в отставку и поселился в Верхнем Норвуде. Понятно, мы обратились к нему, но он даже не слышал, что его товарищ приехал в Англию.

– Странный случай, – сказал Холмс.

– Я еще не сказала о самом странном в этом деле. Лет шесть тому назад – именно 4 мая 1882 года – в «Таймсе» появилось объявление, в котором мисс Мэри Морстэн просили указать ее адрес для сообщения благоприятных для нее сведений. В объявлении не было ни адреса, ни фамилии. В то время я только что поступила гувернанткой в семью миссис Сесиль Форрестер. По ее совету я напечатала свой адрес в столбце объявлений. В тот же день я получила по почте маленький картонный ящичек, в котором оказалась очень большая и блестящая жемчужина. Кроме этого не было ни строчки. С тех пор, ежегодно в то же самое время, появлялся такой же ящичек с жемчужиной, без обозначения обратного адреса; знатоки говорят, что жемчужины удивительно разнообразны и дорогой цены. Вы сами можете видеть, как они хороши.

Она открыла плоский ящичек и показала нам шесть лучших жемчужин, какие я видал когда-либо.

– Ваше показание очень интересно, – сказал Шерлок Холмс. – Случилось с вами еще что-нибудь?

– Да, и именно сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Сегодня утром я получила вот это письмо. Может быть, вы прочтете его сами.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Позвольте и конверт. Штемпель Лондон, Ю. З. Число 7 июля. Гм! Отпечаток большого пальца мужской руки – должно быть, почтальона. Бумага

лучшего сорта. Конверты по шести пенсов за пачку. Человек разборчивый насчет письменных принадлежностей. Адреса нет.

«Будьте у третьей колонны с левой стороны от входа в театре «Лицеум» сегодня в семь часов вечера. Если опасаетесь чего-либо, приведите с собой двух друзей. Вы – жертва обмана. Не приводите полицию. В противном случае все будет напрасно. Незвестный друг».

Право, премиленькая тайна! Что же вы намереваетесь делать, мисс Морстэн?

– Вот это-то я и хотела спросить вас.

– Тогда мы непременно отправимся... вы, я и... да вот мистер Ватсон, самый подходящий человек. Ваш корреспондент пишет о двух друзьях. Доктору и прежде случалось работать со мной.

– Но согласится ли он? – спросила она с умоляющим выражением в лице и голосе.

– Буду очень польщен и счастлив, – горячо ответил я, – если могу быть полезен вам.

– Вы оба очень добры, – ответила она. – Я вела очень уединенную жизнь, и мне не к кому обратиться. Я думаю, мне следует быть здесь к шести часам?

– Только не опоздайте, – сказал Холмс. – Еще один вопрос. Это тот же почерк, что на адресах полученных вами ящичков с жемчужинами?

– Я принесла все эти адреса, – ответила мисс Морстэн, вынимая из кармана шесть ключков бумаги.

– Вы – примерная клиентка. Вы чувствуете, что необходимо. Ну-с, посмотрим. – Он разложил на столе бумажки и быстро, внимательно просмотрел их. – Почерк изменен везде, за исключением письма, – сказал он спустя несколько минут, – но нет сомнения, автор один и тот же. Взгляните на буквы *e* и *s*. Несмотря на все старания, они имеют везде одинаковую форму. Несомненно, они написаны одним и тем же ладом. Мне бы не хотелось возбуждать обманчивых надежд, мисс Морстэн, но нет ли сходства между этим почерком и почерком вашего отца?

– Ни малейшего.

– Я ждал, что вы это скажете. Итак, мы будем ожидать вас в шесть часов. Пожалуйста, оставьте мне эти бумаги. Я хорошенько рассмотрю их. Теперь еще только половина четвертого. А сейчас до свиданья.

– До свиданья, – повторила наша посетительница. Она взглянула на нас обоих ясным, ласковым взглядом, спрятала футляр с жемчужинами и поспешно вышла из комнаты.

Стоя у окна, я следил, как она быстро шла по улице, пока серая шляпа с белым пером не исчезла в темной толпе.

– Что за очаровательная женщина! – сказал я, оборачиваясь к моему приятелю.

Он уже опять закурил трубку и с опущенными глазами откинулся на спинку кресла.

– В самом деле? – небрежно проговорил он. – Я не заметил.

– Вы действительно какой-то автомат... счетная машина! – крикнул я. – Иногда в вас чувствуется что-то нечеловеческое.

Он улыбнулся.

– Самое главное – это не допускать влияния личных качеств клиента на рассудок. Клиент – не более, чем единица, фактор в проблеме. Способность к чувствительности противоречит ясному рассуждению. Уверяю вас, что самая привлекательная женщина, которую я знал, была повешена за отравление трех детей с целью получения страховой премии, а самый отвратительный по наружности из моих знакомых – филантроп, истративший около четверти миллиона на лондонских бедняков.

– Но в данном случае...

– Я никогда не делаю исключений. Исключение подтверждает правило. Случалось вам когда-нибудь изучать характер человека по его почерку? Что скажете о почерке этого человека?

– Он ясен и легко читается, – ответил я. – Это человек дела и не лишенный силы воли.

Холмс покачал головой.

– Взгляните на его надстрочные буквы. Они еле возвышаются над другими. Это *d* похоже на *a*, *l* на *e*. Люди с характером всегда отличают надстрочные буквы, как бы ни был неясен их почерк. В букве *k* заметна неустойчивость, а в заглавных буквах чувствуется самоуважение. Я иду теперь. Нужно навести некоторые справки. Рекомендую вам эту книгу – одна из самых замечательных из когда-либо написанных книг. Это – «Мученичество человека» Винвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сел к окну с книгой в руке, но мысли мои были далеки от смелых предположений писателя. Они были заняты нашей недавней посетительницей – ее улыбкой, глубоким, звучным тоном ее голоса, странной тайной, омрачившей ее жизнь. Если во время исчезновения отца ей было семнадцать лет, то теперь ей двадцать семь... Славный возраст, когда молодость теряет свою самонадеянность, а опыт делает ее более рассудительной. Так я сидел и мечтал, пока в голову мне не пришли такие опасные мысли, что я бросился к своему столу и яростно углубился в последнее сочинение по патологии. Как смел я, бедный армейский лекарь с больной ногой, с незначительными средствами, думать о подобного рода вещах? Она – только единица, фактор, – ничего более. Если будущее мое мрачно, лучше мужественно смотреть на него, чем пробовать украсить его блуждающими огоньками фантазий.

Глава III. В поисках решения задачи

Холмс вернулся в половине шестого. Он был сильно возбужден, весел и в превосходном настроении, что всегда чередовалось у него с припадками мрачного уныния.

– В этом деле нет ничего особенно таинственного, – сказал он, беря чашку чая, которую я налил ему. – Факты допускают только одно толкование.

– Как! Вы уже узнали все?

– Ну, это слишком много. Я напал только на важный след. Вот и все. Но, правда, очень важный. Придется узнать подробности. Я только что нашел, просмотрев объявления в «Таймсе», что майор Шольто из Верхнего Норвуда, служивший в 34-м пехотном Бомбейском полку, умер 28 апреля 1882 года.

– Вероятно, я очень туп, Холмс, потому что не понимаю, какое значение имеет этот факт.

– Неужели! Вы удивляете меня. Ну, так прислушайтесь. Капитан Морстэн исчезает. Майор Шольто – единственное лицо, знакомое ему в Лондоне. Майор Шольто отрицает, что знал о приезде мистера Морстэна. Спустя четыре года майор Шольто умирает. Через неделю после его смерти дочь капитана Морстэна получает дорогой подарок, что повторяется ежегодно и заканчивается письмом, где говорится о том, что она обманута. Что это за обман? И почему эти подарки начинаются сразу после смерти Шольто? Вероятно, наследник Шольто знает истину и хочет вознаградить пострадавшую. Есть у вас какая-нибудь теория, которую вы можете противопоставить этим фактам?

– Но что за странное вознаграждение! И как необычно оно выражается! И почему он пишет только теперь, а не шесть лет тому назад? Затем тут говорится об обмане. Ведь не может быть, чтобы ее отец не умер. Другого же обмана, насколько известно, нет в этом деле.

– Конечно, тут есть затруднения, большие затруднения, – задумчиво проговорил Шерлок Холмс, – но сегодняшняя наша экспедиция рассеет их... А! вот и карета, и в ней мисс Морстэн. Готовы ли вы? Так идемте, так как уже немногим больше шести часов.

Я схватил шляпу и самую толстую палку, но заметил, что Холмс вынул из ящика револьвер и сунул его в карман. Очевидно, он ожидал, что дело нам предстоит серьезное.

Мисс Морстэн была укутана в темный плащ. Ее выразительное лицо было спокойно, но бледно. Нужно было быть более чем женщиной, чтобы не чувствовать беспокойства от предпринимаемого нами странного шага, но она вполне владела собой и охотно отвечала на несколько дополнительных вопросов, которые предложил ей Шерлок Холмс.

– Майор Шольто был закадычный друг папы, – сказала она. – В письмах отца постоянно упоминалось имя майора. Он и отец командовали войсками на Андаманских островах, так что им приходилось постоянно иметь дело друг с другом. Между прочим, в столе папы оказалась любопытная бумага, которой никто не мог понять. Не думаю, чтобы она могла иметь какое-нибудь значение, но захватила ее с собой на случай, если бы вы захотели просмотреть ее. Вот эта бумага.

Холмс осторожно раскрыл бумагу и расправил ее у себя на коленях. Потом методически стал рассматривать ее в лупу.

– Эта бумага местного индийского производства, – заметил он. – Некоторое время она была припилена к доске. На ней изображен план части большого здания с многочисленными пристройками, коридорами и проходами. В одном месте маленький крест, сделанный красными чернилами, а над ним написано: «3,37 слева», еле видно, карандашом. В левом углу странный иероглиф вроде четырех крестов подряд, соприкасающихся концами. Рядом написано грубым, нескладным почерком: «Знак четырех – Джонатан Смоль, Магомет Синг, Абдулла-Хан, Дост-Акбар». Да, признаюсь, не вижу, какое отношение это может иметь к

нашему делу. Но, очевидно, это важный документ – и тщательно сохранялся в бумажнике, так как обе стороны его одинаково чисты.

– Мы нашли его в бумажнике отца.

– Так сберегите его, мисс Морстэн, потому что он может быть полезен нам. Я начинаю подозревать, что дело это вовсе не так просто, как мне показалось сначала. Придется обдумать его еще раз.

Он откинулся на подушку экипажа, и по его нахмуренному лбу и рассеянному взгляду я увидел, что он погрузился в глубокое раздумье. Мисс Морстэн и я болтали вполголоса о нашей поездке и возможном исходе ее, но наш спутник хранил непроницаемое молчание, пока мы не доехали до цели нашего путешествия.

Стоял сентябрьский вечер, и не было еще семи часов, но день был холодный, и густой туман окутывал громадный город. Темные тучи печально нависли над грязными улицами. Фонари на Странде казались неясными пятнами рассеянного света, бросавшими слабый отблеск на скользкие тротуары. Желтый блеск из окон магазинов вливался в сырой, насыщенный парами воздух и бросал неверный свет на многолюдную улицу. Что-то странное, фантастическое чудилось мне в непрерывной процессии лиц, мелькавших в этих слабых полосах света, – лица печальные и счастливые, бледные и веселые. Как и все человечество, они то выходили из мрака на свет, то снова исчезали во мраке. Я вообще не склонен к впечатлительности, но скучный, мрачный вечер в соединении с ожидавшим нас странным свиданием расстроили мои нервы и нагнали тоску. Я видел, что и мисс Морстэн страдала от того же чувства. Один Холмс был выше всякой мелочной впечатлительности. На коленях у него лежала открытая записная книжка, в которую он временами заносил какие-то цифры и заметки при свете фонаря, который был у него в кармане.

Толпы народа уже стояли у боковых входов в театр. Перед главным входом непрерывный поток двухместных и четырехместных карет подкатывал к подъезду, высаживая мужчин в крахмальных рубашках и женщин в накидках и бриллиантах. Мы только что дошли до третьей колонны, – назначенного нам места свидания, – как к нам подошел проворный смуглый человек небольшого роста в кучерской одежде.

– Вы приехали с мисс Морстэн? – спросил он.

– Я – мисс Морстэн, а эти господа – мои друзья, – сказала она.

Незнакомец устремил на нас свой удивительно проницательный и вопросительный взгляд.

– Извините меня, мисс, – сказал он несколько упрямо, – но мне приказано просить вас дать слово, что с вами нет полицейского.

– Даю вам слово, – ответила она.

Он резко свистнул, и тотчас какой-то бродяга позвал кеб и открыл дверцу. Говоривший с нами взобрался на козлы, а мы сели внутрь, возница ударил лошадь, и мы понеслись бешеным галопом по туманным улицам.

Положение было любопытное. Мы ехали в неизвестное место, по неизвестному делу. Но полученное нами приглашение было или мистификацией, – что казалось непонятной гипотезой, – или нам приходилось думать, что наша поездка будет иметь важные последствия. Поведение мисс Морстэн было все так же решительно и спокойно. Я пробовал занять ее и развлечь воспоминаниями о моих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, я сам был так возбужден нашим положением и так заинтересован тем, куда нас везут, что рассказы мои были вряд ли занимательны. По сей день она уверяет, что я рассказал ей трогательный анекдот о том, как в глубокую ночь в палатку ко мне заглянул мушкет и как я выстрелил в него двумя зарядами из детеныша тигра. Сначала я еще отдавал себе отчет о направлении, в котором нас везут, но скоро от быстроты движения, тумана, малого знакомства с Лондоном я совершенно потерял ориентацию и понимал только, что мы, как казалось, ехали очень далеко. Но Шерлок

Холмс нисколько не потерялся и бормотал названия скверов и переулков, по которым с треском проезжал наш кеб.

– Рочестор-Роуд, – говорил он. – Теперь Винцентский сквер. Теперь мы выехали на дорогу к Вокзальному мосту. Очевидно, мы едем в сторону Серрея. Да, так я и думал. Вот мы и на мосту. Можно видеть реку.

Действительно, мы мельком увидели Темзу и фонари, горевшие на широком, безмолвном водяном пространстве. Кеб наш продолжал мчаться, и скоро мы очутились в лабиринте улиц противоположной стороны реки.

– Дорога в Вандверт, – продолжал мой приятель. – В Приорат. Площадь Стоквель. Улица Роберт... Однако нам приходится ехать не по очень фешенебельным местам.

Действительно, мы очутились в сомнительной и угрожающего вида местности. Длинные линии кирпичных домов прерывались только грубым блеском ярко освещенных питейных заведений на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы, с миниатюрными садиками впереди, и снова бесконечный ряд новых кирпичных зданий – чудовищных шупалец, которые гигантский город выбрасывает в деревню. Наконец кеб остановился у третьего дома на новой террасе. Другие дома были необитаемы, да и в том, перед которым мы остановились, только в кухне виднелся слабый свет. На наш стук дверь сейчас же отворил слуга-индус в желтом тюрбане, в белой одежде со свободными складками и желтом кушаке. Странной казалась эта восточная фигура в рамке банальной двери старого пригородного дома.

– Саиб ожидает вас, – сказал он, и в то же время из внутренней комнаты раздался громкий пронзительный голос.

– Введи их! – кричал этот голос. – Введи прямо ко мне!

Глава IV. История лысого человека

Мы шли за индусом вдоль грязного, плохо освещенного и скудно меблированного коридора, пока он не остановился перед одной из дверей направо и отворил ее. На нас хлынул поток яркого желтого света, в центре которого стоял человек маленького роста, с очень большой головой, обрамленной бахромой щетинистых рыжих волос, окружавших лысый, блестящий череп, который подымался среди них как вершина горы среди сосен. Разговаривая, он постоянно жестикулировал, а лицо его ни на одно мгновение не оставалось спокойным и постоянно делалось то улыбающимся, то сердитым. Природа дала ему отвисшую губу и слишком видный ряд желтых, неправильных зубов, что он старался скрыть, беспрестанно проводя рукой по нижней части лица. Несмотря на отсутствие волос, он производил впечатление человека молодого. Действительно, ему только что исполнилось тридцать лет.

– Ваш покорнейший слуга, мисс Морстэн, – несколько раз повторил он своим тонким, высоким голосом. – Пожалуйста, войдите в мое маленькое святилище. Маленькое убежище, мисс, но убранный по моему вкусу. Оазис искусства в ужасной пустыне южного Лондона.

Все мы были удивлены видом комнаты, в которую он пригласил нас. В этом жалком доме она походила на неподходящий к месту бриллиант чистой воды в медной оправе. Богатейшие, блестящие вышивки украшали стены; среди них местами виднелись картины в драгоценных рамках или восточные вазы. Ковер желтого и черного цветов был так мягок и пушист, что нога утопала в нем, как во мху. Брошенные на нем две тигровые шкуры увеличивали впечатление восточной роскоши, так же, как и кальян, стоявший на циновке в одном из углов комнаты. В центре комнаты на золотой проволоке висела лампа в виде серебряного голубя, наполнявшая воздух тонким, ароматным запахом.

– Мистер Таддеуш Шольто, – сказал человек, весь подергиваясь и улыбаясь. – Вот моя фамилия. Конечно, вы мисс Морстэн. А эти господа...

– Мистер Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

– Что, доктор, а?! – крикнул он возбужденным тоном. – С вами ваш стетоскоп? Могу я попросить вас... Не будете ли вы так добры? Я сильно опасаюсь насчет одного из клапанов моего сердца. Один-то, я знаю, в порядке, а вот как другой...

По его желанию я выслушал его сердце, но не нашел ничего, хотя он, очевидно, испытывал панический страх, так как дрожал с головы до ног.

– Оно вполне нормально, – сказал я, – и у вас нет повода к беспокойству.

– Извините мою тревогу, мисс Морстэн, – весело заметил мистер Шольто. – Я сильно страдаю и давно уже боялся за этот клапан. Я в восторге, что мои подозрения оказались неосновательными. Если бы ваш отец, мисс Морстэн, не так напрягал свое сердце, он был бы жив до сих пор.

Я был в состоянии дать пощечину этому человеку, так я рассердился на него за бестактное и грубое отношение к такому деликатному вопросу. Мисс Морстэн села, лицо ее страшно побледнело.

– Сердце говорило мне, что он умер, – проговорила она.

– Я могу сообщить вам все подробности, – сказал он, – и более того, могу исправить причиненную вам несправедливость и сделаю это, что бы ни сказал брат Бартоломео. Я так рад, что вижу у себя ваших друзей – не только в качестве вашей свиты, но и как свидетелей того, что я намереваюсь делать и говорить. Втроем мы сумеем устоять против брата Бартоломео. Но, пожалуйста, без посторонних, без полицейских и чиновников. Мы можем все устроить между нами, без чужого вмешательства. Публичность более всего оскорбит брата Бартоломео.

Он сел на низкую кушетку и, мигая, вопросительно смотрел на нас своими слабыми, водянистыми глазами.

– Что касается меня, – сказал Холмс, – все, что вы расскажете, останется при мне.

Я кивнул головой в подтверждение его слов.

– Это хорошо! Очень хорошо! – сказал он. – Могу я предложить вам стакан кианти, мисс Морстэн? Или токайского? Я не держу других вин. Откупорить бутылку? Нет? Ну, так наде-

юсь, вы ничего не имеете против табачного дыма, против бальзамического запаха восточного табака. Я несколько нервничаю, и трубка несказанно успокаивает меня.

Он приложил спичку к большой чаше, и дым стал весело пробираться сквозь розовую воду. Мы, все трое, сидели полукругом, вытянув вперед головы и подпирая рукой подбородок, а странный, весь подергивающийся человечек с высокой блестящей головой, беспокойно курил в центре круга.

– Когда я решился вызвать вас на свидание, – начал он, – я мог бы дать вам мой адрес; но я боялся, что вы не обратите внимания на мою просьбу и приведете с собой неприятных людей. Поэтому я взял на себя смелость назначить вам свидание так, чтоб мой слуга Вильямс мог бы сначала видеть вас. Я вполне уверен в его скромности и потому дал ему приказание в случае, если наблюдения его будут неблагоприятны, не делать никаких дальнейших шагов. Извините меня за эти предосторожности, но я человек застенчивый, могу даже сказать, утонченных вкусов, а нет ничего более неэстетичного, чем полицейские. У меня природное отвращение ко всем формам грубого материализма. Я редко прихожу в соприкосновение с грубой толпой. Я живу, как видите, до известной степени в атмосфере изящества. Могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Этот пейзаж – действительно Коро, и если знаток, может быть, несколько усомнится в этом Сальваторе Розе, то относительно Бугеро не может быть и тени сомнения. Я чувствую пристрастие к современной французской школе.

– Извините меня, мистер Шольто, – сказала мисс Морстэн, – но я явилась сюда, чтобы узнать то, что вы желаете сказать мне. Уже очень поздно, и я желаю, чтобы наше свидание было как можно короче.

– Во всяком случае, оно займет немного времени, – ответил он, – потому что нам непременно нужно отправиться в Новруд и повидаться с братом Бартоломео. Он очень сердит на меня за то, что я избрал путь, который показался мне справедливым. Вчера вечером я даже побранился с ним. Вы не можете себе представить, как он ужасен в гневе.

– Если нам ехать в Новруд, то не лучше ли отправиться сейчас же, – осмелился заметить я. Шольто рассмеялся так, что уши у него покраснели.

– Это не годится! – крикнул он. – Не знаю, что бы он сказал, если бы я привез вас неожиданно-негаданно. Нет, прежде всего, я должен приготовить вас, рассказав, в каком отношении друг к другу мы все находимся. Прежде всего, я должен сказать вам, что в этой истории есть много непонятного для меня самого. Я могу изложить факты, насколько они известны мне.

Отец мой – как вы уже, вероятно, догадались – был майор Джон Шольто, служивший некогда в индийской армии. Лет одиннадцать тому назад он вышел в отставку и поселился в Пондишерри-Лодж в Верхнем Норвуде. Он разбогател в Индии и привез оттуда значительную сумму денег, большую коллекцию ценных редкостей и штат туземных слуг. На родине он купил большой дом и жил роскошно. Мы с братом Бартоломеом близнецы и его единственные дети.

Я очень хорошо помню впечатление, произведенное исчезновением капитана Морстэна. Мы читали подробности этого происшествия в газетах и, зная, что он был другом отца, свободно обсуждали прочитанное в его присутствии. Он вместе с нами делал предположения о том, что случилось с его приятелем. Ни одно мгновение мы не подозревали, какая тайна была сокрыта в глубине его сердца, что ему одному из всех людей была известна судьба Артура Морстэна.

Но мы знали, что какая-то тайна, какая-то опасность висела над нашим отцом. Он боялся один выходить из дома и нанимал постоянно в привратники двух известных кулачных бойцов Пондишерри-Лоджа. Вильямс, который вез вас сегодня, – один из них. Одно время он был чемпионом Англии. Отец никогда не говорил нам, чего он боялся, но у него было сильное отвращение к людям с деревянными ногами. Один раз он выстрелил из револьвера в человека на деревяшке, который оказался самым безвредным торговцем, желавшим получить заказ. Нам

пришлось уплатить крупную сумму, чтобы замять это дело. Мы с братом считали это просто чудачеством со стороны отца, но последующие события заставили нас изменить это мнение.

В начале 1882 года отец получил письмо из Индии, которое страшно потрясло его. Когда он вскрыл его за завтраком, то почти лишился чувств, и с этого дня хворал до самой смерти. Мы так и не узнали, что это было за письмо, но я успел заметить, что оно было коротко и написано плохим почерком. В продолжение нескольких лет он страдал сильным сплином, но с этих пор здоровье его стало быстро ухудшаться и в конце апреля мы узнали, что он безнадежен и желает сказать нам нечто перед смертью. Когда мы вошли в комнату, он сидел, подерживаемый подушками, и тяжело дышал. Он велел нам запереть дверь и подойти к нему. Потом, схватив наши руки, он сделал нам замечательное признание голосом, прерываемым от волнения и горя. Постараюсь передать все его словами.

– В эту последнюю торжественную минуту только одна мысль тяготит мой ум, – сказал он. – Это мое отношение к бедной сироте – дочери Морстэна. Проклятая алчность, главный грех моей жизни, заставила меня удерживать драгоценности, половина которых, по крайней мере, должна была бы принадлежать ей. А между тем, и я сам не воспользовался ими, – скупость – такая слепая и глупая привычка. Одно сознание обладания было так дорого мне, что я не выносил мысли поделиться им с кем бы то ни было. Видите эту диадему с жемчужинами, четки около склянки с хинином? Даже с ними я не мог расстаться, хотя и приобрел их с намерением послать ей. Вы, дети мои, дадите ей хорошую долю сокровищ Агры. Но не посылайте ей ничего – даже этой диадемы, пока я не умру. Ведь бывали же примеры, что и такие больные, как я, поправлялись.

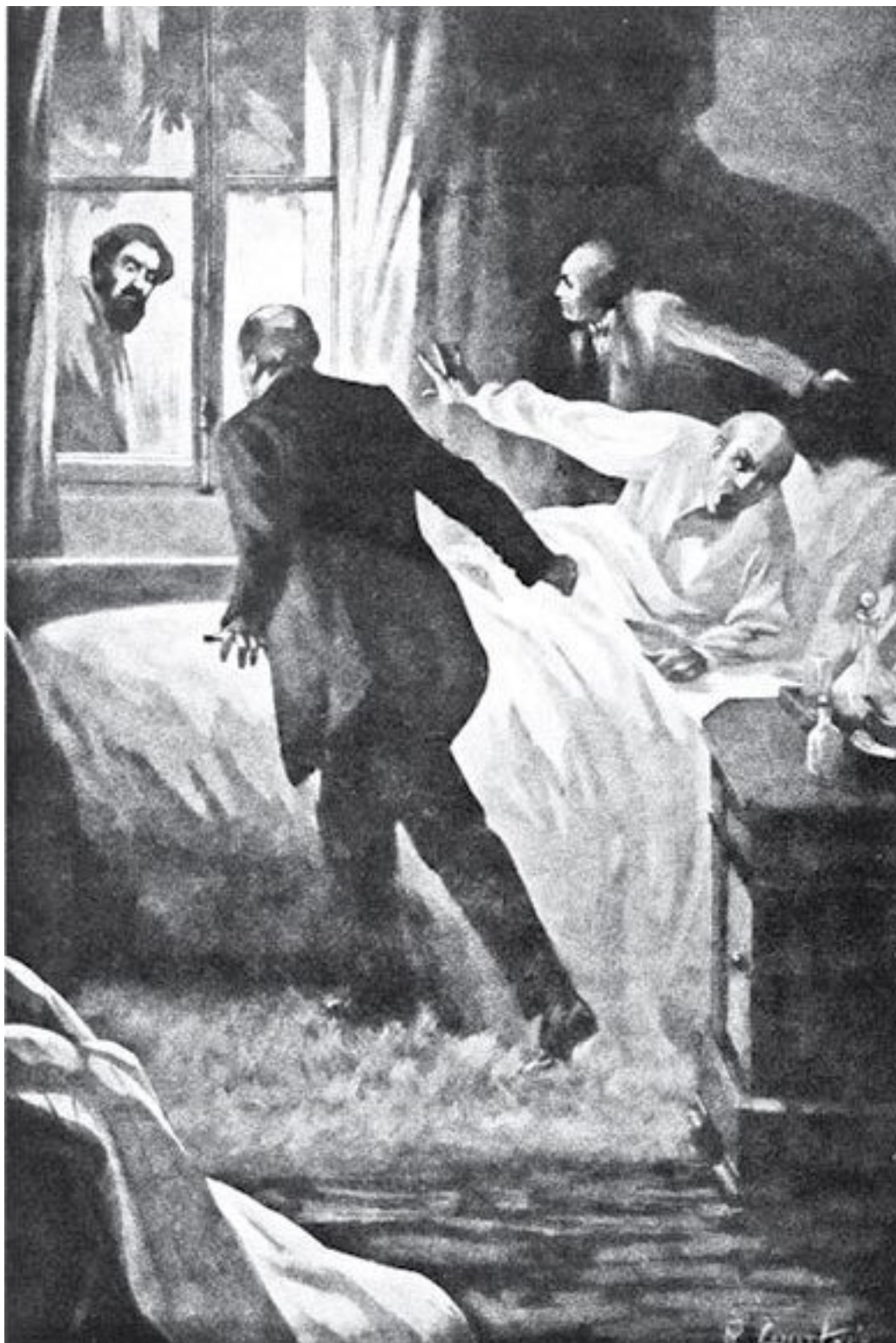
– Расскажу вам, как умер Морстэн, – продолжал он. – У него уже давно было слабое сердце, но он скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним, благодаря замечательному стечению обстоятельств, стали обладателями значительного богатства. Я привез его в Лондон, и Морстэн вечером того же дня, как приехал в Лондон, явился ко мне за своей частью. Он пришел со станции, и мой верный старик Лаль Хоудар, теперь уже умерший, впустил его в дом. Морстэн и я не могли прийти к соглашению относительно раздела сокровищ, и оба горячились. В припадке гнева Морстэн вскочил со стула; вдруг он приложил руку к сердцу, лицо его потемнело, и он упал навзничь, ударившись головой об угол ящика с драгоценностями. Когда я нагнулся над ним, то с ужасом увидел, что он уже был мертв.

Долго я сидел, как безумный раздумывая о том, что мне следовало сделать. Первым моим порывом было позвать кого-нибудь на помощь, но я не мог не признать, что, по всей вероятности, буду обвинен в его убийстве. Смерть его во время ссоры и рана на голове явно свидетельствовали против меня. К тому же при официальном следствии непременно обнаружились бы некоторые факты насчет драгоценностей, которые я особенно хотел скрыть. Морстэн сказал мне, что ни одна душа на свете не знала, куда он ушел. Зачем же было какой-нибудь душе знать и это?

Я все еще обдумывал мое положение, когда, нечаянно подняв глаза, увидел в дверях моего слугу, Лаль Хоудара. Он неслышно вошел в комнату и запер за собой дверь на задвижку.

– Не бойтесь, Сагиб, – сказал он, – никто не должен знать, что вы убили его. Спрячем его, и кому какое дело?

– Я не убивал его, – возразил я.

Лаль Хоудар, улыбаясь, покачал головой.

– Я слышал все, Сагиб, – сказал он. – Слышал и ссору, и удар. Но уста мои закрыты. Все в доме спят. Вынесем его отсюда.

Его слова разрешили мои сомнения. Если мой собственный слуга не верит в мою невиновность, то как я могу надеяться оправдаться перед двенадцатью глупыми торговцами, сидящими на скамье присяжных? Лаль Хоудар и я в ту же ночь убрали труп, а через несколько дней все лондонские газеты были наполнены известиями о таинственном исчезновении капитана

Морстэна. Из моих слов вы можете видеть, что меня вряд ли можно обвинить в его смерти. Вина моя заключается в том, что мы скрыли не только труп, но и драгоценности, и что я завладел долей Морстэна, равно как и своей. Поэтому я хочу, чтобы вы возвратили взятое мною. Наклонитесь поближе ко мне. Драгоценности спрятаны в...

В это мгновение выражение его лица страшно изменилось: глаза его уставились в пространство с безумным взглядом, нижняя челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я не могу забыть до сих пор: «Не пускайте его! Ради Бога, не пускайте!» Мы оба повернулись к окну позади нас, с которого он не спускал пристального взгляда. Из темноты оттуда на нас смотрело чье-то лицо. Мы видели прижавшийся к окну белый нос. Бородатое, волосатое лицо с дикими, жестокими глазами было полно сосредоточенной злобы. Мы с братом бросились к окну, но видение исчезло. Голова отца упала на грудь и пульс перестал биться.

Ночью мы обыскали весь сад, но не нашли и следов незнакомца, за исключением отпечатка ноги на одной из цветочных гряд. Если бы не этот след, то мы могли бы приписать обману зрения появление этого дикого, гневного лица. Но скоро у нас явилось еще более поразительное доказательство, что какие-то таинственные силы окружают нас. Утром окно комнаты отца оказалось открытым, все комоды и ящики обысканы, а к груди его был приколот клочок бумаги с нацарапанными на нем словами: «Знак четырех». Мы так и не узнали ни значения этой фразы, ни того, что за таинственный посетитель пробрался в комнату отца. Насколько мы могли судить, из имущества отца ничего не было похищено, хотя все было перерыто. Мы с братом, понятно, связали этот страшный случай со страхом, преследовавшим нашего отца в продолжение всей его жизни; но тайна так и осталась тайной для нас...

Рассказчик остановился, чтобы раскурить трубку, и задумчиво курил несколько минут. Мы все сосредоточенно слушали его необыкновенный рассказ. При кратком описании смерти отца мисс Морстэн смертельно побледнела, и одно мгновение я боялся, что она упадет в обморок. Однако она оправилась, выпив стакан воды, который я молча налил ей из графина венецианского стекла, стоявшего на боковом столике. Шерлок Холмс сидел, откинувшись на спинку кресла, с рассеянным выражением лица и низко опущенными веками над горевшими глазами. Смотри на него, я невольно вспомнил, как еще сегодня утром он горько жаловался на обыденность жизни. Вот теперь перед ним задача, требующая полного напряжения ума. Мистер Таддеуш Шольто посмотрел то на одного, то на другого из нас, очевидно, гордясь эффектом, произведенным его рассказом, и затем продолжал:

– Вы можете себе представить, как нас с братом взволновали слова отца о кладе, – сказал он. – Целыми неделями и месяцами мы копали и рылись повсюду в саду, но ничего не нашли. Мысль о том, что отец готов был произнести название места, где скрыт клад, сводила нас с ума. Мы могли судить о пропавшем богатстве по вынутой им диадеме. Мы с братом Бартоломеем поспорили относительно нее. Жемчужины были, очевидно, большой ценности, и ему не хотелось расставаться с ними, потому что, говоря между нами, мой брат унаследовал порок нашего отца. К тому же он думал, что если мы расстанемся с диадемой, это может возбудить толки и навлечь на нас неприятности. Мне еле удалось убедить его дать мне узнать адрес мисс Морстэн и посылать ей по жемчужине, чтобы ей не пришлось испытать нужды.

– Это была хорошая, чрезвычайно добрая мысль с вашей стороны, – серьезно заметила наша спутница.

Маленький человек сделал жест отрицания.

– Мы являлись вашими доверенными лицами, – сказал он, – так я смотрел на это дело, хотя брат Бартоломей и не разделял моего взгляда. У нас самих было много денег, и я не желал большего. К тому же обращаться таким презренным образом с молодой барышней было бы признаком дурного вкуса. *Le mauvais gout mene au crime*⁴. Французы умеют так мило выражать

⁴ Дурной вкус ведет к преступлению.

подобные вещи. Разница в наших взглядах на этот предмет дошла до того, что я решил взять себе отдельную квартиру, и потому покинул Пондишерри-Лодж, взяв с собой старого индуса и Вильямса. Но вчера я узнал о событии величайшей важности. Клад найден. Я сейчас же написал мисс Морстэн, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и спросить нашу долю. Вчера вечером я высказал свое мнение брату Бартоломею, так что мы будем хотя и не желанными, но жданными гостями.

Мистер Таддеуш Шольто сидел, подергиваясь, на своей роскошной кушетке; мы все молчали, размышляя о новой стадии развития этого таинственного дела. Холмс первый вскочил на ноги.

– Сначала до конца вы поступили хорошо, сэр, – сказал он. – Может быть, и мы сумеем хоть немного отплатить вам, объяснив немного то, что еще темно для вас. Но, как заметила мисс Морстэн, уже поздно и надо безотлагательно заняться этим делом.

Наш новый знакомый очень решительно свернул длинную трубку своего кальяна и вынул из-за занавеси очень длинное пальто с пуговицами, с каракулевым воротником и такими же обшлагами. Он надел и застегнул пальто.

– Здоровье у меня довольно слабое, – заметил он, ведя нас по коридору.

На улице нас ожидал кеб, и, очевидно, все делалось по заготовленной ранее программе, так как кучер сразу пустил лошадей рысью. Таддеуш Шольто говорил непрерывно, заглушая шум колес.

– Бартоломей умный мальчик, – говорил он. – Как, вы думаете, он нашел место, где был спрятан клад? Он пришел к заключению, что клад находится в доме; поэтому Бартоломей высчитал объем всего дома и вымерял каждый дюйм. Между прочим, он нашел, что высота здания равняется семидесяти четырем футам, но сложив высоту комнат всех этажей и приняв в расчет расстояние между ними, в чем он убедился, пробуравив потолки, он получил сумму только в семьдесят футов. Откуда же явились лишние четыре фута? Они должны были находиться в верхней части дома. Тогда он проделал дыру в штукатурке потолка верхней комнаты и наткнулся на маленький запертый чердак, никому не известный. В центре его на двух стропилах стоял ящик с драгоценностями. Он был опущен через отверстие и стоит теперь там. Брат оценивает его содержимое в полмиллиона фунтов стерлингов.

Мы вытаращили глаза, услышав эту громадную сумму, и поглядели друг на друга. Если нам удастся восстановить в правах мисс Морстэн, то из бедной гувернантки она превратится в богатейшую наследницу в Англии! Истинному другу следовало бы только порадоваться такому известию, но, стыдно признаться, эгоизм охватил мою душу, и на сердце у меня стало тяжело. Я, заикаясь, пробормотал несколько поздравительных слов и затем, печально опустив голову, сидел, слушая болтовню нашего нового знакомого. Очевидно, он был настоящий ипохондрик, и я как сквозь сон сознавал, что он перечисляет бесконечный ряд симптомов болезней и умоляет объяснить ему состав и действия разных шарлатанских снадобий, которые были у него в кармане в кожаном футляре. Надеюсь, что он не запомнил моих ответов. Холмс уверяет, что слышал, как я предостерегал его от опасности принимать более двух капель касторового масла и в то же время рекомендовал большие дозы стрихнина, как успокоительное средство. Как бы то ни было, я почувствовал сильное облегчение, когда наш кеб внезапно остановился и кучер соскочил, чтобы открыть нам дверку.

– Вот Пондишерри-Лодж, мисс Морстэн, – сказал мистер Таддеуш Шольто, высаживая ее.

Глава V. Убийство

Было около одиннадцати часов вечера, когда мы достигли места нашего назначения. Сырой туман большого города остался за нами, и ночь была очень хороша. С запада дул теплый

ветер; тяжелые тучи медленно двигались по небу; временами они разрывались, и тогда между ними проглядывал полумесяц. Было еще достаточно светло, но Таддеуш Шольто снял один из фонарей экипажа, чтобы лучше осветить наш путь.

Дом стоял на собственной земле и был окружен высокой каменной стеной. Узкая, обитая железом калитка служила единственным входом. Наш проводник постучал в нее особенным образом, напомнившим стук почтальона.

– Кто там? – крикнул чей-то грубый голос.

– Это я, Мак-Мердо. Пора бы вам узнавать меня по стуку.

Раздалось ворчанье и бряцанье ключей. Дверь медленно отворилась, и в ней показался коренастый человек небольшого роста. Свет фонаря падал на его вытянутое лицо с блестящими, недоверчивыми глазами.

– Это вы, мистер Таддеуш?.. Но кто же другие? У меня нет никаких приказаний от господина насчет них.

– В самом деле, Мак-Мердо? Вы удивляете меня. Вчера вечером я сказал брату, что приеду с несколькими друзьями.

– Он не выходил из своей комнаты сегодня, мистер Таддеуш, и я не получал никаких приказаний. Вы очень хорошо знаете, что я должен придерживаться положенных правил. Вас я могу впустить, но друзья ваши должны остаться там, где стоят.

Вот неожиданное происшествие! Таддеуш Шольто оглянулся вокруг со смущенным и беспомощным видом.

– Это нехорошо с вашей стороны, Мак-Мердо! – сказал он. – Если я ручаюсь за них – этого достаточно для вас. К тому же с нами молодая барышня. Она не может ждать на дороге в такой поздний час.

– Очень жаль, мистер Таддеуш, – неумолимо проговорил привратник. – Ваши друзья могут быть недругами хозяина. Он хорошо платит мне за то, чтобы я исполнял свои обязанности, и я исполняю их. Я не знаю никого из ваших друзей.

– О, нет, знаете, Мак-Мердо, – весело крикнул Шерлок Холмс. – Не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя, который боролся с вами в ночь вашего бенефиса четыре года тому назад?

– Неужели мистер Шерлок Холмс! – проревел борец. – Господи, Боже мой! Как это я не узнал вас? Если бы вместо того, чтоб стоять смиренно, вы вышли бы вперед да поддали мне под челюсть, как тогда, я сразу бы узнал вас. Ах, вы попусту тратите свой талант, право! Вы далеко бы пошли, если бы занялись этим делом.

– Видите, Ватсон, в крайнем случае, у меня еще остается она научная профессия, – смеясь сказал Холмс. – Теперь я уверен, наш приятель не захочет держать нас на воздухе.

– Входите, сэр, входите и вы, и ваши друзья, – ответил привратник. – Очень сожалею, мистер Таддеуш, но приказания очень строгие. Должен был удостовериться, кто ваши друзья, прежде чем впустить вас.

Внутри песчаная дорожка шла среди унылой местности к большому четырехугольному, ничем не примечательному дому, погруженному во мрак. Луч луны падал только на один угол его и блестел в окне на чердаке. При виде громадного мрачного здания, окруженного мертвым молчанием, холод проникал в сердце. Даже Таддеушу Шольто, казалось, было не по себе, и фонарь, поскрипывая, дрожал в его руке.

– Не могу понять этого, – говорил он. – Тут, наверно, какая-нибудь ошибка. Я ясно сказал Бартоломею, что мы приедем сюда, а между тем в его окне нет огня. Не знаю, что и подумать.

– Он всегда так охраняет свои владения? – спросил Холмс.

– Да, он последовал примеру отца. Видите, он был любимцем отца, и иногда мне приходит на ум, что отец рассказал ему многое, чего не говорил мне. Вот то окно, на которое падает

лунный свет, находится в комнате Бартоломея. Освещено снаружи, но внутри, мне кажется, темно.

– Совершенно темно, – сказал Холмс. – Но я вижу свет в маленьком окне у двери.

– А, это комната экономки. Там сидит старая миссис Бернстон. Вот кто может все рассказать нам. Но, может быть, вы согласитесь подождать здесь минутку-другую, потому что она может испугаться, если мы войдем все сразу, а она ничего не знает о нашем приезде. Но тс! Это что такое?

Он поднял фонарь кверху, и рука его так дрожала, что круги света мелькали вокруг нас. Мисс Морстэн схватила меня за руку, и мы все стояли, насторожив слух, с сильно бьющимися сердцами. Из большого темного дома в безмолвии ночи раздался самый жалкий и печальный из звуков – пронзительный, прерывистый плач испуганной женщины.

– Это миссис Бернстон, – сказал Шольто. – Она единственная женщина в доме. Погодите здесь. Я сейчас вернусь.

Он бросился к двери и постучал особенным образом. Мы видели, как ему отворила дверь высокая старая женщина, задрожавшая от радости при виде его.

– О, мистер Таддеуш, сэр, как я рада, что вы приехали, мистер Таддеуш, сэр!

Мы слышали ее радостные восклицания, пока дверь не захлопнулась за ней и голос ее не умолк.

Наш проводник оставил нам фонарь. Холмс медленно обвел им все вокруг и пристально взглянул на дом и на огромные мусорные кучи на дворе. Мисс Морстэн и я стояли рядом; рука ее лежала в моей. Удивительно сложная штука любовь. Мы двое до сегодняшнего дня никогда не видели друг друга, никогда не обменялись ни словом, ни даже нежным взглядом, а между тем, в час опасности руки наши инстинктивно искали одна другую. Впоследствии я часто удивлялся этому, но в то время мне казалось вполне естественным подойти к ней ближе, и она, как часто рассказывала мне потом, со своей стороны, инстинктивно обратилась ко мне за успокоением и покровительством. Так мы стояли рука в руке, словно двое детей, и на душе у нас было спокойно, несмотря на все мрачное, что окружало нас.

– Что за странное место. – сказала она, оглядываясь вокруг.

– Оно имеет вид, как будто здесь собрались все кроты в Англии. Я видел нечто подобное на склоне одной горы, вблизи Балларата, где делались какие-то изыскания.

– И с той же целью, – сказал Холмс. – Это следы искателей клада. Вспомните, что они искали его в продолжение шести лет. Неудивительно, что двор походит на песчаную яму.

В эту минуту дверь дома поспешно распахнулась, и из нее выбежал Таддеуш Шольто, с протянутыми руками и с ужасом в глазах.

– С Бартоломео что-то случилось! – крикнул он. – Я боюсь. Мои нервы не выдержат.

Он, действительно, почти плакал от страха, а его подергивающееся, безвольное лицо, выглядывавшее из большого мехового воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение испуганного ребенка.

– Пойдемте в дом, – сказал Холмс своим резким решительным тоном.

– Да, пожалуйста! – умолял Таддеуш Шольто. – Я не чувствую себя в силах распорядиться.

Мы все пошли за ним в комнату экономки, находившуюся по левой стороне коридора. Старуха расхаживала взад и вперед с испуганным лицом, ломая пальцы, но появление мисс Морстэн, очевидно, произвело на нее успокоительное действие.

– Да благословит Бог ваше милое спокойное лицо! – крикнула она с истерическим рыданием. – Мне приятно видеть вас. О, что я перенесла сегодня!

Наша спутница погладила худую, изнуренную работой руку миссис Бернстон и прошептала несколько ласковых теплых слов, которые вызвали краску на ее бескровных щеках.

– Хозяин заперся у себя и не отвечает мне, – сказала она. – Целый день я ожидала, что он позовет меня; он любит часто бывать один, но час тому назад я подумала, что дело неладно, пошла наверх и заглянула в замочную щель. Идите наверх, мистер Таддеуш... Идите наверх и посмотрите сами. В продолжение долгих десяти лет мне приходилось видеть мистера Бартоломея Шольто и в радости, и в горе, но такого лица я никогда не видела у него.

Шерлок Холмс взял лампу и пошел вперед, так как у Таддеуша Шольто от страха стучали зубы. Он был так потрясен, что я взял его под руку, когда мы поднимались по лестнице. Колени у него подгибались. Два раза Холмс вынимал из кармана лупу и внимательно разглядывал то, что казалось мне бесформенными пятнышками пыли на кокосовых циновках, покрывавших лестницу вместо ковров. Он медленно шел со ступеньки на ступеньку, низко держа лампу и зорко оглядываясь по сторонам. Мисс Морстэн осталась внизу с испуганной экономкой.

Третья площадка лестницы оканчивалась прямым коридором, довольно длинным, с большой вышитой индийской картиной направо и тремя дверьми слева. Холмс продолжал идти все тем же медленным методическим шагом; мы шли за ним; наши длинные темные тени тянулись за нами. Дойдя до третьей двери, Холмс постучался, но не получил ответа; тогда он попробовал отворить дверь, взявшись за ручку. Она была крепко заперта изнутри на задвижку, как мы увидели, приставив к ней лампу. Хотя ключ был повернут в замке, но в двери была заметна щель. Шерлок Холмс нагнулся к ней и сейчас же встал.

– Тут какая-то чертовщина, Ватсон, – проговорил он задыхаясь. Я никогда не видал его таким взволнованным. – Что вы скажете об этом?

Я нагнулся к щели и отступил в ужасе. Лучи лунного света падали в комнату и освещали ее неясным, переменчивым сиянием. Прямо передо мной, как бы вися в воздухе, так как внизу все было в тени, вырисовывалось чье-то лицо – лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая, блестящая голова, те же щетинистые рыжие волосы, то же бескровное лицо. Но черты его застыли в ужасной, неестественной, насмешливой улыбке, которая, в этой тихой, освещенной светом луны комнате, более действовала на нервы, чем какая бы то ни была судорога. Лицо этого человека было так похоже на лицо нашего маленького друга, что я огляделся вокруг, тут ли он. Потом я вспомнил его рассказ о том, что они близнецы.

– Это ужасно! – сказал я. – Что делать?

– Сломать дверь, – ответил Холмс и изо всех сил нажал на нее.

Она затрещала и заскрипела, но не поддалась. Тогда мы вдвоем нажали на нее: она внезапно с треском открылась, и мы очутились в комнате Бартоломео Шольто.

Комната эта походила на химическую лабораторию. Двойной ряд склянок со стеклянными пробками стоял на полке на противоположной стене, а стол был усеян спиртовыми лампочками, пробирками и ретортами; по углам в плетеных корзинах виднелись сосуды с жидкостями. Один из них или лопнул или был разбит, так как из него текла какая-то темная жидкость, а воздух был наполнен особенно вонючим запахом, напоминавшим запах дегтя. С одной стороны комнаты, среди кучи дранок и штукатурки, стояла небольшая лестница, а в потолке над ней было отверстие, через которое легко мог пройти человек. Внизу лестницы лежал небрежно брошенный моток веревок.

У стола, на деревянном кресле, сидел хозяин дома, с головой, опущенной на левое плечо, со страшной, загадочной улыбкой на устах. Он уже окоченел и, очевидно, умер несколько часов тому назад. Мне показалось, что не только его лицо, но и все члены имели какое-то неестественное положение. На столе рядом с его рукой лежал какой-то особенный инструмент – темная, узловатая трость с каменным набалдашником вроде молотка, привязанным толстой веревкой. Рядом с ней – клочок бумаги, вырванный из записной книжки, с несколькими нацарапанными словами. Холмс взглянул на бумагу и подал ее мне.

– Видите, – сказал он, многозначительно поднимая брови.

С дрожью ужаса при свете фонаря я прочел: «Знак четырех».

– Ради Бога, что значит все это? – спросил я.

– Это значит – убийство, – сказал Холмс, наклоняясь над мертвецом. – А! Я ожидал этого! Взгляните сюда.

Он показал мне на нечто, похожее на длинную, темную иглу, торчавшую как раз над ухом убитого.

– Похоже на иглу или колючку, – сказал я.

– Она и есть. Вы можете вынуть ее. Но будьте осторожны, потому что она отравлена.

Я взял иглу большим и указательным пальцами. Она так легко вышла из кожи, что не осталось почти никакого следа. Только крошечное пятнышко крови указывало на место укола.

– Все это – неразрешимая тайна для меня, – сказал я. – Дело становится все темнее вместо того, чтобы разъясняться.

– Напротив, оно становится яснее с каждой минутой, – ответил он. – Мне не хватает только нескольких звеньев для полного объяснения дела.

Мы почти забыли о нашем спутнике с тех пор, как вошли в комнату. Он все еще стоял в дверях как олицетворение ужаса, ломал руки и тихо стонал. Но внезапно он вскрикнул пронзительным, жалобным голосом.

– Клад унесен! – сказал он. – У него украли клад. Вот отверстие, через которое мы спустили его. Я помогал ему! Я видел его последним! Я ушел от него вчера вечером и слышал, как он запер дверь на замок, когда я спускался вниз.

– В котором часу?

– В десять! А теперь он умер, позовут полицию и меня станут подозревать в убийстве. О, я уверен, что это будет так. Но вы ведь не думаете этого, господа? Наверное, не думаете, что я сделал это? Привез ли бы я вас сюда, если бы я был убийцей? О, Боже мой, Боже мой, я знаю, что сойду с ума!

Он размахивал руками и топал ногами, словно в припадке безумия.

– Вам нечего бояться, мистер Шольто, – ласково сказал Холмс, кладя ему на плечо руку. – Послушайтесь моего совета и поезжайте на станцию дать знать полиции. Предложите свою помощь. Мы подождем здесь вашего возвращения.

Шольто послушался и полубессознательно, спотыкаясь в темноте, сошел с лестницы.

Глава VI. Расследование дела Холмсом

– Ну, Ватсон, теперь у нас с вами полчаса свободных, – сказал Холмс, потирая руки. – Воспользуемся же этим временем. Как я уже говорил вам, для меня дело почти решено, но не будем слишком самоуверенны. Как ни просто кажется это дело, но, может быть, в нем скрывается что-нибудь более глубокое.

– Просто! – вскрикнул я.

– Конечно, – сказал он с видом профессора, объясняющего болезнь своим студентам. – Сядьте вот там в углу, чтобы ваши следы не усложнили дела. Ну, за работу! Во-первых, как пришли сюда эти люди и как ушли отсюда? Дверь не отпиралась со вчерашнего вечера. Как окно? – Он подошел к окну с лампой в руках, все время бормоча вслух замечания, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне. – Окно открывается изнутри. Рама прочная. Сбоку нет петель. Откроем его. Вблизи нет желоба. До крыши не добраться. Но кто-то поднялся в окно. Вчера вечером шел небольшой дождь. На подоконнике след грязной ноги. А вот круглое грязное пятно, вот еще на полу и еще у стола. Взгляните, Ватсон! Это, право, хорошие доказательства.

Я взглянул на круглые, ясно очерченные пятна грязи.

– Это не след ноги, – сказал я.

– Это нечто гораздо более драгоценное для нас. Это отпечаток деревяшки. Вот видите, здесь на подоконнике след большого, тяжелого сапога с металлическим каблуком, а рядом след деревянного носка.

– Это человек с деревянной ногой...

– Вот именно. Но был еще кто-то другой... Очень искусный и важный помощник. Можете вы подняться на эту стену, доктор?

Я выглянул в открытое окно. Месяц по-прежнему ярко освещал этот угол дома. Мы были на добрых шестьдесят футов от земли, и сколько я ни смотрел – в кирпичной стене не было ни щели, ничего такого, за что могла бы зацепиться нога.

– Совершенно невозможно, – ответил я.

– Без помощи – да. Но предположим, что у вас здесь был бы приятель, который спустил бы вам вот ту хорошую толстую веревку, что я вижу в углу, прикрепив один конец к этому большому крюку в стене. В таком случае, будь вы ловкий человек, вы могли бы подняться наверх, несмотря на деревянную ногу. Тем же самым способом вы ушли бы прочь, а ваш сообщник втянул бы веревку, отвязал ее от крюка, запер окно и ушел бы так же, как пришел... Как на одну из мелких подробностей, – продолжал он, перебирая веревку, – можно указать на то, что наш друг с деревянной ногой, хотя и умеет хорошо лазать, все же не профессиональный матрос. Руки у него далеко не мозолистые. В лупу видно на веревке, особенно на конце, несколько пятен крови, из чего я заключаю, что он спустился так быстро, что сорвал себе кожу на руках.

– Все это очень хорошо, – сказал я, – но дело все более запутывается. Кто этот таинственный сообщник? Как он попал в комнату?

– Да, сообщник! – задумчиво повторил Холмс. – Этот сообщник – чрезвычайно любопытный тип. Его участие выдвигает это дело из ряда обыкновенных. Мне кажется, этот сообщник вносит новую струю в анналы преступлений нашей страны... хотя подобного рода случаи встречаются в Индии и, если не ошибаюсь, в Сенегамбии.

– Как же он попал сюда? – повторил я. – Дверь заперта, до окна не добраться. Не через камин ли?

– Труба слишком узка, – ответил он. – Я уже думал об этом.

– Ну, так как же?

– Вы не хотите применить мой способ, – сказал он, покачивая головой. – Сколько раз говорил я вам, что если вы исключите невозможное, все остальное, хотя бы и невероятное, должно быть правдой. Мы знаем, что он не вошел ни в дверь, ни в окно, ни через камин. Знаем, что он не мог скрываться в комнате, так как здесь невозможно скрыться. Откуда же он явился?

– Через отверстие в крыше! – крикнул я.

– Конечно. Он вышел оттуда. Будьте так добры, подержите лампу; мы займемся теперь исследованиями в комнате наверху – в потайной комнате, где был найден клад.

Он поднялся по ступенькам, ухватился обеими руками за стропила и очутился на чердаке. Потом он лег ничком, взял от меня лампу и держал ее в руках, пока я следовал его примеру.

Комната, в которой мы находились, имела около десяти футов в одну сторону и шести в другую. Полом для нее служили балки с промежутками из тонких слоев дранки и штукатурки, так что приходилось переходить с балки на балку. Мебели вовсе не было, и пыль, накопившаяся годами, лежала на полу толстыми слоями.

– Вот видите, – сказал Шерлок Холмс, прислоняясь рукой к покатою стене. – Это подъемная дверь, ведущая на крышу. Я мог поднять ее, а вот и крыша, покатаю под небольшим углом. Этим путем и прошел номер первый. Посмотрим, не найдется ли каких-нибудь других примет его личности.

Он опустил лампу к полу, и во второй раз за этот вечер я увидел выражение изумления на его лице. Дрожь пробежала по моему телу, когда я посмотрел по направлению его взгляда. Пол был покрыт бесчисленными отпечатками босых ног. Следы были ясны, вполне определенны, но нога, оставлявшая их, была чуть ли не вполовину меньше ноги обыкновенного человека.

– Холмс, – шепотом проговорил я, – тот, кто сотворил это ужасное дело, еще ребенок.

В одно мгновение он овладел собой.

– Сначала я был сбит, – сказал он, – но все это вполне естественно. Мне изменила память, не то я мог бы предсказать это. Ну, теперь здесь нечего делать. Пойдемте вниз.

– Какая же у вас мысль насчет этих следов? – поспешно спросил я, когда мы снова очутились в комнате.

– Мой милый Ватсон, попробуйте анализировать сами, – несколько нетерпеливо ответил Холмс. – Вы знаете мой метод. Воспользуйтесь им. Будет чрезвычайно полезно сравнить наши выводы.

– Я не могу придумать ничего, что подтверждалось бы фактами, – сказал я.

– Скоро все станет ясным для вас, – резко сказал он, – я думаю, здесь нет ничего важного, но посмотреть все же следует.

Он вынул лупу и сантиметр и стал быстро ползать на коленях по комнате, измеряя, сравнивая, разглядывая. Его тонкий, длинный нос почти касался досок; похожие на бисер, его глубоко посаженные, как у птицы, глаза ярко блестели. Его быстрые, бесшумные, тихие движения, словно у опытной гончей, ищущей след, заставили меня невольно подумать, каким бы он был страшным преступником, если бы обратил свою энергию и ум на борьбу с законом вместо того, чтобы защищать его. В продолжение всего этого времени он постоянно бормотал что-то про себя и, наконец, громко вскрикнул от восторга.

– Нам действительно везет, – сказал он. – Теперь нам остается немного работы. Номер первый имел несчастье наступить на креозот. Видите очертания края его маленькой ноги рядом с этим скверно пахнущим месивом? Сосуд лопнул, как видите, и жидкость вытекла.

– Ну, так что же?

– Только то, что мы поймали его, – ответил Холмс, – вот и все. Я знаю собаку, которая пойдет по этому следу на край света. Если свора собак может бежать по запаху селедки на рас-

стоянии целого графства, то как далеко может специально обученная собака бежать по следам с таким сильным запахом? Теперь все это стало как арифметическая задача. Ответ даст нам... Ага! Вот и аккредитованные представители закона.

Снизу доносились тяжелые шаги и звуки громких голосов, и входная дверь закрылась с сильным стуком.

– Прежде чем они придут, – сказал Холмс, – дотроньтесь рукой до руки бедняги вот здесь, а тут до его ноги. Что вы чувствуете?

– Мускулы тверды, как доска, – ответил я.

– Вот именно. Они находятся в состоянии чрезвычайного сокращения, сильно превосходящего обыкновенные «*rigor mortis*». В соединении с этой судорогой лица, с гиппократовской улыбкой, или «*risus sardonius*», как называли ее древние писатели, какое предположение приходит вам на ум?

– Смерть от какого-нибудь сильного растительного алкалоида, – ответил я, – от какого-нибудь вещества вроде стрихнина, вызывающего столбняк.

– Эта идея сразу пришла мне в голову при виде его искаженного лица. Войдя в комнату, я тотчас же стал искать, каким образом яд мог попасть внутрь. Как вы видели, я нашел иглу

или колючку из терна, которая была воткнута или брошена в голову покойного. Вы замечаете, что пораженное место приходится как раз в стороне отверстия в потолке, если покойный сидел в своем кресле. Теперь поглядите на эту иглу.

Я осторожно взял ее и осветил фонарем. Игла была длинная, острая, из темного терна, на кончике ее как будто засохло какое-то смолистое вещество. Тупой конец был обточен ножом.

– Это английский терн? – спросил Холмс.

– Нет, наверно нет.

– Из этих данных вы можете вывести какое-нибудь верное заключение. Но вот являются регулярные войска; вспомогательные должны удалиться.

Как раз в это время шаги, которые все приближались, громко раздались в коридоре, и в комнату вошел очень толстый полнокровный, дородный человек в серой одежде, с красным лицом, очень маленькими, мигающими глазами, зорко выглядывавшими из-под опухших век. За ним шел полицейский инспектор в форме и все еще продолжавший дрожать Таддеуш Шольто.

– Вот так история! – крикнул вновь пришедший глухим голосом. – Славная история. Но кто эти люди? Дом, кажется, переполнен, как кроличий садок!

– Я думаю, вы должны помнить меня, мистер Этелни Джонс, – спокойно проговорил Холмс.

– Конечно, помню, – просопел он. – Вы – мистер Шерлок Холмс, теоретик. Помню ли я вас! Никогда не забуду, как вы читали нам лекцию о причинах, следствиях и результатах в деле драгоценностей Бишопгэта. Правда, вы навели нас на верный след, но сознайтесь, что это скорее благодаря удаче, чем хорошему руководству.

– Это было очень простое рассуждение.

– Ну вот! Перестаньте, пожалуйста. Никогда не стыдитесь сознаться. А что это здесь? Плохое дело! Плохое дело! Тут строгие факты – теориям нет места. Какое счастье, что я случайно попал в Норвуд по другому делу! Я был на станции, когда получил это известие. От чего, вы думаете, умер этот человек?

– О, это дело, в котором нет места моим теориям, – сухо сказал Холмс.

– Да, да. Впрочем, нельзя отрицать, что иногда вы попадали в точку. Боже мой! Как кажется, дверь была заперта. Пропало драгоценностей на пол миллиона. Как окно?

– Заперто, но на подоконнике есть следы.

– Ну-ну, если окно заперто, то следы не имеют никакого значения. Здравый смысл говорит это. Покойник мог умереть от припадка; но драгоценности-то исчезли. Ага! У меня есть своя теория. Временами на меня находит вдохновение. Пожалуйста, сержант и мистер Шольто, выйдите прочь. Ваш друг может остаться. Что вы думаете об этом, Холмс? Шольто, по собственному его признанию, был вчера вечером у брата. Брат умер от припадка, а Шольто ушел, унеся с собой драгоценности. Как вы находите это?

– После чего покойный чрезвычайно предупредительно встал и запер дверь изнутри.

– Гм! Да, тут в моем рассуждении изъян. Ну-с, взглянем здраво на дело. Этот Таддеуш Шольто был у своего брата; они поссорились – это нам хорошо известно. Брат умер, а драгоценности пропали. И это известно нам. Никто не видел брата после того, как Таддеуш ушел от него. Кровать его не смята. Таддеуш очевидно сильно расстроен. Вид его... ну, скажем, непривлекателен. Вы видите, что я начинаю расставлять сети вокруг Таддеуша. Сети начинают сходиться над ним. Подходит ли это к вашей теории?

– Вы еще не знаете всех фактов, – сказал Холмс. – Эта колючка, которую я имею все основания считать отравленной, была в черепе убитого; вы можете видеть след ее; этот исписанный клочок бумаги лежал на столе, а рядом с ним этот довольно интересный предмет с каменным набалдашником.

– Все это только подтверждает мои предположения, – торжественно сказал толстый сыщик. – Дом полон индийских редкостей. Таддеуш принес эту вещь, и если заноза ядовита, Таддеуш мог точно так, как и всякий другой, воспользоваться ею для убийства. Бумага – не что иное, как фокус-покус, ширма для отвода глаз. Весь вопрос в том, как он вышел отсюда? А, конечно, в крыше есть отверстие!

С быстротой, удивительной при его полноте, он поднялся по ступеням и втиснулся на чердак. Немедленно вслед за тем мы услышали, как он с восторгом кричал, что нашел подъемную дверь.

– Он может сделать кое-что, – заметил Холмс, пожимая плечами, – у него бывают иногда проблески мысли. «Il n'ya pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit»⁵.

– Видите! – сказал Этелни Джонс, снова появляясь на лестнице, – факты-то лучше всяких теорий. Мой взгляд на дело нашел себе подтверждение. Оказывается, есть подъемная дверь, выходящая на крышу, и она не совсем прикрыта.

– Я открыл ее.

– О, в самом деле! Значит, вы заметили ее.

Казалось, это открытие неприятно подействовало на него.

– Ну, кто бы ни заметил эту дверь, во всяком случае, теперь видно, как ушел наш молодец. Инспектор!

– Здесь, сэр! – ответил тот из коридора.

– Попросите мистера Шольто прийти сюда... Мистер Шольто, я должен предупредить вас, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Именем королевы я арестую вас, как замешанного в убийстве вашего брата.

– Ну вот. Не говорил ли я вам! – крикнул бедный человечек, всплескивая руками и смотря то на одного, то на другого из нас.

– Не тревожьтесь, мистер Шольто, – сказал Холмс. – Мне кажется, я могу поручиться, что сниму с вас это обвинение.

– Эй, не обещайте слишком многого, господин теоретик, не обещайте! – резко проговорил сыщик. – Это дело может оказаться гораздо труднее, чем вы ожидаете.

– Я не только сниму с него подозрение, мистер Джонс, но еще сделаю вам подарок, сказав фамилию и приметы одного из лиц, бывших вчера ночью в этой комнате. У меня есть все причины предполагать, что этого человека зовут Джонатан Смолль. Он плохо воспитанный, живой человек маленького роста, без правой ноги, на деревяшке, износившейся с внутренней стороны. На левой ноге у него грубый сапог с квадратным носком, с каблуком, обитым железом. Он человек средних лет, очень загорелый и бывший каторжник. Эти указания в соединении с фактом, что у него на ладони сильно содрана кожа, могут несколько помочь вам. Что касается другого...

– А! Другого? – проговорил Этелни Джонс насмешливым тоном, но я видел, что уверенность Холмса произвела на него сильное впечатление.

– Это довольно странная личность, – сказал Шерлок Холмс, поворачиваясь на каблуках. – Надеюсь, что мне довольно скоро удастся представить вам обоих. На одно слово, Ватсон.

Он вышел со мной на площадку лестницы.

– Этот неожиданный случай заставил нас забыть первоначальную причину нашей поездки, – сказал он.

– Я только что думал об этом, – ответил я. – Мисс Морстэн не следует оставаться в доме, где произошло такое страшное событие.

⁵ Нет более несносных дураков, чем те, которые обладают умом.

– Да. Вы должны проводить ее домой. Она живет с миссис Сесиль Форрестер, в Нижнем Кембервелле, так что это не очень далеко отсюда. Я подожду вас здесь, если хотите. Или, может быть, вы слишком устали?

– Нисколько. Мне кажется, я не успокоюсь, пока не узнаю что-нибудь об этом загадочном деле. Много мне пришлось видеть в жизни, но даю вам слово, эти страшные сюрпризы, так быстро следующие друг за другом, сильно взволновали меня. Но мне бы все-таки хотелось посмотреть вместе с вами, как окончится это дело.

– Ваше присутствие будет очень полезно мне, – ответил Холмс. – Мы с вами займемся отдельно, а Джонс пускай придумывает себе, что угодно, и приходит в восторг от своих выдумок. Мне хочется, чтобы вы после того, как отвезете мисс Морстэн, заехали в дом № 3 в переулке Пинчин, на берегу у Ламбета. Третий дом справа принадлежит продавцу чулеч по фамилии Шерман. Вы увидите в окне ласочку, держащую молодого кролика. Постучитесь к старику Шерману, кланяйтесь ему от меня и скажите, что мне нужен сейчас Тоби. Привезите Тоби с собой в кебе.

– Это, вероятно, собака?

– Да, странный ублюдок с удивительным чутьем. Помощь Тоби я предпочитаю всем сыщикам Лондона.

– Ну, так я привезу его, – сказал я. – Теперь час. Я должен вернуться до трех, если попадется свежая лошадь.

– А я посмотрю, нельзя ли узнать что-нибудь от миссис Бернстон и слуги-индуса, который, как говорил мне мистер Таддеуш, спит рядом на чердаке, – сказал Холмс. – Потом я стану изучать метод великого Джонса и выслушивать его не слишком деликатные сарказмы. “Wir sind gewöhnt dass die Menschen verhohnen was sie nicht verstehen”⁶. Гете всегда выразителен.

⁶ Мы привыкли, что люди насмеваются над тем, чего не понимают.

Глава VII. Эпизод с бочкой

Полицейские приехали в кебе, и я проводил в нем мисс Морстэн до ее жилища. Со свойственной женщинам ангельской манерой она переносила тревогу со спокойным лицом, пока нужно было поддержать более слабого, чем она, и я увидел ее сидевшей веселой и тихой рядом с испуганной экономкой. Но в кебе с ней сначала сделался обморок, а потом она разразилась потоком слез, – так сильно на нее подействовали происшествия этой ночи. После она говорила мне, что я казался ей холодным и далеким во время этой поездки. Она и не подозревала, какая борьба шла в моем сердце, и как мне нужно было сдерживаться, чтобы не выдать себя. Моя симпатия, моя любовь стремилась к ней, как моя рука устремилась к ее руке в саду. Я чувствовал, что целые годы условной светской жизни не дали бы мне возможности узнать ее кроткую, смелую натуру, как я узнал ее за этот день, полный странных событий. Но две мысли заставляли меня хранить молчание. Она была слаба и беспомощна, потрясена телесно и душевно. Не следовало пользоваться этим, чтобы говорить о любви в такое время. Хуже того, она была богата. Если поиски Холмса окажутся удачными, она будет богачкой. Хорошо ли, честно ли со стороны лекаря в отставке воспользоваться интимностью, явившейся вполне случайно? Ведь она могла бы взглянуть на меня просто как на человека, охотящегося за приданым! Я не мог допустить, чтоб у нее могла появиться подобного рода мысль. Сокровища Агры стояли между нами непреодолимой стеной.

Было почти два часа, когда мы доехали до дома миссис Сесиль Форрестер. Слуги давно уже легли спать, но миссис Форрестер, заинтересованная странным посланием, которое получила мисс, ожидала ее возвращения. Она сама отперла дверь. Это была грациозная женщина средних лет, и я с радостью увидел, как она обняла молодую девушку; поистине материнское чувство звучало в ее голосе. Очевидно, мисс Морстэн была для нее не наемной подчиненной, а уважаемой подругой. Меня представили, и миссис Форрестер горячо упрашивала меня войти в дом. Но я объяснил, что должен ехать дальше по важному делу, и обещал приходить и сообщать о ходе следствия. Уходя, я бросил взгляд назад и до сих пор вижу маленькую группу на лестнице – две женские, грациозно обнявшиеся фигуры, полуоткрытую дверь, свет из коридора, падающий через цветное стекло, барометр и блестящие прутья, придерживающие ковер. Приятно было даже мельком взглянуть на спокойный английский очаг в разгар ужасного, мрачного дела, поглощавшего наше внимание.

А чем больше я думал, тем мрачнее и ужаснее казалось мне это событие. Проезжая по безмолвным, освещенным газом улицам, я мысленно перебирал всю цепь необычайных происшествий. Первые загадки в настоящее время уже объяснились. Смерть капитана Морстэна, присылка жемчужин, объявление, письмо – все стало ясным нам, но все повело нас к еще более глубокой и трагической тайне. Индийский клад, странный план, найденный в багаже Морстэна, странная сцена у смертного одра майора Шольто, вторичная находка клада, за которой немедленно последовало убийство нашедшего его, очень странные явления, сопровождавшие преступление, следы ног, замечательные орудия убийства, слова на клочке бумаги, соответствующие словам на записке капитана Морстэна, – вот целый лабиринт, из которого всякий менее талантливый человек, чем мой сожитель, отчаялся бы выбраться.

Переулок Пинчин состоял из ряда жалких двухэтажных кирпичных домов в нижней части Ламбета. Я несколько раз безуспешно стучался в дом № 3. Наконец за шторой мелькнул свет свечи, и чье-то лицо выглянуло из окна верхнего этажа.

– Убирайся, пьяный бродяга, – сказал неизвестный. – Если ты еще раз подымеешь шум, я открою конуры и выпущу на тебя сорок три собаки.

– Выпустите одну, – ответил я, – затем я и пришел.

– Убирайся! – проревел тот же голос. – Вот здесь в мешке у меня змея, и я брошу ее тебе на голову, если ты не уберешься.

– Но мне нужна собака, – крикнул я.

– Не стану разговаривать с тобой! – крикнул мистер Шерман. – Ну, отходи, не то как скажу три, так и брошу змею.

– Мистер Шерлок Холмс... – начал я, но эти слова произвели магическое действие: окно немедленно захлопнулось, а через минуту открылась дверь. Мистер Шерман оказался тощим, худым, сутуловатым стариком, с морщинистой шеей и в синих очках.

– Всякий друг мистера Шерлока Холмса – всегда желанный гость! – сказал он. – Войдите, сэр. Подальше от барсука, потому что он кусается. Ах, злючка, злючка, уж не хочешь ли ты броситься на джентльмена? – проговорил он, обращаясь к кунице, которая просунула свою злую мордочку с красными глазами между прутьев клетки. – Не пугайтесь, сэр, это просто ящерица. Не сердитесь на меня, что я был немного резок с вами: ребятишки надоедают мне и часто прибегают сюда, чтобы постучать в дверь. Что нужно мистеру Шерлоку Холмсу, сэр?

– Ему нужна ваша собака.

– А! Вероятно, Тоби?

– Да, Тоби.

– Тоби живет налево в № 7.

Со свечой в руках он медленно двигался среди странной семьи животных, которых он собрал вокруг себя. При неверном, неясном свете я еле видел блестящие глаза, устремленные на меня из каждой щели, из каждого уголка. Даже стропила над нами были усеяны важными птицами, лениво переступавшими с ноги на ногу, когда наши голоса нарушили их сон.

Тоби оказался некрасивым созданием с длинной шерстью коричневатого и белого цвета и висячими ушами, с неуклюжей, переваливающейся походкой, помесью болонки с охотничьей собакой. После короткого колебания он принял от меня кусок сахара, который дал мне старый натуралист. Заключив таким образом союз, Тоби пошел за мной к кебу и без затруднений последовал за мной дальше. На дворцовых часах только что пробило три, когда я снова очутился в Пондишерри-Лодж. Тут я услышал, что экс-борец Мак-Мердо арестован как сообщник и вместе с мистером Шольто отправлен на станцию. У узкой калитки стояли два констебля; они позволили мне пройти с собакой, когда я назвал фамилию сыщика.

Холмс стоял внизу у лестницы и курил, засунув руки в карманы.

– А, вы привели его! – сказал он. – Славная собака! Этелни Джонс ушел. После вашего отъезда он проявил громадную энергию. Он арестовал не только нашего приятеля Таддеуша,

но и привратника, экономку и слугу-индуса. Весь дом к нашим услугам; только сержант остался наверху. Оставьте собаку здесь и пойдем наверх.

Мы привязали Тоби к столу в передней и поднялись по лестнице наверх. Комната была в том же виде, в каком мы оставили ее, только труп был покрыт простыней. Полицейский с усталым видом сидел в углу.

– Одолжите мне ваш фонарь, сержант, – сказал мой приятель. – Теперь привяжите вот этот кусок картона к моей шее так, чтобы он висел у меня на груди. Благодарю вас. Теперь я сброшу сапоги и чулки. Снесите их вниз, Ватсон. Мне придется немного поползать. И опустите мой платок в креозот. Вот так. Пойдемте со мной на чердак.

Мы влезли через отверстие. Холмс направил свет фонаря на следы.

– Я хочу, чтобы вы обратили особое внимание на эти следы, – сказал он. – Вы не замечаете в них ничего особенного?

– Это следы ребенка или женщины маленького роста, – сказал я.

– А ничего другого, кроме величины?

– Следы как следы.

– Вовсе нет. Посмотрите-ка! Вот тут в пыли – след правой ноги. Вот я оставляю рядом след моей голый ноги. Какая разница между этими следами?

– Ваши пальцы – все вместе. Пальцы другого следа – каждый отдельно.

– Вот именно. Запомните это хорошенько. Теперь подойдите пожалуйста к этому окну и понюхайте край деревянной рамы. Я останусь здесь, так как у меня платок в руке.

Я исполнил его приказание и немедленно почувствовал сильный запах дегтя.

– Вот куда он поставил ногу при выходе. Уж если вы сумели напасть на его след, то для Тоби, я думаю, это не составит ни малейшего затруднения. Ну, теперь бегите вниз, отпустите собаку и ожидайте подвигов Блондена.

К тому времени, как я вышел во двор, Шерлок Холмс был уже на крыше, и я видел, как он, словно громадный светлячок, медленно полз вдоль края. Я потерял его из виду за трубами, но затем он появился и снова исчез на противоположной стороне. Когда я обошел вокруг, я увидел его сидящим на карнизе у угла крыши.

– Это вы, Ватсон? – крикнул он.

– Да.

– Вот место, откуда он спустился. Что это чернеет там внизу?

– Бочка для воды.

– С крышкой?

– Да.

– Ни признака лестницы?

– Нет.

– Черт побери этого молодца! Тут можно голову сломать. Придется мне спуститься вниз, раз он сумел подняться. Ну, вперед.

Послышался шорох, и фонарь стал постепенно опускаться вдоль стены. Потом легким прыжком Холмс соскочил на бочку, а оттуда на землю.

– Легко было идти по его следам, – сказал он, надевая чулки и сапоги. – На всем пути черепицы расшатаны, а впопыхах он обронил вот эту штуку, которая подтверждает мой диагноз, как выражаетесь вы, доктор.

Он подал мне маленький мешок или кошель из плетеных разноцветных трав, украшенный поверху яркими бусами. По форме и величине он несколько напоминал портсигар. Внутри его было с полдюжины игл из темного дерева, заостренных с одного конца и округленных с другого, как та, которой был убит Бартоломей Шольто.

– Это адские штуки, – сказал он. – Берегитесь, чтобы не уколоться. Я в восторге, что они попались мне, так как, по всей вероятности, других у него нет. Нам с вами нечего бояться, что одна из них очутится у нас в коже. Я скорее согласен бы был иметь дело с пулей Мартини. Что, вы в состоянии пройти шесть миль, Ватсон?

– Конечно, – ответил я.

– Вынесет ли это ваша нога?

– О, да.

– Эй, собачка! Милый старый Тоби! Понюхай, Тоби, понюхай.

Он поднес к носу собаки платок, пропитанный креозотом. Животное стояло, расставив мохнатые лапы и комично склонив голову набок, словно знаток, нюхающий букет знаменитой виноградной лозы. Затем Холмс отбросил платок, привязал толстую веревку к ошейнику собаки и подвел ее к бочке с водой.

Тоби разразился громким дрожащим лаем, опустил нос к земле, поднял хвост и побежал по следу так быстро, что натянул веревку, а нам пришлось бежать изо всех сил.

Восток постепенно белел, и теперь мы могли видеть немного вдаль при холодном, сером свете. Квадратный массивный дом с его темными, пустыми окнами и высокими обнаженными стенами остался позади нас, грустный и заброшенный.

Наш путь шел по парку, между ямами и канавами, пересекавшими его. Вся местность с разбросанными кучами мусора и жалкими кустарниками носила зловещий вид, вполне гармонизировавшийся с мрачной трагедией, нависшей над домом. Достигнув стены, Тоби побежал вдоль, под ее тенью, и, наконец, остановился на углу, осененном молодым буком. В месте соединения двух стен оказалось несколько вынутых кирпичей, а образовавшиеся уступы были так стоптаны, как будто ими постоянно пользовались, как лестницей. Холмс взобрался на стену и, взяв от меня собаку, перебросил ее на другую сторону.

– Вот отпечаток руки человека с деревянной ногой, – сказал он. – Видите маленькое пятно крови на белой штукатурке? Какое счастье, что со вчерашнего дня не было сильного дождя! След останется на земле, несмотря на то, что они убежали двадцать восемь часов тому назад.

Признаюсь, я сомневался, чтобы это было возможно ввиду большого потока экипажей на Лондонской дороге. Но мои страхи скоро рассеялись. Тоби, ни минуты не колеблясь, шел вперед своей развалистой походкой. Очевидно, острый запах креозота был сильнее всех остальных запахов.

– Не воображайте, – сказал Холмс, – что мой успех в этом деле зависит только от той случайности, что один из молодцев наступил ногой на химический препарат. У меня есть теперь много различных данных, которые могут мне помочь найти преступников. Эта случайность одна из самых легких и так как, по счастью, она далась нам в руки, то я был бы не прав, если бы не воспользовался ею. Но благодаря этому дело перестает быть интересной умственной проблемой, как можно было предполагать раньше. Не будь этого слишком легкого способа разрешения задачи – оно могло бы приобрести известность.

– Известность-то будет, и большая, – сказал я. – Уверяю вас, Холмс, я поражаюсь вашим способам добывать данные, и в этом деле еще более, чем в деле Джефферсона Гоппа. Для меня лично все кажется таинственнее и необъяснимее. Ну как, например, вы могли так подробно описать человека с деревянной ногой?

– Ба, мой милый мальчик! Да нет ничего проще. Я вовсе не желаю пользоваться театральными эффектами. У меня все начистоту. Два офицера, осуществляющие надзор над каторжниками, узнают важный секрет насчет спрятанного клада. Один англичанин, по имени Джонатан Смолль, чертит для них план. Вы помните – мы видели эту фамилию на плане, принадлежавшем капитану Морстэну. Он подписал ее за себя и за своих сообщников – дав этой бумаге драматическое название «Знак четырех». При помощи этого плана офицеры, или один из них, добывает клад и привозит его в Англию, причем следует предположить, что не выполняет какого-то условия. Но почему же сам Джонатан Смолль не добыл клада? Ответ ясен. План помечен тем временем, когда Морстэну приходилось входить в близкие отношения с каторжниками. Джонатан Смолль не добыл клада, потому что он и его сообщники были каторжники.

– Но ведь это только предположение, – сказал я.

– Больше, чем простое предположение. Это единственная гипотеза, объясняющая факты. Посмотрим теперь, насколько она может быть верна. Майор Шольто остается в покое несколько лет счастливым обладателем драгоценностей. Потом он получает письмо из Индии, сильно испугавшее его. Что могло быть в этом письме?

– Известие, что человек, которого он обидел, стал свободным.

– Или бежал. Это правдоподобнее, так как он должен был знать срок отбывания наказания, и в этом случае известие не поразило бы его. Что же он делает тогда? Он охраняет себя от человека с деревянной ногой – заметьте, белого, потому что он принимает за него белого торговца и стреляет в него. На плане фамилия только одного белого. Остальные – индусы или магометане. Другого белого нет. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что человек с деревянной ногой и есть Джонатан Смолль. Находите вы какую-нибудь ошибку в этом рассуждении?

– Нет. Оно вполне ясно и точно.

– Хорошо. Теперь поставим себя на место Джонатана Смолля. Взглянем на дело с его точки зрения. Он возвращается в Англию с мыслью вступить, как он полагает, в свои права, и в то же время отомстить тому, кто обидел его. Он узнал, где живет Шольто, и, весьма вероятно, завел сношения с кем-нибудь из его слуг. Мы не видели дворецкого Лаль Рао. Миссис Бернстон одобрительно отзывается о нем. Однако Смолль не мог бы сам открыть клада, так как это было известно только майору и верному слуге его, который уже умер. Внезапно Смолль узнает, что майор при смерти. При мысли, что тайна клада умрет вместе с ним, Смолль пробирается к окну комнаты умирающего, и только присутствие сыновей майора мешает ему войти туда. Но ночью, обезумев от ненависти к умершему, он входит в его комнату, роется в его бумагах, надеясь найти какие-нибудь указания насчет клада, и наконец оставляет метку о своем посещении в виде короткой надписи на куске папки. Он, без сомнения, решил заранее, что в случае, если убьет майора, оставит подобного рода записку в знак того, что это не обыкновенное убийство, но (с точки зрения четырех сообщников) в некотором роде акт правосудия. Подобного рода загадочные и странные причуды довольно часто встречаются в анналах преступлений и обыкновенно дают ценные указания насчет личности преступника. Вы понимаете меня?

– Вполне.

– Но что же мог сделать Джонатан Смоль? Он мог только исподтишка наблюдать за усилиями тех, кто искал клад. Может быть, он покидает Англию и возвращается только изредка. Затем следует находка чердака, о чем его уведомляют немедленно. Опять все указывает на то, что в доме есть сообщник. Джонатан на своей деревяшке не в состоянии добраться до верхней комнаты Бартоломея Шольто. Он берет с собой довольно странного помощника, который преодолевает эту опасность, но попадает голой ногой в креозот, благодаря чему приходится употребить в дело Тоби и заставить прихрамывающего офицера в отставке прогуляться целых шесть миль.

– Но преступление совершено сообщником, а не Джонатаном.

– Совершенно верно. И даже к полному негодованию Джонатана, что видно из того, как он ступил ногой, войдя в комнату. Он ничего не имел против Бартоломея Шольто и удовольствовался бы тем, чтоб связать его и заткнуть ему рот. Но делать было нечего: дикие инстинкты его товарища вырвались наружу, и яд оказал свое действие. Итак, Джонатан Смоль оставил на память записку, спустил ящик с драгоценностями и затем спустился сам. Таков ход дела, как он представляется мне. Что касается внешнего вида преступника, то это, должно быть, человек средних лет и сильно загорелый после стольких лет работы в таком пекле, как Андаманские острова. Рост его легко узнать по длине его шагов; мы знаем, что у него борода. Обилие волос более всего поразило Таддеуша Шольто, когда он увидел лицо в окне. Кажется, ничего больше.

– А сообщник?

– А, ну тут нет никакой особой таинственности. Но вы скоро узнаете все остальное. Как хорош утренний воздух! Посмотрите, как плывет это облачко, словно розовое перышко какого-то громадного фламинго. Вот красный край солнца подымается над туманным Лондоном. Он светит многим людям, но, готов держать пари, между ними нет ни одного, кто отправлялся бы по более странному делу, чем мы. Как ничтожны мы с нашим незначительным мелким

честолюбием и стремлениями в присутствии великих стихийных сил природы! Ну, как идет ваше изучение Жан Поля?

– Ничего себе. Я обратился к нему после изучения Карлейля.

– Это все равно что пройти по ручью к озеру, из которого он вытекает. Он делает одно любопытное, но глубокое замечание, а именно, что доказательство действительного величия человека состоит в его сознании своего ничтожества. Видите ли, для этого требуется сила сравнения и анализа, которая сама по себе является доказательством благородства. Да, у Рихтера есть над чем подумать... У вас нет пистолета?

– Со мной палка.

– Очень возможно, что это пригодится нам, когда мы попадем в их берлогу. Джонатана я предоставлю вам, но если другой станет сопротивляться – я застрелю его.

Говоря это, он вынул из кармана револьвер и, вложив два заряда, положил его в правый карман жакетки.

Все это время мы шли под предводительством Тоби к столице по полудеревенской дороге; с обеих сторон виднелись виллы. Теперь же мы вышли на бесконечные улицы, по которым уже двигались рабочие и матросы; неопрятно одетые женщины снимали ставни и подметали лестницы. На углах, в кабаках, начиналась дневная жизнь, и люди грубого вида выходили оттуда, утирая рукавом бороды после утренней выпивки. Странные собаки бродили по улицам, с удивлением смотря на нас, но наш несравненный Тоби не смотрел ни направо, ни налево, а шел, опустив нос к земле, и только изредка взвизгивал, когда нападал на горячий след.

Мы прошли Стрэтгем, Брикстон, Кембервелль и очутились в переулке Кеннингтон. Те, кого мы преследовали, казалось, избрали самый запутанный путь, вероятно, для того, чтобы избежать лишних свидетелей. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было найти параллельную ей. У начала Кеннингтонского переулка они уклонились налево через улицы Бонд и Майльс. Там, где последняя сворачивает на Рыцарскую площадь, Тоби перестал идти вперед и начал бросаться то в одну, то в другую сторону, подняв одно ухо и опустив другое, как истое олицетворение собачьего недоумения. Потом он стал ходить кругами вокруг нас, смотря иногда так, словно прося сочувствия к своему затруднению.

– Черт знает что такое с собакой? – проворчал Холмс. – Ведь не взяли же они кеб и не поднялись на воздушном шаре.

– Может быть, они стояли здесь некоторое время, – подсказал я.

– А! Вот он опять бросился вперед! – сказал с облегчением мой приятель.

Действительно, Тоби опять побежал вперед, обнюхав все и как будто придя к какому-то решению, и побежал с такой энергией и решительностью, какой не выказывал раньше. След, казалось, был горячее, чем когда-либо, потому что Тоби даже не опускал носа к земле, но дергал веревку и порывался бежать изо всех сил. По блеску глаз Холмса я видел, что он думал, что мы приближаемся к цели нашего путешествия.

Путь наш шел теперь мимо «Девяти вязов», и скоро мы добрались до большого дровяного двора, пройдя таверну «Орел». Тут собака, обезумевшая от возбуждения, пробежала через боковую калитку во двор, где работали уже пыльщики. Собака бежала среди опилок и стружек по аллее, между двумя рядами соломенных дров, и наконец с торжествующим лаем вскочила на громадную бочку.

С высунутым языком, мигающими глазами Тоби смотрел попеременно то на одного из нас, то на другого, очевидно, в ожидании одобрения; доски, бочки и колеса тачки были покрыты темной жидкостью, а воздух весь пропитан креозотом.

Шерлок Холмс и я смущенно переглянулись, а затем разразились неудержимым смехом.

Глава VIII. Иррегулярная армия Бейкер-стрит

– Как же теперь быть? – спросил я. – Тоби потерял свою безупречную репутацию.

– Он действовал сообразно своему пониманию, – сказал Холмс; он снял собаку с бочки и повел ее со двора. – Если вы поразмыслите, сколько креозота привозится в Лондоне ежедневно, то не удивитесь, что наши следы перепутались. Креозот теперь в большом ходу, особенно при обработке дерева. Бедный Тоби не виноват.

– Я думаю, нам придется начать сначала.

– Да. И, к счастью, нам недалеко идти. Очевидно, собака оттого так растерялась на углу Рыцарской площади, что там шли следы в двух противоположных направлениях. Мы пошли по ложному следу. Теперь надо идти по-другому.

Это было вовсе нетрудно. Как только мы привели Тоби к месту его ошибки, он описал несколько широких кругов и бросился в другом направлении.

– Только бы он не привел нас к тому месту, откуда привезена бочка, – заметил я.

– Я уже думал об этом. Но вы видите, он бежит по тротуару, тогда как бочка ехала по мостовой. Нет, теперь мы на верном пути.

Мы шли вниз к реке, мимо площади Бельмонт и улицы Принца. В конце Широкой улицы след шел прямо к берегу, где виднелась деревянная пристань. Тоби подвел нас к краю пристани и завыл, смотря вниз на темную реку.

– Не везет нам, – сказал Холмс. – Тут они сели в лодку.

Несколько маленьких яликов и лодок виднелось на воде и у пристани. Мы подводили Тоби поочередно к каждой из них, но хотя он весьма добросовестно обнюхал все, однако, очевидно, ничего не узнал.

Рядом с грубой пристанью стоял кирпичный дом, над вторым окном которого красовалась деревянная вывеска. На ней большими буквами было напечатано: «Мардохей Смит», а внизу: «Лодки внаем на час и поденно». Другая вывеска, над дверью, извещала, что здесь имеется и паровой баркас, что подтверждалось громадной кучей кокса на дамбе.

Знак четырех

Ватсон и Мэри Морстен

Редактор популярного американского журнала Джозеф Маршал Стоддарт приехал в Лондон в августе 1889 года и пригласил на обед в отеле «Ленгем» двух писателей – Оскара Уайльда и Артура Конан Дойла. Биографы отмечают контраст между двумя гостями в тот вечер: «Томный изящный денди Уайльд и громадный Дойл, облаченный в свой лучший костюм, в котором он выглядел как морж в воскресных одеждах». Стоддарт предложил им за хороший гонорар написать что-нибудь для британского издания своего журнала. Они согласились, Уайльд создал интеллектуальный роман «Портрет Дориана Грея», Дойл – детективную повесть «Знак четырех».

Повесть была впервые опубликована в 1890 году под более длинным названием «Знак четырех, или загадка Шопто». В том же году ее переиздали с современным названием и иллюстрациями английского художника Чарльза Керра (1858–1907).

Оскар Уайльд поздравил Конан Дойла с выходом «Знака четырех»: «Я сознаю, что мои вещи лишены двух превосходных качеств, которые в ваших присутствуют в полной мере, – это сила и искренность. Между мною и жизнью всегда пелена слов: я вышвыриваю достоверность в окно ради удачной фразы и готов пренебречь правдой ради случайной эпиграммы».

Артур Конан Дойл

Действие повести происходит в 1888 году. Рассказ ее героя Джонатана Смолла переносит читателя из Лондона в индийский город Агру времен восстания сипаев, а потом на Андаманские острова на севере Индийского океана и вновь возвращает в Лондон. Как и предыдущая повесть «Этюды в багровых тонах», «Знак четырех» поначалу не обрел много поклонников. Лишь последующие рассказы из цикла «Приключения Шерлока Холмса» принесли писателю всемирную славу.

Любопытный факт повести – именно здесь Ватсон влюбляется в свою будущую жену, пришедшую за советом к его другу голубоглазую блондинку Мэри Морстен. Ватсону она понравилась сразу же, что подметил знаменитый сыщик и отнесся к увлечению друга весьма неодобрительно. Вскоре Ватсон женился и съехал с квартиры на Бейкер-стрит. Это был уже второй брак биографа Шерлока Холмса.

В рассказ «Скандальная история в Богемии», где действие происходит в марте 1888 года, Ватсон упоминает о своей недавней женитьбе. Однако, судя по повести «Знак четырех», он познакомился с Мэри Морстен лишь в сентябре 1888 года.

Шерлок Холмс медленно оглянулся вокруг, лицо его приняло зловещее выражение.

– Дело плохо, – сказал он. – Эти молодцы хитрее, чем я ожидал. Они, как кажется, замели следы. Боюсь, что тут был уговор.

Он подходил к дому как раз в ту минуту, когда распахнулась дверь, и маленький кудрявый мальчик лет шести выбежал оттуда; за ним показалась толстая женщина с красным лицом, с большой губкой в руке.

– Иди мыться, Джэк! – крикнула она. – Иди сюда, постреленок. Вернется отец, увидит тебя в таком виде и задаст обоим нам.

– Милый малютка! – сказал Холмс, преследуя свои стратегические цели. – Что за прелестный розовый бездельник! Ну, Джэк, чего ты хочешь?

Ребенок задумался на минуту.

– Шиллинг, – сказал он.

– Ничего больше?

– Лучше два шиллинга, – ответил после небольшого раздумья удивительный ребенок.

– Ну, вот они! Лови! Славный ребенок, миссис Смит.

– Да, сэр, да благословит вас Господь. И умница... Трудненько мне справляться с ним, особенно когда мужа не бывает дома по целым дням.

– Нет дома и теперь? – спросил Холмс разочарованным тоном. – Как жаль! Мне нужно было поговорить с мистером Смитом.

– Его нет дома со вчерашнего утра, сэр, и по правде сказать, я начинаю тревожиться о нем. Но если вам нужна лодка, сэр, то я могу дать вам ее.

– Я хотел нанять баркас.

– Он как раз и поехал в нем, сэр. Вот то-то и удивляет меня, потому что я знаю, что угля хватит только на то, чтобы доехать до Вульвича и обратно. Если бы он уехал на барже, я и не подумала бы о том, что он не возвратился, так как он часто ездит по делам в Грэвэнд и мог бы остаться там в случае нужды. Но на что годится баркас без угля?

– Может быть, он купил уголь где-нибудь на пристани.

– Может быть, сэр, но это на него не похоже. Много раз я слышала, как он ужасался ценам, которые берут за несколько жалких мешков. К тому же не нравится мне этот человек с деревянной ногой, с его некрасивым лицом и иностранным говором. Что ему было нужно? Чего он постоянно околачивался тут?

– Человек с деревянной ногой? – с любезным изумлением спросил Холмс.

– Да, сэр, смуглый человек с лицом похожим на мартышку, часто приходил к моему старику. Он разбудил мужа вчера ночью; да муж и знал, что он придет, потому что развел пары на баркасе. Говорю вам откровенно, сэр, все это очень тревожит меня.

– Но, дорогая миссис Смит, – сказал Холмс, пожимая плечами, – вы тревожитесь из-за пустяков. Как можете вы быть уверены, что именно этот человек приходил сегодня ночью? Не понимаю, откуда у вас такая уверенность.

– Я узнала его по голосу, сэр. У него голос такой густой и словно пропитанный туманом. Он постучался в окно... Это было около трех часов. «Выходи-ка, приятель, пора!» – сказал он. Мой старик разбудил Джеймса, – это наш старший, – и оба ушли, ни слова не сказав мне. Я слышала, как деревяшка стучала по камням.

– А человек на деревянной ноге приходил один?

– Не могу сказать наверно, сэр. Я не слышала другого голоса.

– Очень сожалею, миссис Смит; мне нужен был баркас, и мне очень хвалили... Позвольте, как бишь его название?..

– «Аврора», сэр.

– А! Это не старый зеленый баркас с желтой полосой, очень широкой.

– О, нет. Это самая изящная штучка на реке. Он заново выкрашен в черный цвет с двумя красными полосами.

– Спасибо. Надеюсь, вы скоро узнаете что-нибудь о мистере Смите. Я отправляюсь вниз по реке и, если увижу «Аврору», то дам ему знать о вашем беспокойстве. Вы говорите – труба черная?

– Нет, сэр. Черная с белой полосой.

– Ах, конечно. Бока черные. Доброго утра, миссис Смит. Вот лодочник с яликом, Ватсон. Мы возьмем его и переедем через реку.

– Главное в делах с подобного рода людьми, – сказал Холмс, когда мы уселись в ялик, – это никогда не давать им понять, что сообщаемые ими сведения имеют какое-либо значение. Дайте только это понять, и они уйдут как улитки в свою раковину. Если же вы слушаете их как будто нехотя, вы, по всей вероятности, получите все желаемые сведения.

– Теперь наш путь совершенно ясен, – сказал я.

– Что же вы сделали бы?

– Я нанял бы баркас и отправился по следам «Авроры».

– Милый мой, это была бы колоссальная задача. «Аврора» могла остановиться на любой пристани отсюда до Гринвича. Ниже моста – целый лабиринт пристаней тянется на целые мили. Вам пришлось бы употребить на это целые дни, если бы вы отправились один.

– Ну, так пригласите полицию.

– Нет. Я, вероятно, призову Этелни Джонса в последнюю минуту. Он недурной малый, и я не хотел бы повредить ему в его профессиональной деятельности. Но мне хочется самому заняться этим делом, раз мы уже зашли так далеко.

– Не можем ли мы тогда сделать публикации, обратиться к владельцам пристаней?

– Еще хуже! Наши молодцы сейчас бы догадались, что их преследуют по горячим следам, и убрались бы из Англии. Они и так уедут, но не будут торопиться, пока чувствуют себя в безопасности. Тут энергия Джонса послужит нам на пользу, так как его взгляд на дело наверняка попадет в прессу, и беглецы узнают, что поиски идут по ложному следу.

– Что же нам тогда делать? – спросил я, когда мы причалили.

– Возьмите кеб, поезжайте домой, позавтракайте и поспите часок. Весьма вероятно, что нам придется провести на ногах и эту ночь... Остановись у телеграфной станции, извозчик!.. Мы оставим Тоби, так как он может еще пригодиться нам.

Мы остановились у почтового отделения, и Холмс отправил телеграмму.

– Как вы думаете, кому я телеграфировал? – спросил он, когда мы поехали дальше.

– Право, не знаю.

– Помните, отделение сыскной полиции с Бейкер-стрит, которым я пользовался в деле Джефферсона Гоппа?

– Ну? – со смехом проговорил я.

– Здесь услуги их могут оказаться неоценимыми. Не удастся им, попробую другие способы, но сначала воспользуюсь ими. Телеграфировал я моему грязному маленькому адъютанту Виджинсу и ожидаю, что он со своей шайкой будет у нас, прежде чем мы окончим свой завтрак.

Было уже около девяти часов, и я почувствовал сильную реакцию после различных волнений этой ночи. Я устал и захромал; мысли у меня путались, тело утомилось. У меня не было профессионального энтузиазма, поддерживавшего моего друга, а на дело я не мог смотреть только отвлеченно. Что касалось смерти Бартоломея Шольто – я слышал о нем мало хорошего и не мог чувствовать сильной антипатии к его убийцам. Но клад – иное дело. Он, или часть его, принадлежала по праву мисс Морстэн. Пока был хоть какой-нибудь шанс найти его, я готов был посвятить жизнь поискам. Правда, если бы мне удалось найти его, то, по всей вероятности, пришлось бы навеки отказаться от нее. Но подобного рода мысль могла бы повлиять только на мелочную, эгоистичную любовь. Если Холмс так хлопотал о том, чтоб найти виновных, то

у меня была причина в десять раз более сильная, чтобы стремиться найти пропавшие драгоценности.

Ванна на Бейкер-стрит и перемена белья и костюма подействовали на меня замечательно освежающим образом. Когда я сошел в нашу столовую, я увидел на столе завтрак, а Холмс наливал кофе.

– Вот оно, – сказал он, со смехом указывая на только что развернутую газету. – Энергичный Джонс и вездесущий репортер обо всем договорились. Но с вас уже довольно этого дела. Займитесь-ка лучше ветчиной и яйцами.

Я взял от него газету и прочел короткую заметку, озаглавленную: «Таинственное происшествие в Верхнем Норвуде».

«Прошлой ночью, около двенадцати часов, – говорилось в «Standard», – мистер Бартоломей Шольто, из Пондишерри-Лодж, в Верхнем Норвуде, был найден мертвым в своей комнате при обстоятельствах, заставляющих предполагать преступление. Насколько нам известно, на теле мистера Шольто не найдено было никаких знаков насилия, но унесена ценная коллекция индийских драгоценностей, которую покойный унаследовал от своего отца. Открытие было сделано мистером Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном, которые прибыли в дом вместе с Таддеушем Шольто, братом покойного. По странной счастливой случайности мистер Этелни Джонс, хорошо известный член сыскальной полиции, находился на полицейской станции в Норвуде и через полчаса после полученного известия был уже на месте преступления. Он сразу направил свои знания и опыт на задержание преступников, следствием чего явился арест брата покойного, Таддеуша Шольто, а также экономки, миссис Бернстон, индуса-дворецкого по имени Лаль Рао и швейцара, или привратника, по имени Мак-Мердо. Вполне удостоверено, что вор, или воры, были хорошо знакомы с домом, так как хорошо известные технические знания и замечательная наблюдательность мистера Джонса дали ему возможность окончательно доказать, что преступники не могли войти ни в дверь, ни в окно, но пробрались, должно быть, по крыше и через подъемную дверь проникли в комнату, в которой обнаружен труп. Этот факт – чрезвычайно точно установленный – окончательно доказывает, что это не случайный грабеж. Быстрые и энергичные действия блюстителей закона доказывают, как важно в подобных случаях, чтобы во главе расследования стоял один человек, обладающий недюжинным умом. Мы убеждены, что данное обстоятельство может служить аргументом для тех, кто желал бы видеть силы наших сыщиков более децентрализованными и таким образом приведенными к более тесному и деятельному соприкосновению с делами, которые им приходится исследовать».

– Ну, разве не великолепно? – сказал Холмс, усмехаясь. – Что вы на это скажете?

– Скажу, что мы сами едва избежали ареста.

– И я скажу то же самое. Я не отвечаю за нашу безопасность и теперь, если у него случится новый прилив энергии.

В эту минуту раздался громкий звонок и я услышал голос миссис Гедеон, нашей хозяйки, доказывавшей что-то тоном, полным отчаяния.

– Клянусь небом, Холмс, – заметил я, приподымаясь с места, – пришли за нами.

– Ну, дело еще не так плохо. Это не официальные силы, а иррегулярные войска Бейкер-стрит.

При этих словах на лестнице послышались поспешные шаги голых ног, гул детских голов, и в комнату влетела толпа грязных и оборванных маленьких уличных бродяг. Несмотря на бурное вторжение, между ними была, очевидно, некоторого рода дисциплина, так как все они мгновенно встали в ряд и смотрели на нас с выражением ожидания на лицах. Один из них, постарше и повыше, вышел вперед с видом превосходства, чрезвычайно смешным в таком оборванце.

– Получил ваше приказание, – сказал он, – и сейчас же привез их. Три с половиною за билеты.

– Вот тебе, – сказал Холмс, вынимая несколько серебряных монет. – Впоследствии они могут докладывать тебе, Виджинс, а ты мне. Я не могу допустить, чтобы так врвались ко мне. Но теперь, пожалуй, хорошо, если все выслушают мои распоряжения. Я хочу узнать, где находится баркас «Аврора», владелец Мардохей Смит; баркас черный с двумя красными полосами, труба черная с белой полосой. Мне нужно, чтобы один мальчик караулил у пристани, где останавливается Мардохей Смит, напротив Милльбенка, для того, чтобы сообщить, если вернется баркас. Вы должны поделить труд между собой и сторожить оба берега. Дайте мне немедленно знать, если узнаете что-нибудь. Понятно ли вам?

– Да, сэр, – сказал Виджинс.

– Плата прежняя, а тому, кто найдет баркас, – гинея. Вот за день вперед и убирайтесь!

Он подал каждому по шиллингу; мальчишки шумно сбежали с лестницы, и минуту спустя я увидел их уже на улице.

– Если только лодка на воде, они найдут ее, – сказал Холмс, вставая из-за стола и закуривая трубку. – Они могут идти всюду, все видеть, все слышать. Я ожидаю, что они до вечера откроют ее местопребывание. А пока мы можем только дожидаться результатов их поисков. Мы не можем найти прерванного следа, пока не найдем «Авроры» или мистера Мардохея Смита.

– Я думаю, Тоби может доесть остатки. Вы ляжете спать, Холмс?

– Нет, я не устал. У меня необыкновенная натура. Не помню, чтобы когда-нибудь уставал от работы, но безделье доводит меня до изнеможения. Я стану курить и обдумывать странное дело, с которым познакомила нас моя прекрасная клиентка. Если когда-либо было легкое дело, то именно это. Люди на деревяшке встречаются не так часто, а другой участник, я думаю, единственный в своем роде.

– Да, вот еще этот другой!

– Во всяком случае, я не хочу делать из него тайны для вас. Но вы, должно быть, и сами составили свое мнение о нем. Ну, обратите внимание на данные следы маленьких ног, пальцы ног, никогда не сдавливаемые сапогами, голые ноги, палка с каменным набалдашником, замечательная ловкость, отравленные стрелы. Что скажете на все это?

– Дикарь! – воскликнул я. – Может быть, один из индусов-товарищей Джонатана Смолля.

– Вряд ли, – сказал он. – Когда я в первый раз увидел странные орудия, я готов был думать это, но особые характерные черты следов заставили меня изменить мой взгляд. Некоторые из обитателей индийского полуострова – люди небольшого роста, но ни у кого из них не может быть таких маленьких ног. У настоящего индуса длинные, тонкие ноги. У магометанина, носящего сандалии, большой палец хорошо отделен от других, потому что между ними проходит ремень. Затем, эти маленькие стрелы могут быть пущены только одним способом – только выдуванием из трубки. Ну, где же нам искать нашего дикаря?

– В Южной Америке, – сказал я наугад.

Холмс протянул руку и взял с этажерки толстый том.

– Это первый том издающегося нового географического словаря, который можно считать последним авторитетом в своей области. Что у нас здесь? Андаманские острова, расположенные в 340 милях к северу от Суматры, в Бенгальском заливе. Гм, гм! Это что? Влажный климат, коралловые рифы, акулы, порт Блэр, казармы каторжников, остров Рутлэнд, леса Виргинских тополей... А, вот оно! «Туземцы Андаманских островов имеют право считаться самым низкорослым племенем на земле, хотя некоторые антропологи отдают пальму первенства бушменам Африки. Средняя высота их роста менее четырех футов, но встречается много взрослых, которые гораздо ниже. Это свирепые, угрюмые, упрямые люди, хотя способные к самой преданной дружбе, если удастся приобрести их доверие...» Заметьте это, Ватсон. Теперь слушайте дальше: «Они обыкновенно бывают отвратительной наружности с громадными, уродливыми головами, маленькими свирепыми глазами и безобразными чертами лица. Но ноги и

руки у них очень малы. Они так упрямы и свирепы, что все усилия английских чиновников привлечь их на свою сторону оказались бесплодными. Они всегда служили предметом ужаса для потерпевших крушение моряков, так как они убивают оставшихся в живых, ударяя по голове дубинами с каменными набалдашниками или пуская в них отравленные стрелы. Эти убийства обыкновенно оканчиваются каннибальским пиром...» Милый, любезный народ, Ватсон! Если бы этому малому предоставили поступать по-своему, это дело могло принять еще более ужасный оборот. Я думаю, что даже и теперь Джонатан Смолль дорого дал бы за то, чтобы не воспользоваться его услугами.

– Но откуда у него такой странный товарищ?

– Ну, это больше, чем я могу сказать. Однако, так как мы уже решили, что Смолль явился с Андаманских островов, то нет ничего особенно удивительного в том, что с ним находится этот островитянин. Без сомнения, в свое время мы узнаем все. Но, Ватсон, вы совершенно измучились. Ложитесь-ка на софу, и посмотрим, не сумею ли я усыпить вас.

Он вынул скрипку из футляра и, когда я растянулся на софе, заиграл какую-то тихую, задумчивую, мелодическую песнь, без сомнения, своего сочинения, так как он обладает замечательным импровизаторским даром. У меня осталось воспоминание о его неуклюжей фигуре, серьезном лице и то поднимающемся, то опускающемся смычке. Потом я мирно понесся по морю нежных звуков и, наконец, очутился в мире сновидений, где увидел милое лицо мисс Морстэн.

Глава IX. Недостающие звенья

Было уже поздно, когда я проснулся, подкрепленный и освеженный сном. Шерлок Холмс сидел на том же месте, только вместо скрипки у него в руках была книга, и он казался погруженным в чтение. Он взглянул на меня, когда я пошевелился, и я заметил мрачное и взволнованное выражение его лица.

– Крепко же вы спали, – сказал он. – Я боялся, что наш разговор разбудит вас.

– Я ничего не слышал, – ответил я. – Есть у вас новости?

– К несчастью, нет. Сознаюсь, я удивлен и разочарован. Я ожидал чего-нибудь определенного к этому времени. Виджинс только что приходил с докладом. Он говорит, что нет никаких следов баркаса. Это досадная задержка, так как каждый час имеет важное значение.

– Не могу ли я что-нибудь сделать? Я совершенно свеж теперь и готов не спать всю ночь.

– Нет, мы ничего не можем сделать. Мы можем только ждать. Если мы выйдем из дома, какое-нибудь известие может прийти во время нашего отсутствия и таким образом дело затянется. Вы можете поступать, как желаете, но я буду сторожить.

– Ну, так я слетаю в Кембервелль и навещу миссис Сесиль Форрестер. Она приглашала меня вчера.

– Навестите миссис Сесиль Форрестер? – спросил Холмс и лукавая усмешка блеснула у него в глазах.

– Ну, конечно, и мисс Морстэн. Они очень беспокоились и хотели узнать, нет ли чего нового.

– Я бы не говорил им слишком много, – сказал Холмс. – Женщинам никогда нельзя доверять вполне, даже самым хорошим.

Я не стал оспаривать это возмутительное предположение.

– Я вернусь через час или два, – заметил я.

– Отлично! Желаю счастья! Но, знаете, если вы поедете на ту сторону реки, то можете завезти обратно Тоби, так как, по всей вероятности, он не будет больше нужен нам.

Я взял с собой нашу собаку и оставил ее у старого натуралиста, отдав ему в придачу полсоверена. В Кембервелле я застал мисс Морстэн несколько усталой после ночных приключений, но очень интересующейся привезенными мною новостями. Миссис Форрестер также была полна любопытства. Я рассказал им все, что мы сделали, опустив только страшные подробности трагедии. Так, например, передавая им о смерти мистера Шольто, я ни слова не сказал о том, при каких обстоятельствах она произошла. Но несмотря на то, что я о многом умолчал, история эта сильно потрясла и изумила их.

– Это настоящий роман! – вскрикнула миссис Форрестер. – Обманутая барышня, клад в полмиллиона, черный людоед и негодяй с деревянной ногой. Последние занимают место пресловутого драгуна или графа-злодея.

– А на помощь два рыцаря, – прибавила мисс Морстэн, бросая на меня светлый взгляд.

– Ну, Мэри, от исхода дела зависит ваше богатство. По-моему, вы недостаточно взволнованы. Только представьте себе, что значит быть богатой и иметь весь свет у своих ног!

Сердце у меня дрогнуло от радости, когда я заметил, что эта перспектива не вызвала особого восторга в мисс Морстэн. Напротив, она вздернула свою гордую голову, как будто этот вопрос мало интересовал ее.

– Я беспокоюсь за мистера Таддеуша Шольто, – сказала она. – Все остальное не имеет никакого значения, но я думаю, что он поступил чрезвычайно добро и честно. Наш долг – освободить его от этого ужасного и ни на чем не основанного подозрения.

Был уже вечер, когда я покинул Кембервелль, и совершенно стемнело к тому времени, как я вернулся домой. Книга моего приятеля и его трубка лежали около кресла, но сам он исчез. Я оглянулся в надежде найти записку, но ее не было.

– Вероятно, господин Шерлок Холмс вышел из дома? – сказал я миссис Гедеон, когда она пришла спустить шторы.

– Нет, сэр. Он ушел к себе в комнату. Знаете, сэр, – прибавила хозяйка, понизив голос, – я боюсь за его здоровье.

– Почему, миссис Гедеон?

– Очень уж он странный, сэр. После того, как вы ушли, он стал ходить взад и вперед, так что мне надоел звук его шагов. Потом я слышала, как он бормотал что-то про себя; при каждом звонке он выбегал на лестницу и спрашивал: «Что это, миссис Гедсон?» А теперь он захлопнул за собой дверь, но я слышу, что он продолжает расхаживать по-прежнему. Надеюсь, он не захворает, сэр. Я попробовала было предложить ему охлаждающее лекарство, но он повернулся ко мне с таким взглядом, сэр, что я сама не знаю, как выбралась из комнаты.

– Мне кажется, вам нечего беспокоиться, миссис Гедеон, – ответил я. – Я видел его таким и прежде. У него есть что-то на душе.

Я старался легко отнестись к словам нашей достойной хозяйки, но сам испытывал небольшое беспокойство в продолжение длинной ночи, когда слышал порой шум его шагов и думал, как его подвижная натура бесится от этой невольной задержки. За завтраком у него был усталый вид; на бледном лице горели лихорадочные пятна.

– Вы убиваете себя, друг мой, – заметил я. – Я слышал, как вы расхаживали ночью.

– Да, я не мог заснуть, – ответил он. – Это дьявольское дело сжигает меня. Обидно, что помешало такое ничтожное препятствие, когда все остальные устранены. Я знаю людей, баркас, все – и не могу получить известий о них. Я пустил в ход другие средства, других агентов. Обыскали оба берега реки, но нет никаких известий, и миссис Смит тоже ничего не знает о муже. Я приду к заключению, что они уничтожили экипаж судна. Но против этого можно привести возражения.

– Может быть, миссис Смит навела нас на ложный след?

– Нет, я не думаю этого. Я навел справки, и описанный ею баркас действительно существует.

– Не мог ли он подняться вверх по реке?

– Я предположил и эту возможность, и поиски будут произведены до самого Ричмонда. Если и сегодня не будет никаких известий, я сам отправлюсь завтра и буду искать виновных, а не лодку. Но мы наверно услышим что-нибудь о ней.

Однако мы ничего не услышали. Ни слова от Виджинса, ни от кого-либо из других агентов. В большинстве газет появились заметки о трагедии в Норвуде. Все они были неблагоприятны для несчастного Таддеуша Шольто, но в них не было никаких новых подробностей, за исключением того, что следствие должно быть продолжено на следующий день. Вечером я отправился в Кембервелль, чтобы сообщить дамам о неудаче поисков, и по возвращении застал Холмса в печальном и несколько угрюмом настроении. Он почти не отвечал на мои вопросы и целый вечер занимался каким-то химическим анализом, требовавшим постоянного нагревания реторт и дистиллировки паров, в конце чего в комнате распространился такой запах, что я чуть не ушел прочь. До самого утра я слышал звон его пробирок, говоривший мне, что он все еще занят своим зловонным опытом.

Рано на заре я внезапно проснулся и с удивлением увидел его, стоящим у моей кровати в грубой матросской одежде с красным шерстяным шарфом на шее.

– Я отправляюсь вниз по реке, Ватсон, – сказал он. – Я обдумал вопрос со всех сторон и вижу только один выход. Во всяком случае, его следует испробовать.

– Ведь я, конечно, могу поехать с вами? – спросил я.

– Нет, вы будете гораздо полезнее мне, если останетесь здесь как мой представитель. Я уйду из дома чрезвычайно неохотно, так как весьма вероятно, что днем может прийти какое-нибудь известие, хотя Виджинс отчаивался вчера вечером. Я хочу, чтобы вы вскрывали все письма и телеграммы, и действовали, как найдете нужным, в случае чего-нибудь нового. Могу я положиться на вас?

– Конечно.

– Боюсь, что вам нельзя будет телеграфировать мне, так как сам не знаю, где могу очутиться. Если посчастливится – скоро вернусь домой, но прежде надо добыть какие-нибудь известия.

К завтраку он не явился. Развернув «Standard», я нашел новую версию этого дела. «Относительно трагедии в Верхнем Норвуде, – гласила заметка, – мы имеем основание думать, что эта история является еще более сложной и таинственной, чем предполагали прежде. Новые данные показывают, что участие мистера Таддеуша в этом деле практически невозможно. Он и экономка, миссис Бернстон, оба выпущены из-под ареста вчера вечером. Есть вероятность, что полиция нашла след настоящих виновных; все следствие ведется мистером Этелни Джонсом из Скотланд-Ярда со свойственной ему энергией и проницательностью. Каждую минуту можно ожидать дальнейших арестов».

– Пока сведения удовлетворительные, – подумал я. – По крайней мере, Шольто в безопасности. Интересно знать, что это за новый след, хотя, кажется, это стереотипная форма выражений в тех случаях, когда полиция делает ошибку.

Я бросил газету на стол, но в эту минуту взгляд мой упал на столбец объявлений о смерти.

Вот что прочел я:

«Исчезновение. Мардохей Смит, лодочник, и его сын отправились с пристани Смита в три часа или около трех часов утра в прошлый вторник на паровом баркасе «Аврора», черном с двумя красными полосами, с черной трубой с белой полосой. Сумма в пять фунтов будет выдана на пристани Смита или в доме № 22 на Бейкер-стрит всякому, могущему дать сведения о местонахождении вышеуказанного Мардохея Смита».

Очевидно, это было дело рук Холмса. Чтобы увериться в этом, достаточно было прочесть указанный адрес. Выдумка показалась мне довольно остроумной, так как беглецы, прочтя объявление, могли увидеть в них только вполне естественное беспокойство жены о пропавшем муже.

День тянулся очень долго. При каждом ударе в дверь, при звуке решительных шагов я думал, что вернулся Холмс, или что принесли ответ на его объявление. Я пробовал читать, но мысли мои постоянно возвращались к нашим странным поискам и к паре преследуемых нами негодяев. Неужели, с удивлением размышлял я, в рассуждении моего приятеля оказался какой-нибудь существенный недостаток? Неужели он является жертвой какого-нибудь громадного самообмана? Разве возможно, что его тонкий и изощренный ум построил всю эту безумную теорию на ошибочных предположениях? Я никогда не видел, чтобы он ошибался, но самый проницательный, рассудительный человек может иногда обмануться. Он мог, думал я, совершить ошибку вследствие слишком большой утонченности своей логики, мог предпочесть более тонкое и странное объяснение более простому и обыкновенному, которое было у него в руках. Но, с другой стороны, я сам видел данные и слышал основания его выводов. Когда я оглядывался на длинную цепь странных обстоятельств, мелочных самих по себе, но направленных в одну сторону, я не мог скрыть от себя, что если объяснение Холмса и неправильно, то действительность должна все же быть поразительной.

В три часа пополудни раздался громкий звонок, послышался повелительный голос и, к моему великому изумлению, никто иной, как мистер Этелни Джонс, вошел в комнату. Но он совершенно не походил на того резкого и властного проповедника здравого смысла, который

в Верхнем Норвуде так самоуверенно взялся за дело. Выражение его лица было уныло, вид кроток; казалось, он извинялся в чем-то.

– Добрый день, сэр, добрый день, – сказал он. – Я слышал, мистера Шерлока Холмса нет дома.

– Да, и я не знаю, когда он вернется. Но, может быть, вы потрудитесь подождать его? Присядьте и попробуйте эту сигару.

– Благодарю, я не прочь, – сказал он, отирая лицо красным шелковым платком.

– А виски с содовой?

– Пожалуй, полстакана. Очень жарко для теперешнего времени года, а у меня много тревог и хлопот. Вы знаете мою теорию насчет происшествий в Норвуде?

– Я помню, что вы высказывали свое мнение.

– Ну, мне пришлось изменить его. Я крепко затянул мою сеть вокруг мистера Шольто, как вдруг – бац – он ушел через дырочку в ней. Он представил неопровержимые доказательства, что он не был там в данное время. С того времени, как он вышел из комнаты брата, его постоянно видел то тот, то другой. Поэтому он не мог взобраться на крышу и проникнуть через дверь с чердака. Дело очень темное, и моя профессиональная честь сильно задета. Я был бы очень рад, если бы мне помогли немного.

– Мы все нуждаемся иногда в помощи, – сказал я.

– Ваш друг мистер Шерлок Холмс – удивительный человек, – сказал он хриплым и конфиденциальным тоном. – Это человек, которого не провести. Я много раз видел этого молодого человека в деле, и никогда мне не приходилось видеть, чтобы он не разобрался в нем. Метод у него неправильный, и он, может быть, слишком легко приходит к быстрым выводам, но, в общем, я думаю, что из него вышел бы отличный сыщик, и не скрываю своего мнения. Сегодня утром я получаю от него телеграмму, из которой я заключаю, что он напал на какие-то следы дела Шольто. Вот его послание.

Он вынул из кармана телеграмму и передал ее мне. Она была помечена двенадцатью часами. «Отправляйтесь немедленно на Бейкер-стрит, – стояло там. – Если я еще не вернусь – подождите. Я напал на след шайки Шольто. Вы можете быть с нами сегодня вечером, если желаете присутствовать при финале».

– Хорошие известия. Он, вероятно, нашел потерянный было след, – сказал я.

– А, значит, и он ошибался! – вскрикнул Джонс с очевидным удовольствием. – Даже лучшие из нас иногда заблуждаются. Конечно, это, может быть, напрасная тревога, но как служитель долга я должен не упускать ни малейшего шанса. Но кто это стоит за дверью? Может быть, это он?

На лестнице послышались тяжелые шаги. Кто-то сморкался и тяжело вздыхал. Раза два неизвестный останавливался, как будто ему трудно было взбираться по лестнице, наконец, он подошел к двери и вошел в комнату. Его наружность соответствовала слышанным нами звукам. Это был старик в одежде моряка, в гороховой куртке, застегнутой у горла. Спина у него была сторбленная, колени дрожали, дышал он с большим трудом. Он оперся на большую дубовую палку, и плечи его вздрагивали от усилий втянуть воздух в легкие. Вокруг шеи у него красовался красный шарф; на лице его я мог только разглядеть пару пронизательных серых глаз, над которыми нависли густые седые брови да длинные седые бакенбарды. В общем, он произвел на меня впечатление почтенного моряка, удрученного годами и бедностью.

– Что вам, мой милый? – спросил я.

Он оглянулся вокруг с методичной манерой пожилых людей.

– Здесь мистер Шерлок Холмс? – спросил он.

– Нет, его нет, но я заменяю его. Вы можете сказать мне все, что желаете передать ему.

– Я должен был сказать ему самому.

– Но, говорю же вам, я заменяю его. Это что-нибудь насчет лодки Мардохея Смита?

– Да. Я знаю, где она... И знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, и где клад. Я знаю все.

– Ну, так скажите мне, а я передам ему.

– Я должен сказать ему самому, – повторил он со вспыльчивостью очень старого человека.

– Ну, так вам придется подождать его.

– Нет-нет, я вовсе не желаю потерять целый день ради кого бы то ни было. Если мистера Холмса нет здесь, то пусть уж он и делает все сам. Мне до вас нет никакого дела, и я не скажу вам ни слова.

Он подошел было к двери, но Этелни Джонс загородил ему дорогу.

– Подождите немного, приятель, – сказал он. – У вас есть важные сведения, и вам нельзя уйти так. Волей или неволей мы не выпустим вас до возвращения нашего друга.

Старик бросился к двери, но Этелни Джонс прислонился к ней своей широкой спиной, и старик понял, что противиться бесполезно.

– Славное обращение! – крикнул он, стуча палкой. – Я прихожу сюда повидаться с джентльменом, а двое неизвестных, которых я никогда не видел в жизни, накидываются на меня и обращаются со мной таким образом!

– Вы ничего не проиграете, – сказал я. – Мы вознаградим вас за потерянное время. Присядьте сюда на софу; вам недолго придется ждать.

Он подошел к креслу очень неохотно и сел, закрыв лицо руками. Мы с Джонсоном возобновили наш разговор и принялись за сигары. Внезапно мы услышали голос.

– Я думаю, вы могли бы предложить сигару и мне, – сказал он.

Мы оба привстали со стульев. Рядом с нами сидел Холмс и спокойно смотрел на нас, забавляясь нашим смущением.

– Холмс! – крикнул я. – А где же старик?

– Вот он, – сказал Холмс, протягивая мне кучу седых волос. – Вот он – парик, бакенбарды, брови и все остальное. Я предполагал, что переодевание мое удачно, но все же не ожидал такого успеха.

– Ах, вы тут! – с восторгом проговорил Джонс. – Из вас вышел бы актер – и чудесный. Вы кашляли, как старик из богадельни, а ваши слабые ноги стоят десять фунтов в неделю. Вот только блеск ваших глаз показался мне несколько знакомым. Видите, вам не так-то легко было провести нас.

– Я работал целый день в этом виде, – сказал Холмс, зажигая сигару. – Видите ли, многие из подонков общества начали узнавать меня – особенно с тех пор, как вот этот приятель стал описывать некоторые из моих дел, – так что мне приходится идти в бой в каком-нибудь одеянии вроде этого. Вы получили мою телеграмму?

– Да, потому-то я и явился сюда.

– Ну, как идет ваше дело?

– Кончилось ничем. Мне пришлось выпустить из-под ареста двух заключенных, а против двух других нет никаких улик.

– Не беда. Я дам вам двух других вместо них. Но вам придется отдать себя в мое распоряжение. Официально вся честь может принадлежать вам, но вы должны поступать по моим указаниям. Согласны?

– Вполне, если вы поможете мне найти преступников.

– Ну, хорошо. Во-первых, мне нужно полицейское судно – паровой баркас, который должен быть у Вестминстера в семь часов.

– Это легко исполнить. Там всегда бывает лодка; но, чтобы быть вполне спокойным, я могу перейти через дорогу и вызвать судно по телефону.

– Потом нужны двое сильных людей на случай сопротивления.

– Их будет двое или трое. Что еще?

– Когда мы схватим преступников, мы завладеем и кладом. Я думаю, что моему другу было бы приятно отвезти ящик той молодой барышне, которой он принадлежит по праву. Пусть она первая откроет его. Так, Ватсон?

– Не совсем правильный поступок, – сказал Джонс, покачивая головой. – Но и все дело вообще идет неправильно, а потому можно закрыть глаза и на это. Клад потом должен быть передан властям до официального следствия.

– Конечно, это легко устроить. Еще один пункт. Мне бы очень хотелось услышать некоторые подробности из уст самого Джонатана Смолля. Вы знаете, я люблю подробности. Ведь вы не можете ничего возразить против того, чтобы я имел неофициальное свидание с ним здесь или где-нибудь в другом месте, если над ним будет надзор?

– Ну, вы господин положения. У меня еще нет доказательств существования этого Джонатана Смолля. Но если вы сможете поймать его, я не вижу, как я могу отказать вам.

– Так, значит, решено?

– Да. Что еще?

– Только то, что я настаиваю на том, чтобы вы отобедали с нами. Обед будет готов через полчаса. У меня есть устрицы и пара тетеревов и недурное белое вино. Ватсон, вы никогда еще не признавали во мне достоинства хозяина!

Глава X. Конец островитянина

Обед наш вышел очень веселым. Холмс мог, когда хотел, говорить замечательно хорошо, и в этот вечер он охотно проявил свое умение. Он казался в состоянии нервной экзальтации. Никогда я не видал его таким блестящим. Он быстро переходил от одного предмета разговора к другому – мистерии, средневековая глиняная посуда, скрипки Страдивариуса, буддизм на Цейлоне, войны будущего – и обо всем говорил так, как будто специально изучал данный предмет. Его веселое настроение показывало, что в нем наступила реакция после черной меланхолии последних дней. Этелни Джонс вне службы оказался душой-человеком и относился к обеду как *bon vivant*. Что касается меня, то я был в восторге, что мы приближаемся к концу нашего расследования, и веселость Холмса заразительно подействовала на меня. Во время обеда никто из нас не упоминал о причине, заставившей нас собраться.

Когда сняли скатерть, Холмс взглянул на часы и наполнил три стакана портвейном.

– Выпьем за успех нашей экспедиции, – сказал он, – а потом пора и отправляться. Есть у вас пистолет, Ватсон?

– У меня в столе есть старый служебный револьвер.

– Так возьмите его. Лучше быть наготове. Я вижу кеб у подъезда. Я велел приехать за нами в половине седьмого.

Было немного позже половины седьмого, когда мы добрались до Вестминстерской пристани и нашли ожидавший нас баркас. Холмс оглядел его критическим взглядом.

– Нет ли чего-либо указывающего на то, что этот пароход принадлежит полиции?

– Есть, зеленый фонарь сбоку.

– Снимите его.

Маленькая перемена была сделана, и мы поднялись на борт; отдали концы. Джонс, Холмс и я сидели на корме. Один человек стоял у руля, другой у машины. Впереди стояли двое плотных полицейских.

– Куда? – спросил Джонс.

– К Тауэру. Скажите, чтобы остановились против «Jacobson's Yard».

Наше судно оказалось очень быстроходным. Мы пронеслись мимо длинного ряда барж. Холмс довольно улыбнулся, когда мы догнали речной пароход и перегнали его.

– Хорошо, если бы мы были в состоянии догнать всякое судно, как бы быстро оно ни шло.

– Ну, это едва ли. Но немного паровых баркасов, которые могли бы перегнать нас.

– Нам придется догонять «Аврору», а она известна быстротой своего хода. Я расскажу вам, в чем дело, Ватсон. Вы помните, как мне было досадно, что мне помешал пустяк?

– Да.

– Ну, я дал полный отдых уму и погрузился в химический анализ. Один из наших самых великих государственных людей сказал, что перемена работы – лучший отдых. И это так. После того, как мне удалось растворить углекислый газ, я опять вернулся к делу Шольто и обдумал все снова. Мои мальчишки безуспешно обыскали всю реку сверху донизу. Баркас не останавливался ни у какой пристани и не возвращался назад. Однако не могли его похитить для того, чтобы скрыть следы, хотя все же эта гипотеза оставалась вероятной в случае, если бы все другие оказались неверными. Я знал, что этот Смолль обладает известной долей неизменной хитрости, но я не считал его способным к утонченному расчету. Это обыкновенно является продуктом более высокого образования. Затем я подумал, что так как он, очевидно, пробыл некоторое время в Лондоне, – у нас есть данные, что он постоянно наблюдал за Пондишерри-Лодж, – то не мог уехать внезапно. Потребовался бы, по крайней мере, один день, чтобы устроить дела. Во всяком случае, на это были основания.

– По-моему, очень слабые, – сказал я, – вернее, что он устроил свои дела, прежде чем отправился на похождения.

– Нет, не думаю. Его берлога была слишком драгоценным убежищем в случае нужды для того, чтобы он отказался от нее без крайней необходимости. Но затем мне пришло на ум другое соображение: Джонатан Смоль должен был чувствовать, что странная наружность его товарища, как бы он ни одевал и не укутывал его, возбудит разговоры и может быть связана с трагедией в Норвуде. Он достаточно смышлен, чтобы понять это. Они отправились из своей

главной квартиры под покровом ночи, и он хотел вернуться назад до тех пор, пока не станет совсем светло. По словам миссис Смит, было около трех, когда они добыли баркас. Значит, было уже совсем светло и скоро должны были проснуться люди. Поэтому, рассуждал я, они не уехали очень далеко. Они хорошо заплатили Смицу за то, чтобы он молчал, приберегли баркас для последнего бегства и поспешили с ящиком к себе на квартиру. Дня через два, когда они увидели бы, какого мнения держатся газеты и падает ли на них какое-нибудь подозрение, они пробрались бы ночью в Грэвзэнд или какое-нибудь иное место, где взяли бы себе на корабле место для проезда в Америку или в колонии.

– А баркас? Не могли же они взять его к себе на квартиру?

– Совершенно верно. Я рассудил, что он не может быть далеко, несмотря на то, что он невидим. Тогда я поставил себя на место Смолля и взглянул на дело с точки зрения человека его способностей. Он, наверно, рассчитал, что послать баркас назад или держать его у какой-нибудь пристани – значит облегчить поиски полиции, если она случайно нападет на его след. Как же ему скрыть баркас и в то же время держать его наготове? Я подумал, что бы я сделал, если бы был на его месте. Был только один выход. Я мог бы отдать баркас в мелкий ремонт какому-нибудь судостроителю и приказать сделать ничтожные поправки. Таким образом, баркас взяли бы в сарай или во двор и он был бы спрятан, а вместе с тем я мог получить его обратно через несколько часов.

– Это довольно просто.

– А между тем, чрезвычайно легко проглядеть подобного рода простые вещи. Но я решился действовать на основании пришедшей мне в голову мысли. Я отправился в лодке ничего не подозревавшего моряка и осведомлялся во всех мастерских по реке. В пятнадцати я осведомлялся безуспешно, но в шестнадцатой – Джейкобсона – узнал, что «Аврора» была передана два дня тому назад человеком на деревянной ноге для каких-то пустяковых исправлений руля. «Руль у него совсем в порядке, – сказал приказчик. – Вот там он лежит, тот, что с красными полосами». В этот момент я увидел – кого бы вы думали – самого Мардохея Смита, пропавшего владельца баркаса. Он был сильно навеселе. Конечно, я не знал бы, кто он, если бы он не прогремел своего имени и названия баркаса. «Мне он нужен сегодня вечером в восемь часов, – сказал он, – ровно в восемь часов, заметьте, потому что со мной два джентльмена, которые не станут ждать». Вероятно, ему хорошо заплатили, потому что у него было много денег, и он швырял шиллинги рабочим. Некоторое время я шел следом за ним, но затем он засел в пивной; тогда я вернулся к складу и, встретив случайно одного из моих мальчиков, поставил его сторожить баркас. Он должен стоять у самой воды и махнуть платком, когда они отправятся в путь. Мы будем поджидать на реке, и будет уже совсем странно, если мы не захватим и людей, и клад.

– Вы составили очень хороший план, все равно, те ли эти люди или нет, – сказал Джонс, – но если бы дело было в моих руках, я послал бы полицейский отряд к складу Джейкобсона и арестовал бы их при появлении там.

– Чего вы никогда бы не дождались. Этот Смолль довольно-таки смысленный парень. Он выслал бы вперед шпиона и в случае чего притаился бы еще на неделю.

– Но вы могли бы выследить Мардохея Смита и таким образом добраться до их убежища.

– Тогда я напрасно потерял бы день. Я готов поставить сто против одного, что Смит не знает, где они живут. Пока у него есть водка, пока ему хорошо платят, зачем ему задавать вопросы? Они присылают приказания. Нет, я обдумал все и решил, что это самый лучший путь.

Во время этого разговора мы миновали уже ряд мостов, перекинутых через Темзу. Когда мы проходили мимо Сити, последние лучи солнца золотили крест на куполе собора святого Павла. Были уже сумерки, когда мы добрались до Тауэра.

– Вот и склад Джейкобсона, – сказал Холмс, показывая на целый лес мачт и снастей в стороне Сержея. – Подойдите тихонько под прикрытием грузовых судов. – Он вынул из кар-

мана ночной бинокль и некоторое время смотрел на берег. – Я вижу моего часового на посту, – заметил он, – но платка и сигнала нет.

– Что, если бы мы спустились немного вниз по реке и подождали их там? – торопливо проговорил Джонс.

Мы все были взволнованы, даже полицейские и кочегары, которые мало представляли, что происходило перед ними.

– Нельзя ни на что рассчитывать вполне, – ответил Холмс. – Можно держать пари десять против одного, что они спустятся вниз по течению, но нельзя быть уверенными в этом. Отсюда нам виден вход на склад, а им едва ли видно нас. Ночь будет светлая. Мы должны остаться здесь. Посмотрите, сколько народу выходит оттуда при свете газовых рожков.

– Они идут с работы в складе.

– Грязные с виду молодцы; но, думаю, в каждом из них таится хоть маленькая небесная искра. А нельзя этого подумать, смотря на них. Человек – странная загадка!

– Некоторые называют его душой, скрытой в животном, – заметил я.

– Хорошо сказано у Винвуда Рида, – сказал Холмс. – Он замечает, что если индивидуум представляет собой неразрешимую загадку, то в общем он становится математической аксиомой. Например, никогда нельзя предсказать, что сделает один какой-нибудь человек, но можно с точностью сказать, что сделает неизвестное число людей. Индивидуумы изменяются, но процент остается неизменным. Так говорит статистика. Но не платок ли это? Я вижу что-то белое, колышющееся в воздухе.

– Да, это мальчик! – крикнул я. – Я ясно вижу его.

– А вот и «Аврора»! – также крикнул Холмс. – И несется, как черт! Полным ходом, машинист! Догоняйте баркас с желтым фонарем. Праведное небо! Никогда не прощу себе, если он уйдет от нас!

Баркас незаметно проскользнул от берега и прошел за двумя или тремя маленькими судами так, что уже шел полным ходом, когда мы увидели его. Теперь он летел с поразительной быстротой вниз по реке, вдоль берега.

Джонс серьезно посмотрел вслед баркасу и покачал головой.

– Он идет очень быстро, – сказал он. – Сомневаюсь, чтобы нам удалось догнать его.

– Мы должны догнать! – крикнул Холмс сквозь сжатые губы. – Прибавьте угля, кочегары. Дайте полный ход! Мы должны поймать их, хотя бы для того пришлось сжечь баркас!

Мы полетели вслед за баркасом. Пар со свистом вырывался из парового котла; могучие машины гремели, словно большое металлическое сердце. Острый крутой нос разрезал тихую речную воду и оставлял после себя две катящиеся направо и налево волны. С каждым порывом машин баркас подпрыгивал и трепетал, как живой. Большой желтый фонарь на носу бросал длинную полосу света. Прямо перед нами темное пятно на воде указывало на местонахождение «Авроры», а белая пена, крутившаяся за ней, говорила о скорости ее хода.

Мы летели мимо барж, пароходов, коммерческих судов то огляывая их, то проходя мимо. Чьи-то голоса окликали нас в темноте; «Аврора» все продолжала лететь, а мы следом за ней.

– Прибавьте угля, прибавьте! – кричал Холмс, смотря вниз в машинное отделение; яркое пламя освещало снизу полные тревоги орлиные черты его лица. – Разводите все пары!

– Кажется, мы немного приблизились, – сказал Джонс, не отрывая глаз от «Авроры».

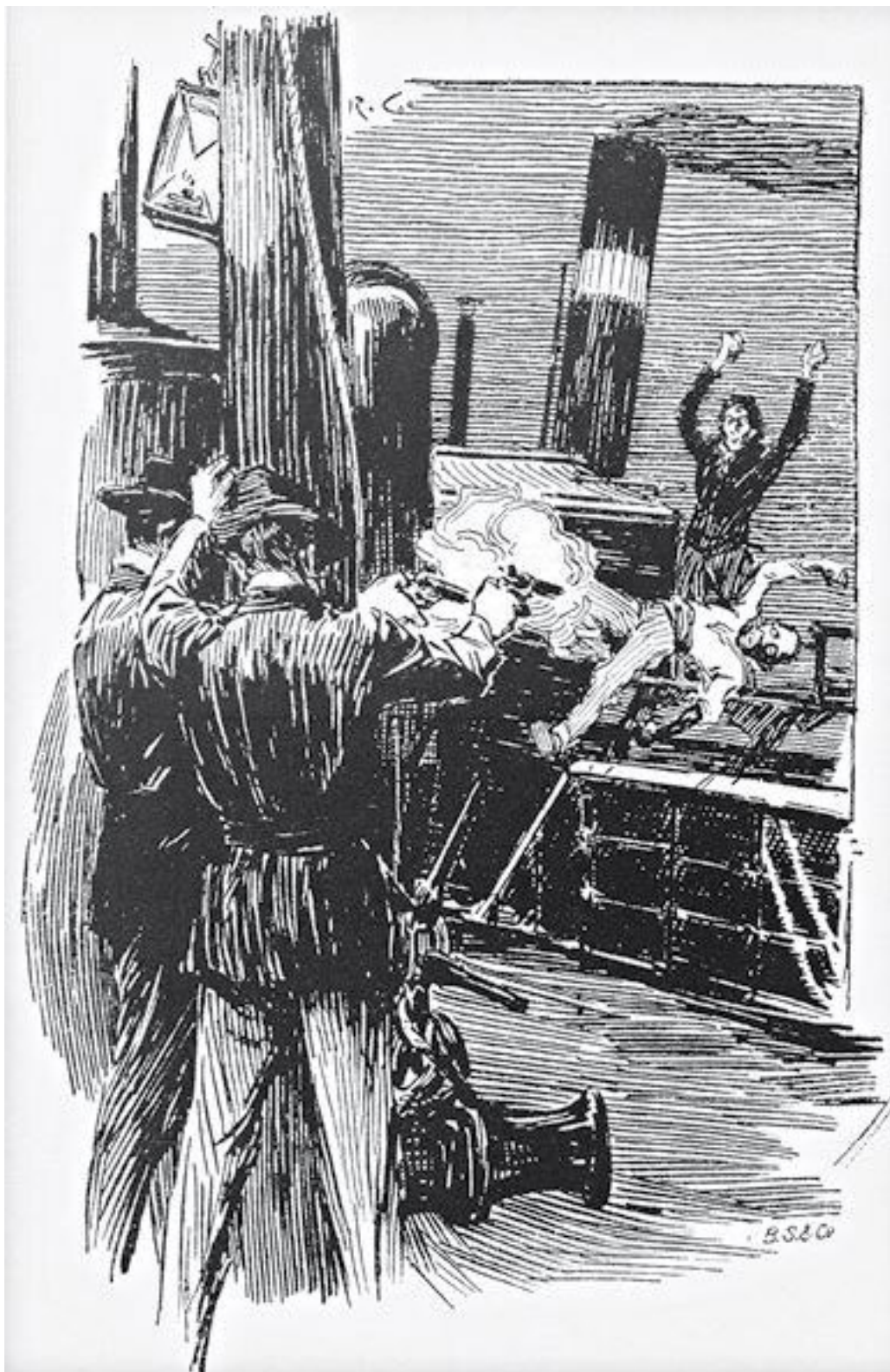
– Я уверен, что мы догоним ее через несколько минут, – сказал я.

Но как раз в эту минуту волею злого рока между нами очутился буксирный пароход, тянувший за собой три баржи. Только благодаря тому, что рулевой налег на руль, нам удалось обойти его, а когда мы снова пустились в путь, «Аврора» уже обогнала нас на добрых двести ярдов. Однако она еще хорошо была видна нам, а неясные сумерки перешли в светлую звездную ночь. Наши паровые котлы работали на пределе, и хрупкая посуда дрожала и трещала от страшной силы, уносившей нас вперед. Мы пронеслись мимо «вест-индских

доков» и все продолжали лететь вперед. Темное пятно впереди теперь превратилось в изящную «Аврору». Джонс направил на нее свет нашего фонаря, так что мы ясно могли различить фигуры на палубе. На корме сидел человек, наклонившийся над каким-то черным предметом, находившимся между его ног. Рядом с ним лежала черная масса, похожая на ньюфаундлендскую собаку. Мальчик держал румпель, и при красном пламени печки я ясно разглядел старого Смита, обнаженного до пояса и яростно подбрасывавшего угли.

Сначала они, может быть, сомневались, преследуем ли мы их, но теперь, когда мы следовали за ними по пятам, у них не могло остаться никакого сомнения. У Гринвича мы отставали от них на триста футов. В Блэкуэлле расстояние между нами было не более двухсот пятидесяти. Мне приходилось преследовать различную дичь в различных странах, но ни в каком спорте не испытывал я такого дикого волнения, как в этой безумной охоте за людьми на Темзе. Упорно, ярд за ярдом, приближались мы к «Авроре». В тиши ночи нам слышно было, как дрожала и трещала ее машина. Человек на корме, по-прежнему скорчившись, сидел на палубе и руки его двигались, как будто он был занят каким-то делом; временами он подымал глаза и как бы измерял взглядом разделявшее нас пространство. Мы приближались все больше и больше, и Джонс крикнул, чтобы они остановились. Мы были уже недалеко, и оба судна летели с ужасающей быстротой по чистому водному пространству.

При нашем оклике человек на корме вскочил на ноги и, потрясая кулаками, стал осыпать нас проклятиями высоким, надтреснутым голосом. Это был человек высокого роста, могучего сложения. Он стоял, широко раздвинув ноги, и я увидел, что правая его нога была из дерева от самого бедра. При звуке его пронзительного, сердитого голоса находившаяся на палубе куча зашевелилась. Она выпрямилась и оказалась человеком – самым маленьким из когда-либо виденных мною – с большой, уродливой головой и с массой спутанных, растрепанных волос. Холмс уже вынул револьвер, и я также приготовил свой при виде этого безобразного дикаря. Он был завернут в какой-то темный плащ или одеяло так, что на виду оставалось только одно лицо; но лица этого было достаточно, чтобы заставить человека провести бессонную ночь. Никогда не приходилось мне видеть такого злого и жестокого лица. Его маленькие глаза горели мрачным огнем, а толстые губы оттопыривались над зубами, которые дрожали от полуживотного бешенства.

– Стреляйте, если он подымет руку, – спокойно проговорил Холмс.

В это время мы были уже совсем близко от нашей цели. Я как теперь вижу этих двух людей – белого с широко расставленными ногами, посылающего нам проклятия, и безобразного карлика с отвратительным лицом, скрежещущего крепкими желтыми зубами при виде нас и освещенного нашим фонарем.

Хорошо, что мы так ясно видели его. В то время, как мы смотрели на него, он вдруг выхватил из-под своего одеяния короткий, круглый кусок дерева, похожий на линейку, и приложил его к губам. Мы выстрелили одновременно. Он повернулся, всплеснул руками и со звуком, похожим на удушливый кашель, упал в реку. Я поймал ядовитый, угрожающий взгляд его глаз среди белой пены воды. В то же мгновение белый налег так сильно на руль, что судно его направилось прямо к южному берегу, а мы пронеслись мимо его кормы в нескольких футах от него. Мы сейчас же повернули обратно, но «Аврора» была уже близко от берега. Местность была дикая и пустынная; луна освещала громадное болотистое пространство, с лужами стоячей воды и залежами гниющей растительности. Баркас с глухим шумом взлетел на грязный берег с высунувшимся носом и с кормой, наполнившейся водой. Беглец выскочил из судна, но его деревяшка сейчас же увязла во всю длину в илистой почве. Напрасно он боролся и извивался – он не в состоянии был сделать ни шагу ни взад, ни вперед. Он ревел от бешенства и яростно стучал по грязи другой ногой, но от этого усилия сосновая деревяшка только глубже уходила в болото. Когда мы подвели к нему баркас, незнакомец так глубоко ушел в ил и тину, что только набросив ему на плечи веревочную петлю, нам удалось вытащить его на берег, как какую-нибудь зловредную рыбу. Оба Смита, отец и сын, сидели, насупившись, на баркасе, но покорно перешли к нам, когда это было приказано им. «Аврору» мы взяли на буксир и привязали к корме нашего баркаса. На палубе стоял солидный железный ящик индийской работы. Несомненно, в нем хранился злополучный клад Шольто. Ящик был достаточно тяжел, и мы бережно перенесли его в нашу маленькую каюту. Мы стали медленно подыматься вверх по реке, наводя фонарь во все стороны, но дикаря и следа не было. Где-то там, в темной тине, на дне Темзы, лежат кости этого странного гостя наших берегов.

– Взгляните сюда, – сказал Холмс, указывая на деревянный решетчатый люк. – Мы еле успели с нашими пистолетами. – Действительно, как раз за нами торчала одна из хорошо знакомых нам убийственных стрел. Должно быть, она пролетела между нами в ту минуту, как мы выстрелили. Холмс улыбнулся и равнодушно пожал плечами, но, сознаюсь, у меня замерло сердце при мысли об ужасной смерти, прошедшей так близко от нас.

Глава XI. Клад в Агре

Наш пленник сидел у нас в каюте напротив железного ящика, которого он так добивался, и ради которого так много сделал. Это был загорелый малый с беспокойными глазами с целой сетью линий и морщин на темном лице, говорившем о тяжелой жизни на открытом воздухе. Его заросший подбородок резко выдавался вперед, указывая, что этого человека нелегко заставить отказаться от раз принятого намерения. Ему могло быть около пятидесяти лет, так как в густых черных волосах виднелась сильная седина. Лицо в спокойном состоянии было скорее приятно, но в гневе нахмуренные брови и упрямый подбородок придавали ему, как мне уже довелось видеть, страшное выражение. Теперь он сидел с закованными в кандалы руками, с опущенной на грудь головой, смотря своими зоркими блестящими глазами на ящик – цель и объяснение всех его желаний и действий. Мне казалось, что на его суровом, сдержанном лице выражалась скорее печаль, чем гнев. Один раз он взглянул на меня, и что-то вроде иронии мелькнуло в его взгляде.

– Ну, Джонатан Смоль, – сказал Холмс, закуривая сигару, – сожалею, что дело дошло до этого.

– И я так же, сэр, – откровенно ответил он. – Не думаю, чтобы мне удалось выпутаться. Клянусь Библией, я не поднимал руки на мистера Шольто. Этот маленький адский пес Тонга бросил в него одну из своих проклятых стрел. Я не принимал никакого участия, сэр. Мне было жаль его, как родного. Я ударил чертенка веревкой, но дело было сделано, я ничего не мог поделывать.

– Возьмите сигару, – сказал Холмс, – и выпейте-ка глоток из моей фляжки, так как вы очень промокли. Как могли вы ожидать, что такой слабый, маленький черный человечек может держать мистера Шольто, пока вы спускались по веревке!

– Вы знаете все, как будто сами были там, сэр. Правду сказать, я надеялся, что в комнате никого не будет. Я знал довольно хорошо обычаи дома, а в это время мистер Шольто обыкновенно отправлялся ужинать вниз. Я не стану делать тайны из этого дела. Лучшей защитой для меня будет чистая правда. Будь это старый майор, я пошел бы с легким сердцем на виселицу. Я так же задумался бы убить ножом, как выкурить эту сигару. Но чертовски тяжело, что придется болтаться из-за молодого Шольто, с которым у меня не было никакой ссоры.

– Вы находитесь под надзором мистера Этелни Джонса из Скотланд-Ярда. Он привезет вас ко мне на квартиру, и я попрошу вас рассказать всю правду, и тогда я надеюсь, что могу быть полезным вам. Мне кажется, я могу доказать, что этот яд действует так быстро, что покойный умер прежде, чем вы добрались до комнаты.

– Это правда, сэр. Никогда в жизни я не пугался так, как когда влез в окно и увидел его улыбающимся мне, опустив голову на плечо. Это страшно потрясло меня. Я чуть не убил Тонгу, да и убил бы, если б он не увернулся. Потому что он, по его словам, оставил дубину и несколько стрел, которые, вероятно, и помогли вам напасть на наш след, хотя я не понимаю, как вам удалось поймать нас. Я не чувствую злобы против вас. Но, право же, странно, – прибавил он с горькой улыбкой, – что я, имеющий полное право на полмиллиона, должен был провести

одну половину жизни, строя волнорез на Андаманских островах, и другую, роя канавы для осушения почвы в Дартморе. Дурной был тот день, когда я в первый раз увидел купца Ахмета и узнал о кладе в Агре, который всегда приносил с собой проклятие своему владельцу. Ему он принес смерть, майору Шольто страх и угрызения совести, мне – рабство на всю жизнь.

В эту минуту Этелни Джонс просунул голову и плечи в крошечную каюту.

– Чисто семейное собрание, – заметил он. – Я думаю, не выпить ли глоток из этой фляжки, Холмс? Ну, я полагаю, мы можем взаимно поздравить друг друга. Жаль, что мы не взяли живьем того молодца, хотя нечего было делать. Нам еле удалось догнать их.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказал Холмс. – Но, конечно, я не знал, что у «Авроры» такой хороший ход.

– Смит говорит, что она – одно из самых быстроходных судов на реке, и что если бы у него был помощник, нам бы не догнать ее, – пояснил Этелни Джонс. – Он клянется, что ничего не знал о деле в Норвуде.

– Да, не знал! – крикнул наш пленник. – Я выбрал его баркас, потому что знал, что у него самый быстрый ход. Мы ничего не говорили ему, а только хорошо платили и обещали еще больше, если доберемся до нашего корабля «Эсмемальда», в Гревзэнде, отправляющегося в Бразилию.

– Ну, если он ничего не сделал дурного, то мы позаботимся, чтобы и с ним не произошло ничего дурного. Хотя мы быстро ловим, кого следует, но не торопимся осуждать.

Смешно было видеть, как самонадеянный Джонс напустил на себя важность по случаю поимки преступника. По легкой улыбке на лице Шерлока Холмса я увидел, что он не пропустил мимо ушей слов полицейского.

– Мы сейчас будем у Вокзального моста, – сказал Джонс, – и высадим вас вместе с кладом, доктор Ватсон. Нечего вам говорить, что я беру на себя большую ответственность. Это не вполне правильно, но договор есть договор. Однако я должен, по долгу службы, послать с вами полицейского, так как у вас такая драгоценная поклажа. Вы, конечно, поедете в кебе?

– Да.

– Как жаль, что нет ключа. Вам придется взломать ящик. Где ключ, мой милый?

– На дне реки, – кратко проговорил Смолль.

– Гм! Напрасно вы это сделали. И так у нас достаточно дела благодаря вам. Однако, доктор, я думаю, нечего предупреждать вас, чтобы вы были осторожны. Привезите ящик обратно на Бейкер-стрит. Вы найдете нас по дороге на станцию.

Меня высадили у вокзала, вместе с тяжелым железным ящиком и с толстым, добродушным полицейским инспектором.

Через четверть часа мы были у миссис Сесиль Форрестер. Служанка, казалось, удивилась такому позднему посетителю. Миссис Форрестер уехала в гости, объяснила она мне, и, вероятно, вернется очень поздно. Но мисс Морстэн была в гостиной, и потому я отправился в гостиную с ящиком в руках, оставив любезного инспектора в кебе.

Она сидела у открытого окна в платье из белой прозрачной материи с красной отделкой у ворота, рукавов и у пояса. Мягкий свет от лампы под абажуром падал на откинувшуюся в кресле фигуру, играл на ее милом, серьезном лице и окрашивал тусклым металлическим светом пряди густых волос. Одна белая рука безжизненно упала с кресла, и вся ее поза и фигура были полны меланхолии. При звуке моих шагов она вскочила с кресла, и яркий румянец удовольствия и удивления залил ее бледные щеки.

– Я слышала, как подъехал кеб, – сказала она, – и подумала, что, может быть, миссис Форрестер вернулась так рано, но никак не воображала, что это вы. Какие новости привезли вы мне?

– Я привез вам нечто лучшее, чем новости, – сказал я, ставя на стол ящик и говоря весело и громко, хотя на сердце у меня было тяжело. – Я привез вам нечто, стоящее всех новостей в мире. Я привез вам богатство.

Она взглянула на железный ящик.

– Это и есть клад? – спросила она довольно хладнокровно.

– Да, великий клад Агры. Половина его принадлежит вам, другая Таддеушу Шольто. Обоим вам придется на долю по двести тысяч! Подумать только! Годовой доход в десять тысяч фунтов. Мало найдется в Англии более богатых людей. Ну, не чудно ли это?

Я думаю, что я переиграл, и что она подметила неискренность моего восторга и поздравления, так как заметил, что она немного приподняла брови и странно посмотрела на меня.

– Если я получила богатство, то обязана этим вам, – сказала она.

– Нет-нет, – ответил я, – не мне, а моему другу Шерлоку Холмсу. При всем добром желании я не мог бы разрешить загадки, трудной даже для его аналитического ума. И то, одно время мы чуть было не потеряли след.

– Пожалуйста, сядьте и расскажите мне все, доктор Ватсон, – проговорила она.

Кратко я рассказал ей все, что произошло с тех пор, как я видел ее в последний раз: оригинальный метод Холмса, находку «Авроры», появление Этелни Джонса, нашу вечернюю экспедицию и дикую охоту на Темзе. Она слушала мой рассказ с горевшими глазами и полуоткрытым ртом. Когда я говорил о стреле, пролетевшей так близко от нас, мисс Морстэн так побледнела, что я испугался, что она упадет в обморок.

– Это ничего, – сказала она, когда я поспешно налил ей воды в стакан. – Прошло. Мне тяжело было услышать, что я подвергала моих друзей такой опасности.

– Дело прошлое, – ответил я. – Я не буду больше рассказывать вам мрачных подробностей. Обратимся к более приятному, светлому. Вот клад. Что может быть приятнее? Я выпросил позволение привезти его с собой, думая, что вам будет интересно первой взглянуть на него.

– Какой хорошенький ящик! – сказала она, наклонясь над ним. – Это, вероятно, индийская работа?

– Да, работа бенаресского мастера.

– А какой тяжелый! – вскрикнула она, пробуя поднять ящик. – Ящик сам по себе, должно быть, имеет значительную ценность. Где ключ?

– Смолль бросил его в Темзу, – ответил я. – Придется взять кочергу миссис Форрестер.

В передней части ящика была задвижка в виде изображения сидящего Будды. Я всунул под нее кочергу и поднял ее как рычагом. Задвижка открылась с шумом. Дрожащими пальцами я откинул крышку, и оба мы замерли от удивления. Ящик был пуст!

Нисколько не удивительно, что он был так тяжел. Внутри он был обложен железом на две трети дюйма. Ящик был массивный, основательно и прочно сделанный, каким и должен быть ящик для перевозки дорогих вещей, но внутри не было и признака золота или драгоценностей. Он был пуст.

– Драгоценности пропали, – спокойно сказала мисс Морстэн.

Словно камень упал у меня с души, когда я выслушал эти слова и понял их значение. Я и не подозревал, как меня угнетал этот клад из Агры. Без сомнения, это было эгоистичное, нехорошее чувство, но я сознавал только, что золотая преграда между нами пала.

– Слава Богу! – от всей души произнес я.

Она взглянула на меня с мимолетной, вопросительной улыбкой.

– Почему вы говорите это?

– Потому что теперь вы стали доступной для меня, – сказал я, беря ее за руку, которой она не отняла. – Потому что я люблю вас, Мэри, так сильно, как когда-либо любил мужчина. Потому что этот клад, это богатство налагало печать молчания на мои уста. Теперь, когда все это пропало, я могу сказать, как я люблю вас. Поэтому-то я и сказал: слава Богу!

– И я говорю: слава Богу, – прошептала она, когда я обнял ее.
Кто бы там ни потерял клад, но я знаю, что в этот вечер я нашел свое сокровище.

Глава XII. Странная история Джонатана Смолля

Очень терпелив был полицейский, сидевший в кебе, так как прошло много времени, прежде чем я вернулся к нему. Лицо его затуманилось, когда я показал ему пустой ящик.

– Вот те и награда! – мрачно проговорил он. – Нет денег – нет и платы. За сегодняшнее дело мы с Сэмом Броуном получили бы по десяти фунтов, если бы тут оказался клад.

– Мистер Таддеуш Шольто богатый человек, – сказал я, – он, во всяком случае, отблагодарит вас.

Но инспектор уныло покачал головой.

– Плохое дело, – повторил он, – и мистер Этелни Джонс будет того же мнения.

Его предположения оказались справедливыми: сыщик стал очень мрачен, когда, добравшись до Бейкер-стрит, я показал ему пустой ящик. Холмс, арестант и Этелни Джонс только что приехали, так как по дороге заезжали в участок. Мой приятель сидел в кресле с обычным рассеянным видом, а Смолль сидел против него, положив деревянную ногу на здоровую. Когда я показал пустой ящик, он откинулся на спинку кресла и громко расхохотался.

– Это дело ваших рук, Смолль, – сердито проговорил Этелни Джонс.

– Да, я спрятал клад туда, откуда вам его никогда не добыть, – с торжеством воскликнул он. – Это мой клад, и я позабочусь, черт возьми, чтобы он никому не достался! Говорю вам, никто не имеет права на него, кроме трех людей, живущих в казармах для ссыльных на Андамских островах, да меня. Я знаю теперь, что ни я, ни они не могут воспользоваться этим кладом. Я хлопотал столько же за них, сколько за себя. «Знак четырех» был нашим общим девизом. Ну, я знаю, что и они сделали бы то же самое, и также скорее бросили бы драгоценности в Темзу, чем отдали бы их родным и близким Шольто или Морстэна. Ведь мы работали для Ахмета, а не для того, чтобы обогатить их. Вы найдете клад там же, где находится ключ и маленький Тонга. Когда я увидел, что вы догоняете нас, я спрятал его в безопасное место. Вам не получить на этот раз рупий.

– Вы обманываете нас, Смолль, – строго сказал Этелни Джонс. – Если вы желали бросить клад в Темзу, то вам легче было бы выбросить его вместе с ящиком.

– Мне было бы легче выбросить, а вам найти, – ответил он, искоса взглянув на нас хитрым взглядом. – Человек, у которого хватило ума выследить и поймать меня, сумел бы и вытащить из реки железный ящик. Ну, а теперь, когда драгоценности рассеяны миль на пять, это будет потруднее. Хотя тяжело мне было сделать такую штуку. Я чуть с ума не сошел, когда вы догнали нас. Однако не стоит убиваться. Мало ли что случилось со мной в жизни, но зато я научился, сняв голову, по волосам не плакать.

– Дело очень серьезное, Смолль, – заметил сыщик. – Если бы вы, вместо того, чтобы мешать правосудию, помогли ему, ваше положение было бы лучше, когда начнется процесс.

– Правосудие! – с насмешкой проговорил бывший каторжник. – Славное правосудие! Чей был клад, как не наш? В чем было бы правосудие, если бы я отдал его тем, кто не добывал его? Послушайте, сколько я сил отдал, чтобы добыть его. Двадцать лет в болоте, гнезде лихорадок, целый день в работе под манговым деревом, всю ночь в цепях в грязных хижинах каторжников, пожираемый москитами, дрожащий от лихорадки, оскорбляемый каждым проклятым черномазым полицейским, всегда готовым покуражиться над белым! Вот как я добывал клад Агры, а вы толкуете мне о правосудии, суде! Я не могу вынести мысли, что я заплатил такой ценой за то, чем может воспользоваться другой. Я предпочел бы скорей качаться на виселице или получить одну из стрел Тонги, чем жить в камере каторжника и чувствовать, что другой спокойно живет во дворце, распоряжаясь деньгами, которые должны были принадлежать мне.

Смолль сбросил маску стоицизма, и слова вырывались у него бешеным вихрем, тогда как глаза его горели, а кандалы звенели при страстных движениях его рук. При виде его ярости

и пылко возбуждения я понял, что ужас майора Шольто, когда он узнал, что обманутый им каторжник напал на его след, имел вполне естественное основание.

– Вы забываете, что мы ничего не знаем, – спокойно проговорил Холмс. – Мы не слышали вашей истории и не можем знать, насколько правосудие могло быть на вашей стороне.

– Ну, сэр, вы ласково разговариваете со мной, хотя я и вижу, что именно вам я обязан этими наручниками. Но я не сержусь на вас. Дело сделано начистоту. Если вы желаете выслушать мою историю, я не имею причины умалчивать о ней. То, что я расскажу вам, – чистая правда, до единого слова... Благодарю вас, вы можете поставить стакан рядом со мной и я буду отхлебывать из него, если пересохнут губы.

Я сам из Ворчестера; родился вблизи Першора. Я думаю, и теперь, если заглянуть туда, там найдется куча Смоллей. Я часто думал побывать там, на родине, но дело в том, что я делаю мало чести нашему имени и сомневаюсь, чтобы родные очень обрадовались при виде меня. Все они были богобоязненные люди, мелкие фермеры, хорошо известные и уважаемые во всей округе, а я всегда был немного бродягой. Наконец, когда мне перевалило за восемнадцать, я перестал беспокоить их, так как попал в историю с одной девушкой, и мне осталось только пойти в солдаты и поступить в 3-й пехотный полк, отправлявшийся в Индию.

Однако мне недолго пришлось пробить в солдатах. Я только научился маршировать и управляться с мушкетом, как возымел глупость поплавать в Ганге. К счастью для меня, сержант моего полка, Джон Хольдер, был в это время в воде, а он считался одним из лучших пловцов на службе. На самой середине реки на меня бросился крокодил и отнял мою правую ногу как раз над коленом так чисто, словно хирург. От испуга и потери крови я потерял сознание и утонул бы, если бы Хольдер не подхватил меня и не доплыл со мной до берега. Я пробыл в госпитале пять месяцев, и когда, наконец, вышел с этой деревяшкой, привязанной к обрубку ноги, то очутился в отставке и негодным ни к какой деятельности.

Вы легко можете представить себе мое положение: стать бесполезным калекой на двадцатом году! Но вскоре оказалось, что мое несчастье принесло мне счастье. Некто Авель Уайт, имевший плантации индиго, нуждался в надсмотрщике над своими рабочими. Случайно он оказался другом нашего полковника, который принял во мне участие. Короче говоря, полковник дал мне хорошую рекомендацию, а так как приходилось больше ездить верхом, то моя деревянная нога не служила препятствием, потому что я все же мог держаться в седле. Дело мое состояло в том, чтобы объезжать плантацию, смотреть за работниками и докладывать о лентях. Плата была хорошая, у меня было удобное помещение, и я готов был бы провести всю свою жизнь за разведением индиго. Мистер Авель Уайт был добрый человек и часто заходил в мою хижину, чтобы выкурить трубку. На чужбине белые люди относятся друг к другу дружелюбнее, чем дома.

Но и тут недолго везло мне. Внезапно, как гром среди ясного неба, разразился сильный мятеж. За месяц до этого Индия казалась спокойной и мирной, но вдруг в ней оказалось двести тысяч черных дьяволов, выпущенных на волю, и страна превратилась в настоящий ад. Вы, конечно, знаете все это, господа, вероятно, гораздо больше меня, потому что чтение не моего ума дело. Я знаю только то, что видел собственными глазами. Наша плантация находилась в местности, называемой Муттра, вблизи границы северо-западных провинций. Ночь за ночью все небо освещалось заревом горевших бунгалов, и день за днем через наше имение проходили маленькие кучки европейцев с женами и детьми на пути в Агру, где находились ближайшие войска. Мистер Авель Уайт был упрямый человек. Он решил, что вся эта история преувеличена и пройдет так же быстро, как и возникла. Он сидел себе на веранде, потягивая виски и покуривая трубку, когда вся страна кипела вокруг. Конечно, мы стояли за него, я и Доусон, который вел книги Уайта, а жена его управляла домом. Ну, в одно прекрасное утро нас постиг страшный удар. Я был на отдаленной плантации и вечером медленно возвращался домой, как вдруг взор мой упал на какую-то кучу на крутом пригорке. Я подъехал посмотреть, что это,

и помертвел от ужаса, когда увидел жену Доусона, разрезанную на куски и полусъеденную шакалами и собаками. Немного дальше на дороге лежал сам Доусон, мертвый, с разряженным револьвером в руке, а перед ним лежали четыре сипая. Я остановил лошадь, раздумывая, куда мне ехать, но в это мгновение я заметил густой дым, поднимавшийся из бунгало Авеля Уайта, и пламя, пробивавшееся сквозь крышу. Я знал, что не мог ничем помочь моему хозяину, и только погубил бы собственную жизнь, вмешиваясь в это дело. Оттуда, где я стоял, мне были видны сотни черных дьяволов, еще облаченных в красные мундиры. Они с воем плясали вокруг горящего дома. Некоторые из них указали на меня, и пара пуль просвистела над моей головой. Я поскакал по полям и ночью очутился в безопасности в стенах Агры.

Но, как оказалось, и здесь не было полной безопасности. Вся страна походила на рой пчел. Где только англичане могли собраться в маленькие отряды, они удерживали за собой местность, доступную обстрелу с их стороны. В других же местах они оказывались беспомощными беглецами. То была битва миллионов против сотен; и самое жестокое во всем было то, что те, с кем нам приходилось сражаться – пехота, конница, артиллерия – были наши собственные войска, обученные нами, употреблявшие в дело наши орудия и наши сигналы. В Агре был 3-й Бенгальский стрелковый полк, несколько отрядов сейков, два конных отряда и одна артиллерийская батарея. Волонтеры из клерков и купцов образовали отдельный полк, в который поступил и я, несмотря на мою деревянную ногу. Мы сделали вылазку против мятежников в начале июля, и некоторое время удерживали их напор, но порох у нас вышел, и нам пришлось вернуться в город.

Со всех сторон приходили самые плохие вести – да этому нечего было и удивляться; если взглянуть на карту, то ясно видно, что мы были в самом центре мятежа: Лукнау более чем в ста милях к востоку, а Каунпор почти настолько же к югу. Отовсюду только и доносились вести о пытках, убийствах, насилиях.

Город Агра обширен и кипит фанатиками и всевозможными свирепыми поклонниками дьявола. Горсточка наших терялась среди узких извилистых улиц. Поэтому наш предводитель перешел через реку и занял позицию в старой крепости Агры. Не знаю, слышал ли или читал кто-либо из вас об этой старой крепости. Это очень странное место – самое странное из виденных мною, а много странных уголков довелось мне видеть на своем веку. Во-первых, она громадных размеров. Я думаю, что внутренность ее занимает множество акров. Есть и новая часть, где и поместился весь наш гарнизон, все женщины, дети, запасы и все прочее, причем осталось еще много места. Но новая часть ничтожна по величине в сравнении со старой, которая представлена скорпионам и сороконожкам. Там много больших пустых зал, извилистых проходов и длинных, запутанных коридоров, в которых легко заблудиться. Поэтому-то мало кто ходил туда. Только иногда отправлялись любопытные с зажженными факелами.

Река омывает фасад крепости и служит защитой ей, но по бокам и сзади много дверей, которые, конечно, приходилось охранять как в старой части здания, так и в занятой нашими войсками. У нас было мало рук; людей еле хватало на то, чтобы охранять углы здания и заряжать ружья. Поэтому невозможно было поставить сильную стражу у каждого из бесчисленных ворот. Мы устроили центральную кордегардию в середине крепости, а при каждом воротах ставили по одному белому и по два-три туземца. Меня назначили охранять в продолжение нескольких часов маленькую уединенную дверь на юго-западе крепости. Два туземных солдата были отданы мне под команду, и мне было приказано в случае чего-либо стрелять из мушкета, причем ко мне немедленно должна была явиться помощь из кордегардии. Но так как она была в добрых двухстах шагах от ворот, а пространство между нами изрезано лабиринтом проходов и коридоров, я сильно сомневался, успеют ли солдаты вовремя в случае атаки.

Ну, я очень гордился тем, что командовал своим маленьким отрядом, я – простой рекрут, и к тому же с одной ногой. Две ночи подряд дежурил я с туземцами. Это были высокие малые свирепого вида, по имени Магомет Синг и Абдулла-Хан, оба старые вояки, сражавшиеся некогда против нас. Они порядочно говорили по-английски, но я не мог заставить их разговориться. Они предпочитали стоять вместе и болтать всю ночь на своем странном наречии. Что касается меня, то я стоял за воротами, смотря на длинную извилистую реку и на сверкающие огни большого города. Бой барабанов, звук гонгов, завывания и крики мятежников, упоенных опиумом и шумом, – все это напоминало нам об опасных соседях на противоположной стороне реки. Через каждые два часа дежурный офицер обходил все посты, чтобы удостовериться, что все в порядке.

На третью ночь погода была мрачная и сырая. Шел мелкий, пронизывающий дождь. Тяжело было стоять час за часом у ворот в такую погоду. Я снова попробовал было заставить разговориться моих сотоварищей, но без особенного успеха. В два часа утра обход на несколько минут прервал скуку ночи. Видя, что разговор не вяжется, я вынул трубку и положил мушкет на землю, чтобы зажечь спичку. В одно мгновение оба набросились на меня. Один из них схватил мое ружье и прицелился мне в голову, другой приставил мне к горлу большой нож и с проклятиями проговорил сквозь зубы, что всадит его при малейшем моем движении.

Первой моей мыслью было, что эти люди в заговоре с мятежниками, и что это начало нападения. Если наши ворота очутятся во власти сипаев, крепость должна пасть, а женщин и детей ждет та же участь, что и пленников в Каунпоре. Может быть, вы, господа, подумаете, что я хочу защитить себя, но даю вам слово, что при мысли об этом, несмотря на приставленный к горлу нож, я открыл рот, чтобы позвать на помощь, хотя бы это и стоило мне жизни. Державший меня человек, должно быть, угадал мои мысли, так как в ту минуту, как я решился, он шепнул мне: «Не делайте шума. Крепость в безопасности. На этой стороне реки нет собак-мятежников». Правдивость звучала в его голосе, и я знал, что я погиб, если произнесу хоть слово. Я прочел это в карих глазах туземца. Поэтому я молча ждал, чего они хотят от меня.

– Выслушай меня, сагиб, – сказал более высокий и свирепый из двух, тот, кого называли Абдулла-Хан. – Ты должен или быть с нами заодно, или умолкнуть навеки. Дело слишком важное для того, чтобы кому-нибудь из нас можно было колебаться. Или ты телом и душой будешь с нами и поклянешься в этом на кресте христиан, или в эту ночь твое тело будет брошено в пропасть, а мы перейдем к нашим братьям в армию мятежников. Середины нет. Что решил – смерть или жизнь? Мы можем дать тебе только три минуты на решение, потому что время проходит, а все должно быть готово до следующего обхода.

– Как я могу решить? – сказал я. – Вы не сказали, чего хотите от меня. Но предупреждаю вас, что если дело идет о гибели крепости, я не хочу иметь ничего общего с вами, так что можете, если угодно, зарезать меня.

– Крепости это не касается, – сказал он. – Мы попросим тебя сделать только то, для чего выезжают сюда все твои земляки. Мы хотим, чтобы ты разбогател. Если ты согласишься быть заодно с нами в эту ночь, мы поклянемся на лезвии ножа тройной клятвой, которой никогда не нарушал ни один из наших, что ты получишь всю твою долю клада. Четвертая часть драгоценностей будет принадлежать тебе. Лучшего нельзя обещать.

– Но что это за клад? – спросил я. – Я так же, как и вы, готов разбогатеть, если вы покажете мне, как это сделать.

– Так поклянись, – сказал он, – костями твоего отца, честью твоей матери, крестом твоей веры, не поднимать руки и ничего не говорить против нас ни теперь, ни позже.

– Я поклянусь в том случае, если крепость не будет в опасности, – ответил я.

– Ну, тогда я и мой товарищ клянемся, что ты получишь четвертую часть клада, который будет поровну разделен между нами четверьмя.

– Но нас только трое, – сказал я.

– Нет, Дост-Акбар должен также получить свою часть. Мы можем в ожидании его рассказать тебе всю историю. Постой у ворот, Магомет Синг, и дай нам знать, когда он придет. Вот как обстоит дело. Я расскажу все, так как знаю, что клятва связывает, и что мы можем довериться тебе. Будь ты лживый индус, хотя бы ты и поклялся всеми благами в их лживых храмах, кровь твоя обагрила бы нож, а тело очутилось бы в воде. Но сейк знает англичанина, а англичанин знает сейка. И потому слушай, что я расскажу тебе.

– В северных провинциях есть раджа, очень богатый, хотя владения у него небольшие. Много он получил от отца и еще более сберег сам, потому что он низкий человек и любит более припрятывать свое золото, чем тратить его. Когда начались волнения, он вздумал дружить и со львом, и с тигром – с сипаями и с райями Компании. Но скоро ему показалось, что наступил

день гибели белых людей, так как со всех концов страны он только и слышал, что о смерти и изгнании их. Будучи осторожным человеком, он составил план, чтобы, во всяком случае, ему осталась половина его богатства. Все золото и серебро он удержал у себя, в подвалах дворца, но самые драгоценные камни и лучшие жемчужины положил в железный ящик и отослал его с верным слугой, который, под видом купца, должен был привезти клад в крепость Агры и спрятать его там, пока в стране не наступит успокоение. Таким образом, в случае если победу одержат мятежники, у него должны остаться деньги; в случае же победы Компании будут спасены его драгоценности. Разделив таким образом накопленное им богатство, он принял сторону сипаев, так как они были сильны на границах его владений.

Мнимый купец, путешествующий под именем Ахмета, находится теперь в городе Агре и желает пробраться в крепость. С ним вместе приехал мой молочный брат, Дост-Акбар, который знает его тайну. Дост-Акбар обещал Ахмету проводить его сегодня ночью к каким-нибудь боковым воротам крепости и избрал те, у которых стоим мы. Он сейчас придет сюда и найдет здесь Магомета Синга и меня, поджидающих его. Место уединенное, и никто не узнает о его приходе. Свет не услышит более о купце Ахмете, а клад раджи будет разделен между нами. Что скажешь на это, сагиб?..

В Ворчестере человеческая жизнь кажется великой и священной вещью, но все сильно изменяется, когда вокруг идет пальба и льется кровь и человек привык каждую минуту стоять лицом к лицу со смертью. Мне было решительно все равно, будет ли купец Ахмет жить или умрет, но при разговоре о кладе сердце у меня забилося, и я подумал, сколько я могу, получив его, сделать на родине, и как родные с удивлением будут смотреть на бездельника, вернувшегося домой с набитыми золотом карманами. Поэтому я уже принял решение. Но Абдулла-Хан подумал, что я колеблюсь, и стал уговаривать меня.

– Подумай, сагиб, – сказал он, – если комендант поймает этого человека, его повесят или расстреляют, и никому из нас не достанется ни одной рупии. Ну, а если мы заберем его, то почему же нам не сделать и остальных? Драгоценностям будет у нас так же хорошо, как и в сундуках Компании. Их достаточно, чтобы каждый из нас мог стать богатым человеком. Никто не узнает об этом, так как мы тут отрезаны от всех. Более удобного положения и не выдумать. Скажи же, сагиб, желаешь быть одним из нас или мы должны смотреть на тебя как на врага?

– Я ваш душой и телом, – сказал я.

– Это хорошо, – ответил он, возвращая мне мой мушкет. – Ты видишь, мы верим тебе, потому что твое слово нерушимо, как наше. Теперь нам остается только ждать моего брата и купца.

– А ваш брат все знает? – спросил я.

– Это его план. Мы пойдем к воротам и будем дежурить вместе с Магометом Сингом.

Дождь продолжал идти, так как дождливое время только что начиналось. Тяжелые, темные тучи проносились по небу, и на расстоянии нескольких шагов не было ничего видно. Глубокий ров лежал перед нашими воротами, но вода высохла во многих местах, и его легко было перейти. Мне было страшно стоять с двумя дикими туземцами в ожидании человека, который шел на смерть.

Внезапно мне бросилось в глаза мерцание прикрываемого фонаря по другую сторону рва. Свет исчез среди насыпей и снова появился, медленно подвигаясь в нашем направлении.

– Вот они! – вскрикнул я.

– Ты окликнешь его как обычно, сагиб, – шепнул Абдулла. – Не испугай его. Пошли его в крепость вместе с нами, и мы устроим все, а ты останешься сторожить. Приготовь фонарь, чтобы мы могли убедиться, что это он.

Свет продолжал мелькать, то останавливаясь, то приближаясь, и наконец я увидел две черные фигуры на другой стороне рва. Я дал им спуститься по крутому берегу, пробраться по грязи и взобраться на пол дороги к воротам и тогда окликнул их.

– Кто идет? – тихо спросил я.

– Друзья, – услышался ответ.

Я открыл фонарь и направил на них поток света. Первый из незнакомцев был громадный сейк с черной бородой, ниспадавшей почти до пояса. Я редко видел таких высоких людей. Другой был маленький, толстый, круглый человек в желтом тюрбане с узлом в руке. Он, казалось, весь дрожал от страха, потому что руки его лихорадочно подергивались, а голова с маленькими блестящими глазками поворачивалась из стороны в сторону, как у мыши, выглядывающей из норки. Дрожь пробежала у меня по телу при мысли, что он будет убит, но я подумал о кладе, и сердце у меня ожесточилось. Когда он увидел мое белое лицо, он тихо вскрикнул от радости и побежал ко мне.

– Покровительства, сагиб, – задыхаясь, проговорил он, – покровительства несчастному купцу Ахмету. Я проехал по Раджпутане, чтобы найти приют в крепости Агра. Меня обворовали, били и оскорбляли за то, что я был другом Компании. Да будет благословенна эта ночь, в которой я снова в безопасности... я и мои скромные пожитки.

– Что это у вас в узле? – спросил я.

– Железный ящик, – ответил он, – в котором находится несколько фамильных вещей, ничего не стоящих для других, но которые мне жаль было бы потерять. Но я все же не нищий и награду и тебя, молодой сагиб, и твоего начальника, если он даст мне приют.

Я не мог дальше разговаривать с этим человеком. Чем более я смотрел на его толстое, испуганное лицо, тем ужаснее казалось мне хладнокровно убить его. Лучше было скорее покончить с этим.

– Возьмите его в кордегардию, – сказал я.

Оба стали по бокам, а гигант за ними, и все вошли в мрачные ворота. Никогда еще смерть не окружала человека таким тесным кольцом. Я остался у ворот с фонарем в руке.

Я слышал звук их равномерных шагов в пустынных коридорах. Внезапно он замолк, и до меня донесся гул голосов и звук ударов. Мгновение спустя, к моему ужасу, раздались поспешные шаги, приближавшиеся по направлению ко мне, и тяжелое дыхание бежавшего человека. Я направил свет фонаря вдоль длинного прямого коридора и увидел толстяка, несшегося как ветер с кровавым шрамом на лице. За ним по пятам, припрыгивая, как тигр, бежал высокий чернобородый сейк со сверкающим ножом в руке. Никогда не видел я, чтобы человек бежал так быстро, как этот маленький купец. Вдруг он сильно опередил своего преследователя, и я видел, что он мог бы еще спастись, если бы ему удалось пробежать мимо меня из ворот. Сердце мое смягчилось было на одно мгновение, но мысль о кладе снова ожесточила его. Я бросил ему мушкет между ног, и он упал, перекувырнувшись два раза, словно подстреленный кролик. Прежде чем он успел подняться, я бросился на него и дважды всадил ему нож в бок. Купец упал, не испустив ни стоны, не двинув ни одним мускулом. Я сам думаю, что он мог сломать себе шею при падении. Вы видите, господа, что я сдержал свое обещание: я говорю вам все, как было, благоприятны для меня эти показания или нет.

Смолль остановился и протянул связанные руки к виски с содовой водой, приготовленные Холмсом. Что касается меня, то, сознаюсь, я чувствовал величайшее отвращение к этому человеку не только потому, что он так хладнокровно выполнил план убийства, но еще более потому, что тон его рассказа был легкомыслен и равнодушен. Какого бы рода наказание ни ожидало его, я чувствовал, что он не может рассчитывать на сочувствие с моей стороны. Шерлок Холмс и Джонс сидели, положив на колени руки. Они казались серьезно заинтересованными, но то же выражение отвращения отражалось на их лицах. Должно быть, он заметил это, потому что в голосе и манерах его почувствовалось что-то вызывающее.

– Без сомнения, все это было очень дурно, – сказал он. – Хотел бы я знать, многие ли на моем месте отказались бы от части этого клада, если бы знали, что за это им грозит опасность быть зарезанными. Потом вопрос состоял в том, кому оставаться в живых, мне или ему, если

он уже попал в крепость. Если бы он вышел оттуда, все дело выплыло бы на свет Божий, и меня призвали бы к суду и, по всей вероятности, приговорили к расстрелу, потому что в то время люди не были снисходительны.

– Продолжайте ваш рассказ, – коротко сказал Холмс.

– Ну, мы внесли его в крепость, Абдулла, Акбар и я. И тяжел же он был, несмотря на небольшой рост. Магомет Синг остался сторожить дверь. Мы пронесли его к уже подготовленному месту. Оно было несколько в стороне, там, где извилистый коридор ведет к большой пустой зале, кирпичные стены которой почти совсем обвалились. Земляной пол опустился в одном месте, образовав естественную могилу; там мы и оставили купца Ахмета, прикрыв его обвалившимися кирпичами. Покончив с этим, мы отправились назад к ящику.

Он лежал там, где бросил его Ахмет при первом нападении. Ключ спускался на шелковом шнурке с ручки шкатулки.

Мы открыли ящик, и свет фонаря упал на такое собрание драгоценностей, о котором я читал и мечтал, лишь когда был маленьким мальчиком в Першоре. Блеск их ослеплял глаза. Налюбовавшись вдоволь, мы вынули их и переписали. Тут было сто сорок три бриллианта чистейшей воды, и между ними один, как кажется, называемый «Великим Магометом» – как говорят, второй по величине бриллиант на свете. Затем девяносто семь очень хороших изумрудов и сто семьдесят рубинов, из них некоторые очень маленькие, сорок карбункулов, двести десять сапфиров, шестьдесят один агат и большое количество бериллов, ониксов, кошачьего глаза, бирюзы и других камней, название которых я узнал только впоследствии. Кроме того, тут было около трехсот прекрасных жемчужин, из которых двенадцать украшали собой золотую диадему. Между прочим, этих жемчужин не оказалось в ящике, когда я снова нашел его.

Пересчитав наши драгоценности, мы положили их обратно в ящик и отнесли к воротам, чтобы показать Сингу. Затем мы снова торжественно поклялись стоять друг за друга и хранить нашу тайну. Мы согласились спрятать нашу добычу в безопасное место, пока страна не успокоится, и затем разделить ее поровну. В настоящее время не стоило делить камни, так как появление у нас таких драгоценностей вызвало бы подозрения, а в крепости не было места, где мы могли бы держать их в тайне. Поэтому мы отнесли ящик в ту же залу, где мы спрятали тело, и там под кирпичами в сохранившейся стене мы проделали отверстие и положили туда наш клад. Мы крепко запомнили это место, и на следующий день я начертил четыре плана для каждого из нас, а внизу поставил знак четырех, так как мы поклялись, что всегда будем действовать один за другого, чтобы никто не имел преимущества. Эту клятву я сдержал, в чем могу поклясться, положив руку на сердце.

Мне нечего говорить вам, господа, чем кончилось индийское восстание. После того как Вильсон взял Дели, а сэр Колин освободил Лукнау, дело было проиграно. Свежие войска прибывали постоянно, и Нана Сагиб бежал за границу. Летучий отряд под начальством полковника Гритхэда явился в Агру и очистил город от мятежников. Спокойствие, казалось, водворилось в стране, и мы четверо стали надеяться, что приближается время, когда нам можно будет безопасно уйти с нашей добычей. Но все наши надежды рассеялись в одно мгновение: нас арестовали как убийц Ахмета.

Вот как это случилось. Когда раджа отдал свои драгоценности в руки Ахмета, он сделал это потому, что знал его как верного человека. Но восточные люди очень подозрительны; поэтому что же сделал раджа? Он взял другого, еще более верного, слугу и заставил его шпионить за первым. Второму слуге было приказано никогда не выпускать Ахмета из виду, и он следил за купцом, как тень. И в ту ночь он пошел за ним и видел, как он вошел в ворота. Конечно, он подумал, что Ахмет нашел приют в крепости, и сам попросился туда на следующий день, но не нашел и следа Ахмета. Это показалось таким странным слуге, что он рассказал одному из сержантов, а тот довел это до сведения коменданта. Быстро сделали обыск и нашли труп. Таким образом, как раз в то время, когда мы считали себя в безопасности, мы все четверо были схвачены и привлечены к суду за убийство – трое из нас обвинялись потому, что стояли на часах у ворот, а четвертый на том основании, что его видели в обществе убитого. На суде ничего не упоминалось о драгоценностях, потому что раджа был свергнут и изгнан из Индии, так что о них некому было заботиться. Убийство же было очевидно, так же, как и то, что мы были причастны к нему. Трое сейков были приговорены к каторжным работам, а я – к смерти, но потом приговор был смягчен, и меня приговорили к такому же наказанию, как и товарищей.

В странном мы очутились положении. Мы были прикованы цепями друг к другу. У нас было мало вероятности выбраться на свободу, а между тем, каждый из нас обладал тайной, воспользовавшись которой, мы могли бы жить во дворцах. Этого сознания было достаточно для того, чтобы грызть сердце человека, принужденного выносить пинки и побои всякого надсмотрщика, есть рис и пить воду, когда ему стоило протянуть руку, чтобы получить громадное

состояние. Было от чего сойти с ума, но я всегда был очень упрям и потому молчал и поджидал удобного времени.

Наконец оно, казалось, наступило. Меня перевели из Агры в Мадрас, а оттуда на остров Блэр, один из Андаманских островов. В этом поселке бывает мало белых ссыльных, а так как я с самого начала хорошо вел себя, то скоро очутился в несколько привилегированном положении. Мне дали хижину в Хоптауне, маленьком местечке на склоне горы Гарриэт, и я часто оставался один. Это была печальная местность, грозившая лихорадками и кишевшая, за нашими просеками, дикими туземцами-людоедами, всегда готовыми бросить ядовитую стрелу. Приходилось копать землю и заниматься другими работами, так что дела хватало на целый день, но по вечерам у нас бывало немного свободного времени. Между прочим я научился у хирурга составлять микстуры и несколько познакомился с его искусством. Все это время я искал удобного случая для бегства; но место это лежит в тысячах миль от всякого другого, а ветры на море дуют или очень слабо или их вовсе не бывает, так что выбраться оттуда очень трудно.

Хирург, доктор Сомертон, был веселый молодой человек, спортсмен. Другие молодые офицеры собирались у него по вечерам и играли в карты. Комната, служившая аптекой, была рядом с гостиной доктора, куда выходило маленькое окно. Часто, чувствуя себя одиноким, я тушил лампу в комнате и, стоя там, слушал разговор офицеров и смотрел на их игру. Я сам люблю играть в карты, и наблюдать за ними было почти так же приятно, как играть. Тут были майор Шольто, капитан Морстэн и лейтенант Брумлей Броун – командиры туземных войск, сам доктор и два или три тюремных надзирателя, опытные игроки, ведущие осторожную, хитрую игру. Славная была партия.

Скоро меня поразила одна странность: офицеры всегда проигрывали, а штатские выигрывали. Заметьте, я не говорю, что игра велась нечисто, но как-то постоянно случалось так. Эти тюремщики только и делали, что играли с тех пор, как поселились на Андаманских островах, и каждый из них отлично знал манеру игры другого, а офицеры играли только для того, чтобы убить время, и бросали карты как попало. Вечер за вечером офицеры становились все беднее, и чем беднее они становились, тем более они играли. Хуже всех дела шли у майора Шольто. Сначала он расплачивался бумажками и золотом, а скоро стал давать векселя на большую сумму. Иногда он выигрывал немного, и это подбадривало его, а затем счастье снова, упорнее прежнего, отворачивалось от него. Целыми днями он ходил, словно мрачная туча, и стал пить более, чем следовало.

Однажды он проиграл больше обыкновенного. Я сидел в своей хижине, когда мимо нее, спотыкаясь, прошел майор Шольто с капитаном Морстэном по дороге к себе. Они были неразлучные друзья. Майор горячо говорил о своем проигрыше.

– Все кончено, Морстэн, – проговорил он в ту минуту, как они поравнялись с моей хижинкой. – Мне придется подать в отставку. Я – погибший человек.

– Глупости, дружище! – ответил капитан, ударяя его по плечу. – И у меня дела плохи, но...

Вот все, что я слышал, но эти слова заставили меня задуматься.

Дня через два майор Шольто прогуливался по берегу; я воспользовался случаем и подошел к нему.

– Я хочу спросить вашего совета, майор, – сказал я.

– Ну, что такое, Смоль? – проговорил он, вынимая изо рта трубку.

– Я хотел спросить вас, сэр, – сказал я, – кому, собственно, надлежит передать спрятанный клад. Я знаю, где находится добра на полмиллиона, и так как не могу сам воспользоваться им, то и подумал, что, может быть, лучше всего передать его надлежащим властям, тогда, может быть, мне смягчат наказание.

– Полмиллиона, Смоль? – задыхаясь проговорил он и пристально посмотрел на меня, как будто желая убедиться, не шучу ли я.

– Да, сэр... в драгоценных камнях и жемчужинах. Они лежат так, что всякий может их взять. И самое-то странное во всем этом, что настоящий владелец осужден на изгнание и не имеет прав на имущество, так что оно принадлежит первому встречному.

– Правительству, Смолль, – пробормотал он, – правительству. – Но он сказал эти слова заикаясь, и я понял, что поймал его.

– Так вы думаете, сэр, что я должен уведомить главного губернатора? – спокойно спросил я.

– Ну-ну, не делайте ничего необдуманного, а то придется раскаяться. Я выслушаю вас, Смолль. Сообщите мне все факты.

Я рассказал ему всю историю, только немного изменив ее, чтобы он не мог найти места, где зарыт клад. Когда я окончил свой рассказ, он остановился как вкопанный и задумался. По судороге, сводившей его губы, я видел, что в нем происходит сильная борьба.

– Это очень важное дело, Смолль, – наконец проговорил он. – Никому не говорите ни слова, а скоро я снова повидаюсь с вами.

Через два дня он пришел ко мне в глухую ночь со своим другом, капитаном Морстэном.

– Я хочу, чтобы капитан Морстэн выслушал эту историю от вас самих, Смолль, – сказал он.

Я повторил сказанное мной раньше.

– Как кажется, правда, а? – сказал майор. – Можно начать дело?

Капитан Морстэн утвердительно кивнул головой.

– Слушайте, Смолль, – сказал майор. – Мы с приятелем переговорили и пришли к заключению, что ваша тайна вряд ли касается правительства, а скорее ваше личное дело, которым вы, конечно, можете распорядиться как считаете нужным. Ну, теперь вопрос, какую цену просите вы за нее? Мы могли бы принять участие в этом деле или, по крайней мере, ознакомиться с ним, если бы нам удалось сговориться.

Он пытался говорить хладнокровным, беспечным тоном, но глаза его горели от волнения и алчности.

– Ну, что касается этого, господа, – отвечал я, также стараясь прикинуться хладнокровным, но чувствуя себя сильно взволнованным, – человек в моем положении может предложить только одно условие. Я хочу, чтобы вы помогли освободиться мне и моим трем товарищам. Тогда мы возьмем вас в компаньоны и дадим вам пятую часть, которую вы и разделите между собой.

– Гм! – сказал он. – Пятую часть! Это не очень соблазнительно.

– Придется по пятидесяти тысяч на каждого, – сказал я.

– Но как вам освободиться? Вы знаете, что просите невозможного.

– Нисколько, – ответил я. – Я обдумал все до мельчайших подробностей. Единственное препятствие состоит в том, что у нас нет лодки для путешествия и провизии на долгое время. В Калькутте или Мадрасе множество маленьких яхт и яликов. Привезите оттуда лодку. Мы сядем на нее ночью, и если вы высадите нас где-нибудь на берегу Индии, вы выполните свою часть условия.

– Если бы вы были один, – сказал он.

– Никто или все, – ответил я. – Мы поклялись в этом. Все четверо должны действовать заодно.

– Видите, Морстэн, – сказал майор, – Смолль – человек, умеющий держать слово. Он не покидает своих друзей. Я думаю, мы можем поверить ему.

– Это грязное дело, – ответил капитан. – Но, как вы говорите, эти деньги помогут нам избежать отставки.

– Ну, Смолль, – сказал майор, – я думаю, мы можем попробовать принять ваши условия. Сначала, конечно, нужно убедиться в истине рассказанной вами истории. Скажите мне, где

спрятан ящик, и я возьму отпуск и поеду в Индию на лодке, которая каждый месяц отправляется за сменой, и разузнаю все дело.

– Не так скоро, – сказал я, становясь холоднее по мере того, как он распялялся. – Я должен получить согласие моих товарищей. Говорю вам, что у нас четверых все заодно.

– Глупости! – крикнул он. – Что за дело трем черным до нашего договора?

– Черные или синие, – сказал я, – я с ними, и мы все заодно.

Ну, дело окончилось вторым свиданием, на котором присутствовали Магомет Синг, Абдулла-Хан и Дост-Акбар. Мы переговорили обо всем и наконец пришли к соглашению. Мы должны были дать офицерам план известной части крепости Агры и отметить место в стене, где был скрыт клад. Майор Шольто должен был поехать в Индию, чтобы убедиться в правдивости нашей истории. Если бы он нашел ящик, то должен был оставить его на месте и выслать маленькую яхту и провизии для путешествия к острову Рутлэнд, куда мы пробрались бы, а затем вернуться на службу. Затем попросит отпуск капитан Морстэн, встретит нас в Агре, и там мы произведем окончательный раздел драгоценностей, причем он возьмет и долю, принадлежащую майору. Все это было закреплено самыми торжественными клятвами. Я просидел целую ночь за бумагой и чернилами, и к утру у меня были готовы два плана, подписанные «Знаком четырех» – то есть Абдуллой, Акбаром, Магометом и мною.

Ну, господа, я надоел вам с моей длинной историей, и знаю, что мой приятель, мистер Джонс, жаждет упрятать меня за решетку. Буду краток, насколько возможно. Негодяй Шольто уехал в Индию и не возвратился оттуда. Капитан Морстэн показал мне вскоре его фамилию в списке пассажиров одного из почтовых пароходов. У него умер дядя, оставивший ему состояние, и он вышел в отставку. Несмотря на это, он не побрезговал так обойтись с нами пятерыми.

Морстэн вскоре после того отправился в Агру и, как мы и ожидали, увидел, что клад исчез. Подлец украл все, не выполнив ни одного из условий, ради которых мы открыли ему нашу тайну. С этого дня я жил только для мщения. Месть стала моей всепоглощающей страстью. Я не думал ни о законе, ни о виселице. Бежать, напасть на след Шольто, схватить его за горло – было моей единственной мыслью. Даже клад потерял для меня свое значение перед желанием убить Шольто.

Много я принимал решений в жизни, и не было ни одного, которого бы я не исполнил. Но прошло много томительных лет, пока мне удалось исполнить это решение. Я уже говорил вам, что приобрел некоторые познания в медицине. Однажды, когда доктор Сомертон лежал в лихорадке, группа каторжников подняла в лесу маленького обитателя Андаманских островов. Он был при смерти и забрался в уединенное место, чтобы умереть там. Я стал ухаживать за ним, хотя он походил на ядовитую змею, и через два месяца вылечил его настолько, что он стал ходить. Он привязался ко мне и не хотел уйти в свои леса, а постоянно бродил вокруг моей хижины. Я выучился от него немного его наречию, и это еще более привязало его ко мне.

Тонга – так его звали – хорошо умел править лодкой, и у него была своя собственная большая пирога. Когда я заметил, что он готов на все, чтобы услужить мне, я подумал о возможности бегства и переговорил с ним. Он должен был привести свою лодку к старой пристани, где не было часовых, и там взять меня. Я приказал ему взять несколько фляжек с водой, большое количество кокосовых орехов и бермудского картофеля.

Он был храбр и верен, маленький Тонга. Никогда у человека не было более верного товарища. В назначенную ночь лодка его стояла у пристани. Но как раз там оказался один из тюремщиков, дрянной человек, никогда не пропускавший случая унижить и выругать меня. Я давно поклялся отомстить ему, и теперь мне представился случай исполнить свою клятву. Судьба как будто нарочно поставила его на моем пути, чтобы я мог уплатить свой долг до отъезда. Он стоял на берегу, спиной ко мне, с карабином на плече. Я оглянулся, нет ли камня, чтобы разmozжить ему голову, но камня не было.

Тогда мне пришла в голову странная мысль – я нашел удивительное оружие. Я присел в темноте и отвязал свою деревянную ногу. В три скачка я очутился около него. Он прицелился, но я ударил его изо всех сил деревяшкой и снес всю переднюю часть черепа. Вы можете видеть трещину в дереве в том месте, которым я ударил его. Мы оба свалились на землю, так как я не мог удержать равновесие, но когда я поднялся – он лежал совершенно спокойно. Я направился к лодке, и через час мы были уже далеко в море. Тонга привез с собой все свое имущество, оружие и богов. Между прочим, у него было и несколько андаманских циновок из кокоса, из которых я устроил нечто вроде паруса. Десять дней мы носились по морю, надеясь на счастье, а на одиннадцатый нас взял купеческий корабль, шедший из Сингапура в Думдда с малайскими пилигримами. Странная это была толпа; Тонга и я устроились между ними. У этих людей было одно очень хорошее качество: они оставили нас в покое и ни о чем не спрашивали.

Если бы я стал вам рассказывать все наши приключения, вы не поблагодарили бы меня, так как я задержал бы вас до восхода солнца. Мы скитались по всему свету, но постоянно что-нибудь мешало нам попасть в Лондон. Однако все это время я не забывал моей цели. По ночам я видел Шольто. Сто раз я убивал его во сне. Наконец, года три или четыре тому назад, мы очутились в Англии, Мне было не трудно узнать местожительство Шольто, и тогда я стал узнавать, реализовал ли он свой клад или он все еще у него? Я познакомился с одним человеком, который мог помочь мне, – не называю имен, потому что не хочу никого подводить, – и скоро узнал, что драгоценности находятся еще у майора. Потом я много раз пробовал пробраться к нему, но он был очень хитер и держал при себе всегда двух борцов, кроме сыновей и телохранителя.

Но однажды я получил известие, что он умирает. Я поспешил в сад при его доме, вне себя от бешенства, что он уходит из моих рук, и, заглянув в окно, увидел его в постели, по краям которой стояли оба его сына. Я пробрался бы туда и сумел бы управиться со всеми тремя, но сразу заметил, как у него вдруг отвисла челюсть, и понял, что он умер. Ночью я все-таки забрался в его комнату и перерыл бумаги в надежде найти указания о месте, где он спрятал свои сокровища. Однако об этом не оказалось ни строчки, и я ушел страшно огорченным и взбешенным. Прежде чем покинуть комнату, я вспомнил, что если когда-либо мне придется встретиться с моими друзьями-сейками, им будет приятно узнать, что я оставил знак нашего мщения; поэтому я нацарапал «Знак четырех» в том виде, каким он был на плане, и приколот его к груди мертвеца. Было бы уж слишком, если бы его опустили в могилу без какого-нибудь знака от людей, которых он обобрал и провел.

Все это время мы добывали себе пропитание, показывая бедного Тонгу на ярмарках и подобного рода местах, как черного каннибала. Он ел сырое мясо и танцевал военный танец, и к концу вечера у нас набиралась целая шляпа медных монет. Я получал все новости из Пондишерри, но несколько лет ничего не было слышно, за исключением того, что там продолжают искать клад. Наконец произошло давно ожидаемое нами событие: нашли клад. Он оказался на чердаке дома, где была химическая лаборатория мистера Бартоломея Шольто. Я сейчас же явился туда, чтобы взглянуть на место, но не знал, как взобраться с моей деревяшкой на крышу. Однако я узнал, что в крыше есть подъемная дверь, узнал также и час ужина мистера Шольто. Мне казалось, что Тонга легко может справиться с этим делом. Я привел его с собой и обвязал его длинной веревкой вокруг пояса. Тонга умел лазать, как кошка, и скоро спустился с крыши в комнату, но, на свое несчастье, Бартоломей Шольто был еще там. Тонга думал, что, убив его, он поступит чрезвычайно умно, и потому, когда я поднялся вверх по веревке, то нашел его гордо расхаживающим, как павлин. Он очень удивился, когда я ударил его концом веревки и проклял его, назвав кровожадным чертенком. Я взял ящик с драгоценностями и спустил его вниз, а затем и сам спустился на землю, оставив на столе «Знак четырех», чтобы показать, что клад достался, наконец, тем, кому он принадлежит по праву. Тонга тогда втянул вверх веревку, запер окно и ушел тем же путем, каким пришел.

Мне, кажется, нечего больше рассказывать вам. Я слышал, как один лодочник говорил о быстроте хода баркаса Смита «Аврора», и подумал, что он пригодится нам для бегства. Я сговорился со стариком Смитом и должен был дать ему хорошую плату в случае, если он в целости доставит нас на корабль. Он, без сомнения, догадывался, что дело нечистое, но не знал нашей тайны. Все это чистая правда, и говорю ее вам, господа, не для того, чтобы позабавить вас, – ведь нельзя сказать, чтобы вы оказали мне хорошую услугу, – но потому, что считаю, что лучшей защитой для меня будет, если я ничего не скрою; пусть весь свет знает, как дурно поступил со мной майор Шольто, и пусть знает, что я не повинен в смерти его сына.

– Замечательный рассказ, – сказал Шерлок Холмс. – Подходящее окончание чрезвычайно интересного дела. В последней части вашего рассказа нет ничего нового для меня за исключением того, что вы принесли веревку. Этого я не знал. Между прочим, я надеялся, что Тонга потерял свои стрелы, однако он бросил одну в нас, когда мы были на баркасе.

– Он потерял их все, сэр, за исключением одной, которая была у него в той трубке, из которой он ими стрелял.

– Ах, конечно, – сказал Холмс. – Я и не подумал об этом.

– Хотите ли вы задать мне еще вопросы? – любезно осведомился каторжник.

– Кажется, нет, благодарю вас, – ответил мой приятель.

– Ну, Холмс, – сказал Этелни Джонс, – вы человек, которого следует ублажать, и все мы знаем, что вы знаток преступлений, но долг остается долгом, и я зашел, несколько дальше, исполнив желание вашего друга. Я буду чувствовать себя спокойно, когда наш рассказчик будет под замком. Кеб все еще ожидает нас внизу, а также и два инспектора. Очень обязан вам обоим за помощь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, господа, – сказал Джонатан Смолль.

– Вот и конец нашей маленькой драмы, – заметил я после короткого молчания, во время которого мы продолжали курить наши трубки. – Боюсь, что это мой последний опыт изучения вашего метода. Мисс Морстэн сделала мне честь принять меня как будущего своего супруга.

Холмс испустил печальный вздох.

– Я боялся этого, – сказал он. – Право, не могу поздравить вас.

– Есть у вас причина быть разочарованным моим выбором? – спросил я, несколько обиженный этим.

– Ровно никакой. Я нахожу ее одной из самых очаровательных барышень, каких я когда-либо встречал. Но любовь – чувство, а всякое чувство противоположно чистому, холодному рассудку, который я ставлю выше всего на свете. Я сам никогда бы не женился, чтобы не затемнить рассудка.

– Надеюсь, что мой рассудок переживет это испытание, – со смехом ответил я. – Но у вас утомленный вид.

– Да, реакция уже началась. Я буду настоящей тряпкой, по крайней мере, неделю.

– Странно, – сказал я, – как периоды того, что я назвал бы ленью в другом человеке, чередуются у вас с припадками блестящей энергии и силы.

– Да, – ответил он, – во мне есть все задатки бродяги и в то же время доброго малого. Я часто думаю о словах старика Гете: «Жаль, что природа сотворила из тебя только одного человека; материала хватило бы и на достойного человека, и на мошенника». Кстати, по поводу этого Норвудского дела, видите, вышло, как я предполагал, в доме был сообщник, некто иной, как дворецкий Лаль Рао, так что Джонс может похвалиться, что один поймал в сети большую рыбу.

– Как, однако, несправедливо для вас окончилось дело, – заметил я. – Я приобрел себе жену, Джонс – почет. Скажите, что же остается вам?

– Мне остается еще склянка кокаина, – сказал Шерлок Холмс, протягивая к ней свою длинную белую руку.

Приключения Шерлока Холмса Рассказы

Скандалная история в Богемии

I

Я только что женился и поэтому за последнее время редко виделся с моим другом Шерлоком Холмсом.

Мое собственное счастье и домашние интересы всецело завладели мной, как это обыкновенно бывает с человеком, который обзаводится собственной семьей, тогда как Шерлок Холмс по своей цыганской натуре не питал ни малейшей склонности к семейной жизни. Он продолжал жить в нашей старой квартире на Бейкер-стрит, был по-прежнему завален старыми фолиантами, и по-прежнему приступы полнейшей апатии сменялись в нем вспышками энергии. Он все еще продолжал изучать преступления и, благодаря своим выдающимся способностям и необыкновенной наблюдательности, ему удавалось разгадывать такие преступления, которые полиция давным-давно уже причислила к разряду безнадежных. Время от времени до меня доносились смутные слухи о его деятельности: я слышал о его командировке в Одессу для раскрытия одного политического убийства, о его поездке в Тримонали, и, наконец, о миссии, принятой им по поручению голландского двора, и выполненной им с таким тактом и успехом.

А затем о деятельности моего старого друга и сожителя я знал не более остальных подписчиков газет, читавших подробности о его похождениях.

Однажды вечером – это было 20 марта 1888 года – я проходил по Бейкер-стрит. Я возвращался с консилиума, так как, надо сказать, снова занялся докторской практикой. Когда я подошел к столь знакомой мне двери, мною овладело страстное желание навестить Холмса, чтобы узнать, какому делу он в настоящее время посвящает свой необыкновенный талант. Его комнаты были ярко освещены, и я увидел тень его высокой худошавой фигуры. Опустив на грудь голову, и заложив за спину руки, он быстро шагнул назад и вперед по своей комнате. Я слишком хорошо знал все его привычки, чтоб сразу не понять, что он снова что-то замышляет. Я позвонил и вошел в комнату, в которой некогда жил вместе с ним.

Нельзя сказать, чтобы он меня встретил очень приветливо. Он вообще нежностью никогда не отличался; и все-таки я чувствовал, что он очень рад моему приходу. Он пяти слов не выговорил, радушно улыбаясь, усадил меня в кресло, протянул мне ящик с сигарами и указал мне на стоявший в углу шкафчик с ликерами. Затем он стал спиной к камину и начал меня разглядывать своим испытующим, пронизывающим взглядом.

– Брак принес тебе пользу, Ватсон, – заметил он. – Я думаю, в тебе прибавилось семь с половиной фунтов весу, с тех пор, как я виделся с тобою в последний раз.

– Семь фунтов.

– Неужели? А ты снова практикуешь, как я вижу. Ты мне раньше ничего не говорил о своем желании снова заняться практикой.

– Откуда ты это знаешь?

– Вижу. Я знаю также, что ты недавно был в непогоду на улице, и что у тебя, должно быть, очень неумелая, небрежная горничная.

– Мой дорогой Холмс, перестань. Несколько столетий тому назад тебя, наверное, сожгли за колдовство. Действительно, я в четверг попал под дождь и вернулся домой весь мокрый и в грязи, но откуда ты это узнал, не могу понять, так как, вернувшись домой, я тотчас же переоделся. А прислуга моя, Мари, действительно из рук вон плоха, и жена моя уже отказала ей. Но скажи мне на милость, откуда ты все это знаешь?

Он ухмыльнулся и начал потирать свои узкие нервные руки.

– Это очень просто! – ответил он. – Я вижу, что на коже твоего левого сапога находится несколько царапин, которые могли произойти только оттого, что с сапог счищали грязь без всякой осторожности. Отсюда я вывел мои оба заключения о непогоде и о твоей скверной прислуге. Ну, а что касается твоей практики, я должен был бы быть дураком, если бы сразу не принял за практикующего врача человека, от которого пахнет йодоформом, на указательном пальце правой руки которого черное пятно от ляписа, и в боковом кармане которого оттопыривается, очевидно, стетоскоп.

Я расхохотался, слушая, с какой неопровержимой логикой он развивал свои умозаключения.

– Когда я слушаю твои логические выводы, мне это прямо кажется смешным, – заметил я, – и все-таки каждое новое доказательство твоей проницательности меня всегда поражает. А ведь я вижу всегда тоже, что и ты. Почему же мне никогда не удастся ничего разгадать?

– Очень просто, – ответил он, закуривая папироску и усаживаясь в кресло. – Ты видишь, но ты не понимаешь – вот в чем различие. Например, скажи мне, пожалуйста, ты часто видел ступени, ведущие из передней в эту комнату?

– Да, очень часто.

– А как часто?

– Вероятно, несколько сот раз.

– В таком случае, ты, конечно, можешь мне сказать, сколько всех ступеней?

– Сколько? Не имею ни малейшего понятия.

– Видишь ли, и в данном случае ты видел, но не наблюдал. Вот это-то я и хочу сказать. Я знаю отлично, что эта лестница имеет семнадцать ступеней, и знаю, потому что не только видел, но и наблюдал. А *groros*⁷, так как я знаю, что ты интересуешься моими уголовными приключениями, ты был даже так любезен, что напечатал два или три рассказа о них, так я думаю, что тебе это будет крайне интересно.

Он показал мне на лист толстой розовой почтовой бумаги, лежавший на письменном столе.

– Это письмо пришло с последней почтой. Прочитай его, пожалуйста.

Письмо без подписи, на котором не было обозначено ни числа, ни адреса отправителя, гласило следующее:

«К Вам сегодня вечером в три четверти восьмого явится господин, которому необходимо переговорить с Вами по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из царствующих европейских домов, доказывают, что Вам можно доверять самые откровенные и важные тайны. Поэтому прошу вас быть дома в указанное время и не сердиться, если Ваш гость будет в маске».

– Тут кроется какая-то тайна, – заметил я. – Ты что-нибудь понимаешь?

– А ты что можешь заключить из самого письма?

Я тщательно исследовал почерк и самую бумагу.

– По-видимому, автор этого письма довольно богатый человек, – заметил я, стараясь как можно вернее копировать метод моего друга. – Эта почтовая бумага, наверное, недешево стоит.

– Совершенно верно, – проговорил Холмс. – Но это ни в каком случае не английская бумага. Подержи ее против света.

Я это исполнил и увидел, что на левой ее стороне были водяные инициалы «Е. К.», а на правой был отпечатан какой-то иностранный герб.

– Ну, что ты из этого заключаешь? – спросил Холмс.

– Налево инициалы фабриканта.

– Хорошо, а направо?

⁷ Кстати (*фр.*)

– Вероятно, фабричная марка. А чья именно – не знаю.

– Благодаря моим геральдическим познаниям могу с уверенностью сказать, что это герб княжества О... – ответил Холмс.

– В таком случае, фабрикант, наверное, придворный поставщик, – заметил я.

– Да, это так. Во всяком случае, автор этого письма – немец. Разве тебе не бросилось в глаза странное построение первой фразы? Ни француз, ни русский не написал бы так. Только немец способен обращаться так неделикатно с глаголами. Ха-ха, мой милый, что ты на это скажешь? – глаза его блестели, и он с торжеством смотрел на меня. – Теперь нам остается узнать, что нужно этому немцу, который пишет письма на столь странной бумаге, и является ко мне под маской. Если я не ошибаюсь, вот и он. Надеюсь, он нам раскроет тайну.

Раздался топот копыт, и к дому Холмса подкатил экипаж. Затем послышался звонок. Холмс засвистал.

– Эге, да это, кажется, пара лошадей, – проговорил он и выглянул в окно. – Совершенно верно, изящный экипаж, запряженный парой чудных коней ценой не менее полтора гиней каждый. Ну, Ватсон, во всяком случае, можно много денег заработать.

Афоризмы Артура Конан Дойла

Большой жизненный опыт и таинственность всегда пробуждают у женщины интерес и, в конце концов, любовь.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные.

В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны.

В собаках как бы отражается дух, который царит в семье. У злобный людей – злые собаки, опасен хозяин – опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Во всем надо искать логику. Где ее недостает, надо подозревать обман.

Возьмите себе за правило: никогда не оглядывайтесь назад, всегда смотрите только вперед, где вас ждет великий подвиг.

Вся моя жизнь – сплошное усилие избежать тоскливого однообразия будней.

Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница.

Где нет пищи воображению, там нет и страха.

Гений – это бесконечная выносливость.

Героем можно быть везде.

Глупец глупцу всегда внушает восхищение.

Голова предназначена не только для украшения, ею иногда надо думать.

Дружба между мужчиной и женщиной не делает чести мужчине и лишает чести женщину.

Если вы исключите невозможное, то, что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно не казалось.

Если опасность можно предвидеть, то ее не нужно страшиться.

Жажда власти над душой человека бывает не менее сильной, чем стремление к физическому обладанию.

Жан-Поль как-то очень тонко и глубоко заметил, что истинное величие человека заключается в понимании собственной ничтожности. Это подразумевает, что умение сравнивать и оценивать само по себе является доказательством внутреннего благородства.

Женские глаза говорят лучше слов.

Женщин вообще трудно понять. За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос.

Жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать человеческое изображение.

Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала, – все равно, что перегревать мотор. Он разлетится вдребезги.

Знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Истинный мыслитель, увидев один-единственный факт во всей полноте, может вынести из него не только всю цепь событий, приведшим к нему, но также и все последствия, истекающие из него.

Какими ничтожными кажемся мы с нашими жалкими амбициями и желаниями по сравнению с силами, управляющими мирозданием!

Любовь – это вещь эмоциональная, и, будучи таковой, она противоположна чистому и холодному разуму.

Месть не принесет удовлетворения, если твой враг не знает, кто сразил его.

Мы не вольны в нашей любви, но управлять своими поступками в нашей власти.

Не важно, сколько вы сделали. Главное – суметь убедить людей, что вы сделали много.

Незаметно для себя человек подгонять факты к своей теории, вместо того, чтобы строить теорию на фактах.

– Я теперь лучше уйду?

– Я тебя отсюда ни в коем случае не выпущу, доктор. Ты мне нужен. Да и кроме того, дело само по себе, по-видимому, очень интересное. Я не понимаю, зачем ты хочешь уйти.

– Но твой клиент...

– О нем не беспокойся. Быть может, нам обоим пригодится твоя помощь. Он идет. Садись в кресло и наблюдай внимательно за всем.

На лестнице послышались тяжелые, размеренные шаги, а затем раздался громкий стук в дверь.

– Войдите! – проговорил Холмс.

В комнату вошел господин более шести футов ростом, сложением настоящий Геркулес. Одет он был очень богато, но ни один англичанин не сказал бы, что он одет изящно и со вкусом. Отвороты его рукавов и воротник пальто были барашковые, и сверху пальто на плечи его был наброшен плащ на ярко-красной подкладке, захваченный у шеи аграфом из драгоценного камня. Он был в высоких сапогах, отделанных богатым мехом, и они дополняли впечатление экзотической роскоши, производимой всей личностью этого человека. В руках у него была шляпа с широкими полями; он, видимо, при входе только что надел черную полумаску, покрывавшую верхнюю часть его лица. Толстая, немного выдававшаяся вперед нижняя губа и длинный, прямой подбородок указывали на решительность, или, вернее, упрямство.

– Вы получили мое письмо? – спросил он звучным, резким голосом. – Я уведомил вас о моем посещении. – Он не знал, к кому обратиться, и поэтому взор его переходил от меня к Холмсу.

– Пожалуйста, садитесь – проговорил Холмс. – Это мой друг и коллега, доктор Ватсон, который иногда из любезности помогает мне в розыске. С кем я имею честь?

– Называйте меня графом фон Крамм, – проговорил незнакомец, произношение которого выдавало немца. – Я полагаю, что ваш друг, – вполне честный и благородный человек, которому можно доверить тайну высшей важности? В противном случае, я предпочел бы вести дело с вами наедине.

Я тотчас же поднялся, чтобы выйти из комнаты, но Холмс схватил меня за руку и усадил на место.

– Нет, – объявил он с твердостью, – этот господин отсюда не уйдет. Он может и должен слышать то, что вы намерены мне объявить.

Граф пожал плечами.

– В таком случае, я потребую от вас обоих, чтобы вы обязались хранить молчание в течение двух лет. Через два года все это происшествие не будет иметь никакого значения. Я нисколько не преувеличиваю, если заявлю вам, что в настоящее время дело, по которому я пришел к вам, может иметь историческое значение.

– Я обязуюсь молчать, – проговорил Холмс.

– И я тоже.

– Вы простите, что я пришел к вам в маске, – продолжал наш странный посетитель, – но таково желание высокопоставленного лица, по поручению которого я взял на себя ведение всего дела. Вместе с тем я должен вам объявить, что я назвался вымышленным именем.

– Я это знал, – ответил сухо Холмс.

– Обстоятельства требуют величайшей осторожности. Нужно во что бы то ни стало избавить одну царствующую династию от скандала, который мог бы ее серьезно скомпрометировать. Признаюсь откровенно, что речь идет династии, царствующей в княжестве О...

Холмс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Я это тоже знал, – пробормотал он.

По-видимому, пораженный этими словами, незнакомец с удивлением взглянул на довольно небрежно сидевшего перед ним самого знаменитого и искусного сыщика Европы. Холмс медленно открыл глаза и бросил нетерпеливый взгляд на своего клиента.

– Если вашему высочеству будет угодно рассказать мне все в подробностях, – заметил он, – я попробую дать надлежащий совет.

Незнакомец вскочил с кресла и начал шагать взад и вперед по комнате. Затем он с жестом отчаяния сорвал маску со своего лица и бросил ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он, – я – князь! К чему это скрывать?

– Не понимаю, к чему? – пробормотал Холмс. – Прежде чем ваше высочество еще слово сказали, мне было известно, с кем я имею счастье вести дело.

Наш странный посетитель снова сел и провел рукой по своему высокому белому лбу.

– Но вы поймете, вы должны понять, что я не привык лично вести подобные дела! И все-таки я в этом щекотливом деле не мог довериться третьему лицу, так как я этим самым всецело отдавал бы себя в его руки. Я приехал инкогнито в Лондон в надежде получить от вас надлежащий совет.

– В таком случае, я слушаю, ваше высочество, – проговорил Холмс, снова закрывая глаза.

– Вот в чем дело. Пять лет тому назад я познакомился во время моего продолжительного пребывания в Варшаве с известной авантюристкой Ирэн Адлер. Вам это имя, вероятно, не совсем незнакомо?

– Будь так любезен, доктор, взгляни в моем списке, – проговорил Холмс, не открывая глаз.

Несколько лет тому назад он начал систематически записывать все то, что казалось ему важным, так что почти нельзя было найти человека, о котором у него не было бы каких-нибудь сведений. На этот раз я нашел касающиеся ее сведения между биографиями еврейского раввина и одного контр-адмирала, автора труда о морских рыбах.

– Ну, посмотрим-ка, – проговорил Холмс. – Хм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Альт, хм... Ла Скала, хм... Примадонна Варшавской императорской оперы, да! Бросила сцену. Ага! Живет в Лондоне... Совершенно верно! Ваше высочество завязали знакомство с этой молодой особой и написали ей несколько компрометирующих вас писем, обратное получение которых в настоящее время было крайне бы желательно. Так ли это?

– Совершенно верно. Но каким образом вы?..

– Тайного брака нет?

– Нет.

– Никаких письменных обещаний жениться на ней не существует?

– Нет.

– В таком случае, я не понимаю, ваше высочество. Если бы эта молодая особа воспользовалась для своих целей письмами вашего высочества, каким образом она могла бы доказать, что они исходят от вашего высочества?

– Но почерк!

– Подделан.

– Моя почтовая бумага.

– Украдена.

– Моя печать.

– Подделана.

– Моя фотографическая карточка.

– Куплена.

– Но ведь мы на ней вместе сняты!

– О-о, это очень плохо! Подобной неосторожности ваше высочество не должны были допустить. Ваше высочество себя серьезно скомпрометировали.

- Я тогда был еще очень молод и не занимал престола. Мне теперь только тридцать лет.
 - Нужно во что бы то ни стало добыть карточку.
 - До сих пор все мои попытки были напрасны.
 - Предлагали вы ей деньги?
 - Она не идет ни на какие уступки.
 - В таком случае, эти письма нужно украсть.
 - Я уже пробовал это сделать, целых пять раз, и все напрасно. Два раза я велел обыскать всю ее квартиру. Один раз в дороге весь ее багаж был перерыт, и два раза ее саму обыскали.
 - И писем не нашли?
 - Ни одного.
- Холмс расхохотался.
- История эта становится очень забавной.
 - Я ее забавной ничуть не нахожу! – заметил с упреком князь.
 - Отлично. Что она намерена сделать с этой фотографией?
 - Она хочет причинить мне неприятности.
 - Каким образом?
 - Я намереваюсь скоро вступить в брак.
 - Я об этом слышал.
 - С принцессой Клотильдой, второй дочерью ***ского короля. Вам, конечно, известны строгие принципы этой династии. Сама принцесса – воплощенная чистота. Если бы на меня упало хоть малейшее подозрение, она тотчас же отказала бы мне.
 - А Ирэн Адлер?
 - Она грозит послать им карточку. Она так и сделает, я знаю. Она способна на это. Вы ее не знаете. У нее железная воля. Она готова на все, чтобы помешать моему браку, решительно на все!
 - Вы уверены, что карточка еще у нее?
 - Уверен.
 - Откуда вам это известно?
 - Она дала клятву отослать ее туда в тот день, когда будет объявлено о моей свадьбе. А это последует в будующий понедельник.
 - О, в таком случае, у нас целых три дня! – проговорил Холмс, видимо, очень обрадованный. – Ваше высочество остаетесь в Лондоне?
 - Конечно. Вы найдете меня в гостинице Лангхам под именем графа фон Крамма.
 - Я изведу вас о результатах моего предприятия.
 - Пожалуйста! Вы можете себе представить, как я волнуюсь!
 - Теперь остается только покончить с вопросом о гонораре.
 - Я вам даю карт-бланш. Я готов отдать за эту фотографию один из моих замков!
 - А текущие расходы?
- Князь вынул толстый бумажник и положил его на стол.
- Здесь триста фунтов золотом и семьсот кредитными билетами, – проговорил он. Холмс нацарапал расписку на листке своей записной книжки и передал ее князю.
 - Адрес дамы?
 - Бриони-Лодж, Серпентин-Авеню, Сент-Джонс-Вуд.
- Холмс записал адрес.
- Еще один вопрос. У нее кабинетная карточка?
 - Да.
 - Отлично. Покойной ночи, ваше высочество. Я надеюсь вполне, что скоро пришлю вам благоприятные известия...

– Покойной ночи, Ватсон, – обратился он ко мне, когда княжеский экипаж отъехал от нашего дома. – Я буду очень рад, если ты зайдешь ко мне завтра в три часа дня. Мне будет очень приятно поболтать с тобой об этом деле.

II

Ровно в три часа я явился к Холмсу, но его еще не было дома. Хозяйка передала мне, что не было еще восьми часов утра, когда он вышел из дому. Я сел у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Поручение, принятое на себя Холмсом достать фотографическую карточку меня крайне интересовало, и хотя вся эта история не имела того мрачного, ужасного характера, как описанные мною раньше преступления, тем не менее, она приобретала выдающийся интерес ввиду самой личности клиента. Вместе с тем, мне было крайне любопытно снова проследить ясную, разительную логику моего друга и мастерское умение распутывать самые запутанные обстоятельства. Я уже так привык к его постоянным удачам, что мне и в голову не приходила возможность неудачи.

Около четырех часов в комнату вошел какой-то, по-видимому, пьяный конюх с нечесаными волосами и бородой, раскрасневшееся от вина лицо которого и засаленная одежда производили неприятное впечатление. Хотя я знал удивительное искусство Холмса переодеваться, тем не менее, я не сразу догадался, кто стоит передо мною. Он кивнул мне головой и исчез в спальне; и явился пять минут спустя таким же элегантно одетым и безупречным джентльменом, как всегда. Заложив руки в карманы, он уселся перед камином и начал хохотать от всей души.

– Это великолепно! – воскликнул он и продолжал снова хохотать, пока, наконец, у него не захватило дыхание.

– Что случилось?

– Нет, право, это слишком смешно. Ты ни за что не отгадаешь, чем я сегодня занимался, и чего я сегодня добился.

– Не имею понятия. Ты, наверное, знакомился с домом и привычками мисс Ирэн.

– Совершенно верно, и мне пришлось увидеть много интересного. Я тебе все расскажу по порядку. Итак, я вышел сегодня утром из дома переодетый грумом. Знаешь, между этими конюхами существует замечательная дружба. Они готовы друг другу во всем помочь. Я скоро нашел занимаемый ею дом. Двухэтажная вилла, в которой она живет – настоящая игрушка. Позади ее расположен сад, а фасадом своим она выходит прямо на улицу. На улицу же выходят окна большой, роскошно обставленной гостиной. Окна эти очень высоки, почти во всю высоту комнаты, и снабжены теми глупыми английскими оконными запорами, которые может отворить любой ребенок. Я начал бродить по улице и не ошибся в расчетах: в переулке, примыкавшем к саду, находилась конюшня. Я помог конюху вычистить лошадей и заработал благодаря этому на кружку пива и получил самые точные сведения об Ирэн Адлер.

– Ну, и что же?

– О, оказывается, она вскружила головы всем мужчинам этого квартала. Она самая восхитительная женщина в мире. Все конюхи и кучера Серпентин-Авеню утверждают это в один голос. Она живет очень уединенно, поет в концертах, выезжает ежедневно в пять часов и возвращается в семь часов к обеду. Очень редко выезжает из дому в другое время. Ее часто навещает молодой человек необыкновенной красоты. Он бывает у нее по нескольку раз в день. И зовут его мистер Годфри Нортон. Ты видишь, как выгодно иметь знакомых кучеров! Они отвозили его домой, по крайней мере, раз двадцать, и поэтому дали мне о нем самые подробные сведения. Когда я узнал от них все, что мне было нужно, я начал тихо прогуливаться близ виллы и составлять план кампании.

Очевидно, этот мистер Нортон играл не последнюю роль во всем этом деле. Он, как я узнал, юрист. Какие отношения существовали между ним и Ирэн Адлер? Ради чего посещал

он ее так часто? Кем была она для него – клиенткой, другом или возлюбленной? В первом случае, она, конечно, отдала бы ему на хранение карточку. В последнем – пожалуй, что нет. От решения этого вопроса зависело, где я должен продолжать свои розыски: на вилле Адлер или на квартире этого господина. Это было очень важное обстоятельство, и оно запутывало все дело. Я боюсь, что эти подробности тебе не интересны, но они необходимы для уразумения истинного положения вещей.

– Я слушаю тебя очень внимательно, – ответил я.

– Я еще не пришел к окончательному решению, как перед виллой остановился кеб, и из него выскочил чрезвычайно красивый господин с орлиным носом и большой бородой. Очевидно, тот самый, которого мне описали. Он, по-видимому, очень торопился, приказал кучеру ждать и прошел мимо отворившей ему дверь девушки, с видом человека, чувствующего себя дома.

В вилле он пробыл около получаса; время от времени показывался у окна, и я видел, как, жестикулируя и возбужденно разговаривая, он ходил взад и вперед по комнате. Ее не было и следа. Вдруг он выскочил из виллы в сильнейшем возбуждении. Прежде чем сесть на извозчика, посмотрел на часы. «Поезжайте во весь дух! – проговорил он. – Сначала к Гроссу и Ганкею, в Риджент-стрит, а затем в церковь святой Моники. Вы получите полгинеи, если привезете меня туда в двадцать минут!»

Они помчались, и я только что раздумывал, следовать ли мне за ними, как вдруг увидел, что по переулку едет нарядное маленькое ландо. Едва только кучер успел подъехать к подъезду и застегнуть пуговицы своей ливреи, как Адлер выскочила из подъезда и сама распахнула дверцы экипажа. «В церковь святой Моники, Джон! – крикнула она. – Получишь полсоверена, если будешь там через двадцать минут!» Я только мельком увидел ее, но этого было вполне достаточно, чтобы понять, что ради такой женщины мужчина способен на всякую глупость.

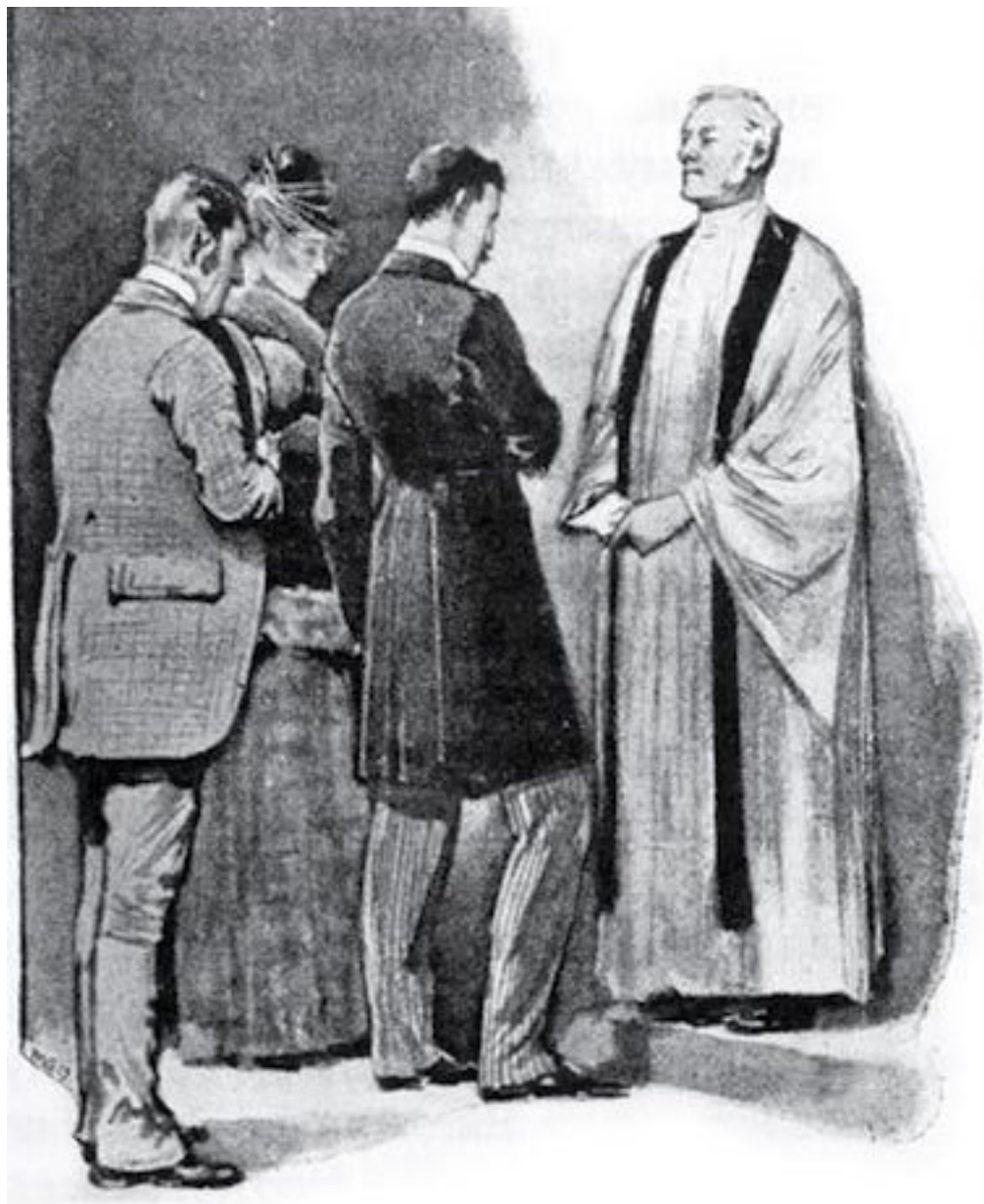
Такого удобного случая я не должен был упускать, Ватсон. К счастью, вблизи я нашел извозчика, и, прежде чем он успел оглянуться, я уже сидел в его экипаже. «Получите полсоверена, если довезете в церковь святой Моники в двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и я отлично понимал, что должно было произойти.

Мой извозчик ехал очень скоро, но те все-таки меня опередили. Я расплатился и поспешно вошел в церковь. Кроме преследуемых мною и одного, по-видимому, весьма смущенного священника, в церкви никого не было. Священник, видимо, убеждал их в чем-то, и все они стояли перед алтарем. Я вошел в боковой придел с видом совершенно случайно зашедшего в церковь. К моему величайшему удивлению, все трое вдруг обратили внимание на меня, и Годфри Нортон быстро подошел ко мне.

«Слава Богу! – воскликнул он. – Вы можете оказать нам очень большую услугу. Идемте! Скорее, скорее!»

«Куда идти?» – спросил я.

«Идемте, идемте, остается еще три минуты!»

Меня потащили к алтарю, и, прежде чем я успел понять происходившее, я стал давать ответы, которые мне подсказывали, и удостоверить вещи, о которых я не имел ни малейшего понятия. Короче сказать, я явился свидетелем торжественного брака Ирэн Адлер с Годфри Нортоном.

Через несколько минут все было кончено; справа меня благодарил господин, слева – дама, а спереди священник выражал мне свое удовольствие. Я никогда не был в таком глупом положении, и вот теперь-то, вспомнив о нем, я невольно и расхохотался. Очевидно, священник отказывался венчать без свидетелей. Если бы я там случайно не очутился, жениху пришлось бы брать свидетеля с улицы. Невеста подарила мне сверен, который я повешу на память к моей часовой цепочке.

– Это совершенно неожиданный оборот дела, – проговорил я.

– Да, моим планам грозила полная неудача. Молодая парочка собиралась, по-видимому, куда-то уезжать, и потому я должен был, со своей стороны, принять быстрые и энергические меры. Но на церковной паперти они расстались: он направился в Темпл, она – к себе. «В пять

часов поеду я, по обыкновению, в парк», – крикнула она ему. Они отправились в разные стороны, а я решил заняться делом.

– Каким же?

– Съесть холодного ростбифа и выпить стакан пива, – ответил он, позвонив в колокольчик. – До сих пор у меня не было времени думать о еде. А вечером я буду еще более занят. Впрочем, я хотел бы просить о твоей помощи, доктор.

– С удовольствием.

– Я тебе все расскажу, когда хозяйка принесет ростбиф.

– Прости, – проговорил он затем, с аппетитом набросившись на поданное блюдо. – Я должен тебе все объяснить за едой, так как у меня очень мало свободного времени. Через два часа мы должны быть на театре военных действий, так как мадемуазель или, вернее, мадам Ирэн вернется в семь часов со своей прогулки. Я уже составил план наших действий. Но вот что: ты должен дать мне слово ни во что не вмешиваться. Понял?

– Значит, я должен сохранить нейтралитет?

– Да. Должно быть, дело дойдет до столкновения. Ты на это не обращай внимания. Когда я, что самое главное, попаду в дом, все успокоится. Через четыре или пять минут откроется окно гостиной. И ты должен стать подле этого открытого окна.

– Хорошо.

– Ты увидишь меня с улицы, и не должен меня выпускать из виду.

– Хорошо.

– Как только я подниму руку, ты бросишь в комнату предмет, который я тебе дам, и одновременно с этим крикнешь: «Пожар!» Ты все запомнил?

– Конечно.

– В этом ничего опасного нет, – проговорил он и вынул из кармана длинный сигарообразный сверток. – Это обыкновенная самовоспламеняющаяся ракета. Этим ограничится вся твоя задача. Крикнув «Пожар!», ты спокойно пойдешь вниз по улице, и минут через десять минут я тебя, вероятно, догоню. Надеюсь, ты меня понял?

– Я должен сохранять нейтралитет, подойти к окну, наблюдать за тобой, бросить это по твоему знаку в комнату, крикнуть: «Пожар!» и ждать тебя на углу улицы.

– Совершенно верно.

– Ты можешь вполне положиться на меня.

– Отлично! Но теперь уже мне пора приготовиться к моей роли.

Он направился в спальню и вернулся через несколько минут в образе любезного, скромного методистского проповедника. Широкая черная шляпа, широкие брюки, белый парик, умильная улыбка и благосклонный, любезный взор как нельзя лучше характеризовали методистского священника. Но Холмс изменил не только свой наряд. Его черты, его манеры, все его существо изменилось до неузнаваемости.

Без десяти семь мы были в Серпентин-Авеню. Уже смеркалось, и только что начали зажигать фонари; мы начали ходить перед виллой в ожидании ее хозяйки. Вилла была совершенно такой, какой я себе ее представлял по рассказам Холмса, но окружающую местность я себе воображал гораздо более пустынной. На одном углу болтала группа веселых курящих зевак, невдалеке стоял точильщик со своим колесом, и два солдата любезничали с няней. Несколько хорошо одетых молодых людей медленно прохаживались взад и вперед с сигарой во рту.

– Видишь ли, – заметил Холмс, – эта свадьба чрезвычайно упрощает дело. Теперь фотография является обоюдоострым оружием. Я не думаю, чтоб ей было очень желательно показать карточку мистеру Нортону, точно так же, как нашему клиенту не очень приятно, если бы она попала в руки принцессы. Вопрос в том, где найти карточку.

– Да, где?

– Маловероятно, чтобы она ее всегда носила при себе. Кабинетная карточка слишком велика, чтобы ее можно было легко скрыть в дамском платье. Поэтому, очевидно, что она ее с собой не носит.

– Где же она?

– Может быть, у ее банкира или нотариуса, но это предположение маловероятно. К чему ей передавать другому такую важную вещь? На себя-то она может положиться, но ведь она не знает, в силах ли воспротивиться ее деловой человек политическому или косвенному влиянию. Кроме того, она намерена воспользоваться карточкой в ближайшие дни. Поэтому она должна у нее быть всегда под рукой. Поэтому она, наверное, хранится у нее на квартире.

– Но ведь у нее делали два раза обыск.

– Они не умели искать.

– А что ты намерен делать?

– Я совсем не буду искать.

– Как так?

– Она сама мне ее покажет.

– Ну, не думаю.

– Посмотрим. Тс, экипаж подъезжает. Теперь следуй в точности моим предписаниям.

Маленькое, элегантное ландо, фонари которого были зажжены, подъехало к вилле; едва оно успело остановиться, как к нему подбежал один из прогуливающихся людей для того, чтобы открыть дверцу экипажа и получить за это на чай. Другой бросился с тем же намерением и оттолкнул его в сторону. Между ними произошло спор; вмешались оба солдата и приняли сторону первого, тогда как точильщик заступился за второго. Дело дошло до форменной потасовки, и в одно мгновение вышедшая из экипажа дама стала центром возбужденных, дерущихся людей, пускавших в ход и палки, и кулаки. Холмс бросился в середину свалки защищать даму. Но он еще не успел добраться до нее, как вскрикнул и упал с окровавленным лицом. Тотчас же все дерущиеся разбежались в разные стороны, и только тогда несколько человек, более прилично одетых, бывших дотоле безучастными зрителями этой сцены, бросились на помощь даме и раненому. Ирэн Адлер вбежала в подъезд; на пороге она остановилась, видимо, не зная, что делать, и великолепная ее фигура резко выделялась на ярко освещенном заднем фоне.

– Он тяжело ранен? – спросила она.

– Он умер! – воскликнуло несколько человек.

– Нет, он еще жив, – проговорил кто-то. – Но он умрет прежде, чем вы его успеют довести в больницу.

– Славный, отважный человек! – проговорила какая-то женщина. – Не вмешайся он, эти негодяи стащили бы с дамы и цепочку, и часы. Он еще двигается.

– Здесь его нельзя оставить. Позвольте его снести в ваш дом, сударыня?

– Конечно, внесите его в гостиную. Там удобная софа. Пожалуйста, сюда!

Медленно и торжественно внесли его в гостиную; мне все это было видно в окно. Я видел лежащего на софе Холмса, так как комната была освещена, а шторы не задернуты. Не явились ли у него в эту минуту укоры совести? Что касается до меня, то я чувствовал себя сильно смущенным тем, что принимаю участие в махинациях против этой прелестной женщины, ухаживающей с такой нежностью и грацией за раненым. И все-таки он теперь уже не мог отступить, и поэтому я постарался отогнать от себя укоры совести и вынул из пальто ракету. Я успокаивал себя тем, что ведь ей не будет нанесено никакого вреда, и что мы только стремимся воспрепятствовать ей нанести вред другим.

Холмс приподнялся; он сделал движение, как будто задыхается. Горничная бросилась открыть окно. В ту же самую минуту он поднял руку; я бросил в комнату ракету и крикнул во все горло: «Пожар!» В одну минуту у виллы собралась целая толпа народу. Густое облако дыма

выбивалось из открытого окна. Передо мною мелькали тени бегущих взад и вперед людей, и я услышал голос Холмса, уверявшего, что опасности никакой нет.

Я выбрался из толпы и не прождал на углу и десять минут, как явился Холмс, и мы двинулись в путь с облегченным сердцем.

Несколько минут он быстро и молча шел рядом со мной.

– Ты это сделал очень искусно, доктор, – заметил он. – Теперь все в порядке.

– Ты, значит, достал фотографию?

– Нет, но зато знаю, где она находится.

– Каким образом ты это узнал?

– Она мне, как я тебе предсказывал, сама же и указала.

– Мне это совершенно непонятно.

– Ну, я из этого не буду делать тайны, – проговорил он со смехом. – Вся история проста до чрезвычайности. Ты, конечно, догадался, что на улице все было подстроено. Все участвующие лица были ангажированы на один вечер.

– Я так и думал.

– Когда разыгрался скандал, я держал на ладони своей руки кусок сыровой красной материи. Перед тем, как упасть на землю, я прижал его к лицу, и поэтому получилось впечатление, что у меня лицо разбито в кровь. Это старый кунштюк.

– Я так и предполагал.

– Меня внесли в ее виллу, и как раз в ту гостиную, на которую я обратил раньше все свое внимание. Она примыкает к спальне, и от меня, следовательно, ничего не могло укрыться. Они меня положили на софу, я начал как бы задыхаться, горничная распахнула окно, и тогда начал действовать ты.

– Но каким образом я мог тебе оказать содействие?

– Если женщина думает, что горит ее дом, она, несомненно, инстинктивно схватится за предмет, который ей дороже всего. Это вполне естественно, и я этим пользовался не раз для своих целей. Замужняя женщина и мать хватается своего ребенка, незамужняя женщина хватается за свои драгоценности. Для нашей дамы самой драгоценной вещью является предмет, который я стремлюсь достать. Сцена пожара была проведена великолепно. Дым и крик могли бы потрясти и стальные нервы. Поэтому я узнал все. Фотография помещается в нише, в потайном шкафчике, вделанном в стену. При первой тревоге она бросилась туда, и я увидел, что она держала в руках карточку. Когда я крикнул, что опасности никакой нет, она положила карточку обратно, но затем увидела ракету и бросилась из комнаты. После этого я ее уже не видал. Я колебался, не овладеть ли карточкой, но в эту минуту вошел ее кучер, и тогда решил повременить, так как малейшая оплошность могла испортить все дело.

– А теперь что?

– Собственно говоря, остается сделать пустяки. Завтра утром я с князем сделаю ей визит. Если ты хочешь, можешь идти с нами. Нас попросят обождать в гостиной, и дело будет сделано. Может быть, его высочеству доставит особенное удовольствие взять эту карточку собственноручно.

– В котором часу вы сделаете визит?

– В восемь часов утра. Дама наша будет еще, конечно, спать, и мы будем хозяевами положения. Конечно, мы должны быть очень аккуратны, так как неизвестно, какие изменения произвел в ее жизни и привычках этот брак. Я тотчас же извещу князя.

Разговаривая, мы дошли до улицы Бейкер. Холмс стал искать в кармане ключ от входной двери; вдруг какой-то прохожий крикнул ему:

– Спокойной ночи, мистер Холмс!

Слова эти были, по-видимому, произнесены молодым человеком в широком пальто, быстро пробежавшим мимо нас.

– Я где-то слышал этот голос, – проговорил Холмс. – Кто бы это мог быть, черт возьми?

III

Я провел эту ночь у Холмса. На следующее утро мы только что принялись за завтрак, как вбежал князь.

– Вы добились своего? – воскликнул он, хватая Холмса за плечи и с волнением ожидая его ответа.

– Пока еще нет.

– Но вы имеете надежду?

– Конечно.

– В таком случае, едемте! Я сгораю от нетерпения.

– Я еще должен послать за извозчиком.

– Мой экипаж у вашего подъезда.

– Тем лучше.

Мы сели в экипаж и поехали.

– Ирэн Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.

– Замуж? Когда же?

– Вчера.

– И за кого же?

– За английского адвоката, по имени Нортон.

– Правда? Но любить его она, во всяком случае, не может.

– И все-таки, в интересах вашего высочества было бы желать этого.

– Почему так?

– Потому что это обезопасит ваше величество от дальнейших неприятностей. Если она любит своего мужа, она не любит ваше высочество, а если она не любит ваше высочество, к чему же ей нарушать ваш покой?

– Совершенно верно. И все-таки... Ах, как бы я желал, чтобы она была мне равна по рождению! Какая бы она была княгиня!

Он задумался и молчал до самого дома Адлер.

Двери виллы была открыта настежь, и на пороге ее стояла пожилая женщина, смотревшая с сардонической улыбкой, как мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

Мой друг бросил на нее удивленный взгляд.

– Да, я мистер Холмс.

– Барыня предупредила меня о вашем приезде. Она уехала сегодня с утренним пятичасовым поездом на континент.

– Что?! – Шерлок Холмс побледнел как полотно. – Вы хотите этим сказать, что она покинула Англию?

– Да. Навсегда.

– А бумаги? – спросил хриплым голосом князь. – Значит, все пропало!

– Мы должны удостовериться, – Холмс оттолкнул служанку и бросился в комнату.

Князь и я последовали за ним. Мебель в комнате стояла в беспорядке, открытые настежь шкафы указывали на поспешность отъезда. Холмс бросился к тайнику, открыл его и вытащил фотографическую карточку и письмо. На карточке была изображена Ирэн Адлер в вечернем туалете, а письмо было адресовано мистеру Шерлоку Холмсу.

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое одновременно прочли это письмо. Оно было написано накануне, около двенадцати часов ночи и гласило следующее:

«Мой дорогой мистер Холмс, Вы, действительно, бесподобно провели вашу роль, и Вам вполне удалось овладеть моим доверием. До самой суматохи по поводу мнимого пожара я не имела ни малейшего подозрения. Но затем я поняла, что я себя выдала, и задумалась о будущем. Несколько месяцев тому назад меня уже предостерегали и указывали на Вас, как на единственного человека, к посредству которого прибегнет князь. Сначала мне было стыдно

за недоверие к такому милому старому священнику. Но вы знаете, что я сама была актрисой, и поэтому сама не раз прибегала к переодеванию. Поэтому я послала своего кучера Джона наблюдать за Вами, а сама отправилась к себе наверх переодеться. Я успела последовать за Вами до вашего дома и убедилась, что мною интересуется знаменитый мистер Холмс. Я даже сделала неосторожность – пожелала Вам спокойной ночи, – и поспешила обратно к мужу.

Мы с мужем сочли за самое лучшее спастись от такого опасного врага бегством. Поэтому завтра Вы найдете гнездышко пустым. Пусть ваш клиент успокоится насчет карточки: я люблю и любима человеком, гораздо более благородным, чем князь. Я предоставляю князю полную свободу действий и, несмотря на его тяжелую вину, не буду стоять поперек его дороги. Я оставляю фотографическую карточку, обладание которой может быть желательно князю, и остаюсь навсегда преданная Вам

Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

– Какая женщина, нет, какая женщина! – воскликнул князь. – Не говорил ли я вам, как она быстро и решительно действует? Какая бы из нее вышла великолепная княгиня! Как жалко, что она не стоит на одной ступени со мной!

– Судя по всему, что мне о ней известно, она смотрит на это с совершенно другой точки зрения, – ответил на это холодно Холмс.

– Скажите мне, чем я могу вас вознаградить? Это кольцо...

Он снял со своего пальца кольцо с изумрудом и протянул его Холмсу.

– Ваше высочество обладает тем, что имеет для меня гораздо бóльшую ценность.

– Что же это?

– Фотографическая карточка.

Князь взглянул на него с удивлением.

– Карточка Ирэн?! В таком случае, возьмите ее, пожалуйста.

– Очень благодарен, ваше высочество. Честь имею кланяться.

Он сделал поклон и удалился, сделав вид, что не замечает протянутой ему князем руки.

Таким образом, был счастливо избегнут угрожающий князю К. скандал, и самые остроумные планы Шерлока Холмса были разрушены благодаря хитрости женщины. Холмс всегда насмехался над хитроумием женщин; с того времени я не слышал от него больше ни одного насмешливого слова на этот счет.

Лига красноволосых

Однажды, прошлую осенью, я зашел к своему другу мистеру Шерлоку Холмсу и застал его в оживленном разговоре с каким-то очень толстым цветущим пожилым господином с ярко-рыжими волосами. Я извинился за свое вторжение и хотел уйти, но Холмс решительно втащил меня в комнату и запер дверь.

– Вы пришли как нельзя больше вовремя, милый Ватсон, – ласково проговорил он.

– Я боялся помешать вам, видя, что вы заняты.

– Да, занят. И даже очень.

– Ну, так я могу подождать в другой комнате.

– Незачем... Этот господин был партнером и помощником в самых моих удачных делах, мистер Вилсон, и я не сомневаюсь, что он может быть очень полезен и для вас.

Толстый господин приподнялся с кресла, кивнул головой в знак приветствия и вопросительно взглянул на меня своими пронизательными, заплывшими жиром глазками.

– Присядьте на канapé, – проговорил Холмс, опускаясь в свое кресло и перебирая кончиками пальцев, что он всегда делал во время рассуждений. – Я знаю, милый Ватсон, что вы разделяете мою любовь ко всему странному и выходящему из пределов обыденной серенькой жизни. Вы обнаружили ваше пристрастие тем энтузиазмом, который побудил вас записывать и, простите за выражение, несколько разукрашивать многие из моих маленьких приключений.

– Действительно, ваши дела всегда чрезвычайно интересовали меня, – заметил я.

– Помните, недавно, прежде чем мы занялись очень простой проблемой, представившейся нам в лице мисс Мэри Сазерленд, я говорил, что в жизни встречаются такие странные положения и необыкновенно сложные случайности, какие не может выдумать никакое воображение?

– И я осмелился высказать свои сомнения насчет этого предположения.

– Да, вы высказали ваши сомнения, но, тем не менее, вам придется согласиться с моей точкой зрения; иначе я буду громоздить перед вами факт за фактом до тех пор, пока ваш разум не сломится под тяжестью их, и вам придется признать правоту моего взгляда. Вот мистер Джейбз Вилсон был так добр, что навестил меня сегодня утром и начал рассказ, который обещает быть одним из самых странных, слышанных мною за последнее время. Вы слышали мое замечание, что большинство самых странных и необыкновенных явлений очень часто связано не с важными, а, скорее, с более мелкими преступлениями, а иногда даже и с теми случаями, в которых является сомнение в наличии преступления. То, что я слышал в данном случае, не позволяет мне сказать, есть ли тут преступление или нет, но события, рассказанные мне, принадлежат к числу самых странных. Может быть, мистер Вилсон, вы будете так добры, что повторите ваш рассказ. Прошу вас не только для того, чтобы дать моему другу доктору Ватсону возможность выслушать все сначала, но и для того, чтобы услышать из ваших уст малейшие подробности этой необыкновенной истории. Обыкновенно при малейшем указании на ход событий я начинаю вспоминать о множестве подобных случаев. Но здесь я должен признаться, что имею, по моему мнению, дело с фактами, единственными в своем роде.

Толстый клиент выпятил грудь с несколько гордым видом и вытащил из внутреннего кармана пальто грязную смятую газету. Пока он просматривал объявления, вытянув шею и разглаживая рукой лежавшую у него на коленях газету, я смотрел на него, стараясь, по примеру моего товарища, вывести какие-либо заключения из одежды и вида этого человека.

Наблюдения мои не были особенно успешны. Посетитель оказался самым обыкновенным британским торговцем, толстым, напыщенным и неповоротливым. На нем были несколько мешковатые серые брюки, не очень чистый черный сюртук, расстегнутый на груди, и темный жилет, на котором виднелась тяжелая бронзовая цепочка с привешенным к ней, в виде укра-

шения, четырехугольным кусочком какого-то металла. Рядом с ним на стуле лежали поношенный цилиндр и выцветшее коричневое пальто со смятым бархатным воротником. Вообще, несмотря на все мои старания, я не мог найти в этом человеке ничего замечательного, за исключением разве огненных волос и выражения сильного горя и недовольствия на его лице.

Шерлок Холмс зорко взглянул на меня и, улыбаясь, покачал головой на мой вопросительный взгляд.

– Из моих наблюдений я не могу вывести ничего, кроме очевидных фактов, что он был несколько времени чернорабочим, нюхает табак, принадлежит к масонам, побывал в Китае и очень много писал в последнее время, – сказал он.

Мистер Джейбз Вилсон привскочил на стуле и устремил глаза на моего приятеля, не снимая пальца с газеты.

– Скажите, ради бога, как вы узнали все это, мистер Холмс? – спросил он. – Как вы, например, узнали, что я был чернорабочим? А ведь это суцная правда, я был корабельным плотником.

– Узнал по вашим рукам, сэр. Ваша правая рука значительно больше левой. Вы много работали ею, и потому мускулы на ней развиты гораздо больше, чем на левой.

– Ну, а почему же вы узнали, что я нюхаю табак и принадлежу к франкмасонам?

– Не стоит даже затруднять вас объяснениями по этому поводу, тем более, что вы несколько даже нарушаете строгие правила вашего ордена, нося булавку с изображением циркуля и наугольника⁸.

– Ах, да, я и забыл об этом. Ну, а насчет того, что я много писал за это время?

– Отчего же у вас правый рукав так блестит на протяжении пяти дюймов, а на левом видно вытертое пятно, как раз в том месте, где вы опираетесь локтем об стол?

– А Китай?

– На правой руке, выше кисти, у вас имеется изображение рыбы. Такая татуировка делается только в Китае. Одно время я немного занимался изучением татуировок и даже писал об этом. Нежная розовая раскраска чешуи рыбы свойственна только Китаю. К тому же на цепочке у вас висит китайская монета, что еще более упрощает дело.

Мистер Джейбз Вилсон громко расхохотался.

– Ну, вот уж не ожидал! – проговорил он. – Сначала-то я подумал, что вы действительно определили что-то необычайно умное, а теперь вижу, что ничего тут особенного нет.

– Я начинаю думать, что напрасно объясняю все мои выводы, Ватсон, – заметил Холмс. – Вы знаете: «*Omne ignotum pro magnifico est*»⁹, и моя бедная репутация, как бы незначительна она ни была, может пострадать от излишней откровенности с моей стороны. Вы все еще не нашли объявления, мистер Вилсон?

– Вот оно, – ответил Вилсон, тыкая в столбец газеты своим толстым красным пальцем. – Нашел. Все дело и началось с этого. Прочтите сами, сэр.

Я взял от него газету и прочел следующее:

«Для Лиги рыжих. В силу завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона в Пенсильвании (Северо-Американские Штаты) открывается новая вакансия члена Лиги, который может получать четыре фунта стерлингов в неделю за необременительные услуги. Кандидатами могут явиться все здоровые духом и телом люди с рыжими волосами, старше двадцати одного года. Обращаться лично в понедельник, в одиннадцать часов к Дункану Россу, в конторе Лиги, Попс-корт, 7, Флит-стрит».

– Что бы это могло означать? – заметил я, дважды прочитав это необыкновенное объявление.

Холмс усмехнулся и заворочался в кресле, как бывало с ним в минуты удовольствия.

– Это несколько выходит из обычной колеи, не правда ли? – сказал он. – Ну, а теперь, мистер Вилсон, расскажите-ка нам про себя, про ваших родных и про влияние, которое это объявление имело на вашу судьбу. А вы, доктор, взгляните, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– Это «Монинг кроникл» от 27 апреля 1890 года, ровно два месяца тому назад.

– Очень хорошо. Ну-с, господин Вилсон.

– Ну, вот, дело было так, как я уже рассказывал вам, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джейбз Вилсон, утирая лоб. – У меня небольшая ссудная касса на Кобург-сквер, вблизи Сити. Дело у меня всегда шло неважно, а в последние годы я еле добывал себе пропитание. Прежде я держал двух помощников, а теперь у меня только один, да и тому мне было бы трудно платить, если бы он не согласился на половинную плату ради изучения дела.

– Как зовут этого любезного юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Спаулдинг, и он уже далеко не юноша. Трудно определить его возраст. Лучшего помощника трудно найти, мистер Холмс; и я отлично знаю, что он мог бы иметь лучшее место и получать вдвое больше жалованья, чем у меня. Но если он доволен, то не мне же наводить его на иные мысли, не так ли?

⁸ Самый узнаваемый символ масонства.

⁹ Все неизвестное представляется величественным (лат.).

– В самом деле, зачем? Это везение, что вам удалось достать хорошего работника за дешевую плату. В наше время это не часто случается. Мне кажется, ваш помощник так же замечателен в своем роде, как и это объявление.

– О, у него есть и недостатки, – заметил мистер Вилсон. – Он страшно увлекается фотографией. Щелкает камерой вместо того, чтобы развивать свой ум, и бросается, словно кролик, в свою нору, в погреб, чтоб проявлять снимки. Это его главный недостаток, но вообще он хороший работник, пороков у него нет.

– Он еще у вас?

– Да, сэр. У меня в доме только он да четырнадцатилетняя девочка, которая стряпает мне простые кушанья и прибирает квартиру. Я – вдовец, детей у меня никогда не было. Мы втроем ведем очень тихую жизнь, сэр, поддерживаем кое-как дом и платим долги. Это объявление нарушило наш покой. Ровно неделю тому назад Спаулдинг сошел вниз с этой газетой в руках и сказал:

– Как бы я хотел быть рыжим, мистер Вилсон.

– Это почему? – говорю я.

– А потому что вот открылась вакансия в Лиге рыжих. Ведь это целое богатство для того, кто получит ее; как кажется, вакансий больше, чем людей, и душеприказчики не знают, что делать с деньгами. Вот если бы у меня изменился цвет волос, поместился бы я в это самое гнездышко.

– Почему? В чем дело? – спросил его я.

– Видите, мистер Холмс, я страшный домосед, а так как дело само приходит ко мне, а не мне приходится бегать за ним, то я иногда по неделям не выхожу за порог дома. Таким образом, я немного знаю о том, что делается на свете, и всегда рад всякой новости.

– Вы никогда не слыхали об этой Лиге? – проговорил Винсент, широко раскрыв глаза.

– Никогда.

– Ну, удивляюсь, потому что вы-то могли бы быть кандидатом на одну из вакансий.

– А что даст мне это?

– О, сотни две в год, а работа легкая, и для нее не придется бросать других занятий.

Вы можете себе представить, как я насторожил уши при этих словах: дело шло не слишком хорошо за последние годы, и лишние сотни две в год были бы очень кстати.

– Расскажите мне все подробно, – говорю я.

– Вот, посмотрите сами, – говорит он, указывая мне объявление, – в Лиге рыжих есть вакансия, а вот и адрес конторы, где вы можете узнать все подробности. Насколько я понимаю, Лига была основана американским миллионером Иезекией Хопкинсом, должно быть, каким-то чудачком. У него самого были рыжие волосы, и потому он питал особую симпатию ко всем рыжим, так что после его смерти оказалось, что он оставил все свое громадное состояние в руках душеприказчиков, завещав им употреблять проценты на обеспечение людей с волосами одного с ним цвета. Изо всего, что мне удалось слышать, я заключаю, что плата отличная, а работа очень легкая.

– Но ведь явятся миллионы рыжих. – говорю я.

– Вовсе не так много, как вы думаете, – отвечает он. – Видите, ведь приняты могут быть только лондонцы и взрослые люди. Этот американец в молодости уехал из Англии и хотел сделать добро родному городу. Потом я слышал, что волосы должны быть не просто светло-или темно-рыжего цвета, а непременно яркого, огненного. Ну, вот если бы вы обратились туда, мистер Вилсон, то вы, наверно, подошли бы подо все условия. Но, может быть, вы не найдете нужным тревожить себя из-за нескольких сот фунтов.

Вы сами можете видеть, господа, что волосы мои славного, роскошного оттенка, и потому поймете, почему мне показалось, что в этом отношении я могу потягаться с кем угодно. По-видимому, Винсент Спаулдинг хорошо знал это дело и мог оказаться полезным для меня.

Поэтому я велел ему закрыть ставни и идти со мной. Он очень охотно согласился бросить работу, мы закрыли лавочку и отправились по адресу, указанному в объявлении.

Никогда в жизни не увижу я больше ничего подобного, мистер Холмс. С севера, юга, запада и востока шли в Сити рыжие всех оттенков. Улица была набита рыжими, а Попс-корт имел вид целого моря апельсинов. Я думаю, что и во всей Англии не найдется столько рыжих, сколько их собралось здесь по одному объявлению. Тут были все оттенки рыжего цвета – оттенки соломы, лимона, апельсина, кирпича, желчи, глины, шерсти ирландского сеттера, – но, как говорил Спаулдинг, мало было волос такого яркого огненного цвета, как мои. Когда я увидел массу собравшихся, то в отчаянии хотел было отказаться от попытки, но Спаулдинг и слышать не хотел об этом. Не могу себе представить, как он это сделал, но он растолкал толпу, протиснулся со мной и втолкнул меня прямо к лестнице, которая вела в контору. На лестнице виднелся двойной поток людей: одни шли наверх и лица их сияли надеждой, другие спускались вниз с огорченным видом. Мы кое-как протиснулись и очутились в конторе.

– Занимательное было похождение, – заметил Холмс, когда его клиент остановился и сильно нюхнул табаку, чтобы освежить память. – Пожалуйста, продолжайте ваш интересный рассказ.

– В конторе стояло только два деревянных стула да стол, за которым сидел маленький человек с волосами еще более яркого рыжего цвета, чем мои. Каждому кандидату, входившему в комнату, он говорил несколько слов и во всех находил какой-нибудь недостаток, который делал его непригодным для нужного дела. Получить вакансию оказывалось вовсе нелегко. Однако, когда наступила наша очередь, человек отнесся ко мне любезнее, чем ко всем остальным, и запер за нами дверь, чтобы поговорить наедине.

– Это мистер Джейбз Вилсон, – сказал мой помощник, – и он желал бы поступить на вакансию, открывшуюся в Лиге.

– Он замечательно подходит под все условия, – ответил человек. – Не помню, чтобы мне когда-либо случалось встречать что-либо прекраснее. – Он отступил на шаг назад, надвинул шляпу на ухо и стал так пристально смотреть на мои волосы, что я положительно сконфузился. Затем он внезапно кинулся ко мне, сильно потряс мою руку и горячо поздравил меня с успехом.

– Всякие дальнейшие колебания были бы несправедливостью, – сказал он. – Но вы, наверно, извините меня за то, что я должен принять необходимые предосторожности.

С этими словами он схватил меня обеими руками за волосы и так дернул их, что я закричал от боли.

– У вас слезы на глазах, – сказал он, отпуская меня, – значит, все как следует. Нам приходится соблюдать осторожность, так как два раза нас обманывали париком и раз краской. Я мог бы рассказать вам целые истории про различные мошеннические проделки, которые заставили бы вас почувствовать отвращение к человеческой природе.

Он подошел к окну и крикнул изо всех сил, что вакансия замещена. Снизу донесся стон разочарования, и собравшиеся там люди разошлись по разным направлениям, так что остались только двое рыжих – я и управляющий конторы.

– Мое имя – Дункан Росс, – сказал он, – и я сам один из тех, кто получает пенсию из фонда, основанного нашим благородным благодетелем. Вы женаты, мистер Вилсон? Есть у вас семья?

Я ответил, что у меня нет семьи.

Лицо его сразу вытянулось.

– Вот как! Дело-то очень серьезное, – проговорил он. – С сожалением слышу от вас. Фонд был основан, само собой разумеется, столько же для распространения людей с рыжими волосами, сколько для поддержания их. Какое несчастье, что вы холостяк.

У меня также вытянулось лицо, мистер Холмс, так как я подумал, что вакансии мне не получить. Однако после нескольких минут размышления мой собеседник сказал, что все можно устроить.

– Будь на вашем месте кто-нибудь другой, это препятствие могло бы оказаться роковым, – проговорил он, – но для человека с такими волосами можно сделать снисхождение. Когда вы можете вступить в исполнение ваших новых обязанностей?

– Видите ли, может быть неудобно, так как у меня уже есть дело. – сказал я.

– О, об этом не думайте, мистер Вилсон, – говорит Винсент Спаулдинг. – Я могу заменить вас.

– А в какие часы? – спросил я.

– От десяти до двух.

В кассе ссуд дела, в основном, по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и пятницам накануне получки, так что по утрам я был очень не прочь заработать лишнее. К тому же я знал, что помощник у меня хороший и приглядит за делом, если нужно.

– Мне это очень удобно, – сказал я. – А какая плата?

– Четыре фунта в неделю.

– А работа?

– Только номинальная.

– Что это значит – номинальная?

– Ну, видите, вам нужно только быть в конторе или в этом доме в продолжение условленного времени. Если уйдете в эти часы, то навсегда потеряете свое положение. В завещании это выражено очень ясно. Вы не выполните условий, если уйдете из конторы в эти часы.

– Раз это только четыре часа в день, то я вполне могу не выходить отсюда, – ответил я.

– Не принимается во внимание никаких причин неисполнения условия, – продолжал мистер Дункан Росс, – нельзя отговариваться ни болезнью, ни делом, ни чем бы то ни было. Вы должны или сидеть здесь, или отказаться совсем.

– А что же я должен делать?

– Списывать «Британскую энциклопедию». Вон там, в шкафу лежит первый том. Вы должны приносить свои собственные чернила, перья, промокательную бумагу, мы же даем стол и стул. Вы можете начать завтра?

– Конечно. – ответил я.

– В таком случае прощайте, мистер Джейбз Вилсон, и позвольте мне еще раз поздравить вас с приобретенным вами важным положением.

Он с поклоном проводил меня из комнаты, и я пошел домой с моим помощником. От радости я положительно не знал, что делать, что говорить.

Весь день обдумывал я это дело и к вечеру пришел опять в уныние, потому что вполне уверил себя в том, что это или мистификация, или мошенничество, цель которого я не мог себе представить. Невероятным казалось, чтобы кто-нибудь мог оставить подобного рода завещание, или чтобы стали давать такие деньги только за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Спаулдинг употреблял все усилия, чтобы развеселить меня, но к тому времени, как я лег в постель, я убедил себя бросить это дело. На следующее утро я, однако, решил посмотреть, что из этого выйдет, купил бутылочку чернил, взял гусяное перо, семь небольших листов бумаги и отправился в контору Лиги.

К великому моему изумлению и восторгу, все оказалось в надлежащем виде. Для меня был изготовлен стол, а мистер Дункан Росс был уже на месте, чтобы наблюдать, как я примусь за дело. Он указал мне, что надо начать с буквы «А», и ушел из комнаты, но заходил время от времени, чтобы узнать, как у меня идет дело. В два часа он простился со мной, наговорил комплиментов по поводу того, что я столько написал, и запер за мной дверь конторы.

Так продолжалось изо дня в день, мистер Холмс, а в субботу пришел управляющий и выложил мне четыре золотых соверена за неделю. Так было и в следующие две недели. Каждое утро в десять часов я приходил в контору, а в два уходил оттуда. Мало-помалу мистер Дункан Росс стал заходить только раз в утро, а потом перестал и вовсе бывать в конторе. Но, само собой разумеется, я не смел выйти ни на одно мгновение из комнаты, так как не был уверен, что он не зайдет ко мне, а дельце-то было слишком хорошее для того, чтобы рисковать.

Так прошло два месяца, и я переписал великое множество сведений об «Аббатах», «Архитектуре», «Аттике» и т. п. и надеялся, что при прилежании смогу скоро перейти к «Б». Я извел порядочно денег на бумагу, а исписанными мною листами заполнил почти целую полку. И вдруг это дело сразу кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. И не позже как сегодня утром. Как всегда, я пошел сегодня на работу к десяти часам; но дверь конторы была заперта на замок, а посередине красовался прибитый гвоздиками небольшой четырехугольный кусок картона. Вот он, можете сами прочесть то, что написано тут.

Он подал кусок картона, величиной с лист из записной книжки. Вот что было написано там: «Лига рыжих распалась 9 октября 1890 г.».

Шерлок Холмс и я взглянули на это краткое объявление, а затем на печальное лицо человека, передавшего его нам, и комическая сторона приключения заставила нас забыть все остальное. Мы разразились громким смехом.

– Не вижу, что тут такого смешного! – крикнул наш клиент, вспыхивая до корней своих огненных волос. – Если вы не можете придумать ничего лучшего, как смеяться надо мной, я могу пойти куда-нибудь в другое место.

– Нет-нет! – крикнул Холмс, толкая его обратно на стул, с которого он приподнялся. – Ни за что на свете не согласился бы я упустить ваше дело. Оно представляет собой совсем особый интерес. Но, извините, пожалуйста, в нем есть нечто смешное! Скажите, что же вы сделали, увидев на двери это объявление?

– Я был поражен, сэр, и не знал, что делать. Потом я обошел все соседние конторы, но, как оказалось, никто ничего не знал о том, что я спрашивал. Наконец я пошел к хозяину дома, счетоводу, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Лигой рыжих. Он ответил, что не слышал о подобном обществе. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что в первый раз слышит это имя.

– Ну, как же, – говорю я, – ведь это джентльмен из четвертого номера.

– Как, рыжий?

– Да.

– О, – говорит он, – так ведь это Вильям Моррис. Он адвокат и нанял у меня комнату на время, пока будет готово его помещение. Он переехал вчера.

– Где я могу найти его?

– О, в его новой квартире.

Он сказал мне адрес. Да, вот он: Кинг Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла.

Я отправился по адресу, мистер Холмс, но там оказалась фабрика протезов, и никто и не слышал ни о мистере Вильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Ну, что же вы сделали? – спросил Холмс.

– Я пошел домой на Кобург-сквер и посоветовался с моим помощником. И он не мог ничем помочь мне. Сказал только, что если подожду, то получу объяснение по почте. Но этого недостаточно для меня, мистер Холмс. Мне не хотелось потерять без борьбы такое место, и так как я слышал, будто вы так добры, что даете советы бедным людям, нуждающимся в них, то и пришел прямо к вам.

– И поступили очень умно, – сказал Холмс. – Ваше дело чрезвычайно замечательно, и я рад заняться им. На основании того, что вы сказали мне, я думаю, что оно важнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Еще бы не важно! – сказал мистер Джейбз Вилсон. – Ведь я потерял четыре фунта в неделю.

– Что касается вас лично, то, мне кажется, вам нечего жаловаться на эту необыкновенную Лигу, – заметил Холмс. – Напротив, насколько я понимаю, вы стали богаче на тридцать фунтов, не говоря уже о тех подробных сведениях, которые вы приобрели о всех предметах, начищающихся с буквы «А». Вы ничего не потеряли от приобретения этих знаний.

– Нет, сэр. Но мне хотелось бы узнать, кто были эти люди, и почему они сыграли со мной такую шутку. Дорогая это была для них шутка, так как обошлась в тридцать два фунта.

– Мы постараемся выяснить для вас эти вопросы. А сначала позвольте предложить вам два вопроса, мистер Вилсон. Как долго служил у вас помощник, который первый указал вам на объявление?

– До того времени он служил около месяца.

– Как он попал к вам?

– По объявлению.

– По этому объявлению явился только он один?

– Нет, желающих была целая дюжина.

– Почему же вы выбрали его?

– Потому что он ловок и соглашался на меньшее жалованье.

– На половинное, в сущности?

– Да.

– Какого он вида, этот Винсент Спаулдинг?

– Маленького роста, коренастый, очень живой; ни усов, ни бороды, хотя ему около тридцати лет. На лбу белый шрам.

Холмс приподнялся с кресла в сильном возбуждении.

– Я так и думал, – проговорил он. – Вы не замечали, что в ушах у него дырочки для серег?

– Да, сэр. Он рассказывал мне, что какая-то цыганка сделала это, когда он был еще мальчиком.

– Гм! – сказал Холмс в глубоком раздумье, снова опускаясь в кресло. – Он еще у вас?

– О да, сэр, я только что расстался с ним.

– А как шло дело во время ваших отлучек?

– Не могу пожаловаться, сэр. По утрам вообще не бывает много работы.

– Довольно, мистер Вилсон. Денька через два, а может быть, и раньше я буду иметь счастье сообщить вам мое мнение насчет вашего дела. Сегодня суббота; надеюсь, что к понедельнику я приду к какому-либо заключению.

– Ну-с, Ватсон, – заметил Холмс, когда ушел наш посетитель, – что вы думаете насчет этого?

– Ничего не думаю, – откровенно ответил я. – Это очень таинственное дело.

– Общее правило, что чем страннее случай, тем менее таинственным оказывается он на самом деле. Труднее всего распутать самые обыкновенные преступления, точно так же, как труднее всего установить личность обычного человеческого лица. Однако надо поторопиться с этим делом.

– Что же вы намерены делать? – спросил я.

– Во-первых, покурю, – ответил он. – Эта проблема стоит целых трех трубок, и прошу вас не говорить со мной в течение пятидесяти минут.

Он свернулся в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и закрыл глаза. Его черная глиняная трубка казалась клювом какой-то странной птицы. Я думал, что он заснул, и сам начал было клевать носом, как вдруг он вскочил с кресла с жестом человека, принявшего решение, и положил трубку на каменную доску.

– Сарасате¹⁰ играет сегодня в Сент-Джеймс-холле, – заметил он. – Как думаете, Ватсон, могли бы вы оставить ваших пациентов на несколько часов?

– Сегодня мне нечего делать. Практика не отнимает у меня много времени.

– Ну, так надевайте шляпу, и отправимся. Сначала я пройду по Сити, и дорогой мы можем где-нибудь поесть. Замечу, что в программе много немецкой музыки, которая мне больше по вкусу, чем итальянская или французская. Она невольно заставляет человека погружаться в себя, а это необходимо мне в данную минуту. Ну-с, отправляемся!

Мы проехали по подземной дороге до Олдерстейта и после недолгой ходьбы очутились на Саксен-Кобург-сквер – месте действия странной истории, которую мы слышали утром. Это – маленькое, тесное местечко, с жалкими потугами на приличия. Четыре ряда грязных двухэтажных кирпичных домов выходят на маленькое, обнесенное решеткой пространство, где виднеется поросшая сорной травой лужайка и несколько групп увядших лавровых кустов, ведущих тяжелую борьбу с неподходящей для них атмосферой, насквозь пропитанной запахом табака. Три позолоченных шара и темная вывеска с именем «Джейбз Вилсон», написанным белыми буквами, красовавшаяся на угловом доме, указали нам место занятий нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед домом и стал внимательно осматривать его, наклонив голову набок. Глаза его сверкали между прищуренными веками. Он медленно прошелся взад и вперед по улице, все время пристально смотря на дома. Наконец он вернулся к дому закладчика¹¹, сильно стукнул раза два-три палкой по тротуару, подошел к двери и постучался. Дверь сейчас же отпер молодой парень с чисто выбритым веселым лицом и попросил его войти.

– Благодарю вас, – сказал Холмс, – я хотел только спросить, как пройти отсюда к Стрэнду.

– Третья улица направо, четвертая налево, – быстро ответил помощник закладчика и запер дверь.

– Ловкий малый, – заметил Холмс, когда мы отошли от дома. – По моему мнению, он четвертый по счету ловкий человек в Лондоне, а по смелости, пожалуй, и третий. Мне он несколько знаком.

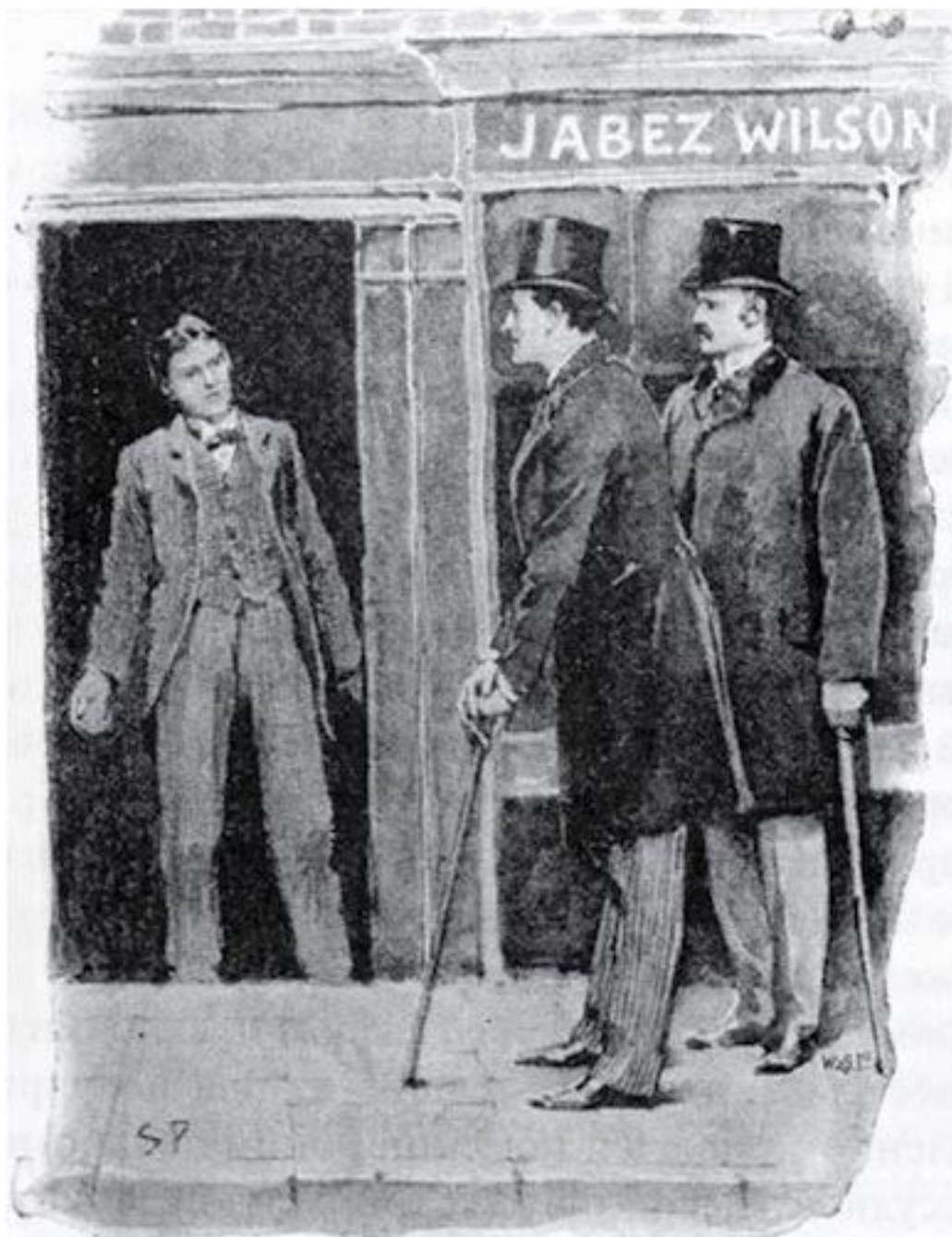
– Очевидно, помощник мистера Вилсона играет большую роль в тайне Лиги рыжих. Я уверен, что вы зашли спросить дорогу только для того, чтобы повидать его.

– Не его самого.

¹⁰ Испанский скрипач и композитор.

¹¹ Ростовщик.

- А что же?
- Колени его брюк.
- Ну, и что же вы увидели?
- То, что ожидал.
- Зачем вы стучали палкой по тротуару?
- Милый мой доктор, теперь надо заниматься наблюдениями, а не разговорами. Мы – шпионы в неприятельской стране. В настоящее время мы получили некоторое понятие о Саксен-Кобург-сквер. Остается заняться исследованием ее окрестностей.

Когда мы повернули с площади, то нам представилось зрелище настолько противоположное ей, насколько задняя часть картины противоположна самой картине. Перед нами была одна из главных артерий Сити, ведущая с севера на запад города. По мостовой непрерывно двигались длинные ряды всяких экипажей и фур, а тротуары чернели от роя пешеходов, торопливо

шедших в обе стороны. Трудно было представить себе, глядя на ряды прекрасных магазинов и величавых банков, что с другой стороны они примыкают к поблекшей неподвижной площади, которую мы только что покинули.

– Дайте-ка посмотреть, – сказал Холмс, останавливаясь на углу и окидывая взглядом всю улицу. – Мне хочется хорошенько запомнить расположение домов. Знать хорошенько Лондон – мой конек. Вот дом Мортимера, табачная лавочка, где продают газеты, кобургское отделение «Городского и пригородного банка», вегетарианский ресторан и депо экипажной фабрики Макфарлейна. Таким образом доходим до конца. А теперь, доктор, мы сделали свое дело и можем развлечься. Съедем по сандвичу, выпьем по чашке кофе, а потом отправимся в страну скрипки, где все – прелесть, нежность, гармония, где нет рыжих клиентов, надоедающих своими загадками.

Мой друг был страстный любитель музыки; он не только очень хорошо играл, но и принадлежал к числу композиторов. Все время концерта он просидел в полном блаженстве, по временам тихо двигая своими длинными худыми пальцами в такт музыке, а нежная улыбка на лице и мечтательный взгляд глаз нисколько не напоминали выражение лица и глаз Холмса-ищейки, беспощадного, умного, ловкого агента по уголовным делам. Двойственность его натуры постоянно проявлялась в его странном характере, и мне часто казалось, что его чрезвычайная логичность и проницательность представляют собой реакцию против охватывавшего его иногда поэтического и задумчивого настроения. Размах его натуры заставлял его переходить от полной бездеятельности ко все пожирающей энергии; я отлично знал, что он бывает всего более в ударе после нескольких дней, проведенных в кресле, среди импровизаций и старинных книг. После таких дней страсть к поискам внезапно охватывала его, и блестящая способность анализа доходила до такой высоты, что люди, не знакомые с его методом, с удивлением смотрели на него как на человека, знания которого превосходят знания простых смертных. Видя его так увлеченным музыкой, я чувствовал, что плохо придется тем, которых он собирается преследовать.

– Вам, наверно, хочется домой, доктор, – заметил Холмс при выходе с концерта.

– Да, хотелось бы.

– А мне нужно будет позаняться несколько часов. Дело Кобург-сквер серьезно.

– Неужели серьезное?

– Задумано большое преступление. Но у меня есть основания предполагать, что нам удастся предотвратить его. Жаль только, что сегодня суббота: это осложняет дело. Сегодня вечером мне нужна ваша помощь.

– В какое время?

– Часов в десять.

– В десять часов я буду у вас.

– Отлично. И знаете что, доктор? Дело-то может выйти несколько опасное, и потому запаситесь вашим револьвером.

Он махнул рукой в знак приветствия, повернулся и мгновенно исчез среди толпы.

Надеюсь, я не тупее моих ближних, но чувство моей глупости угнетает меня всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом. Вот и теперь: я слышал то же, что слышал он, видел, что он видел, а между тем из его слов очевидно, что он ясно понимает не только то, что уже случилось, но и то, что будет впереди, тогда как для меня все кажется смутным и нелепым. Пока я ехал домой в Кенсингтон, я обдумывал все, начиная от необыкновенной истории рыжего переписчика «Энциклопедии» до посещения Кобург-сквер и многозначительных слов Холмса при прощании. Что это за ночная экспедиция, и почему я должен быть вооружен? Куда мы пойдем, и что будем делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник закладчика – опасный человек, человек, который может вести опасную игру. Я пробовал найти разгадку этих слов, но оказался в отчаянии и решил не думать до вечера, когда все объяснится.

Было четверть десятого, когда я вышел из дома и прошел парком и Оксфорд-стрит до Бейкер-стрит. У подъезда стояло два кабриолета. В коридоре я услышал доносившийся сверху шум голосов. Войдя в комнату Холмса, я застал его в оживленном разговоре с двумя людьми, в одном из которых я узнал Питера Джонса, полицейского агента; другой был длинный худой человек с печальным лицом. На нем была сияющая шляпа и удручающе респектабельный фрак.

– Ага! Вот мы и все в сборе, – сказал Холмс, застегивая свою матросскую куртку и беря со стены охотничий хлыст.

– Ватсон, вы, я думаю, знаете мистера Джонса? Позвольте мне представить вас мистеру Мерривезеру, который примет участие в нашем ночном походе.

– Как видите, мы опять охотимся вместе, доктор, – сказал Джонс свойственным ему многозначительным тоном. – Наш друг удивительно умеет устраивать охоту. Ему нужна только старая опытная собака, чтобы загнать зверя.

– Только бы наша охота не кончилась какими-нибудь пустяками, – угрюмо заметил Мерривезер.

– Можете положиться на мистера Холмса, сэр, – свысока сказал полицейский агент. – У него, если мне позволено будет сказать, свои методы, по-моему, несколько слишком теоретичные и фантастические, но вообще он обладает всеми данными для сыщика. Можно по справедливости сказать, что в одном-двух делах он, в отличие от официальной полиции, оказывался прав.

– Ну, уж если вы говорите это, мистер Джонс, так значит правда! – почтительно проговорил незнакомец. – Но, признаюсь, мне недостает роббера. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, что я сегодня без роббера.

– Я думаю, вы убедитесь, что сегодня ваша ставка будет гораздо выше всех ваших ставок за всю жизнь, а игра предстоит азартная, – заметил Шерлок Холмс. – Для вас, мистер Мерривезер, ставка будет тысяч тридцать фунтов, а для вас, Джонс, она будет заключаться в человеке, которого вам так хочется поймать.

– Джон Клэй – убийца, вор, укрыватель краденого, поддельватель векселей, – стал перечислять полицейский агент. – Он – молодой человек, мистер Мерривезер, но он стоит во главе людей своей профессии, и я охотнее надену мои браслеты на него, чем на всякого другого преступника в Лондоне. Молодой Джон Клэй – замечательный человек. Его дедушка был герцог королевской крови, а сам он учился и в Итоне, и в Оксфорде. Он так же изворотлив, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу встречаем его следы, но никогда не можем найти его самого. На одной неделе он отколет какую-нибудь штуку в Шотландии, а на следующей неделе собирает в Корнуолле деньги для постройки сиротского дома. Я годами слежу за ним и никогда еще не видел его в глаза.

– Надеюсь, что буду иметь удовольствие представить вас ему сегодня вечером. Мне также приходилось два раза иметь дело с мистером Джоном Клэем, и я вполне согласен с вашим мнением, что он самый выдающийся человек своей профессии. Однако уже одиннадцатый час, и нам пора отправляться. Вы двое садитесь в первый кеб, а Ватсон и я поедем во втором.

Шерлок Холмс мало разговаривал во время нашей продолжительной поездки и, откинувшись в угол, напевал сквозь зубы услышанные им в этот день мотивы. Мы проехали через бесчисленное множество освещенных газом улиц и, наконец, очутились на Фаррингтон-стрит.

– Теперь мы близко к развязке, – заметил мой друг. – Мерривезер – директор одного из банков и лично заинтересован в этом деле. Я счел нужным взять с собой и Джонса. Он недурной мальчик, хотя полный дурак в своем деле. У него есть одна добродетель: храбр, как бульдог, а если уж поймают кого, то вцепится, словно рак клешнями. Вот мы и пришли, и здесь ждут нас.

Мы снова очутились на той оживленной улице, где были уже сегодня утром. Мы отпустили кебы и, вслед за мистером Мерривезером, дошли по узкому проходу до боковой двери, которую он открыл для нас. Мы вошли в маленький коридор, заканчивавшийся массивной

железной решеткой. Решетка отворилась, и по ступеням витой каменной лестницы мы спустились к другой такой же решетке. Мистер Мерривезер остановился, зажег фонарь, потом повел нас вниз по темному коридору, пропитанному запахом сырой земли, к третьей двери и отпер ее. Мы очутились в громадном подвале или погребе, уставленном плетеными корзинами и массивными ящиками и сундуками.

– Ну, сверху-то вы неуязвимы, – заметил Холмс, поднимая фонарь и оглядывая все вокруг.

– Да и снизу также, – ответил мистер Мерривезер, ударяя палкой по плитам пола. – Но что же это! Что за глухой звук? – внезапно проговорил он, с удивлением взглянув на нас.

– Прошу вас быть поспокойнее, – сурово сказал Холмс. – Вы и так уже подвергли опасности успех нашей экспедиции. Будьте так добры, присядьте на один из сундуков и не вмешайтесь ни во что.

Важный мистер Мерривезер с весьма обиженным выражением лица уселся на плетеной корзине, а Холмс стал на колени и при свете фонаря принялся рассматривать в увеличительное стекло трещины между плитами. Через несколько секунд он вскочил на ноги и положил в карман стекло.

– У нас целый час времени, – заметил он, – так как они не могут приняться за дело раньше, чем наш простодушный закладчик не заснет спокойно на своей кровати. Тогда они не станут терять ни минуты, потому что чем скорее они покончат со своим делом, тем больше им будет времени на то, чтоб убраться вон. Вы, вероятно, уже догадались, доктор, что в настоящее время мы находимся в подвале отделения одного из главных лондонских банков, находящегося в Сити. Мистер Мерривезер – председатель директоров этого банка, он объяснит вам причину, по которой этот погреб представляет в данную минуту особый интерес в глазах самых смелых преступников Лондона.

– Дело касается нашего французского золота, – шепнул мне директор. – Мы получали уже несколько предупреждений насчет покушений на него...

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев тому назад нам оказалось необходимо усилить наши денежные средства, и потому мы сделали во французском банке заем в тридцать тысяч наполеондоров. Между тем, нам не пришлось пустить в дело этих денег, и они остались не распакованными в этом погребе. В корзине, на которой я сижу, лежит две тысячи наполеондоров, упакованных между листами свинцовой бумаги. Обыкновенно мы не держим такого количества слитков в отделениях, а потому директора беспокоятся на этот счет.

– И имеют основательный повод к этому, – заметил Холмс. – Ну, а теперь пора приступить к составлению наших планов. Я думаю, что через час наступит разрешение вопроса. А пока, мистер Мерривезер, придется прикрыть фонарь.

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил с собой карты, думал, что нас четверо, и вы можете не пропустить вашего роббера, но теперь вижу, что приготовления врага зашли так далеко, что мы не должны рисковать, дав ему заметить свет. Это люди смелые, и хотя мы нападём на них врасплох, все-таки следует остерегаться их. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь вон за теми. Когда я вдруг наведу на них свет фонаря, немедленно окружайте их. Если они станут стрелять, Ватсон, то, пожалуйста, не стесняйтесь убить их.

Я взвел курок моего револьвера и положил его сверху деревянного ящика, за которым притаился. Холмс закрыл фонарь, и мы очутились в такой темноте, какой мне никогда еще не приходилось испытывать. Только по запаху горячего металла можно было чувствовать, что свет не вовсе потух и может засиять в любое мгновение. Нервы мои были страшно напряжены,

и я испытывал какое-то особенное чувство подавленности среди этого внезапного мрака и в холодном сыром воздухе подвала.

– У них только один выход, – шепнул Холмс. – Через дом в Саксен-Кобург-сквер. Надеюсь, вы исполнили мою просьбу, Джонс.

– У входной двери дежурят инспектор с двумя полицейскими.

– Ну, так все щели заткнуты. А теперь будем молчать и ждать.

Как долго тянулось время! Впоследствии оказалось, что мы ждали только час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь уже приходит к концу и скоро должна заняться заря. Все члены у меня окоченели, потому что я боялся изменить мою позу, а нервы дошли до высшей точки напряжения и слух так обострился, что я не только слышал, как дышали мои товарищи, но мог даже различить глубокое, тяжелое дыхание Джонса от тихого, со вздохами дыхания директора банка. С моего места, за корзиной, мне были видны плиты пола. Внезапно я заметил на них луч света.

Сначала словно мелькнула бледная искра. Потом она стала длиннее и превратилась в желтую полосу. Затем в образовавшемся вдруг отверстии бесшумно показалась белая, почти женская рука, которая стала ощупывать плиты вокруг того места, куда падал слабый свет. Минуты две рука эта торчала из-под пола и затем исчезла так же внезапно, как появилась, и кругом воцарилась прежняя тьма. Только между щелями плит продолжал мерцать слабый свет.

Однако рука исчезла только на одно мгновение. Одна из больших белых плит вдруг перевернулась с резким шумом и образовала громадную четырехугольную дыру, через которую прорвался яркий свет от фонаря. Из щели выглянуло чисто выбритое мальчишеское лицо. Человек этот внимательно огляделся, поднялся на руках и стал на колени у края отверстия. Через мгновение он был уже на полу и помогал подниматься товарищу с бледным лицом и массой ярко-рыжих волос, такому же маленькому и ловкому, как он сам.

– Путь свободен, – прошептал он. – У тебя долото и мешки?.. О, черт возьми! Прыгай назад, Арчи! Прыгай скорее, а я уж отвечу!

Шерлок Холмс выскочил из своей западни и схватил его за шиворот. Сообщник пойманного бросился назад в отверстие, и я услышал, как треснуло сукно его одежды, когда Джонс схватил его за фалды сюртука. Луч света осветил револьвер в руке преступника, но Холмс ударил его хлыстом по руке, и револьвер с шумом упал на каменный пол.

– Все напрасно, Джон Клэй, – любезно проговорил Холмс, – вам не повезло.

– Вижу, что не повезло, – с величайшим хладнокровием ответил молодой человек. – Кажется, мой товарищ спасся, хотя у вас в руках остались фалды его сюртука.

– У дверей его ждут трое людей. – сказал Холмс.

– О, вот как! Оказывается, вы все отлично устроили. Остается только поздравить вас.

– Со своей стороны, позвольте и мне поздравить вас, – ответил Холмс. – Ваша идея насчет рыжих очень оригинальна и блестяща.

– Сейчас увидите своего приятеля. – сказал Джонс. – Он лучше меня умеет спускаться в дыры. Погодите только, пока я надену наручники.

– Пожалуйста, не трогайте меня вашими грязными руками, – заметил наш пленник, когда наручники зазвенели на его руках. – Вы, может быть, не знаете, что в моих жилах течет королевская кровь. Потрудитесь называть меня «сэр» и прибавлять «пожалуйста», когда будете разговаривать со мной.

– Отлично, – насмешливо ответил Джонс, пристально смотря на него. – Итак, сэр, неудобно ли вам подняться наверх; там мы можем найти кеб для того, чтобы отвезти ваше высочество в полицейский участок.

– Вот так-то лучше, – спокойно заметил Джон Клэй. Он вежливо, с достоинством поклонился нам и спокойно вышел с Джонсом.

– Не знаю, как и чем может банк достаточно отблагодарить вас, мистер Холмс, – сказал мистер Мерривезер, когда мы вслед за ними вышли из погреба. – Нет сомнения, что вам удалось открыть и предотвратить одну из самых смелых попыток обокрасть банк.

– У меня были свои маленькие счета с мистером Джоном Клэем, – сказал Холмс. – Были у меня небольшие затраты, которые, надеюсь, банк возместит мне, но, во всяком случае, я щедро вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательный рассказ о Лиге рыжих.

– Видите, Ватсон, – говорил Холмс мне, когда рано утром мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, – с самого начала было ясно видно, что целью этого несколько фантастического объявления насчет Лиги могло быть только желание удалить на несколько дней из дома этого, не слишком-то умного закладчика. Это была странная манера, но, право, трудно было бы выдумать что-либо лучше. Изобретателю Клэю, наверно, пришлось на ум воспользоваться цветом волос своего сообщника. Четыре фунта в неделю была достаточная приманка, чтобы привлечь Вилсона, а что значит эта сумма для тех, кто играет на тысячи? Они поместили объявление; один мошенник основал временную контору, другой посоветовал Вилсону обратиться по объявлению, и таким образом им удалось удалять его ежедневно на несколько часов. Как только я услышал, что помощник согласился служить на половинном жалованье, мне стало ясно, что у этого человека должен быть какой-нибудь очень важный повод, чтобы желать получить это место.

– Но как вы могли угадать этот повод?

– Будь в доме женщина, я заподозрил бы простую любовную интригу. Но здесь не могло быть и речи об этом. Дела у Вилсона незначительные, и в доме у него нет ничего такого, что могло бы вызвать подобные тщательные приготовления и значительные расходы. Значит, надо искать вне дома. Что же это могло быть? Я подумал о страсти помощника к фотографии, о том, что он часто исчезает в погребе. Погреб! Вот нить к запутанной загадке. Тогда я навел справки о таинственном незнакомце и узнал, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он делает что-то в погребе ежедневно, в продолжение нескольких часов, и это длится целые месяцы. Еще раз, что бы это могло быть? Я только и мог думать, что он роет подкоп под какое-нибудь здание.

Вот до каких выводов дошел я, когда мы пришли на место действия. Я удивил вас тем, что стал стучать палкой по мостовой. Мне хотелось убедиться, где идет подкоп – впереди дома или сзади. Оказалось, что впереди его не было. Тогда я позвонил, и, как я надеялся, приказчик Вилсона отпер дверь. Между нами бывали и прежде стычки, но мы никогда не видали в глаза друг друга. Я почти не взглянул ему в лицо. Мне нужно было видеть его брюки. Вероятно, вы и сами заметили, как они были изношены, смяты и грязны на коленях. Они так и говорили о целых часах, проведенных за рытьем земли. Оставалось только узнать, зачем они это делают. Я зашел за угол, увидел, что здание «Городского и пригородного банка» выходит к дому нашего приятеля, и убедился, что нашел разгадку тайны. Когда вы поехали домой после концерта, я зашел в полицию и к директору банка. Результат этого вы видели.

– А почему вы подумали, что они произведут покушение сегодня ночью? – спросил я.

– Если они закрыли свою контору Лиги, то, очевидно, уже не нуждались в отсутствии мистера Джейбза Вилсона, другими словами, им удалось провести свой тоннель. Но им было необходимо воспользоваться им как можно скорее, так как его могли открыть или банк мог взять деньги из подвала. Суббота – самый удобный для этого день, потому что впереди были два дня, во время которых они могли уехать далеко от Лондона. Поэтому-то я и ожидал покушения именно в эту ночь.

– Ваше рассуждение великолепно! – вскрикнул я в непритворном восторге. – Такая длинная цепь, и вместе с тем каждое звено ее прочно.

– Это было развлечением для меня, – проговорил он, зевая. – Увы! Я чувствую, как скука начинает одолевать меня. Вся моя жизнь – усилие избавиться от пошлости земного существования. Подобного рода маленькие проблемы помогают осуществлению этих усилий.

– И вместе с тем вы – благодетель человеческого рода, – сказал я.

Он пожал плечами.

– Может быть, и в самом деле приношу кое-какую пользу, – заметил он. – «L’Homme estrien – l’oeuvre esttout»¹², как Густав Флобер писал к Жорж Санд.

¹² Человек – ничто, произведение – все (фр.).

Хитрая выдумка

– Дорогой мой, – сказал мне один раз Шерлок Холмс, когда мы сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит, – жизнь несравненно разнообразнее всего того, что может придумать человеческий ум. Нам бы и в голову не пришло то, что сплошь и рядом встречается в действительности. Если бы мы с вами могли вылететь из этого окна, полететь над этим громадным городом, тихонько приподнять крыши с домов и взглянуть внутрь на все происходящее там, мы увидели бы такие удивительные вещи, такие странные совпадения обстоятельств, такие планы, такие неожиданные результаты событий, что все романы с их условностью, с их заранее известными заключениями оказались бы скучными и банальными.

– Ну, я не согласен с этим, – ответил я. – Случаи, попадающие в газеты, достаточно вульгарны. Реализм полицейских отчетов доходит до крайних пределов, а между тем, нельзя же их назвать интересными и изящными.

– Для того, чтобы произвести впечатление в реалистическом духе, необходимо известное умение, нужен тщательный выбор, – заметил Холмс. – Вот этого-то и нет в судебных отчетах, может быть потому, что там обращается больше внимания на формальную сторону дела, а не на детали, которые составляют его главную сущность в глазах наблюдателя. Поверьте, нет ничего неестественнее всего обыденного.

Я улыбнулся и покачал головой.

– Я понимаю вас, – сказал я. – Конечно, вам, как неофициальному советчику, к которому прибегают за помощью в загадочных делах обитатели трех континентов, приходится иметь дело с действительно редкими, странными приключениями. Но вот возьмем на пробу, – прибавил я, поднимая с пола утреннюю газету. – Вот первая попавшаяся статья: «Жестокое обращение мужа с женой». Тут целых полстолбца, но я наперед знаю содержание отчета. Конечно, другая женщина, пьянство, побои, сострадательная сестра или хозяйка. Самому бездарному писателю не выдумать ничего банальнее.

– Но вы выбрали как раз неудачный пример, – сказал Холмс, взяв газету и пробежав ее глазами. – Это дело о разводе супругов Дандес, и мне как раз пришлось выяснить некоторые подробности его. Супруг – член общества трезвости, никакой другой женщины не было, а вот он имел привычку после еды швырять в жену своими вставными зубами. Согласитесь, что подобного рода штука придет в голову не всякому писателю. Возьмите-ка табачку, доктор, и сознайтесь, что мне удалось побить вас вашим же оружием.

Он протянул мне золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Эта роскошная вещица представляла такой контраст с обстановкой квартиры Холмса и его скромным образом, что я не мог не выразить своего удивления.

– Ах, я и забыл, что не виделся с вами несколько недель, – проговорил он. – Это я получил в благодарность за участие в деле Ирэны Адлер.

– А кольцо? – спросил я, смотря на великолепный брильянт, сверкавший у него на пальце.

– От голландской королевской фамилии. Это дело такое щекотливое, что я не могу рассказывать его даже вам, так мило описавшему некоторые из моих приключений.

– А есть у вас теперь дела? – спросил я.

– Есть дел десять-двенадцать, но ни одного особенно интересного. Понимаете – важные, но несколько не интересные. Я давно уже пришел к заключению, что именно в маловажных делах открывается более обширное поле для наблюдений и для того анализа причин и следствий, который и составляет прелесть исследования. Чем крупнее преступление, тем оно проще, тем мотив его очевиднее. В настоящее время среди моих дел нет ни одного интересного, за исключением разве запутанной истории, о которой мне писали из Марселя. Может быть, сейчас будет что-нибудь получше; если не ошибаюсь, вот одна из моих будущих клиенток.

Он встал со стула, подошел к окну и, раздвинув занавеси, стал смотреть на скучную однообразную лондонскую улицу. Я заглянул через его плечо и увидел на противоположной стороне высокую женщину с тяжелым меховым боа на шее и в шляпе с большим красным пером и с широкими полями фасона «Герцогиня Девонширская», кокетливо надетой на бок. Из-под этого сооружения она смущенно и тревожно поглядывала на наши окна, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону и нервно теребя пуговицы перчатки. Внезапно, словно пловец, бросающийся в воду, она поспешно перешла улицу, и мы услышали сильный звонок.

– Эти симптомы знакомы мне, – сказал Холмс, бросая папиросу в огонь. – Эти колебания, войти или нет, всегда указывают на то, что дело идет о каком-нибудь «affaire du coeur»¹³. Ей нужен совет, а, между тем, она думает, что данный вопрос слишком деликатного свойства, чтобы обсуждать его с кем бы то ни было. Но и тут бывает различие. Если женщина серьезно оскорблена мужчиной, то обычным симптомом является оборванный колокольчик. В настоящую минуту можно предположить любовную историю, но барышня не так разгневана, как поражена или огорчена. Но вот и она сама является, чтоб разрешить наши сомнения.

Раздался стук в дверь, и мальчик, прислуживавший Холмсу, доложил о мисс Мэри Сазерленд. Вслед за ним выплыла и сама барышня, словно большое грузовое судно за крошечным катером. Шерлок Холмс приветствовал ее со свойственной ему спокойной вежливостью, запер дверь, предложил ей сесть в кресло и оглядел ее своим особым пристальным и в то же время как бы небрежным взглядом.

– Разве вам не трудно так много писать на машинке при вашей близорукости? – спросил он.

– Сначала было трудно, но теперь я умею находить буквы и работать не глядя, – ответила она.

Внезапно, как будто только что поняв значение слов Холмса, она вздрогнула, и выражение страха и изумления показалось на ее широком добродушном лице.

– Вы уже слышали обо мне, мистер Холмс! – вскрикнула она. – Иначе как бы вы могли узнать это?

– Не обращайтесь на это внимания, – смеясь, проговорил Холмс, – ведь в мои обязанности входит знать то, что не замечают другие. Иначе, зачем бы вы пришли посоветоваться со мною?

– Я пришла к вам, сэр, потому что слышала о вас от миссис Этередж. Вы так скоро нашли ее мужа, когда и полиция, и все остальные считали его мертвым. О, мистер Холмс, если бы вы могли сделать то же для меня! Я не богата, но все же имею сто фунтов дохода в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на пишущей машинке. Я охотно отдала бы все, лишь бы узнать, что случилось с мистером Госмером Энджелом.

– Отчего вы так спешили ко мне? – спросил Шерлок Холмс, сложив вместе концы пальцев и смотря в потолок.

На растерянном лице мисс Мэри Сазерленд вновь появилось испуганное выражение.

– Да, я просто вылетела из дому, – проговорила она. – Я рассердилась на мистера Виндибэнка – это мой отец – за то, что он так легко относится к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам. Ну, наконец, так как он ничего не хотел делать и доказывал мне, что ничего дурного не случилось, я и взбесилась, оделась и пошла прямо к вам.

– Отец, говорите вы? Наверно, отчим, так как у вас разные фамилии, – заметил мистер Холмс.

– Да, отчим, но я называю его отцом, хотя это смешно, так как он только на пять лет и два месяца старше меня.

– А жива ваша матушка?

¹³ Сердечное дело (фр.).

– О, да! Она жива и здорова. Я не очень-то была довольна, мистер Холмс, когда она вышла замуж так скоро после смерти отца и за человека почти на пятнадцать лет моложе ее. Отец вел торговлю свинцом на Тоттенхэм-Корт-роуд и оставил после смерти прибыльное дело, которое мать продолжала с помощью нашего старшего приказчика, мистера Харди. Но мистер Виндибэнк заставил мать продать это дело. Он слишком горд для этого, так как состоит агентом по продажам. Они выручили за продажу четыре тысячи семьсот фунтов стерлингов. Будь жив отец, наверно, он продал бы дороже.

Я думал, что этот бессвязный рассказ должен надоест Шерлоку Холмсу. Наоборот, он слушал его с напряженным вниманием.

– А ваш доход получается с этого выреченного капитала? – спросил он.

– О, нет, сэр! Я получаю его с наследства, оставленного мне дядей Нэдом из Окленда. Он оставил мне две тысячи пятьсот фунтов в 4,5-процентных новозеландских облигациях с тем, что я получаю только проценты.

– Все, что вы рассказываете, чрезвычайно интересно, – сказал Холмс. – Получая такой доход, и к тому же зарабатывая дополнительно, вы, конечно, можете и путешествовать, и позволять себе все что угодно. Я думаю, что одинокая дама может отлично прожить и на шестьдесят фунтов в год.

– Я могла бы прожить и на меньшее, мистер Холмс. Но, понимаете, пока я живу дома, я не желаю быть в тягость родным, и потому они пользуются моим доходом. Понятно, это только на время. Мистер Виндибэнк получает каждую четверть года проценты за меня и передает их матери, а мне хватает и того, что я зарабатываю перепиской на машинке. Я получаю по два пенса за лист и могу переписывать в день от пятнадцати до двадцати листов.

– Вы очень ясно обрисовали мне свое положение, – сказал Холмс. – Это – мой друг, доктор Ватсон. Вы можете говорить при нем так же откровенно, как наедине со мной. Пожалуйста, расскажите нам про ваши отношения с мистером Госмером Энджелом.

Румянец вспыхнул на лице мисс Сазерленд. Она нервно стала обдергивать бахрому своей кофточки.

– Я встретила его в первый раз на балу служащих газового завода, – сказала она. – Когда был жив отец, они всегда присылали ему билеты, и тут также вспомнили о нас и прислали билеты. Мистер Виндибэнк не хотел, чтобы мы ехали на бал. Он вообще не любит, чтобы мы выезжали. Он бесился, если я собиралась даже на какой-нибудь школьный праздник. Но на этот раз я решила ехать во что бы то ни стало. Какое право имел он удерживать меня? Он говорил, что нам не следует знаться с такими людьми, тогда как там должны были быть все друзья отца.

Потом он сказал, что мне нечего надеть, а у меня в шкафу было ненадеванное красное плюшевое платье. Наконец, когда он увидел, что ничего не может сделать, то уехал по делам фирмы во Францию, а мы с матерью в сопровождении нашего приказчика мистера Харди отправились на бал, где я и встретила мистера Госмера Энджела.

– Я полагаю, что мистер Виндибэнк был очень недоволен, когда он вернулся из Франции и узнал, что вы все-таки были на балу? – спросил Холмс.

– О, нет, он очень хорошо отнесся к этому. Я помню, он засмеялся, пожал плечами и сказал, что напрасно запрещать что-либо женщине, так как она непременно настоит на своем.

– Понимаю. Итак, на этом балу вы встретились с одним джентльменом, фамилия которого была Энджел.

– Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер; на следующий день он зашел к нам, чтобы узнать, благополучно ли мы возвратились домой, а потом мы, то есть я хочу сказать, я, мистер Холмс, встречала его два раза на прогулке. Но потом вернулся отец, и мистер Госмер Энджел уже не мог приходить к нам.

– Не мог?

– Ну, знаете, отец не любил подобного рода вещей. Он бы хотел, чтобы у нас и совсем не бывало гостей. Он говорит, что женщина должна быть счастлива в своем семейном кругу. Но я всегда говорила матери, что женщина, прежде всего, должна составить себе этот круг, а у меня его еще не было.

– Ну, а что же мистер Госмер Энджел? Он так и не пробовал повидаться с вами?

– Отец должен был через неделю опять уехать во Францию, и Госмер написал мне, что для нас безопаснее и лучше не видаться до его отъезда, а переписываться все время. Он писал ежедневно, и я получала письма по утрам так, что отец не знал о нашей переписке.

– Вы уже дали ему слово?

– О, да, мистер Холмс. Я дала ему слово после первой нашей прогулки. Госмер, то есть мистер Энджел... был кассиром в одной конторе на Леденхолл-стрит...

– В какой конторе?

– Вот в том-то и дело, мистер Холмс, что я не знаю, в какой.

– Но где же он жил?

– Он ночевал в конторе.

– И вы не знаете его адреса?

– Нет, знаю только, что он жил на Леденхолл-стрит...

– Куда же вы адресовали ему письма?

– В почтовое отделение на Леденхолл-стрит, до востребования. Он говорил, что если я буду посылать ему письма в контору, то товарищи станут поддразнивать его, что он получает дамские записочки. Я предлагала ему, что буду писать на машинке, как он писал мне, но он отказался и сказал, что если он будет получать такие письма, ему все будет казаться, будто между нами машинка. Даже по этим мелочам вы можете видеть, как он любил меня, мистер Холмс.

– Это очень важно, – заметил Холмс. – Для меня уже давно стало аксиомой, что мелочи гораздо важнее более значительных фактов. Не можете ли вы припомнить еще каких-либо мелочей насчет мистера Госмера Энджела?

– Это был очень застенчивый человек, мистер Холмс. Он предпочитал гулять со мной по вечерам, говоря, что не любит обращать внимание на себя. Очень скромный и приличный молодой человек. Голос у него был очень слабый. Он говорил мне, что в детстве был болен жабой, и с тех пор у него часто болело горло. Он всегда был хорошо одет, чисто и скромно, а глаза у него были слабые, так же, как и у меня, и он носил темные очки для защиты от света.

– Хорошо. Ну, а что же произошло, когда ваш отчим, мистер Виндибэнк, вновь уехал во Францию?

– Мистер Госмер Энджел опять пришел к нам и предложил мне обвенчаться с ним до возвращения отца. Он говорил страшно серьезно и заставил меня поклясться на Библии, что я навсегда останусь верна ему. Мать сказала, что он совершенно прав, и что это показывает силу его страсти. Мать была с самого начала очень хорошо расположена к нему и любила его даже больше, чем я. Потом они стали говорить о том, чтоб нам венчаться на этой же неделе. Я предложила было подождать приезда отца, но они оба сказали, что на это не стоит обращать внимания, можно сказать ему после. Мать бралась уладить все. Мне это было не по душе, мистер Холмс. Конечно, смешно было спрашивать позволения у человека только на несколько лет старше меня, но я не хотела ничего делать потихоньку, и потому написала отцу в Бордо, где есть отделение того общества, где он служит, но получила это письмо обратно как раз утром в день моей свадьбы.

– Так он не получил письма?

– Да, сэр, потому что выехал в Англию как раз перед тем, как оно пришло в Бордо.

– А! Какая несчастная случайность. Итак, ваша свадьба была назначена на пятницу в церкви Спасителя?

– Да, сэр, мы должны были самым скромным образом венчаться в церкви Спасителя, а потом завтракать в отеле «Сент-Панкрас». Госмер приехал за нами в кебе, и так как я была с матерью, он посадил нас туда, а сам сел в карету, случайно стоявшую на улице. Мы приехали к церкви первые, а когда подъехала карета, мы ожидали, что он выйдет; но он не выходил так долго, что кучер слез с козел и заглянул в карету – там никого не оказалось. Кучер говорил, что понять не может, куда он девался, так как собственными глазами видел, как он вошел в карету. Это было в последнюю пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не слышала о нем и не видала его.

– По-моему, с вами сыграли постыдную штуку, – сказал Холмс.

– О, нет, сэр. Он слишком хорош и добр, чтобы бросить меня так. Ведь все утро он говорил мне, чтоб я оставалась ему верной; во всяком случае, если бы даже случилось что-нибудь совершенно непредвиденное, и нам пришлось бы расстаться, я никогда не должна забывать, что я дала ему слово и он, рано или поздно, явится требовать исполнения этого слова. Конечно, это был странный разговор для дня свадьбы, но после того, что случилось, я понимаю его смысл.

– Да, смысл этого разговора вполне понятен. Так вы лично приписываете все какой-нибудь катастрофе?

– Да, сэр. Я думаю, что он предвидел опасность, иначе он не говорил бы так. Ну, а потом и случилось то, что он предвидел.

– Вы не имеете ни малейшего понятия о том, что это могло быть?

– Ни малейшего.

– Еще один вопрос. Как отнеслась ваша мать к этому случаю?

– Она рассердилась и сказала, чтобы я никогда не упоминала о нем.

– А ваш отец? Вы рассказали ему все?

– Да, и он, кажется, тоже думал, что произошло что-то неожиданное, и я услышу еще о Госмере. Зачем ему было, говорил он, довести меня до дверей церкви и бросить там? Если бы он занял у меня денег или женился бы и перевел на себя мои деньги, ну, тогда другое дело. Но Госмер был человек, не нуждающийся в средствах, и не взял бы ни шиллинга из моих денег. Однако, что же могло случиться? Отчего он не написал мне? О, я с ума схожу от этих мыслей и не сплю целыми ночами.

Она вынула из муфты платок и, приложив его к лицу, тяжело зарыдала.

– Я займусь вашим делом и не сомневаюсь, что мы добьемся успешных результатов, – проговорил Холмс, вставая с места. – Предоставьте его мне и не слишком много думайте об этом. А главное – постарайтесь, чтобы мистер Госмер Энджел так же исчез из вашей памяти, как он уже исчез из вашей жизни.

– Так вы думаете, что я не увижу его?

– Боюсь, что так.

– Но что же случилось с ним?

– Предоставьте мне разрешение этого вопроса. Мне бы хотелось иметь подробное описание мистера Энджела. Нет ли у вас также его писем, которые вы могли бы дать мне.

– В прошлую субботу я поместила объявление в «Кроникл», – ответила мисс Мэри Сазерленд. – И вот вырезка и четыре письма ко мне.

– Благодарю вас. Как ваш адрес?

– 31, Лайон-плейс, Кэмбервелл.

– Насколько я знаю, адрес мистера Энджела неизвестен вам. Где контора вашего отца?

– Он служит у «Вестхауза и Мэрбэнка», оптовых торговцев кларетом, на Фенчерч-стрит.

– Благодарю вас. Вы очень ясно объяснили ваше дело. Оставьте ваши бумаги здесь и помните мой совет: хорошенько забудьте весь этот случай, и пусть он не имеет никакого влияния на вашу жизнь.

– Вы очень добры, мистер Холмс. Но я не могу этого сделать. Я останусь верной Госмеру и буду ждать, когда он вернется.

Несмотря на смешную шляпу и невыразительное лицо нашей посетительницы, в ее наивной вере было что-то благородное, так что мы невольно почувствовали уважение к ней. Она положила на стол маленькую связку бумаг и ушла, дав обещание, что придет, если ее вызовут.

Шерлок Холмс несколько времени сидел молча, сложив вместе кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок, потом он взял старую глиняную трубку, служащую ему советницей, и откинулся на кресле. Густые голубоватые облака дыма окутали его лицо, на котором появилось выражение бесконечной усталости.

– Преинтересная особа для изучения, эта барышня, – проговорил он. – Она интереснее ее дела, которое, между прочим, принадлежит к числу довольно обыкновенных. Подобного рода случай вы найдете в моей записной книжке, в 1877 году в Андовере; нечто похожее произошло в прошлом году в Гааге. Тут есть несколько новых подробностей, но интереснее всего сама барышня.

– Вы, кажется, нашли в ней много такого, что осталось совершенно неизвестным мне, – заметил я.

– Вернее, просто незамеченным, Ватсон. Вы не знали, на что смотреть, и потому проглядели многое. Я никак не могу научить вас понимать, какое огромное значение имеют рукава, как много могут объяснить ногти и какие важные заключения можно вывести из шнуровки сапога. Ну-с, опишите, что вы вывели из осмотра этой женщины?

– На ней была серая соломенная шляпа с большими полями и пером кирпично-красного цвета. Кофточка черная, вышитая черным бисером, с черной стеклярусной бахромой. Платье темно-коричневого цвета, отделанное на вороте и рукавах красным плюшем. Перчатки сероватого цвета, порванные на правом указательном пальце. Ботинок я не разглядел. Серьги малень-

кие, круглые, золотые. Вообще, вид девицы из зажиточного круга, вульгарной и небрежной в привычках.

Шерлок Холмс тихо захлопал в ладоши и засмеялся.

– Честное слово, Ватсон, вы делаете удивительные успехи. Правда, вы упустили из виду все важное, но зато усвоили себе метод, и умеете хорошо различать цвета. Никогда не доверяйте общим впечатлениям, мой милый, но обращайтесь все свое внимание на детали. У женщины я, прежде всего, смотрю на рукава. У мужчины, пожалуй, лучше исследовать колени его брюк. Как вы заметили, рукава платья у этой женщины обшиты плюшем – материей, на которой ясно сохраняются следы. Двойная полоса, немного выше кисти, в том месте, где пишущий на машинке надавливает на стол, прекрасно обрисована. Ручная швейная машинка оставляет такой же след, но на левой руке и подальше от большого пальца, тогда как здесь полоса проходит по самой широкой части. Потом я взглянул на ее лицо и заметил по обеим сторонам носа следы пенсне. Я и решился высказать предположение о ее близорукости и о переписке на машинке, что, кажется, удивило ее.

– Да и меня также.

– Но ведь это было совершенно ясно. Потом меня очень удивило и заинтересовало, что на ней были, очевидно, разные ботинки; у одного носок был с украшениями, а у другого – гладкий. Один был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, а другой только на первую, третью и пятую. Ну, вот видите ли, если молодая девушка, вообще прилично одетая, выходит из дома в разных, наполовину застегнутых башмаках, то нетрудно вывести заключение, что она очень торопилась.

– Что же дальше? – спросил я, как всегда, сильно заинтересованный остроумными умозаключениями моего друга.

– Между прочим, я заметил, что перед выходом она, уже одетая, написала записку. Вы заметили, что на одной перчатке был разорван палец, но, очевидно, не обратили внимания на то, что перчатка и палец выпачканы фиолетовыми чернилами. Она очень спешила и слишком глубоко обмакнула перо. Вероятно, это случилось сегодня утром, иначе пятно не было бы так заметно. Все это занимательно, но уж очень элементарно, а я должен заняться делом, Ватсон. Не прочтете ли вы мне описание господина Госмера Энджела.

Я поднес к свету маленькую вырезку. Там говорилось:

«Утром четырнадцатого числа исчез господин Госмер Энджел. Ростом около пяти футов семи дюймов; крепкого сложения, с бледным лицом, темными волосами, несколько поредевшими на макушке, с густыми мерными бакенбардами и усами. Носит темные очки, несколько шепелявит. В последний раз, когда его видели, был одет в черный сюртук, подбитый шелком, мерный жилет, серые брюки и коричневые гамаша поверх сапог. На нем была золотая цепочка. Известно, что служил в какой-то конторе на Леденхолл-стрит. Всякий, кто доставит и т. д.»

– Довольно, – проговорил Холмс. – Что же касается писем, то они самые обыкновенные, – сказал он, пробежав их глазами. – Из них ничего не узнаешь о мистере Энджеле, кроме того, что один раз он приводил слова Бальзака. Однако тут есть одно обстоятельство, которое, наверно, поразит вас.

– Это то, что письма написаны на машинке, – заметил я.

– Не только письма, но и подпись. Посмотрите, как аккуратно внизу написано «Госмер Энджел». Видите, проставлено число, но больше ничего, кроме адреса «Леденхолл-стрит» – это довольно-таки неопределенно. Эта подпись имеет важное, можно даже сказать, решающее значение.

– Какое?

– Дорогой мой, да неужели же вы не видите, как это влияет на дело?

– Должен признаться, не вижу. Разве только в том отношении, что он может отречься от своей подписи в случае, если к нему будет предъявлен иск о нарушении обещания.

– Нет, дело не в этом. Ну, я напишу сейчас два письма: одно – торговому дому в Сити, другое – отчиму барышни, господину Виндибэнку, чтоб попросить его прийти сюда завтра в шесть часов вечера. Лучше иметь дело с мужской родней. А теперь, доктор, мы ничего не можем сделать до тех пор, пока не получим ответов на эти письма, и потому постараемся забыть об этой загадке.

Я так привык полагаться на удивительное уменье и поразительную энергию моего друга, что понял: он имеет основание говорить так уверенно о занимавшей его тайне. Должно быть, он уже разгадал ее. Только раз видел я, что он потерпел неудачу – в деле с карточкой Ирэны Адлер, но зато когда я вспоминал о делах, при которых мне приходилось участвовать, то чувствовал, что загадка, которую не может разрешить Холмс, действительно не разрешима.

Я оставил его курящим свою старую трубку, с уверенностью, что, придя к нему завтра вечером, узнаю, что в его руках находятся уже все данные для разыскания пропавшего жениха мисс Мэри Сазерленд.

В то время у меня на руках был тяжелый больной, и я провел у его постели весь день. Было уже почти шесть часов, когда я наконец освободился, вскочил в кеб и велел ехать на Бейкер-стрит. Я боялся, что, пожалуй, опоздаю к развязке этой таинственной истории. Однако Шерлок Холмс был один в своей комнате и дремал в кресле, свернувшись всем своим длинным худым телом. Перед ним стояла целая батарея бутылей и пробирок. В комнате стоял едкий запах хлора. Ясно было, что Холмс весь день провел в занятиях своей любимой химией.

– Ну, что, узнали? – спросил я.

– Да. Это был сернокислый барий.

– Да нет же, нет; я спрашиваю вас, разгадали ли вы тайну?

– Ах, вот что! А я думал, что вы спрашиваете меня насчет соли, над которой я производил опыт. Что касается того дела, то ведь еще вчера я сказал вам, что тут нет никакой тайны, есть только несколько интересных подробностей. Одно только жаль: кажется, нет закона, по которому можно было бы заставить отвечать этого негодяя.

– Кто же он, и почему он бросил мисс Сазерленд?

Я только что успел предложить этот вопрос, а Холмс не успел еще открыть рта, чтобы ответить на него, как чьи-то тяжелые шаги послышались в коридоре и раздался стук в дверь.

– Это – отчим барышни, мистер Джеймс Виндибэнк, – сказал Холмс. – Он написал мне, что будет и шесть часов. Войдите!

Вошел человек среднего роста, крепкого сложения, лет тридцати, с гладко выбритым бледным лицом, с мягкими вкрадчивыми манерами и удивительно пронизательными серыми глазами. Он окинул нас вопросительным взглядом, поставил на столик свой блестящий цилиндр, слегка поклонился и сел на ближайшее кресло.

– Добрый вечер, мистер Виндибэнк, – сказал Холмс. – Я думаю, что полученное мною письмо, написанное на машинке, с извещением, что вы будете у меня в шесть часов, прислано вами.

– Да, сэр. Я, кажется, немного опоздал, но, видите ли, я человек не вполне свободный. Очень сожалею, что мисс Сазерленд обратилась к вам с подобного рода делом, так как думаю, что не следует перемывать грязное белье на виду у всех. Она пошла к вам совершенно против моей воли, но, как вы, вероятно, заметили, это девица раздражительная, легко поддающаяся впечатлению, и ее не легко удержать, раз она решила что-либо сделать. Конечно, вы не имеете отношения к полиции, но все же, знаете, неприятно, чтобы пошли слухи о подобного рода семейном несчастье. Кроме того, это только напрасный расход, так как вы, конечно, не можете найти этого Госмера Энджела.

– Напротив, – спокойно сказал Холмс, – я вполне уверен, что мне удастся найти мистера Госмера Энджела.

Мистер Виндибэнк сильно вздрогнул и уронил перчатки.

– Рад это слышать, – проговорил он.

– Любопытно, что письмо на машинке имеет такие же особенности, как и человеческий почерк, – продолжал Холмс. – Если машинки не новые, то не найдется и двух, которые писали бы одинаково. Некоторые буквы стираются больше других; другие стираются лишь с одной стороны. Вот обратите внимание на ваше письмо, мистер Виндибэнк: буква «е» всегда выходит неясно, есть недостаток и в букве «ч». Есть еще четырнадцать других характеристических особенностей, но эти больше бросаются в глаза.

– Мы все наши корреспонденции пишем в конторе на машинке, и потому, без сомнения, она несколько попортилась, – ответил наш посетитель, пристально смотря на Холмса своими блестящими глазками.

– А теперь я вам покажу действительно интересную штучку, мистер Виндибэнк, – продолжал Холмс. – В скором времени я намереваюсь написать маленькую статейку о пишущей машинке и ее роли в преступлениях. Я внимательно занялся этим вопросом. Вот четыре письма, полученные от пропавшего жениха. Все они написаны на машине. Во всех них неясно отпечатаны буквы «е» и «ч», и если вы возьмете увеличительное стекло, то найдете и те четырнадцать особенностей, о которых я говорил.

Мистер Виндибэнк вскочил с места и схватил шляпу.

– Мне некогда терять время на такие пустяки, мистер Холмс, – сказал он. – Если вы можете изловить его, поймайте и дайте мне знать, когда это случится.

– Конечно, – проговорил Холмс, подходя к двери и запирая ее на ключ. – Вот я и даю вам знать, что он пойман.

– Когда? Где? – вскрикнул мистер Виндибэнк.

Он страшно побледнел и оглядывался, словно крыса, попавшаяся в западню.

– О, право, не стоит так волноваться, – любезно сказал Холмс. – Вам никак не вывернуться, мистер Виндибэнк. Дело совершенно ясное, и вы сделали мне плохой комплимент, сказав, что я не смогу решить такого простого вопроса. Сядьте-ка лучше, да поговорим хорошенько.

Виндибэнк упал на стул. Он был смертельно бледен, и на лбу у него выступали капли пота.

– За это... нельзя привлечь к суду, – пробормотал он.

– Очень боюсь, что вы правы в этом отношении. Но, говоря между нами, Виндибэнк, мне никогда в жизни не случалось иметь дела с подобного рода жестокой, эгоистичной и бессердечной проделкой. Ну, теперь я расскажу вам, как все произошло, а вы возражайте, если я ошибусь.

Виндибэнк сидел на стуле, опустив голову на грудь, с видом совершенно пришибленного человека. Холмс протянул ноги к камину и, откинувшись в кресло и засунув руки в карманы, заговорил, казалось, скорее сам с собою, чем с нами.

– Человек женился из-за денег на женщине гораздо старше его, – сказал он, – и мог распоряжаться также и деньгами ее дочери, пока она жила с ними. Для людей их круга это была значительная сумма, и потеря ее отразилась бы на их бюджете. Следовало сделать что-нибудь, чтобы удержать эти деньги. Дочь была милая добрая девушка и с ее приятной внешностью и небольшим приданым могла найти жениха в недалеком будущем. Но с ее замужеством родные теряли сто фунтов в год. Что же делает отчим для избежания такого случая? Сначала он держит ее постоянно дома и запрещает ей бывать в обществе молодых людей. Но скоро он увидел, что это не может продолжаться. Девушка стала упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, решительно заявила о своем намерении отправиться на бал. Что же делает ее мудрый отчим? У него является идея, делающая более чести его уму, чем сердцу. С согласия своей жены и с ее помощью он переодевается, прикрывает свои пронизательные глаза темными очками, приклеивает усы и густые баки, меняет свой звонкий голос на вкрадчивый шепот и, вполне рассчитывая на близорукость девушки, является в виде мистера Госмера Энджела, устраняя таким образом всех других ухаживателей.

– Сначала это было сделано в шутку, – пробормотал наш посетитель. – Мы никак не думали, что она увлечется так сильно.

Очень возможно. Как бы то ни было, барышня увлеклась очень сильно, и так как была уверена, что ее отчим уехал во Францию, то мысль об обмане не могла прийти ей в голову. Ухаживание молодого человека льстило ее самолюбию, а нескрываемое восхищение матери еще более усиливало ее чувство к жениху. Затем мистер Госмер Энджел стал ходить в дом: ясно, что это требовалось для произведения пушного эффекта. Молодые люди виделись несколько раз и дали друг другу слово: надо же было предохранить девушку от увлечения кем-нибудь

другим. Однако нельзя же было вечно поддерживать обман. Постоянные поездки во Францию становились все более затруднительными. Оставалось привести дело к концу и таким драматическим способом, чтобы произвести сильное впечатление на молодую девушку и заставить ее на некоторое время отказывать новым женихам. Вот причина требования клятв в верности, произнесенных над Библией, и намеков на возможность каких-то случайностей, высказанных в самый день свадьбы. Джеймс Виндибэнк хотел связать мисс Сазерленд с Госмером Энджелом настолько, чтобы она лет десять не знала, что случилось с ее женихом, и не обращала внимания ни на кого другого. Он довел ее до дверей церкви, и так как не мог войти туда за ней, то преспокойно исчез, употребив в дело старый прием: вошел в одну дверцу кареты и вышел в другую. Вот каков был ход событий, мистер Виндибэнк!

Пока Холмс говорил, наш посетитель успел несколько оправиться. Теперь он поднялся со стула с холодной усмешкой на бледном лице.

– Все это может быть, а может и не быть, мистер Холмс, – сказал он. – Но если вы такой проникательный, всезнающий господин, то должны бы были знать, что вы, а не я, нарушаете закон. Я не подлежу суду, а вот вас так можно судить за то, что вы совершаете насилие, запирая дверь и не выпуская меня отсюда.

– Закон, действительно, бессилён против вас, – сказал Холмс, отпирая дверь и распахивая ее, – но редко кто заслуживал наказания больше вас. Если бы у барышни был брат или друг, он отхлестал бы вас. Черт возьми! – прибавил он, увидев усмешку на лице Виндибэнка. – Хоть это и не входит в мои обязанности, но я доставлю себе удовольствие...

Он быстро подошел к стене, на которой висел хлыст, но прежде, чем успел взять его, на лестнице послышался отчаянный топот ног, стук захлопнувшейся входной двери, а из окна мы увидели мистера Виндибэнка, изо всех сил бежавшего по улице.

– Что за негодяй! – смеясь, проговорил Холмс. Он снова опустился в свое кресло. – От преступления к преступлению этот малый непременно дойдет до виселицы. Дело-то вышло довольно интересное.

– Я все-таки еще не вполне уяснил себе ход ваших рассуждений, – заметил я.

– Ну, ведь с самого начала можно было предположить, что Госмер Энджел имеет основание вести себя так странно. Ясно было также, что это дело могло быть выгодно только отчиму. Имело значение и то обстоятельство, что Госмер и Виндибэнк никогда не встречались, и один бывал всегда, когда другого не было дома. Темные очки, странный голос, густые баки, – все указывало на переодевание. Все мои подозрения подтвердились, когда я увидел подпись, писаную на машинке. Очевидно, что почерк отчима был так хорошо знаком барышне, что она сейчас же узнала бы его. Вы видите, все эти отдельные факты, имеете с другими, менее важными, подтверждали мои подозрения.

– А как вы проверили эти факты?

– Ну, это было уже нетрудно. Я знал торговый дом, в котором он служит. Я взял объявление, выбросил оттуда все, что могло быть употреблено для того, чтоб изменить свой наружный вид – баки, очки, голос, – и послал в контору торгового дома с просьбой уведомить меня, есть ли у них агент по продаже вина, к которому подошли бы эти приметы. Я заметил особенности машинки, на которой были написаны письма Госмера, и написал Виндибэнку в контору, прося его прийти сюда. Как я и ожидал, он ответил также на машинке и с теми же самыми недостатками. С той же почтой я получил письмо от фирмы «Вестхауз и Мэробэнк» на Фенчерч-стрит, в котором меня уведомляли, что все присланные мной приметы вполне подходят к одному из их служащих, Джеймсу Виндибэнку. *Voilà tout*¹⁴.

– А мисс Сазерленд?

– Она не поверит, если я расскажу ей все. Помните старую персидскую поговорку: «Горе укравшему детеныша у тигрицы, горе отнявшему иллюзию у женщины». Хафиз¹⁵ был так же умен, как Гораций, и так же хорошо знал людей.

¹⁴ Вот и все (фр.).

¹⁵ Хафиз Ширази (ок. 1325–1389/1390) – знаменитый персидский поэт и суфийский шейх, один из величайших лириков мировой литературы.

Преступление в Боскомской долине

В один из дней во время завтрака горничная принесла мне телеграмму от Шерлока Холмса:

«Приглашен расследование преступления в Боскомской долине на западе Англии. Не сможете ли вы присоединиться ко мне на пару дней? Природа и воздух великолепны. Выезжаем с Паддингтона 11.15».

– Что же ты ему ответишь, дорогой? Поедешь? – поинтересовалась жена, взглянув на меня.

– Даже и не знаю, что делать. У меня в эти дни очень много пациентов.

– Анструзер подменит тебя. В последнее время ты очень переутомился, и перемена обстановки пошла бы на пользу. Тем более, что тебе всегда интересно работать с мистером Шерлоком Холмсом.

– Было бы неблагодарностью с моей стороны не откликаться на его просьбы, – ответил я. – Но если ехать, то надо срочно собираться, в моем распоряжении только полчаса.

Годы службы в лагерях в Афганистане сделали меня не только закаленным, но и легким на подъем. Я неприхотлив, как правило, обхожусь немногими вещами, и потому, собрав в несколько минут саквояж, я помчался на Паддингтонский вокзал.

В ожидании поезда Шерлок Холмс ходил по платформе. На нем был серый дорожный плащ и небольшая суконная кепка, которые делали его еще более худым и высоким.

– Это очень хорошо, что вы согласились поехать со мной, Ватсон, – сказал он. – Чувствуешь себя гораздо спокойнее, если с тобой человек, на которого можно полностью положиться. Особенно, когда местная полиция пассивна или оказывает давление на ход расследования. Займите, пожалуйста, два угловых места, а я тем временем схожу за билетами.

Холмс возвратился с целой кипой газет, которые заполнили все купе. Просматривая их, он делал какие-то записи. Когда мы доехали до Рединга, он быстро смял все газеты и опустил их в багажную сетку.

– Ватсон, вам что-нибудь известно об этом деле? – спросил Холмс.

– Нет, чрезмерная загрузка по работе не позволяла мне в последние дни заглядывать в газеты.

– Лондонская печать не давала подробной информации. А вот из просмотренных только что последних газет я получил некоторые подробности. И они говорят о том, что это один из тех несложных, на первый взгляд, случаев, которые на деле оказываются чрезвычайно запутанными.

– Простите, Холмс, это звучит несколько странно.

– И, тем не менее, это абсолютная правда. Довольно часто именно в необычности – ключ к разгадке тайны. И потому, чем обыденнее и проще казалось бы преступление, тем сложнее найти эту необычность и труднее докопаться до истины. Ну, а теперь по существу. В нашем случае очень серьезные обвинения предъявлены сыну убитого.

– Вы считаете, что это убийство?

– Есть такие предположения. Я не могу с этим согласиться, пока подробно не изучу дело. Ну, а пока кратко обрисую вам ситуацию, какой я ее представляю. Боскомская долина – это сельская местность вблизи Росса, в Хирвордшире. Самый крупный землевладелец здесь – мистер Джон Тэнер. Несколько лет назад он вернулся на родину из Австралии, где заработал солидный капитал. Одну из своих ферм, Хезарлей, он сдал в аренду мистеру Чарльзу Маккарти, тоже прибывшему из Австралии. Они были давнишние знакомые и, возвратившись домой, поселились поблизости. Тэнер был более состоятельным, чем Маккарти, но разница в положении не мешала им поддерживать дружеские отношения и нередко вместе проводить

время. У Маккарти был восемнадцатилетний сын, а у Тэнера – дочь такого же возраста. Оба были вдовцами. Обе семьи жили уединенно и каких-то знакомств со здешними жителями практически не поддерживали. При этом оба Маккарти не были абсолютными затворниками, интересовались спортом и нередко посещали местные скачки. А в хозяйстве им помогали слуга и горничная. У Тэнеров было более крупное хозяйство, и потому они держали с полдюжины слуг. Вот, пожалуй, и все, что я смог разузнать об этих семействах. Ну а теперь непосредственно о самом происшествии.

Художник

Из первого издания «Этюда в багровых тонах». Рисунок Чарльза Дойла. 1888

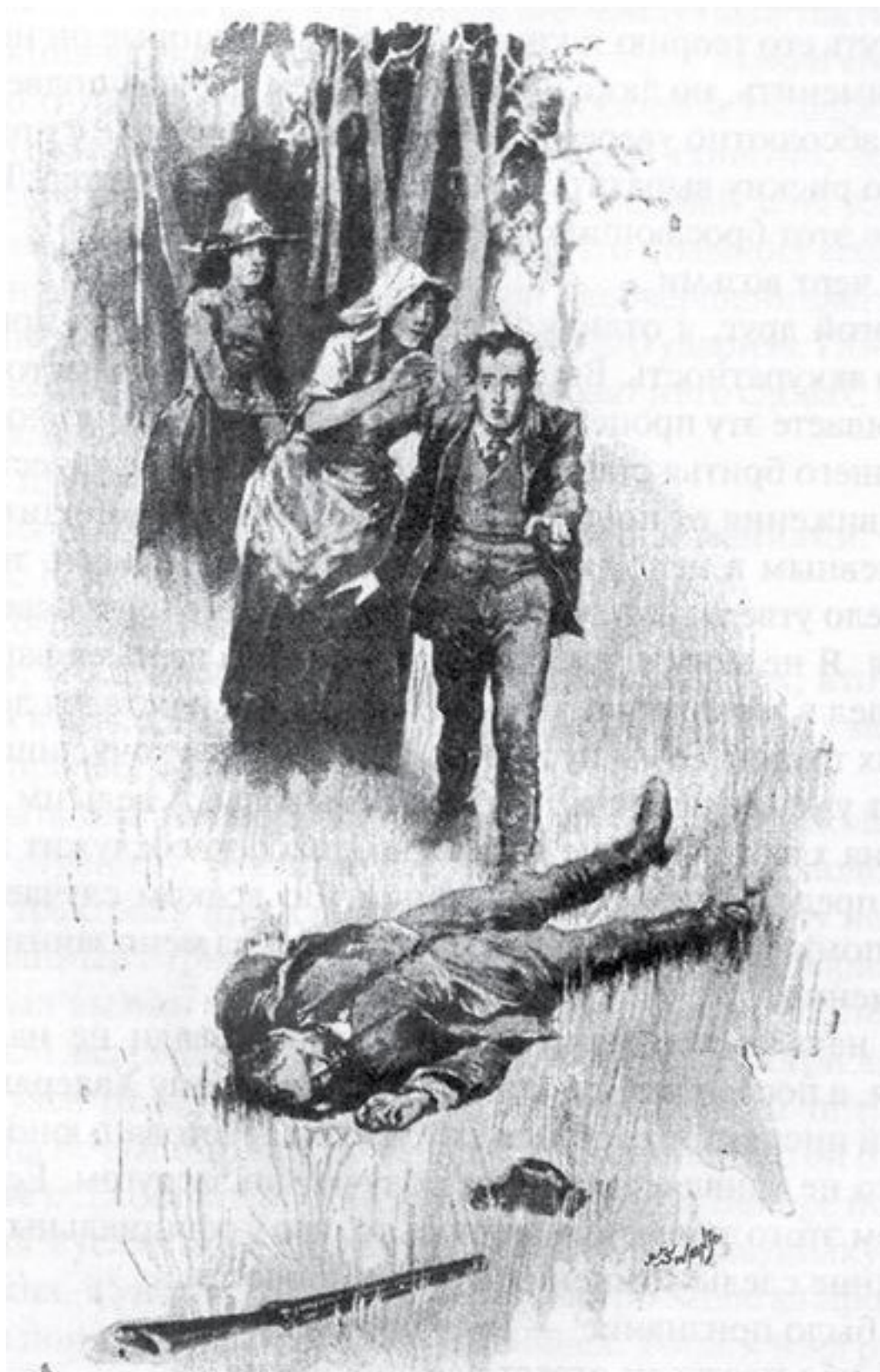
Художник Сидни Эдвард Пэджет (1860–1908) был одним из первых и наиболее популярных иллюстраторов Конан Дойла. В качестве модели для Шерлока Холмса он выбрал своего брата Уолтера – худощавого, высокого, красивого мужчину. До этого Холмса изображали и другие художники, в их числе Дэвид Генри Фристон. Знаменитый сыщик у него выглядел

далеко не интеллектуалом, скорее растолстевшим буржуа. Иллюстрировал первые произведения Конан Дойла и его отец – Чарльз Олтемонт (Алтамонт) Дойл (1832–1893). Отец писателя, привлекательный внешне и духовно, был художником и архитектором. Он писал акварели, выполнил иллюстрации к произведениям Л. Кэрролла и Д. Дефо, создал витражи в кафедральном соборе в Глазго. Но из-за своей непрактичности, приступам эпилепсии и страсти к спиртным напиткам стал неудачником, работал простым клерком. Сын Артур всегда считал отца незаурядным живописцем и мечтал собрать рассеянные повсюду его картины и устроить выставку. Отчасти ему это удалось в 1924 году. Выставка вызвала хвалебные отзывы многих искусствоведов.

Шерлок Холмс. Рисунок Сидни Пэдгета

Читателям, особенно женщинам, пришелся по душе образ неотразимого скуластого мужчины, созданный Сидни Пэджетом.

В прошлый понедельник третьего июня в три часа дня Маккарти направился из своего дома в Хезарлей к Боскомскому омуту. Местные жители так называют небольшое озеро,

которое образовалось от разлившегося ручья, протекающего по Боскомской долине. Утром во время поездки в Росс он поторапливал слугу, ссылаясь на предстоящую у него в три часа важную встречу. Именно с этого свидания он и не вернулся.

На пути от фермы Хезарлей до Боскомского омута, а это примерно с четверть мили, его видели два человека. Старуха, имя которой ни в одной из газет не упомянуто, и Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. По утверждению обоих свидетелей, мистер Маккарти был один. Правда, лесник добавил, что некоторое время спустя в том же направлении проследовал сын мистера Маккарти, у которого на плече висело ружье. Он не придал бы этому никакого значения, если бы вечером не услышал о случившейся трагедии.

Немногим позже обоих Маккарти видел еще один свидетель – дочь привратника имени Тэнера, девочка лет четырнадцати, Пэшенс Морван. Она собирала в лесу цветы и видела у озера мистера Маккарти и его сына, которые очень серьезно ссорились. Девочка слышала, как старший Маккарти кричал на сына, а тот в ответ пытался поднять руку на своего отца. Эта неприятная сцена так напугала ее, что она в страхе убежала оттуда. Примчавшись домой, она рассказала матери, что отец и сын Маккарти затеяли в лесу ссору, которая может дойти до драки.

Не успела она закончить рассказ, как к ним вбежал молодой Маккарти. С ужасом на лице он сообщил, что обнаружил в лесу мертвым своего отца, и попросил помощи у привратника. Молодой человек был в сильнейшем возбуждении, без ружья и шляпы. На правой руке и на рукаве у него были свежие пятна крови. Вдвоем они поспешили к убитому. Тело мистера Маккарти было распростерто в траве у кромки воды, череп покойного размозжен каким-то тяжелым предметом. Это вполне мог быть приклад ружья, которое валялось рядом с убитым. Это было ружье сына мистера Маккарти. Все улики настолько очевидно указывали на молодого человека, что того сразу же арестовали. Уже во вторник следствие вынесло предварительное заключение: «преднамеренное убийство». А на следующий день Джеймс Маккарти предстал перед мировым судьей Росса, и тот направил дело на рассмотрение суда присяжных. Вот основные факты, которыми располагает сегодня следствие.

– Более мерзкого дела невозможно даже представить, – заметил я. – И все имеющиеся доказательства полностью изобличают преступника.

– На первый взгляд это так, но косвенные доказательства обманчивы, – задумчиво проговорил Холмс. – Вроде бы они совершенно точно указывают – истина здесь, но в то же время уводят в противоположную от истины сторону. Да, обстоятельства сложились явно не в пользу молодого человека, я даже допускаю вероятность того, что он и есть преступник. Но, дорогой Ватсон, немало людей, которые не верят в его виновность. Одна из них мисс Тэнер, дочь соседа-землевладельца. Именно она пригласила Лестрейда для того, чтобы он разобрался в этом преступлении. Вы, надеюсь, помните его по «Этюду в багровых тонах»? Но Лестрейд посчитал это дело слишком сложным и передал его мне. И вот мы, два джентльмена средних лет, вместо того чтобы спокойно завтракать в уютной домашней обстановке, мчимся на запад со скоростью пятьдесят миль в час.

– Боюсь, что улики слишком убедительны, – сказал я, – вряд ли вы сумеете что-то здесь исправить.

– Очевидные факты нередко бывают обманчивы, – ответил Холмс с усмешкой. – Кроме того, в ходе расследования мы вполне можем отыскать какие-то другие столь же очевидные факты, которые будут в пользу обвиняемого, и которые были совершенно не очевидны для мистера Лестрейда. Вы достаточно хорошо меня знаете и, надеюсь, не станете обвинять в хвастовстве. Я или соглашаюсь с имеющимися предположениями, или опровергаю их. Причем я это сделаю такими методами, которые Лестрейд не только не способен применять, но даже понимать. Могу подтвердить это таким вот примером: мне совершенно ясно, что зеркало в

вашей спальне расположено с левой стороны от окна. Не уверен, что для мистера Лестрейда этот факт будет столь же очевиден.

– Но позвольте, Холмс, как вы...

– Милый мой друг, я знаю вас уже многие годы, вашу военную аккуратность, вашу неизменную привычку тщательно бриться каждое утро, несмотря ни на что. Однако, сегодня ваша левая щека выбрита значительно хуже правой, слева выше уха видна щетина. Отчего это? Потому что, несмотря на солнечную ясную погоду, левая часть вашего лица была освещена хуже, чем правая. А если бы вы брились перед зеркалом при ровном освещении, вас, повторяю, очень аккуратного человека, вряд ли удовлетворили бы подобные результаты.

Это только один элементарный пример наблюдательности и умения делать выводы из таких наблюдений. В этом и состоит мое «*metier*»¹⁶, которое, я надеюсь, поможет нам в предстоящем расследовании. Есть пара незначительных деталей, зафиксированных следствием. Но на них необходимо обратить внимание.

– И что же это за детали?

– Выяснилось, что молодого Маккарти арестовали не сразу, а только после возвращения его на ферму Хезарлей. При этом, когда полицейский инспектор сообщил ему об аресте, он принял это безропотно, обреченно признав, что заслуживает подобной меры. Его слова фактически рассеяли у следствия последние сомнения в виновности Джеймса.

– Выходит, что он признался? – воскликнул я.

– Не только не признался, а тут же заявил о полной своей непричастности к убийству.

– При имеющихся у следствия уликах это заявление молодого Маккарти не вызывает доверия.

– Напротив, – сказал Холмс, – это единственный лучик надежды в сгустившихся тучах. Молодой человек может быть невиновен, но он не глуп и должен осознавать, что обстоятельства не на его стороне. Если бы он высказал негодование, возмущение при аресте, у меня это вызвало бы подозрение, потому что подобное поведение, при данных обстоятельствах, не может быть искренним. И это изобличило бы его. Но беспомощность и обреченность в момент ареста может говорить либо о его полной невиновности, либо о редкостной выдержке и самообладании. Ну, а его слова о том, что он заслуживает наказания, вполне объяснимы. Он только что стоял над телом убитого отца, с которым в день смерти обошелся совсем не как сын, нагрубил и даже, по утверждению свидетельницы, – а эти показания очень важны, – пытался применить к нему физическое воздействие. И эта фраза, на мой взгляд, скорее говорит о раскаянии и сожалении о своей несдержанности при общении с отцом, и она является доказательством его совестливости и не испорченности, но никак не вины.

– Немало было вздернуто на виселице и с меньшими уликами, – заметил я.

– Вы правы, Ватсон. И среди них было немало невиновных.

– А молодой человек что приводит в свое оправдание?

– Практически ничего утешительного для его защиты, не считая одной-двух деталей.

Почитайте, они есть в газетах.

Холмс достал местную газету и указал несколько абзацев с показаниями молодого Маккарти. Я присел на свое место и углубился в чтение. В газетной статье рассказывалось:

«Следствие вызвало мистера Джеймса Маккарти, сына покойного, который показал:

– Меня не было дома три дня, я уезжал в Бристоль и вернулся утром в прошлый понедельник, третьего числа. Отца к моему приезду не было дома, и горничная сообщила, что он поехал с конюхом Джоном Коббом в Росс. Прошло совсем немного времени, я услышал, как во двор въехала

¹⁶ Ремесло (*фр.*).

его двуколка. Выглянув из окна, я увидел, что он быстро куда-то уходит со двора. Я решил осмотреть пустырь, где мы держим кроликов. Взяв ружье, я направился на противоположный берег Боскомского омута на пустырь. По пути мне действительно встретился лесничий Уильям Краудер, о чем он сообщил в своих показаниях. Однако он ошибается, утверждая, что я шел за отцом. Я не знал, что отец идет этим же путем впереди меня. Примерно в ста шагах от омута я вдруг услышал крик «Коу!», которым мы с отцом окликали обычно друг друга. Я сразу побежал на крик и увидел его у омута. Мое появление, как мне показалось, было для него полной неожиданностью, и он довольно резко спросил, что я здесь делаю. Слово за слово, дальше разговор пошел на повышенных тонах, и чуть было не закончился дракой. Отец всегда был очень вспыльчивым. И потому, опасаясь, что он не сможет сдержаться, я предпочел прекратить ссору и направился к ферме Хезарлей. Но, не пройдя и двух сотен ярдов, я услышал душераздирающий крик и бросился назад. Отец лежал навзничь, там, где мы расстались: голова была вся в крови, жизнь покидала его. Откинув ружье, я кинулся к отцу, приподнял ему голову, но он тут же скончался. Как в тумане, я несколько минут стоял на коленях возле убитого, потом пошел за помощью к сторожу мистера Тэнера. Его дом был ближе других. Признаюсь, что я никого не видел возле отца и даже не представляю, кто мог его убить. Он не заводил здесь никаких знакомств, потому что всегда был необщительным и неприветливым человеком. Но и о его недругах мне ничего неизвестно. Это все, что я могу вам сообщить.

Следователь. Ваш отец успел что-то сказать перед смертью?

Свидетель. Да. Он прошептал несколько непонятных слов, одно из них что-то вроде «крысы».

Следователь. И что это, по-вашему, может значить?

Свидетель. Не представляю. Может, просто он бредил.

Следователь. А что стало причиной вашего последнего конфликта с отцом?

Свидетель. Мне не хотелось бы говорить об этом.

Следователь. Сожалею, но я вынужден настаивать на ответе.

Свидетель. Повторяю, я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю, что наша ссора с отцом не имела никакого отношения к той трагедии, которая последовала за ней.

Следователь. Это решать суду. Думаю, нет необходимости подробно пересказывать вам все последствия отказа отвечать на вопросы, когда вы предстанете перед судом.

Свидетель. И все-таки я не буду отвечать.

Следователь. Если я правильно понял крик «Коу!», вы с отцом так окликали друг друга?

Свидетель. Да.

Следователь. А как вы объясните то, что отец не только не видел вас, но даже и не знал о вашем возвращении из Бристоля, и, тем не менее, подал условный знак, предназначенный именно для вас?

Свидетель (очень смущенно). Не знаю.

Присяжный заседатель. Не заметили вы что-нибудь необычное, когда прибежали на крик отца и нашли его смертельно раненным?

Свидетель (неуверенно). Ничего особенного.

Следователь. Вы что-то недоговариваете.

Свидетель. Меня напугал крик отца. Когда я выбежал из леса, то думал только о нем, ни на что другое я просто не обратил внимания. Правда, я смутно вспоминаю – что-то лежало недалеко от тела отца. Это была какая-то серая одежда, может быть, плащ. Когда я пришел в себя и поднялся с колен, эта вещь куда-то исчезла.

Следователь. То есть вещь исчезла еще до того, как вы отправились за помощью?

Свидетель. Да.

Следователь. Вы и сейчас не предполагаете, что это было?

Свидетель. Нет, у меня просто какое-то смутное представление, что там что-то лежало.

Следователь. Как далеко от убитого?

Свидетель. В десятке шагов.

Следователь. А на каком расстоянии от опушки леса?

Свидетель. Примерно на таком же.

Следователь. Выходит, вещь, которая находилась в десяти шагах от вас, исчезла, а как это произошло, вы даже не заметили?

Свидетель. Да, но я как в тумане стоял на коленях перед телом отца, причем спиной к этой вещи.

На этом предварительный допрос свидетеля был окончен».

– Обратите внимание, Холмс, в конце допроса следователь был просто безжалостен к молодому Маккарти, – сказал я. – Он указал, и для того были веские основания, на целый ряд противоречий и неточностей в показаниях подозреваемого. Отец будто бы позвал сына, хотя и не мог знать о его присутствии в лесу; умирая, произносит какие-то странные слова; далее, сын категорически отказался раскрыть причину конфликта с отцом; рассказывает о какой-то вещи недалеко от тела отца, которая якобы вдруг исчезла. Все это, как обратил внимание следователь, явно не в пользу молодого человека.

Холмс устроился поудобнее на диване и снисходительно улыбнулся:

– Вы столь же предвзяты, как и следователь: отмечаете все детали из показаний молодого человека, что в его пользу. Неужели вы не видите собственную непоследовательность: то считаете, что он слишком много фантазирует, то полностью отказываете ему в этих фантазиях. Да, отказываете – если думаете, что он не смог бы привести какую-то убедительную причину ссоры, которая помогла бы ему склонить на свою сторону присяжных. И одновременно приписываете слишком большое воображение, предполагая абсолютным вымыслом упоминание якобы умирающим о крысе и исчезновении непонятной одежды. Нет, сэр, по-моему, рассказ молодого человека абсолютно правдивый. Посмотрим, к чему приведет нас этот вывод. А теперь я хочу на время забыть об этом деле и почитать Петрарку, пока мы не прибудем на место происшествия. Наш второй завтрак в Суиндоне. Мы должны быть там минут через двадцать.

* * *

Около четырех часов дня мы пересекли живописную Страудскую долину, широкий сверкающий Северн и очутились, наконец, в очень симпатичном небольшом городке Россе. На платформе нас ожидал аккуратный, собранный, похожий на хорька человечек с хитрыми глазками. Хотя своим коричневым плащом и сапогами он больше напоминал сельского жителя, я легко узнал в нем Лестрейда из Скотланд-Ярда. Вместе мы доехали до гостиницы «Хирфорд Армз», где для нас с Холмсом были оставлены комнаты.

– Я хорошо знаю вашу деятельную натуру, – сказал Лестрейд за чашкой чая. – Вы только тогда успокоитесь, когда окажетесь на месте преступления, поэтому я заказал экипаж.

– Это очень мило с вашей стороны, – ответил Холмс. – Но дальнейшие мои действия будут зависеть от показаний барометра.

Это чрезвычайно удивило Лестрейда.

– Я вас не совсем понимаю, – сказал он.

– Что показывает барометр? Двадцать девять, насколько я вижу, безветренно, на небе ни облачка. Можно и покурить. А какой здесь удобный диван, не в пример другим деревенским гостиницам! Поэтому сегодня вечером мне не понадобится никакой экипаж.

– Вы, конечно, уже сделали вполне определенные выводы, прочитав газетные отчеты, – снисходительно улыбнулся Лестрейд. – Дело это абсолютно ясное, и чем глубже вникаешь в него, тем оно становится очевиднее. Но невозможно было отказать в просьбе женщине, да еще такой, как Алиса Тэнер. Она много слышала о вас и пожелала, чтобы именно вы взялись за расследование, несмотря на мои настойчивые попытки убедить ее, что это ничего не изменит. А вот подъехал ее экипаж!

Он едва произнес эти слова, как в комнату впрорхнула обаятельная молодая женщина. Это была редкая красавица. Ее лицо заливал нежный румянец, голубые глаза сверкали, ярко очерченные губы были слегка приоткрыты. Видно было, что она настолько взвинчена, что даже утратила необходимую сдержанность.

– О, мистер Шерлок Холмс! – воскликнула она, с безошибочной женской интуицией обратившись именно к моему другу. – Я очень рада, что вы откликнулись на мою просьбу. Я уверена в невиновности Джеймса. Я это знаю, и мне хочется, чтобы и вы в это поверили. Мы с ним дружим с раннего детства, и поэтому я лучше других знаю все его недостатки и достоинства. Он удивительно добр и не обидит и мухи. Все, даже те, кто лишь немного с ним знаком, считают обвинение совершенно безосновательным.

– Я рассчитываю, что нам удастся снять с него эти обвинения, мисс Тэнер, – сказал Шерлок Холмс. – Поверьте, я постараюсь сделать все для этого.

– Так вы уже читали отчеты, и у вас сложилось какое-то мнение? У вас есть факты, подтверждающие его невиновность?

– Я допускаю это.

– Вы слышали?! – воскликнула она, гордо поднимая голову, и с вызовом посмотрела на Лестрейда. – Теперь у меня появилась надежда, что он будет признан невиновным.

– Боюсь, что мой коллега несколько поспешил, делая подобное заявление, – скептически произнес Лестрейд.

– А я уверена, что мистер Холмс прав! Джеймс не способен на преступление. Мне известна причина его ссоры с отцом. Он отказался назвать ее, чтобы оградить меня от неприятностей.

– И каким образом? – спросил Холмс.

– Ситуация не позволяет мне что-либо скрывать. Дело в том, что у Джеймса были серьезные разногласия с отцом, который очень хотел, чтобы мы поженились. Да, мы с Джеймсом всегда любили друг друга, но как брат и сестра. Он еще очень молод, не знает жизни и... Ну, словом, он пока не готов был к тому, чтобы жениться на мне. Поэтому у него постоянно возникали конфликты с отцом, я уверена, что последняя ссора произошла по этой же причине.

– А ваш отец хотел этого союза? – спросил Холмс.

– Он был категорически против. Этого не хотел никто, кроме отца Джеймса.

Яркий румянец еще больше залил ее лицо, когда Холмс внимательно и испытующе взглянул на девушку.

– Благодарю вас, мисс Тэнер, за эти сведения, – сказал он. – Я хотел бы завтра увидеться с вашим отцом.

– Боюсь, этого не позволит доктор.

– Какой доктор?

– Доктор Уиллоуз. Последние годы бедный папа и так очень часто и серьезно болел, а это несчастье окончательно сломило его. Он совсем слег, как говорит доктор, у него сильное нервное потрясение. Это неудивительно, ведь мистер Маккарти был самым давним его приятелем, еще со времен работы на золотых приисках Австралии.

– О, это очень интересно! Как я понимаю, именно там мистер Тэнер и заработал свой капитал?

– Да, конечно.

– Благодарю вас, мисс Тэнер. Ваша информация очень важна для расследования.

– Мистер Холмс, я вас очень прошу, дайте мне знать, пожалуйста, если у вас появятся какие-нибудь новости. А если вы навестите Джеймса в тюрьме, то передайте ему, что я убеждена в его невиновности.

– Непременно передам, мисс Тэнер.

Мисс Тэнер поднялась.

– Мне необходимо поскорее быть дома. Папа болен, и без меня ему очень тяжело. Прощайте, да поможет вам Бог!

Она столь же поспешно вышла из комнаты, как и вошла, и за окном послышались звуки отъезжающего экипажа.

– Мне было неловко за вас, Холмс, – с упреком сказал Лестрейд после минутного молчания. – Зачем обнадеживать девушку, не имея для этого достаточно веских оснований? Я не страдаю излишней сентиментальностью, но должен сказать, что вы поступили жестоко в отношении мисс Тэнер.

Холмс оставил без ответа слова Лестрейда.

– Кажется, я нашел путь к спасению Джеймса, – сказал он. – У вас имеется разрешение на его посещение в тюрьме?

– Да, но только для нас двоих.

– Ну что же, я отказываюсь от своих первоначальных планов остаться в гостинице, и мы отправляемся в Хирфорд, чтобы уже сегодня увидеться с заключенным. Вы согласны?

– Вполне.

– В таком случае едем. Ватсон, боюсь, что вам придется посидеть пару часов одному.

Проводив их до станции, я прогулялся по улицам города, а вернувшись в гостиницу, взял в руки бульварный роман и прилег на кушетку. Однако сюжет был абсолютно серым и безыскусным по сравнению со страшной трагедией, разыгравшейся перед нами. Только она одна занимала все мои мысли. Поэтому я бросил книжку и стал размышлять над сегодняшними событиями. Если исходить из того, что показания несчастного молодого человека были абсолютно правдивы, то совершенно непонятно, кто же стоит за тем ужасным дьявольским преступлением, которое произошло в то короткое время, на которое он оставил отца? Это что-то невероятное, кошмарное. Может быть, мне удастся разобраться в этом как врачу, если я подробно познакомлюсь с характером повреждений? Я позвонил администратору гостиницы и попросил принести мне последние номера местной газеты с материалами следствия.

Мое внимание привлекло заключение хирурга, в котором говорилось, что задняя часть теменной кости и левая половина затылка разможены мощным ударом, нанесенным тупым предметом. Я определил это место на своей собственной голове. Было очевидно, такой удар можно нанести только сзади. В таком случае, это в некоторой степени снимало подозрения с обвиняемого, так как свидетель утверждает, что отец и сын ссорились, стоя лицом к лицу. Правда, это не дает полного алиби подозреваемому потому, что мистер Маккарти мог повернуться к сыну спиной и получить удар сзади. И все-таки об этом факте нужно будет сообщить Холмсу. И еще очень непонятно упоминание о какой-то крысе. Это не должно быть бредом,

человек, получивший внезапный удар, не бредит. Скорее, он пытался объяснить или что-то сказать об убийце. Но что именно? Как я не бился, так и не смог отыскать этому хоть какое-то объяснение. И потом, что произошло с той одеждой, которую заметил молодой Маккарти, и которая затем исчезла. Если это правда, может быть, убийца ее обронил, когда убежал. При этом у него хватило решительности вернуться и взять эту вещь за спиной у сына, который буквально в десяти шагах от него стоял на коленях перед убитым. Какое сплетение таинственного и необъяснимого в этом происшествии! Я не очень доверял Лестрейду, а вот в дальновидность Холмса я верил, и пока он находил новые детали, подтверждающие невиновность молодого Маккарти, мои надежды на благоприятный исход этого дела росли.

Холмс вернулся очень поздно. Он приехал один, потому как Лестрейд остановился в городе.

– Барометр все еще не падает? – поинтересовался он, присаживаясь. – Лишь бы не было дождя до того времени, как мы доберемся к месту происшествия! Дело очень интересное, и для его раскрытия необходимо использовать весь интеллектуальный потенциал. По правде сказать, мне не очень хотелось сегодня работать – слишком утомила дорога. Знаете, мне удалось повидаться с молодым Маккарти.

– И что же вы получили от этой встречи?

– Ничего.

– Абсолютно ничего нового?

– Если не считать незначительной поправки к моим предположениям. Я был склонен думать, что он знает имя преступника, но по какой-то причине скрывает его. Однако теперь я уверен, что и для него это такая же загадка, как и для всех других. Я не сказал бы, что молодой Маккарти очень умен, но человек он неиспорченный, вызывающий симпатию.

– Но он совершенно лишен вкуса, – сказал я с улыбкой, – если отказывается жениться на столь обаятельной молодой девушке, как мисс Тэнер.

– Здесь не так все просто. За этим кроется не очень приятная история! Он давно и страстно любит ее. Но пару лет назад, будучи подростком, когда мисс Тэнер училась в пансионе, он по глупости попался в сети одной уже немолодой бристольской буфетчицы и зарегистрировал с ней брак. Об этом никто не знал, но можете себе представить, как его расстраивали постоянные упреки за то, что он отказывается жениться на девушке, которую на самом деле любит больше всех на свете! Это и есть главная причина, по которой он противился требованию отца сделать предложение мисс Тэнер. А кроме того, он не имел средств к существованию. Отец, как все утверждают, человек крутого нрава, просто выгнал бы его из дому, если бы до него дошла история женитьбы его сына на буфетчице. Последние три дня юноша провел в Бристоле у своей жены, а отец не знал, где он был. Запомните этот факт, он очень важен для объяснения дальнейших эпизодов этого дела. Однако, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Когда буфетчица узнала, что ее мужа обвиняют в тяжком преступлении и ему грозит виселица, сразу же решила порвать с Джеймсом. Она отправила ему письмо, что отказывается от него, потому что замужем за другим мужчиной, живущим в Бермуд-Док-Ярде. Я уверен, это письмо значительно облегчило переживания молодого Маккарти.

– Но если Джеймс невиновен, тогда кто совершил убийство?

– Этот вопрос по-прежнему остается открытым. Я хочу, чтобы вы обратили внимание на следующие два обстоятельства. Во-первых, покойный должен был встретиться с кем-то у омота, но, по моему мнению, только не со своим сыном, потому что Маккарти находился в отъезде, и отец не знал о его возвращении. Во-вторых, отец крикнул «Коу!», а ведь он не мог знать о возвращении сына. Это главные факты, на которых я основываюсь при расследовании. А теперь давайте оставим все эти проблемы до завтра, а лучше поговорим о чем-нибудь более возвышенном, пусть это будет творчество Джорджа Мередита.

Предсказания Холмса сбылись, дождя не было; утро выдалось солнечное. В девять часов за нами приехал Лестрейд, и мы отправились в экипаже на ферму Хезарлей и к Боскомскому омуту.

– Грустные вести, – сказал Лестрейд, – говорят, что мистер Тэнер настолько плох, что может умереть в любую минуту.

– Он, вероятно, очень стар? – спросил Холмс.

– Ему нет еще и шестидесяти, но он потерял здоровье в колониях и многие годы серьезно болел, а эта трагедия еще больше подкосила его. Он был старым другом Маккарти и щедрым благодетелем. Как говорят, он даже отказывался брать арендную плату за ферму Хезарлей, которую сдавал Маккарти.

– Очень интересно! – воскликнул Холмс.

– Он во всем поддерживал его. Многие подчеркивают, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

– Это удивительно! А вам не показалось несколько необычным то, что этот Маккарти, человек очень небогатый и к тому же многим обязанный мистеру Тэнеру, слишком уж настойчиво добивался женитьбы своего сына на дочери соседа, наследнице внушительного состояния? Причем считая это почти решенным вопросом, будто достаточно сыну сделать предложение – и брак будет заключен! По-моему, это очень странно, особенно если учесть то, что Тэнер не хотел даже слушать о подобном браке. Как вы помните, об этом нам рассказывала его дочь. Какие логические выводы, Лестрейд, вы могли бы сделать из того, что я сказал, методом дедукции?

– И о дедукции, и о логике мы, конечно же, слышали, – сказал Лестрейд, подмигивая мне. – Но, знаете ли, Холмс, в этом сложном деле даже факты и так чрезмерно запутаны, а вы еще предлагаете какие-то теории и фантазии.

– Да, это верно, – иронически заметил Холмс. – Вам, действительно, тяжело оперировать фактами.

– И все-таки, что бы вы ни говорили, я установил один неоспоримый факт, на который вы упорно не хотите обратить внимания, Холмс, – язвительно возразил Лестрейд.

– И что же это за факт?

– То, что Маккарти-старший убит Маккарти-младшим, и что все ваши логические выводы, отмечающие этот очевидный факт, изменчивы как молодая луна.

– Ну, от луны, по крайней мере, больше света, чем от вашего тумана, – ответил Холмс. – Если я не ошибаюсь, мы подъезжаем к ферме Хезарлей.

– Да, это она.

Перед нами широко раскинулся добротный, крытый черепицей двухэтажный дом, фасад которого был покрыт пятнами лишайника. Шторы на окнах были опущены, трубы не дымились, что дополнительно придавало ему мрачный, унылый вид, словно на нем лежал отпечаток пережитой трагедии.

На наш звонок вышла горничная, и по просьбе Холмса показала нам ботинки хозяина, в которых он был, когда его убили, и обувь сына, хотя и не ту, в которой он был в тот день. Холмс тщательно измерил подметки, и мы направились по узкой извилистой тропинке к Боскомскому омуту.

Когда мы стали подходить к месту преступления, Шерлок Холмс весь преобразился. Люди, знающие бесстрастного логика и аналитика с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его сейчас. С каждым шагом выражение его лица становилось все более сосредоточенным и напряженным. Брови сошлись на переносице, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Опущенная вниз голова, ссутуленные плечи, плотно сжатые губы, вздутые на мускулистой шее

от напряжения вены: все выдавало в нем человека, охваченного охотничьим азартом. В такие минуты он был настолько сконцентрирован на деле, которым он занимался, что его лучше было не трогать: он или совсем не реагировал на вопросы, или раздраженно перебивал любого, кто отвлекал его от размышлений.

А сейчас он молча спешил к Боскомскому омуту. Как и вся долина, это было безлюдное болотистое место. На едва заметной тропинке и на растущей рядом низкорослой траве было видно множество следов. Холмс то ускорял, то замедлял шаги, а временами останавливался как вкопанный, вглядываясь в эти следы. Периодически он начинал кружить на одном месте или делал по лужайке несколько шагов назад. Мы с Лестрейдом не отставали от него ни на шаг. Сыщик – с подчеркнуто равнодушным и даже пренебрежительным видом, тогда как я наблюдал за моим другом с неослабеваемым интересом, потому что знал, что, как всегда, все его действия глубоко осмысленны.

Боскомский омут – небольшой водоем, шириной ярдов пятьдесят, окруженный зарослями камыша. Он расположен на границе фермы Хезарлей и парка мистера Тэнера. Красные шпили, венчающие крышу дома землевладельца, хорошо видны над деревьями, подступающими вплотную к дальнему берегу. Со стороны фермы лес очень густой; и от заросшего камышом берега его отделяет узкая полоска влажной травы шириной шагов двадцать. Лестрейд точно указал место, где нашли тело. Земля здесь была такая сырая, что можно было отчетливо увидеть, где лежал убитый. По выражению лица Холмса я понял, что примятая трава и следы на ней рассказали ему о многом. После тщательного изучения этого участка он обратился к нашему спутнику.

– А что вы делали в пруду? – спросил он.

– Поработал немного граблями. Надеялся найти какие-то улики. Но как вам удалось...

– Право же, у меня нет времени для разъяснений. Но если коротко – при ходьбе вы выворачиваете левую ногу, и эти следы видны на всем пути. Вас даже слепой крот выследит. А в камышах следы прерываются. О, насколько бы упростилась задача, если бы я оказался здесь раньше, чем здесь прошло это стадо буйволов. Они уничтожили почти все следы вокруг убитого на шесть-семь футов. Но я вижу, что один человек прошел здесь трижды.

Чтобы еще более внимательно рассмотреть этот участок, он достал лупу и склонился к самой земле.

– Это следы молодого Маккарти, – рассуждал Холмс, ни к кому не обращаясь. – Он дважды прошел здесь и один раз быстро пробежал, потому следы каблуков почти отсутствуют,

а вот носки видны отчетливо. Это подтверждает правдивость его показаний. Он бежал к отцу, когда увидел его лежащим на земле. А вот следы отца – он ходил взад и вперед. А тут что? След от приклада: сын опирался на ружье, когда стоял и слушал отца. А это что такое? Короткие шажки, кто-то крался на цыпочках в каких-то необычных ботинках с квадратными носами. Вот этот человек пришел, ушел и снова вернулся, чтобы забрать свое пальто. И откуда же он пришел сюда?

Холмс направился по следу, то теряя, то вновь находя его, пока мы не оказались у кромки леса под большой старой березой. Холмс вновь обнаружил квадратные следы под этим деревом и припал к земле, заметно довольный увиденным. Он долго изучал их, сдвигая опавшие листья и сухие сучья, осмотрел через лупу почву и кору дерева на высоте человеческого роста, затем собрал с земли в конверт какой-то сор. Его заинтересовал лежащий на мху камень с неровными краями, он поднял и внимательно осмотрел его.

– А этот камень заслуживает внимания, – промолвил Холмс задумчиво, когда мы направились по тропинке в сторону дороги. – Я зайду в сторожку к Морану, мне необходимо кое-что уточнить и оставить небольшую записку. Мы еще успеем в гостиницу к завтраку. Ступайте к экипажу, я скоро присоединюсь к вам.

Через десять минут мы уже ехали в экипаже к Россу. Холмс по-прежнему не выпускал из рук камень, который он обнаружил в лесу.

– Вас может заинтересовать это, – сказал он, протягивая Лестрейду камень. – По-моему, именно им убили Маккарти.

– Но я не вижу тут никаких следов, – возразил Лестрейд.

– Да, их нет.

– Но на чем же тогда основаны ваши выводы?

– Вы не обратили внимание, что под ним росла трава? Значит, он появился здесь совсем недавно. Откуда он мог здесь взяться?.. Это вещественное доказательство. Никаких других орудий убийства нет.

– А кто, по-вашему, убийца?

– Это высокий человек, хромящий на правую ногу, который носит обувь на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары с мундштуком и носит с собой тупой перочинный нож. И еще – он левша. Я мог бы назвать и другие приметы, но и этого вполне достаточно, чтобы помочь нам в поисках убийцы.

Лестрейда это только развеселило.

– Я по-прежнему не испытываю доверия к вашим умозаключениям, – сказал он, усмехаясь. – Ваши теории, может быть, и хороши, но, к сожалению, приговор будут выносить твердолобые британские присяжные.

– *Nous verrons*¹⁷, – ответил спокойно Холмс. – У нас с вами разные подходы. Днем мне еще необходимо завершить некоторые дела, но с вечерним поездом я надеюсь вернуться в Лондон.

– Вы оставите это дело незаконченным?

– Почему? Я его закончил.

– А тайна?

– Она раскрыта.

– Но кто преступник?

– Человек, которого я только что описал.

– И кто же он?

– Это можно легко определить, территория здесь малонаселенная.

¹⁷ Посмотрим (*фр.*).

– Холмс, я человек действия, – заявил Лестрейд, – и меня поднимут на смех в Скотланд-Ярде, если я займусь поисками некоего джентльмена, о котором известно только то, что он хромой левша.

– Как вам угодно, – спокойно ответил Холмс. – Я вам дал шанс раскрыть преступление, но вы не хотите этим воспользоваться. Вот мы и прибыли. Перед отъездом в Лондон я вам напишу. Прощайте.

Мы оставили Лестрейда в его апартаментах и направились в отель, где нас ждал завтрак.

Холмс вновь замкнулся в себе, погруженный в какие-то размышления. По его мрачному виду было понятно, что он опять попал в затруднительное положение.

– Выслушайте меня, Ватсон, – сказал он, когда убрали со стола, – присядьте в это кресло, я расскажу обо всех имеющихся у меня деталях дела. Мне нужен ваш совет, так как я пока не знаю, что предпринять дальше.

– Я слушаю вас, Холмс.

– Я напому вам две детали из рассказа молодого Маккарти, которые меня заставили усомниться в его виновности, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец окликнул «Коу!», не видя его. Во-вторых, он пробормотал несколько слов, из которых сын уловил лишь одно «крыса». Начнем наше расследование с этих двух деталей. Предположим, что все, о чем рассказал юноша, абсолютная правда.

– А что такое «коу»?

– Старший Маккарти считал, что сын в Бристоль. И потому адресовалось это не ему, а Джеймс совершенно случайно услышал этот оклик. Очевидно, криком «Коу!» он звал того, с кем было назначено свидание. Но «коу» – австралийское слово, оно распространено только между австралийцами. А это говорит о том, что Маккарти должен был встретиться у Боскомского омута именно с австралийцем.

– А причем тут крыса?

Достав из кармана какой-то сложенный лист бумаги, Шерлок Холмс расправил его на столе.

– Взгляните, Ватсон. Это карта штата Виктория в Австралии, – сказал он. – Прошлой ночью я телеграфировал в Бристоль и попросил прислать мне ее. – Он прикрыл ладонью часть карты и попросил: – Прочтите-ка.

– Рэт¹⁸, – прочитал я.

– А так? – Он убрал руку.

– Балларэт!

– Абсолютно верно. Умиравший, по моему предположению, произнес именно это слово, но сын уловил только последний слог. Он пытался сообщить, что убийца из Балларэта.

– Удивительно! – воскликнул я.

– Как видите, мы смогли еще более сузить круг поиска. А вот третья деталь в показаниях сына о серой одежде преступника требует дополнительной проверки. Если подтвердятся мои предположения, мы непременно выйдем на некоего австралийца в сером пальто из Балларэта.

– Гениально!

– Одновременно он к тому же местный житель, потому что вблизи места преступления находятся только фермы и усадьбы и вряд ли сюда забредет какой-то посторонний.

– Согласен с вами, Холмс.

– А теперь о нашей сегодняшней работе на месте преступления. Исследуя почву, я обнаружил некоторые улики, которые имеют прямое отношение к преступнику. Однако вы слышали, как отреагировал на мои выводы этот недалекий Лестрейд.

– Но что это за улики?

¹⁸ Рэт – крыса (англ.).

– Ватсон, вы же знаете, что я не оставляю без внимания никакие мелочи.

– Понятно, что рост убийцы вы могли приблизительно определить исходя из длины шага, а о его обуви можно было догадаться по следам.

– Да, у него была необычная обувь.

– Но вот почему вы решили, что он хромой?

– Это просто. Следы правого ботинка менее отчетливы, чем левого. Значит, он мягче ступал на правую ногу, потому что прихрамывал.

– Но с чего вы заключили, что он левша?

– Вы сами удивились тому, как была описана рана хирургом. Удар был, по-видимому, нанесен неожиданно для убитого сзади с левой стороны. И это мог сделать конечно же только левша! Во время ссоры отца с сыном убийца стоял за деревом и курил. Я нашел пепел и поскольку неплохо разбираюсь в сортах табака, то легко установил, что он курил с мундштуком индийскую сигару. Я в недавнем прошлом интересовался этим вопросом и даже написал небольшую монографию об особенностях пепла полутора сотен различных сортов трубчатого, сигарного и папиросного табака. Обнаружив пепел, я стал искать и саму сигару, которая оказалась недалеко. Это была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

– А мундштук?

– Видно было, что он не брал ее непосредственно в рот. Следовательно, использовал мундштук. Причем кончик сигары был обрезан не очень ровно, из чего я и решил, что он пользовался тупым ножом.

– Вы расставили для преступника такие надежные сети, Холмс, из которых он уже не сможет вырваться, – сказал я. – А главное, что вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, просто вытащили его из петли. И имя убийцы, к которому ведут все следы...

– Мистер Джон Тэнер, – доложил портье. Он открыл дверь и впустил в нашу гостиную посетителя.

У вошедшего была странная, я бы сказал, малопривлекательная внешность. Медленная, прихрамывающая походка и ссутуленные плечи выдавали в нем довольно старого человека. У него было резко очерченное, волевое лицо и огромные руки, что говорило о том, что он обладает решительным характером и необыкновенной физической силой. Густая борода, седеющие волосы и широкие, нависшие над глазами брови усиливали и без того его мрачный и властный вид. По пепельно-серому лицу и синеватому оттенку губ я сразу понял, что он страдает какой-то тяжелой, неизлечимой болезнью.

– Присядьте, пожалуйста, – спокойно предложил Холмс. – Вы пришли, получив мою записку?

– Да. Вы написали, что хотите видеть меня во избежание скандала.

– Это так. Если я выступлю в суде по известному вам делу, будут серьезные последствия.

– Ну, а для чего вам понадобился я?

Старик взглянул на моего приятеля. По отчаянию, которое читалось в его взгляде, было видно, что ему хорошо известен ответ на свой вопрос свой вопрос.

– Совершенно верно, – промолвил Холмс, отвечая скорее на этот взгляд, чем на слова. – Это так. Я все знаю о Маккарти.

– Помогите мне, Господи! – воскликнул старик, закрыв лицо руками. – Я никогда не допустил бы гибели молодого человека! Поверьте, я не стал бы скрывать правду, если бы дело дошло до суда присяжных...

– Я верю в это, – сухо сказал Холмс.

– Я уже давно бы во всем признался, если бы не боялся навредить своей дорогой девочке. Это разбило бы ее сердце, она просто не смогла бы пережить моего ареста.

– Но можно и не доводить дело до ареста, – ответил Холмс.

– Что для этого необходимо сделать? Ведь я скоро умру, – сказал Тэнер, – я многие годы болен диабетом, по мнению моего доктора, мне осталось жить месяц. И все-таки, мне хотелось бы умереть не в тюрьме, а под крышей собственного дома.

Холмс подошел к письменному столу, взял перо и бумагу:

– Я лицо неофициальное и действую в интересах вашей дочери, которая пригласила меня. Но с другой стороны, как вы сами понимаете, молодой Маккарти должен быть освобожден. Поэтому рассказывайте всю правду, – предложил он, – а я коротко запишу. Вы это подпишете, а мой друг Ватсон засвидетельствует. Ваше признание я обещаю представить суду только в крайнем случае, если под угрозой будет поставлена жизнь молодого Маккарти. Если же удастся доказать его невиновность, я не стану прибегать к этому признанию.

– Согласен, – ответил старик. – Нет уверенности, что я доживу до суда, так что это практически не имеет для меня никакого значения. В первую очередь, я хочу избавить Алису от потрясения. А теперь слушайте. История эта долгая, но я постараюсь изложить вам ее очень коротко.

Вы не представляете, кем был покойный Маккарти, законченный негодяй, поверьте мне. Последние двадцать лет я был полностью в его власти, он сделал мою жизнь просто невыносимой. Вначале я расскажу о том, как я попал в его тиски. Произошло это в начале шестидесятых годов, в Австралии на золотых приисках. На участке, который я застолбил, не оказалось никакого золота, и я вынужден был бродяжничать. А так как я был молодой, горячий и безрассудный и меня окружали скверные друзья, то довольно быстро я стал, как говорится, рыцарем с большой дороги. Наша банда из шести человек вела дикую, разбойную жизнь, совершая налеты на фермы, грабя почтовые фургоны на дорогах и прииски. Меня прозвали Черным Джеком из Балларэта. В колонии и сегодня помнят нас как банду Балларэта.

Однажды мы узнали, что из Балларэта в Мельбурн под охраной из шести человек отправлено золото. Мы устроили засаду, это была настоящая бойня. Мы убили четверых, но и нас осталось только трое, когда мы добрались до добычи. На козлах сидел кучер – это был Маккарти. Я приставил револьвер к его голове, но и сегодня не могу понять, почему пощадил его. Ведь я прекрасно видел, с какой ненавистью он смотрит на меня своими маленькими злыми глазами, стараясь запомнить каждую черточку моего лица. Я должен был прикончить его! Мы захватили золото, благодаря которому стали богатыми людьми. Когда мы перебрались в Англию, я навсегда порвал со своими бывшими приятелями и начал жить как вполне обеспеченный и добропорядочный человек. Я купил это имение и стал работать, чтобы дело, которое я вел, и мои деньги принесли людям хотя бы небольшую пользу и помогли в какой-то мере искупить мои преступления. Я женился. К сожалению, жена моя умерла молодой, но оставила мне милую дочку – маленькую Алису. С первой минуты ее жизни я всегда чувствовал, что одно ее существование как ничто другое направляло меня по праведному пути. Жизнь моя получила совершенно новый смысл, и я все сделал, чтобы навсегда вычеркнуть из памяти прошлое. И мы были счастливы, пока не появился Маккарти.

Однажды я поехал в город по финансовым делам и на Риджент-стрит встретил Маккарти. Он выглядел бродягой.

«Наконец-то мы встретились, Джек, – сказал он вкрадчиво, взяв меня за руку. – Я предлагаю мирно уладить наши дела. Я не один; у меня маленький сынишка, и надеюсь, ты возьмешь на себя заботу о нас. Ну, а если нет, то ты знаешь, что Англия та страна, где чтут законы. А полиция всегда готова встать на защиту этих законов».

Так они и поселились здесь, и я вынужден был смириться с тем, что они за мои деньги живут на лучшем участке моей же земли. Они не давали мне ни минуты покоя, превратив жизнь в постоянную пытку. Всюду, куда бы я ни шел, везде натыкался на его мерзкую ухмыляющуюся рожу. Но еще тяжелее стало, когда Алиса подросла. Он заметил, что свое темное прошлое я даже больше скрываю от нее, чем от полиции. Он все получал по первому же требо-

ванию: землю, постройки, деньги. Но ему всего было мало, и тогда он потребовал невозможного – Алису.

Видите ли, сын его вырос, моя дочь тоже стала вполне взрослой, а так как все знали о моей болезни, то он решил, что его сын может стать владельцем всего моего состояния. Но вот этого я уже никак не мог допустить. Никогда его проклятый род не должен соединиться с моим, – считал я. Не скажу, что мне не нравился его сын, но одного того, что в его жилах текла кровь его мерзкого отца, было достаточно. Мое упорство совершенно вывело Маккарти из себя, и он стал мне угрожать. Мы договорились встретиться с ним на полпути между нашими домами у омута и все обсудить.

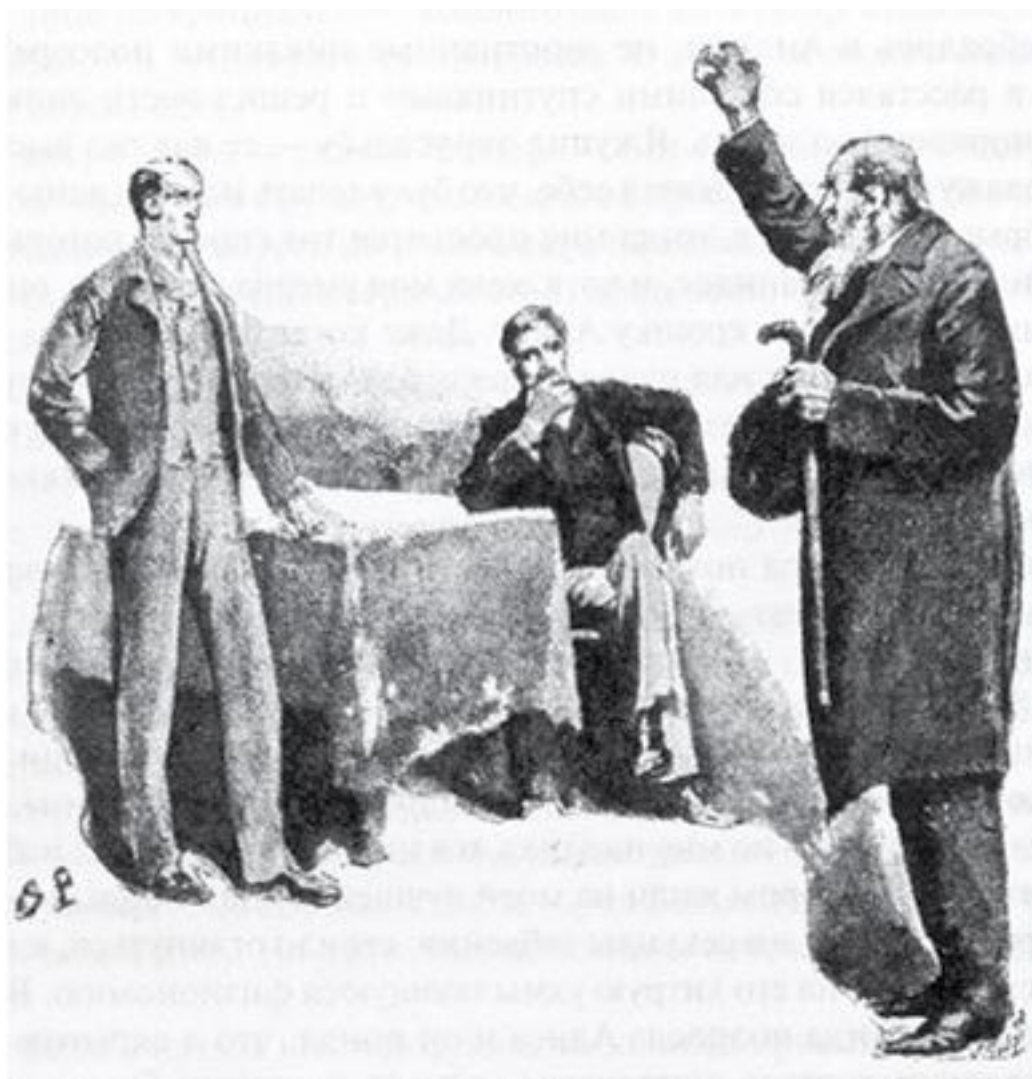
Когда я пришел туда, то увидел, что он очень эмоционально обсуждает что-то со своим сыном. Я решил переждать, пока он останется один, и закурил сигару. Но когда вслушался в их разговор, то пришел в ярость. Этот мерзавец принуждал сына к женитьбе на моей дочери, даже не пытаясь узнать ее мнение, как будто речь шла о какой-то уличной девке. У меня помутился разум, когда осознал – все, что мне дорого, навсегда оказалось во власти этого негодяя. Но эти оковы можно разрубить. Сам я безнадежно больной человек и хотя в здравом рассудке и у меня еще есть силы – мои дни сочтены. Но мое имя и судьба моей дочери! То и другое будет всегда под угрозой, пока я не вырву язык у этой подлой твари. И я убил его, мистер Холмс. И не жалею об этом. Да, это тяжкий грех. Но если ты обречен навечно жить в страданиях и муках, разве это не искупает вины? Я готов был все стерпеть, но смириться с мыслью, что и мою дочь ждет столь же невыносимая судьба, я просто не мог. Я убил этого мерзавца без малейших колебаний. Когда на его крик прибежал сын, мне уже удалось скрыться в лесу. Правда, увидев, что обронил пальто, я осторожно вернулся и подобрал его. Я сказал абсолютную правду, джентльмены, все было именно так.

– Мне сложно вас судить, – промолвил Холмс, когда старик поставил подпись под своими показаниями. – Не дай Бог никому попасть в подобный кошмар.

– Благодарю за понимание. Но что вы намерены теперь предпринять? – спросил Тэнер.

– Учитывая ваше здоровье, ничего. Совсем скоро вы предстанете перед судом Всевышнего, и этот суд праведнее земного. Я обещаю вам, что этими признаниями воспользуюсь только в крайнем случае, если молодой Маккарти будет осужден. Если же нам удастся добиться его оправдания, никто на этой земле не узнает о вашей тайне даже после вашей смерти.

– Спасибо, сэр, и прощайте, – торжественно сказал старик. – И пусть, когда наступит ваш смертный час, вам принесет успокоение воспоминание о том, насколько вы были добры к моей мятежной душе.

Сгорбившись и тяжело припадая на правую ногу, он медленно вышел из комнаты.

– Да поможет нам Бог! – проговорил Холмс после затянувшейся паузы. – Почему судьба бывает столь жестока к несчастным, беспомощным созданиям? На основании многочисленных доказательств, представленных Холмсом, суд присяжных оправдал Джеймса Маккарти. Во многом благодаря этому старый Тэнер прожил еще более полгода после нашей встречи. Сегодня его уже нет в живых. И, несомненно, Джеймс и Алиса будут счастливы вместе, не зная о темном прошлом своих отцов и позабыв те мрачные трагические события, которые омрачали их прошлое.

Пять апельсиновых зернышек

Когда я просматриваю свои заметки о Шерлоке Холмсе за период от 1882 до 1890 года, я нахожу столько странных и интересных случаев, что положительно затрудняюсь, который из них выбрать, чтобы рассказать читателям. Некоторые из них уже известны из газет, а другие не дали возможности моему другу проявить тех особенных свойств его таланта, которые я отмечаю в моих заметках. Были и такие случаи, в которых его искусный анализ не приводил к окончательным результатам, так что рассказ об этих событиях является чем-то вроде рассказа без конца; случалось ему открывать только часть истины и то, скорее, по догадкам и предположениям, чем по дорогим ему логическим выводам. Между записанными мною рассказами встречается один настолько замечательный по деталям и по результатам, что мне хочется передать его, несмотря на то, что в нем есть некоторые обстоятельства, невыясненные до сих пор, и которым, вероятно, суждено навеки остаться невыясненными.

В 1887 году у Холмса было много более или менее интересных дел, отмеченных в моих записках. Между прочим, я нахожу отчеты о деле «Парадол Чэмбер», общества нищих-любителей, имевших роскошный клуб в подвале одного мебельного магазина, о расследовании фактов, связанных с пропажей судна «Софи Андерсон», о странных приключениях Патерсонов на острове Уффа и, наконец, дело об отравлении Кэмбервелла. Не мешает припомнить, что в этом деле Шерлоку Холмсу удалось доказать, что часы покойного были заведены за два часа до смерти и что, следовательно, он лег спать в это время – заключение, имевшее громадное значение для разьяснения дела. Но ни одно из дел не представляет таких странных особенностей, как то, которое я собираюсь рассказать.

Стоял конец сентября, и экваториальный шторм отличался особой свирепостью. Весь день ветер ревел непрерывно, а дождь стучал в окна так, что даже здесь, в самом сердце громадного, сотворенного руками человека Лондона люди невольно, хотя на мгновение, отрывались от обычной рутины жизни и признавали величие сил природы, которые грозят человечеству, словно дикие звери, заключенные в клетку. С наступлением вечера буря еще усилилась, ветер завывал в камине и стонал, как дитя. Шерлок Холмс угрюмо сидел у камина, перелистывая свои записки. Я же совершенно углубился в чтение романа Кларка Рассела из морской жизни. Завывание бури как бы смешивалось с текстом, а шум дождя переходил в шум воли. Моя жена гостила у тетки, и я поселился на несколько дней в старой квартире на Бейкер-стрит.

– Что это? Как будто звонят? – сказал я, взглянув на Холмса. – Кто может прийти в такую погоду? Кто-нибудь из ваших приятелей?

– Вы мой единственный приятель, – ответил он. – Гостей я не люблю.

– Ну, так, может быть, клиент?

– Если так, то по очень серьезному делу. Кому иначе охота выходить из дома так поздно и в такую погоду? Вернее всего, это какая-нибудь приятельница хозяйки.

Шерлок Холмс, однако, ошибся, так как в коридоре послышались шаги и кто-то постучался в дверь. Он переставил лампу так, чтоб свет падал на кресло, предназначенное для посетителя.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, хорошо одетый, изящный и, видимо, из порядочного круга. Мокрый зонтик, с которого лились потоки воды, и длинный, блестящий от сырости дождевой плащ давали ясное представление о том, что делалось на улице. Вошедший беспокойно огляделся вокруг. Я заметил, что лицо его было бледно, а в глазах выражалась душевная тревога.

– Прощу извинения, – сказал он, надевая золотое пенсне. – Надеюсь, что не помешал вам. Боюсь, что принес следы бури и дождя в вашу уютную комнату.

– Дайте ваш плащ и зонтик, – сказал Холмс. – Их можно повесить на вешалку, и они скоро высохнут. Вы пришли из юго-западной части Лондона?

– Да, из Хоршэма.

– Это ясно видно по глине, приставшей к вашим сапогам.

– Я пришел за советом.

– Готов дать его.

– И за помощью...

– Это не так легко.

– Я слышал о вас, мистер Холмс, от майора Прендергаста. Он рассказал мне, как вы спасли его от скандала в Тэнкервиллском клубе.

– А! Да! Его несправедливо обвинили в шулерстве.

– Он сказал, что вы все можете сделать.

– Ну, уж это слишком много.

– Что вас нельзя провести.

– Меня провели четыре раза: три раза мужчины и один раз женщина.

– Но что это значит в сравнении с вашими многочисленными успехами?

– В общем, действительно, многое удастся мне.

– Может быть, вам удастся помочь и мне.

– Пожалуйста, пододвиньте кресло к камину и расскажите ваше дело.

– Дело совсем необычайное.

– У меня не бывает других. Я представляю собой высшую апелляционную инстанцию.

– А между тем, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось слышать что-либо более таинственное и необъяснимое, чем то, что произошло в нашей семье.

– Вы заинтересовали меня, – сказал Холмс. – Пожалуйста, расскажите нам сначала главные факты, а потом я попрошу вас указать подробности, которые вообще имеют большую важность в моих глазах.

Молодой человек пододвинул кресло к камину и протянул ноги к огню.

– Меня зовут Джон Опеншоу, – начал он, – но, насколько я понимаю, личные мои дела не имеют никакого отношения к ужасным событиям. Это наследственное дело. Для того, чтобы вы могли составить себе ясное понятие об этом, я начну по порядку.

У моего деда было два сына: мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. У отца была небольшая фабрика в Ковентри, которую он расширил, когда появились велосипеды. Он изобрел новые шины Опеншоу, и дела его пошли настолько удачно, что ему удалось выгодно продать свое предприятие и обеспечить себе хорошую ренту.

Дядя Элиас эмигрировал в Америку еще в молодости и сделался плантатором во Флориде. Говорили, что дела его шли очень хорошо. Во время войны он сражался в армии Джексона, потом под начальством Худа и получил чин полковника. Когда Ли сложил оружие, дядя вернулся к себе на плантации и прожил там три или четыре года. Между 1869 и 1870 годами он вернулся в Европу и купил маленькое поместье в Сассексе, вблизи Хоршэма. Он составил себе очень большое состояние в Штатах, покинул же Америку вследствие отвращения к неграм и недовольства республиканским правительством, освободившим их от рабства. Дядя был странный человек, суровый, вспыльчивый, не стеснявшийся в выражениях, когда сердился, и очень нелюдимый. Сомневаюсь, чтоб он хоть раз побывал в городе за все время, что прожил в Хоршэме. Он прогуливался только в саду и в полях вблизи дома и очень часто по целым неделям не выходил из комнаты. Он пил и курил очень много, но не любил общества и не приглашал к себе ни друзей, ни своего родного брата.

Мне было около двенадцати лет, когда дядя в первый раз увидел меня. Это было спустя лет восемь или девять после того, как он переселился в Англию, в 1878 году. Я сразу понравился дяде, он попросил отца отпустить меня жить с ним и был по-своему очень добр ко мне.

В трезвом состоянии он любил играть со мной в карты и шахматы, приказывал прислуге слушаться меня, как его самого. Я вел за него переговоры с торговцами и в шестнадцать лет стал полным хозяином в доме. У меня были все ключи, я мог делать, что мне угодно, и расхаживать всюду, с одним только условием – не нарушать уединения дяди. Впрочем, было и исключение: даже мне, не говоря уже о других, не позволялось входить в одну постоянно запертую комнату на чердаке. С любопытством, свойственным мальчику, я несколько раз заглядывал туда сквозь замочную скважину, но не видел ничего, кроме старых чемоданов и узлов.

Однажды – это было в марте 1883 года – полковник, садясь за завтрак, увидел лежащее на столе письмо. Это было необычное для него явление, так как счета он всегда оплачивал наличными деньгами, а друзей, от которых он мог бы получать письма, у него не было. «Из Индии! – сказал он, – из Пондишерри! Что бы это могло быть?» Он поспешно вскрыл конверт, и оттуда на тарелку выпало пять сухих апельсиновых зернышек. Я рассмеялся, но смех замер у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Нижняя губа у него отвисла, лицо было смертельно бледно. Широко раскрытыми глазами он смотрел на конверт, который держал в дрожащей руке.

– К. К. К! – крикнул он и прибавил: – Боже мой, Боже мой, вот оно, наказание за мои грехи!

– Да что же это такое, дядя? – спросил я.

– Смерть, – ответил он и ушел к себе в комнату, оставив меня в полном ужасе. Я взял конверт и увидел, что внутри его красными чернилами была написана три раза буква «К». Кроме пяти апельсиновых зернышек там ничего не было. Что за причина безумного ужаса дяди? Я вышел из-за стола и пошел наверх.

На лестнице я встретил дядю. В одной руке у него был заржавленный старый ключ – должно быть, от чердака, в другой – маленькая шкатулка, вроде кассы.

– Пусть их делают, что хотят, я еще поборюсь с ними, – с ругательством проговорил он. – Скажи Мэри, чтобы она затопила камин у меня в комнате, и пошли в Хоршэм за адвокатом Фордхэмом.

Я исполнил его приказания, и, когда приехал адвокат, меня позвали в комнату дяди. Огонь ярко пылал в камине, где виднелась масса пепла, как бы от сожженной бумаги. Вблизи стояла пустая медная шкатулка. Я заглянул в нее и невольно вздрогнул, увидев на крышке такие же три буквы «К», какие я видел на конверте.

– Я хочу, чтобы ты был свидетелем при составлении моего завещания, Джон, – сказал дядя. – Я оставляю мое имение, со всеми его выгодами и невыгодами, моему брату, твоему отцу, от которого оно, без сомнения, перейдет к тебе. Если можешь мирно наслаждаться им – отлично! Если же окажется, что это невозможно – прими совет, мой мальчик, и отдай его своему смертному врагу. Очень жалею, что приходится оставлять тебе такое наследство, но не могу сказать, какой оборот примут дела. Подпиши, пожалуйста, бумагу там, где тебе укажет мистер Фордхэм.

Я подписал завещание, и мистер Фордхэм взял его с собой. Этот странный случай, понятно, произвел глубокое впечатление на меня; я постоянно думал о нем, но не мог прийти к какому-либо заключению и не мог избавиться от смутного чувства страха. Однако, по мере того, как шло время, и жизнь наша продолжала идти своим чередом, я начал мало-помалу успокаиваться. Но в дяде я заметил большую перемену. Он пил больше прежнего и стал еще нелюдимее. Большую часть времени он проводил, запершись у себя в комнате, но по временам бегал, словно бешеный, по дому и саду с револьвером в руке и кричал, что он никого не боится, и не позволит ни человеку, ни дьяволу зарезать его, как овцу в овчарне. Когда эти приступы бешенства проходили, он с тревогой бежал к двери своей комнаты и запирался там, как человек, который не может совладать с охватившим его ужасом. В такие минуты я видел, как на лице его выступал пот, хотя на дворе бывало холодно.

Ну, не стану больше злоупотреблять вашим терпением, мистер Холмс, и скажу вам только, что в одну прекрасную ночь он выбежал из дома в припадке пьяного бешенства и не возвратился больше домой. Мы нашли его вниз лицом в маленьком, поросшем тиной пруде в конце сада. Знаков насилия на теле не оказалось, пруд всего в два фута глубины, и присяжные, приняв во внимание известные странности покойного, признали факт самоубийства. Я знал, как он боялся даже мысли о смерти, и потому никак не мог допустить этого предположения. Мой отец вступил во владение поместьем и получил еще четырнадцать тысяч фунтов наличными деньгами...

– Извините, – прервал Холмс. – Ваш рассказ один из самых интересных, какие мне когда-либо доводилось слышать. Скажите мне, пожалуйста, когда ваш дядя получил письмо и когда он умер?

– Письмо было получено 10 марта 1883 года. Умер он через семь недель после этого, в ночь на второе мая.

– Благодарю вас. Продолжайте, пожалуйста.

– Когда отец вступил во владение хоршэмским поместьем, он, по моей просьбе, тщательно обыскал комнату на чердаке, которая была всегда заперта при жизни дяди. Мы нашли там медную шкатулку, но внутри ее ничего не было. На внутренней стороне крышки была приклеена бумажка с тремя буквами «К» и с надписью: «Письма, счета, квитанции и реестр».

Вероятно, это и были бумаги, уничтоженные полковником Опеншоу. Но вообще в комнате не оказалось ничего особенно важного, за исключением записных книжек и разбросанных бумаг, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из этих бумаг относились ко времени войны и доказывали, что дядя хорошо исполнял свой долг и пользовался репутацией храброго воина. Другие относились к преобразованию южных штатов и касались, по большей части, политических вопросов, так как дядя, очевидно, принимал большое участие в оппозиции против политиков, приехавших с севера.

Ну, так вот, отец мой поселился в Хоршэме в начале 1884 года, и до января 1885 года у нас все шло как нельзя лучше. На четвертый день после Нового года мы сидели за завтраком, когда отец внезапно вскрикнул от удивления. В одной руке у него был вскрытый конверт, а на ладони другой лежали пять сухих апельсиновых зернышек. Он всегда смеялся над тем, что я рассказывал о письме, полученном полковником, называя это чепухой. Теперь он казался очень смущенным и испуганным.

– Что бы это могло значить, Джон? – пробормотал он.

Сердце у меня упало.

– Это «К. К. К.» – ответил я.

Отец взглянул внутрь конверта.

– Верно! – вскрикнул он. – Вот эти буквы. А что написано наверху?

– «Положите бумаги на солнечные часы», – прочитал я из-за плеча отца.

– Какие бумаги? Какие солнечные часы? – спросил он.

– Солнечные часы в саду. Других нет, – ответил я. – А бумаги, должно быть, те, которые сжег дядя.

– Фу! – сказал отец, собравшись с духом. – Мы живем в цивилизованной стране и не можем допускать подобного рода чепухи. Откуда прислано это письмо?

– Из Данди, – ответил я, взглянув на штемпель.

– Какая-нибудь глупая шутка, – сказал отец. – Что мне за дело до каких-то бумаг и солнечных часов? Не стоит обращать внимания на такую чепуху.

– На вашем месте я заявил бы полиции, – заметил я.

– Чтобы там посмеялись надо мной? Ни за что.

– Так позвольте мне сделать это.

– Нет, я запрещаю тебе. Я не хочу подымать шума из-за таких пустяков.

Спорить дальше было напрасно, так как отец был очень упрямый человек, но сердце у меня ныло от предчувствия чего-то недоброго.

На третий день после получения письма отец отправился навестить своего старинного друга, майора Фрибоди, командующего одним из фортов на Портсдаун-Хилл. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что там он подвергается меньшей опасности, чем дома. Оказалось, однако, что я ошибся. На второй день после его отъезда я получил телеграмму от майора, в которой он умолял меня приехать немедленно. Отец мой упал в одну из ям, которых очень много в той местности, и лежал без памяти с разбитым черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался в Фордхэм в сумерки. Так как он ехал по незнакомой ему местности, и яма не была огорожена, то суд признал, что смерть последовала от несчастного случая. Я тщательно исследовал все факты, но не мог найти ничего, что указывало бы на убийство. На теле отца не найдено никаких знаков насилия, вещи его были все в целости; на дороге не было никаких следов, не было замечено и появления посторонних личностей. И все же – как вы сами можете понять, – я был почти уверен, что отец попал в коварно расставленные сети.

При таких печальных условиях я вступил во владение моим поместьем. Отчего же я не отказался от него – спросите вы. Да потому, что был уверен, что обрушивающиеся на нас несчастья являются следствием какого-то поступка дяди, и что опасность угрожает нам, где бы мы ни жили.

Мой бедный отец умер в январе 1885 года, и с тех пор прошло два года восемь месяцев. В продолжение этого времени я счастливо жил в Хоршэме и начал надеяться, что проклятие снято с нашей семьи, исчезло с последним поколением. Однако я напрасно успокоился. Вчера утром меня постиг такой же удар, как и отца.

Молодой человек вынул из кармана жилета скомканный конверт и высыпал из него на стол пять сухих апельсиновых зернышек.

– Вот конверт, – продолжал он. – Почтовый штемпель – «Лондон – восточное отделение». Внутри написано тоже, что в письме отца: «К. К. К.» и «Положите бумаги на солнечные часы».

– Что же вы сделали? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– Сказать правду, – проговорил молодой человек, закрывая лицо тонкими белыми руками, – я почувствовал себя вполне беспомощным. Я очутился в положении кролика, к которому приближается змея. Мне кажется, что я во власти какого-то злого рока, и ничто не может спасти меня от него.

– Вот еще! – крикнул Шерлок Холмс. – Надо действовать, а не то вы пропали. Только энергичный образ действия может спасти вас. Теперь не время отчаиваться.

– Я заявил полиции.

– Ну?

– Меня выслушали, улыбаясь. Я уверен, что инспектор решил, будто письма не что иное, как шутка, а смерть моих родственников – случайность, как признал суд, не имеющая никакого отношения к этим письмам.

Холмс погрозил кому-то кулаком в воздухе.

– Невероятная глупость! – крикнул он.

– Впрочем, мне дали полицейского, который может остаться у меня дома.

– Он пришел теперь с вами?

– Нет. Ему приказано оставаться дома.

Холмс повторил свой угрожающий жест.

– Почему вы не пришли ко мне сразу?

– Я не знал. Только сегодня я рассказал майору Прендергасту о моем отчаянном положении, и он посоветовал мне обратиться к вам.

– С тех пор, как вы получили письмо, прошло уже два дня. Следовало начать действовать раньше. У вас нет никаких указаний, кроме этих писем, ничего, что могло бы помочь нам?

– Есть одна вещичка, – сказал Джон Опеншоу.

Он порылся в кармане сюртука и, вынув оттуда кусочек полинялой синей бумаги, положил его на стол.

– Я помню, – продолжал он, – когда дядя сжег бумаги, я заметил, что не обгоревшие края бумаг, лежавших среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу комнаты дяди и думаю, что он случайно выпал и не попал в камин. Я думаю, что это страница из дневника. Почерк несомненно дядин.

Холмс подвинул лампу, и мы оба наклонились над листом, очевидно, вырванным из записной книжки.

Наверху была надпись: «Март, 1869», а внизу стояли следующие загадочные слова:

«4-го. Хадсон прибыл. Прежние убеждения.

7-го. Зерньшики посланы Маккали, Парамору и Джону Свэйну из Сент-Августина.

9-го. Маккали устранился.

10-го. Джон Свэйн устранился.

12-го. Навестили Парамора. Все благополучно».

– Благодарю вас, – сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. – А теперь вам нельзя терять ни одной секунды. Нам некогда даже поговорить о том, что вы рассказали мне. Отправляйтесь сейчас же домой и действуйте.

– Что я должен делать?

– Сделайте только одно немедленно. Положите бумагу, которую вы только что показали нам, в описанную вами медную шкатулку. Положите туда же записку, где скажете, что все остальные бумаги сожжены вашим дядей, и это единственная, оставшаяся целой. Надо написать так, чтобы слова внушили доверие. Сделав это, поставьте сейчас же шкатулку на солнечные часы. Вы понимаете?

– Да.

– В настоящую минуту не помышляйте о мести. Я думаю, что суд поможет нам в этом отношении, а теперь нам надо плести сеть, тогда как их сеть сплетена уже давно. Прежде всего, надо удалить угрожающую вам опасность, а потом уже открыть тайну и наказать виновных.

– Благодарю вас, – сказал молодой человек, вставая и накидывая на себя плащ. – Вы влили в меня новую жизнь и возбудили надежду. Я поступлю по вашему совету.

– Не теряйте ни минуты. И, главное, будьте осторожны, так как я не сомневаюсь, что вам грозит большая опасность. Как вы едете обратно?

– По железной дороге с вокзала Ватерлоо.

– Еще нет девяти часов. На улицах много народа, так что, надеюсь, вы в безопасности. Но все-таки будьте как можно осторожнее.

– Со мной револьвер.

– Это хорошо; завтра я займусь вашим делом.

– Так, значит, вы приедете в Хоршэм?

– Нет. Тайна вашего дела кроется в Лондоне. Я буду искать ее здесь.

– Так я зайду к вам денька через два и расскажу про шкатулку и бумаги. Я последую всем вашим советам.

Он пожал нам руки и вышел из комнаты. На улице ветер завывал по-прежнему, и дождь хлестал в окна. Дикий, страшный рассказ словно был занесен к нам разъяренной стихией, которая снова поглотила его.

Шерлок Холмс несколько времени сидел молча, опустив голову на грудь и устремив взгляд на пламя и камине. Затем он зажег трубку и, опершись локтями на колени, стал следить за голубыми кольцами табачного дыма, поднимавшимися к потолку.

– Мне кажется, Ватсон, – сказал он, – что это самое фантастическое дело изо всех, за которые нам приходилось браться.

– За исключением разве «Знака четырех».

– Пожалуй! Но, по-моему, этому Джону Опеншоу угрожает ббольшая опасность.

– А составили вы уже себе какое-нибудь мнение относительно угрожающей опасности?

– Да тут и вопроса быть не может.

– В чем же состоит эта опасность? Кто этот «К. К. К.»? Почему он преследует эту несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза, облокотился на спинку стула и сложил вместе кончики пальцев.

– Идеальный мыслитель, – сказал он, – на основании одного факта выводит не только всю цепь предшествовавших ему событий, но и последующие результаты. Как Кювье мог вполне правильно описать животное по одной его кости, так и мыслитель, вполне уяснив себе одно звено в цепи явлений, должен уметь выяснить все то, что предшествовало им, и что следует за ними. Но для достижения полного успеха мыслителю необходимо воспользоваться всеми представляющимися ему фактами; для этого, согласитесь, надо знать все, а это даже в наши дни энциклопедического образования встречается очень редко. Однако человек может знать все то, что полезно для его дела, и я всегда стремился достичь этого. Насколько я помню, вы в начале нашей дружбы определили очень точно сумму моих знаний.

– Да, – ответил я, смеясь. – Свидетельство вышло довольно странное. Философия, астрономия и политика – ноль. Ботаника – посредственно, геология – отлично во всем, что касается грязи на расстоянии пятидесяти миль от Лондона; химия – много знаний, но без всякой системы; анатомия – отсутствие систематических знаний; поразительное знание сенсационной литературы и криминальной хроники; скрипач, боксер, фехтовальщик, юрист и самоотравитель кокаином и табаком. Вот, кажется, главнейшие результаты моего анализа.

Холмс рассмеялся.

– Ну, и теперь, как тогда, я скажу, что человеку следует держать на своем умственном чердаке всю нужную ему мебель, а остальное можно спрятать в кладовую – библиотеку, откуда он может достать, что понадобится. Для выслушанного нами сейчас дела придется пустить в ход все ресурсы. Пожалуйста, передайте мне американский энциклопедический словарь на букву «К», который стоит на полке. Благодарю вас. Теперь посмотрим, не удастся ли нам вывести какое-нибудь заключение. Во-первых, у нас есть много оснований предполагать, что полковник Опеншоу имел серьезный повод уехать из Америки. Люди его возраста не любят менять своих привычек и не так охотно переселяются из чудного климата Флориды в английский провинциальный городок. Его стремление к уединению заставляет предполагать, что он боялся кого-то или чего-то. Приняв эту гипотезу, мы можем утверждать, что эта боязнь и была причиной его отъезда из Америки. Узнать, чего именно он боялся, мы можем путем исследования ужасных писем, полученных им и его наследниками. Обратили вы внимание на штемпеля писем?

– Первое было из Пондишерри, второе – из Данди, а третье – из Лондона.

– Из восточной окраины Лондона. Какое вы выводите заключение из этого?

– Все приморские места. Написаны эти письма на борту судна.

– Превосходно. Вот у нас есть уже ключ. По всем вероятиям, автор письма находился на борту судна. Теперь обсудим другие обстоятельства. Между получением письма с угрозой из

Пондишерри и смертью адресата прошло семь недель; после письма, присланного из Данди, до смерти получившего его – три или четыре дня. Что это может означать?

– Разница расстояний.

– Но ведь и письмо шло дольше.

– Тогда отказываюсь понять.

– Можно предположить, что судно, на котором находились авторы или автор писем, парусное. Они отсылали свое странное предостережение прежде, чем отправлялись сами для выполнения своей миссии. Видите, как быстро последовало исполнение угрозы, содержащейся в письме из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри на пароходе, то приехали бы почти одновременно с письмом. Однако прошло семь недель. Мне кажется, эти семь недель указывают на то, что письмо было привезено пароходом, а автор письма прибыл на парусном судне.

– Очень возможно.

– Не только возможно, но вероятно. Теперь вы можете судить, почему я так торопил молодого Опеншоу и уговаривал его быть как можно осторожнее. Удар всегда разражался по истечении того времени, которое было нужно для переезда. На этот раз письмо получено из Лондона, и потому нельзя рассчитывать на отсрочку.

– Боже милостивый! – вскричал я. – Что может значить это беспощадное преследование?

– Бумаги, находившиеся у Опеншоу, очевидно, имеют громадное значение для того или тех, кто прибыл на парусном судне. Мне кажется очевидным, что их несколько человек. Один человек не мог подстроить двух смертей так, чтобы обмануть следователя. Их несколько, и это люди предприимчивые и смелые. Они во что бы то ни стало решили завладеть нужными бумагами, кому бы они ни принадлежали. Таким образом, вы видите, что «К. К. К.» – вовсе не инициалы какой-нибудь отдельной личности, а эмблема целого общества.

– Какого общества?

– Вам никогда не приходилось слышать, – сказал Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос, – о Ку-Клукс-Клане?

– Никогда.

Холмс стал перелистывать лежавшую у него на коленях книгу.

– Вот, – проговорил он, – «Ку-Клукс-Клан». Название, данное вследствие некоторого сходства со звуком, слышимым при разряжении ружья. Это ужасное тайное общество было основано после гражданской войны бывшими военными-конфедератами в южных штатах и имело отдельные комитеты в различных местностях страны – в Теннесси, Луизиане, обеих Каролинах, Джорджии и Флориде. Общество преследовало политические цели, терроризируя сторонников освобождения негров, убивая и изгоняя своих противников. Члены общества предупреждали намеченных ими жертв, посылали им фантастические, но уже ставшие известными предупреждения в виде дубовых листьев, дынных семечек или апельсиновых зернышек. Человек, получивший это предостережение, должен был или открыто отказаться от своих воззрений, или бежать из страны. Если он решался сопротивляться, то его постигала неминуемая смерть, наступавшая обыкновенно странным и непредвиденным образом. Организовано общество было превосходно, так что едва ли найдется хоть один случай, когда жертве удалось спастись, а полиции найти убийц. Общество процветало в продолжении нескольких лет, несмотря на все усилия правительства Соединенных Штатов и лучших классов населения юга к искоренению его. Наконец это движение внезапно прекратилось в 1869 году, хотя эпизодически давало о себе знать и после этого времени...

– Заметьте, – сказал Холмс, откладывая книгу, – внезапное прекращение действий общества совпадает как раз с отъездом из Америки Опеншоу. Он увез бумаги, и потому нет ничего удивительного в том, что он и его семья находятся во власти неумолимых врагов. Вы понимаете, что в этих бумагах могут быть упомянуты некоторые из высокопоставленных людей, и, может быть, многие не уснут спокойно, пока не получат этих документов.

– Так, значит, виденная нами страничка...

– Именно такая, какой следовало ожидать. Если я не ошибаюсь, там было написано: «Зернышки посланы А, В и С», то есть им послано предостережение от общества. Потом сказано, что «А» и «В» «устраились», то есть уехали, а «С» «навестили»; по всем вероятностям, дело кончилось для него плохо. Ну, я думаю, доктор, нам удастся пролить свет на это темное дело, а молодой Опеншоу может спастись, только исполнив мой совет. Теперь же нам нечего больше делать, а потому передайте мне скрипку и постараемся хоть на полчаса забыть об отвратительной погоде и еще более отвратительных действиях наших ближних.

К утру погода прояснилась, и лучи солнца прорывались сквозь туман, окутывавший громадный город. Шерлок Холмс сидел за завтраком, когда я спустился вниз.

– Извините, что не дождался вас, – сказал он. – Полагаю, что мне придется много поработать по делу Опеншоу.

– Что вы думаете предпринять? – спросил я.

– Все будет зависеть от того, что мне удастся узнать. Может быть, придется ехать в Хоршэм.

– Вы не сразу поедете туда?

– Нет, сначала попробую узнать что-нибудь в Сити. Позвоните, пожалуйста, чтобы горничная принесла кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал просматривать ее. Вдруг взгляд мой упал на одну из заметок, и кровь застыла у меня в жилах.

– Холмс! Вы опоздали! – крикнул я.

– А! – сказал он, ставя чашку на стол. – Я опасался этого. Как было дело?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

– Мне бросилась в глаза фамилия Опеншоу и название заметки: «Трагический случай у моста Ватерлоо». Вот что пишут: «Вчера вечером, между девятью и десятью часами, констебль Кук, стоявший на посту у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск тела, упавшего в воду. Ночь была чрезвычайно темная и бурная, так что, несмотря на старания некоторых из прохожих, все попытки спасти утопавшего оказались напрасными. С помощью речной полиции удалось, однако, вытащить тело из воды. Утопленник оказался, судя по найденному у него в кармане конверту, Джоном Опеншоу, жившим в Хоршэме. Предполагают, что, торопясь к последнему поезду, отходящему от станции Ватерлоо, молодой человек и темноте сбился с пути и попал на одну из речных пристаней. На теле не оказалось знаков насилия, так что нет никакого сомнения в том, что покойный стал жертвой несчастного случая. Властям следовало бы обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько времени мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса так сильно потрясенным.

– Это задевает мое самолюбие, Ватсон, – наконец проговорил он. – Конечно, это мелкое, низменное чувство, но все же я чувствую себя оскорбленным. Теперь это становится моим личным делом и, если Бог даст мне здоровья, я поймаю эту шайку. Он пришел ко мне за помощью, а я послал его на смерть...

Холмс вскочил с места и в сильном волнении стал расхаживать по комнате. Он нервно сжимал свои длинные тонкие руки.

– Хитрые черти! – крикнул он. – Как это им удалось завести его туда? Набережная не по дороге на станцию. На мосту, даже в такую ночь, конечно, было слишком много людей для исполнения их замысла. Ну, Ватсон, посмотрим еще, на чьей стороне будет победа. Я уйду.

– В полицию?

– Нет. Я сам себе полиция. Я сотку сначала паутину, а потом полицейские могут ловить мух, если желают. Не раньше.

Весь день я был занят и только поздно вечером вернулся на Бейкер-стрит. Шерлока Холмса еще не было дома. Около десяти часов он, бледный и усталый, вошел в комнату, подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, жадно съел его, запив водой.

– Вы голодны? – спросил я.

– До смерти. Я совсем забыл, что ничего не ел с утра...

– Ничего?

– Ни крошки. Времени не было.

– А как дело? Удачно?

– Да.

– Вы нашли ключ?

– Я держу их всех в руках. Молодой Опеншоу не долго останется неотомщенным. Знаете что, Ватсон, мы пошлем им предостережение их же дьявольским способом.

Он вынул из буфета апельсин, разделил его на части, вынул зернышки, отобрал из них пять штук и положил в конверт. Внутри конверта он написал: «Ш. Х. за Дж. О.»; потом запечатал конверт и надписал: «Капитану Джеймсу Калхуну, судно «Одинокая звезда», Саванна, Джорджия».

– Это будет ожидать его в порту, – смеясь, проговорил он. – Пожалуй, придется ему провести бессонную ночь. Убедиться, что его ждет та же судьба, что и Опеншоу.

– А кто такой этот капитан Калхун?

– Предводитель шайки. Сначала разделаюсь с ним, а потом доберусь и до других.

– Как вам удалось открыть шайку?

Шерлок Холмс вынул из кармана большой лист бумаги, весь испещренный числами и именами.

– Я целый день просматривал отчеты «Ллойда» и старые газеты, следя за всеми судами, которые приходили в Пондишерри и уходили оттуда в январе и феврале 1883 года. Упомянуто было тридцать шесть судов. Одно из них – «Одинокая звезда» – сразу привлекло мое внимание: помечено оно было вышедшим из Лондона, а такое прозвище дается одному из американских штатов.

– Кажется, Техасу.

– Не знаю наверно, но только я решил, что судно американское.

– Ну, и что же?

– Я стал просматривать сведения о движении судов в Данди, и когда увидел, что судно «Одинокая звезда» было там в 1885 году, мое подозрение обратилось в уверенность. Тогда я осведомился насчет судов, находящихся в настоящее время в Лондоне.

– Ну?

– «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к Альберт-доку и узнал, что сегодня утром судно вышло назад в Саванну. Я телеграфировал в Грейвсенд и узнал, что оно прошло там; так как ветер попутный, то, наверно, они находятся теперь вблизи острова Уайт.

– Что же вы теперь будете делать?

– О, он у меня в руках! Он и два штурмана – единственные американцы на судне. Остальные – финны и немцы. Знаю, что всех троих не было на судне в прошлую ночь. Это сказал мне портовый грузчик. К тому времени, как их парусное судно доплывет до Саванны, почтовый пароход доставит это письмо, а телеграф сообщит полиции Саванны, что троих джентльменов требуют сюда по обвинению в убийстве!

Но лучшие человеческие планы могут расстроиться, и убийцам Джона Опеншоу не пришлось получить апельсиновых зернышек, которые должны были доказать им, что они будут иметь дело с человеком таким же хитрым и энергичным, как они сами. В тот год экваториальные штормы отличались особой продолжительностью и силой. Долго мы ожидали известий об «Одинокой звезде», но так и не дождались их. Наконец до нас дошли слухи, что где-то далеко в Атлантическом океане на волнах был виден обломок кормы судна с буквами «О. З.» – и это все, что мы знаем о судьбе «Одинокой звезды».

Человек с уродливой губой

Айза Уитни, брат покойного Элиаса Уитни, директора колледжа Святого Георгия, был страстным курильщиком опиума. Курить он начал еще в колледже, когда прочитал описание грез и впечатлений Де Куинси под влиянием опиума¹⁹ и решился испытать их собственным опытом. Как и многие другие, он убедился, что приобрести какую-либо привычку гораздо легче, чем бросить ее, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, предметом ужаса и сожаления для всех своих друзей и родных. Я так и вижу перед собой его желтое одутловатое лицо с опущенными веками, с сужившимися зрачками. Он казался развалиной некогда красивого человека.

Однажды вечером – дело было в июне 1889 года – в моей квартире внезапно раздался звонок, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и поглядывать на часы. Я приподнялся на стуле; жена опустила работу на колени, и выражение неудовольствия показалось на лице ее.

– Верно, пришли звать к больному! – сказала она. – Тебе придется выйти из дома.

В ответ я только простонал, потому что недавно вернулся домой после целого дня утомительной работы.

До нас донесся стук отпираемой входной двери, перешептывание и чьи-то быстрые шаги. Дверь в нашу комнату поспешно отворилась. Вошла дама в темной одежде, под черной вуалью.

– Извините меня, что пришла так поздно, – начала она, потом, внезапно теряя всякое самообладание, быстро бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече.

– Ах, у меня такое горе! – проговорила она. – Помогите мне!

– Как, это ты, Кейт Уитни! – сказала моя жена, поднимая вуаль гостьи. – Как ты испугала меня, Кейт! Я не узнала тебя.

– Я не знала, что сделать, и потому пришла к тебе, – ответила Кейт.

Это обычное явление: все, у кого есть горе, приходят к моей жене, словно птицы, слетающие на огонь маяка.

– И очень хорошо сделала. Ну, присядь же, выпей вина с водой и расскажи нам все как следует. Может быть, ты хочешь, чтобы я отослала Джеймса спать?

– О, нет, нет. Мне нужен также совет доктора и его помощь. Дело идет об Айзе. Вот уже два дня, что его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз она говорила нам о своих тревогах насчет мужа, – мне как доктору, жене как старинной подруге по школе. И теперь, насколько было можно, мы старались успокоить и утешить ее. Знает она, где может быть ее муж? Можем ли мы вернуть его ей?

Оказалось, что это вполне возможно. Кейт знала, что в последнее время он курил опиум в одной из отдаленнейших трущоб Сити. Обыкновенно его отсутствие продолжалось только один день, и к вечеру он возвращался домой усталым и разбитым. Но теперь прошло уже двое суток, и он, без сомнения, лежит в «Золотом слитке», на Апер-Суондем-лейн, среди подонков столицы, упиваясь ядом или высыпаясь после курения. Но что может она сделать, она – молодая, застенчивая женщина? Как пробраться туда и вырвать из притона мужа, окруженного разными негодьями?

Оставался только один исход: мне следовало идти с ней. А впрочем, зачем идти ей? Я лечил Айзу Уитни и мог иметь на него влияние как доктор. Без нее я лучше сумею управиться с ним. Я дал ей слово, что пришлю ее мужа домой в кебе через два часа, если найду его по данному ей адресу. Через десять минут я покинул удобное кресло и уютную комнату и ехал по делу, казавшемуся мне довольно странным, однако не настолько, насколько это оказалось в действительности.

¹⁹ Английский эссеист и опийный наркоман XIX века Томас Де Куинси.

Сначала все шло благополучно. Апер-Суондем-лейн – грязный переулок, идущий вдоль высокой набережной северного берега реки на восток, к Лондонскому мосту. Я нашел разыскиваемый мной притон между какой-то грязной лавчонкой и кабаком. Спускаться в нее пришлось по крутой лестнице. Я велел кучеру подождать меня и спустился по ступенькам, вытоптаным посередине ногами курильщиков опиума. При свете мигающей масляной лампочки, висевшей над дверью, я нащупал ручку двери и вошел в длинную низкую комнату, насквозь пропитанную густым дымом и уставленную деревянными койками наподобие эмигрантского судна.

Во мраке еле можно было рассмотреть людей, лежавших в самых фантастических позах, с приподнятыми коленями, закинутыми головами, торчащими вверх подбородками. Там и сям взгляд темных потухших глаз устремлялся на нового посетителя. В темноте видно было, как вспыхивали маленькие красные огоньки, то разгораясь, то потухая, смотря по тому, увеличивалось или уменьшалось количество яда в металлических трубках. Большинство курильщиков молчало, но некоторые бормотали что-то про себя, а иные разговаривали между собой странным, тихим, монотонным голосом, то порывисто, то внезапно умолкая, причем каждый бормотал свое, не обращая внимания на слова соседа. В дальнем углу комнаты стояла маленькая жаровня с горящими угольями. Перед ней на деревянном стуле с тремя ножками сидел высокий худощавый старик и, подперев руками голову, смотрел в огонь.

Когда я вошел, смуглый малаец подскочил ко мне с трубкой и опиумом и указал мне свободную койку.

– Благодарю, я не останусь здесь, – сказал я. – Тут у вас мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня послышались восклицания, я всмотрелся во мраке и увидел Уитни, бледного, угрюмого, с нечесаными волосами.

– Боже мой! Это Ватсон, – сказал он. В настоящую минуту он испытывал реакцию, и нервы у него были страшно разбиты. – Который теперь час, Ватсон?

– Скоро одиннадцать.

– А число?

– Пятница, 19 июня.

– Боже мой! Я думал, сегодня среда. Да и наверно среда. Зачем вы пугаете меня?

Он закрыл лицо руками и зарыдал беспомощно.

– Говорю вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас целых два дня. Как вам не стыдно!

– Да мне и стыдно. Но только вы все перепутали, Ватсон. Я тут несколько часов, три-четыре трубки... уж, право, не помню сколько. Но я пойду домой с вами. Я не хочу пугать Кейт... мою бедную маленькую Кейт. Дайте мне руку. У вас есть кеб?

– Да, ждет меня.

– Ну, так я поеду с вами. Но надо заплатить. Узнайте, сколько я должен, Ватсон. Я совсем размяк. Ничего не могу делать.

Я пошел по узкому проходу среди двойного ряда спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих ядовитых паров, и стал отыскивать хозяина. Проходя мимо высокого человека, сидевшего у жаровни, я почувствовал, что меня дернули за платье и кто-то шепнул мне: «Пройдите мимо и потом обернитесь».

Я отчетливо расслышал эти слова и оглянулся. Сказать их мог только старик, но он сидел по-прежнему, сгорбленный, весь в морщинах. Трубка с опиумом повисла у него между колен, как бы вывалившись из его обессиленных рук. Я сделал два шага вперед, снова обернулся и еле удержался, чтобы не вскрикнуть от изумления. Старик повернулся ко мне так, что только я один мог видеть его. Стан его выпрямился, морщины исчезли, потухшие глаза засверкали – перед огнем сидел никто иной, как Шерлок Холмс и посмеивался над моим удивлением. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и лицо его опять приняло старческий вид.

– Холмс, – шепнул я, – что вы делаете в этой трущобе?

– Говорите как можно тише, – ответил он. – Слух у меня отличный. Освободитесь, пожалуйста, от вашего пьянчуги. Мне очень бы хотелось поговорить с вами.

– У меня есть кеб.

– Так пошлите домой вашего друга в этом кебе. С ним ничего не случится. Пошлите с кучером записку вашей жене, что вы со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу в чем бы то ни было: требования его всегда выражены так определено и решительно. К тому же я чувствовал, что, усадив Уитни в кеб, я выполню свою миссию, а ничего я так не люблю, как принимать участие в странных приключениях моего друга, составлявших обыкновенное его времяпрепровождение. В несколько минут я написал записку, заплатил за Уитни, посадил его в кеб, который сразу скрылся в темноте. Вскоре из притона появилась дряхлая фигура старика, и я пошел с Шерлоком Холмсом. Несколько времени он шел сторбившись, неверными шагами, но потом, быстро оглядевшись вокруг, вдруг выпрямился и разразился веселым смехом.

– Вероятно, вы думаете, Ватсон, что, вдобавок к впрыскиваниям кокаина и к другим моим слабостям, осуждаемым вами с медицинской точки зрения, я стал еще курить опиум?

– Действительно, я был удивлен, увидя вас в этом притоне.

– Не больше меня, когда я увидел вас.

– Я пришел искать друга.

– А я врага.

– Врага?

– Да, одного из моих естественных врагов, или, вернее сказать, мою естественную задачу.

Короче сказать, Ватсон, я занят чрезвычайно интересным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни этих пьяниц, что я делал и прежде. Если бы меня узнали в этой трущобе, я мог бы поплатиться жизнью, так как я не раз пользовался этим способом, и негодяй малаец поклялся отомстить мне. В задней стене этого здания есть потайная дверь вблизи пристани Святого Павла, которая могла бы порассказать многое о тех странных предметах, которые «выходят» через нее в безлунные ночи.

– Что вы говорите! Неужели трупы?

– Да, трупы, Ватсон. Мы с вами стали бы богачами, если бы получали по тысяче фунтов за каждого несчастного, погибающего в этой трущобе. Это самый ужасный притон на всем берегу реки. Боюсь, что Невилл Сент-Клер не выйдет отсюда никогда.

Он приложил ко рту два пальца и свистнул. В ответ послышался такой же резкий свист, а затем шум колес и топот лошадиных копыт.

– Ну, что же, Ватсон, – сказал Холмс, когда к нам подъехал экипаж с двумя фонарями, отбрасывавшими яркие полосы света. – Поедете вы со мной?

– Если могу быть полезен вам.

– О, верный товарищ всегда может пригодиться. А летописец тем более. В моей комнате в «Кедрах» две постели.

– В «Кедрах»?

– Да, это дом мистера Сент-Клера. Я живу там в настоящее время.

– Где же это?

– Близ Ли, в Кенте. Нам придется ехать семь миль.

– Ничего не понимаю.

– Конечно. Я объясню вам сейчас все. Садитесь! Ну, Джон, нам вас не нужно. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра около одиннадцати. Отпустите вожжи! Вот так.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным пустынным улицам, постепенно расширявшимся, пока не очутились на широком мосту с перилами, под которым медленно текла мутная река. За мостом лежали такие же улицы с каменными и кирпичными домами. Царившая в них тишина нарушалась только тяжелыми, размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздавших гуляк. По небу медленно позли черные тучи, по временам несколько звезд слабо мерцали между ними. Холмс правил молча, опустив голову на грудь. Он казался погруженным в глубокое раздумье. Я сидел рядом с ним, думая о том, какое дело так занимает его, и в то же время не желая нарушать течение его мыслей. Мы проехали

несколько миль и приближались к пригородным особнякам, когда он вдруг встряхнулся, пожал плечами и зажег трубку с видом человека, убедившегося, что он поступает как следует.

– Вы одарены замечательным умением молчать, Ватсон, – сказал он, – и прямо незаменимы в этом отношении. Даю вам слово, для меня очень важно иметь вблизи человека, с которым можно поговорить, а то в голове у меня бродят не очень приятные мысли. Я придумывал, что бы сказать этой милой молодой женщине, когда она встретит меня сегодня вечером.

– Вы забываете, что я ничего не знаю.

– У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли... Дело кажется до смешного простым, а между тем, не знаю, как за него взяться. Нитей очень много, но я не могу ухватиться ни за одну из них. Ну, расскажу вам подробно все дело, Ватсон. Может, вам удастся набрести на огонек в окружающем меня мраке.

– Рассказывайте.

– Несколько лет тому назад – а именно в мае 1884 года – в Ли появился джентльмен, очевидно с большими средствами – Невилл Сент-Клер. Он нанял большую виллу, развел красивый сад и вообще зажил отлично. Постепенно он приобрел много друзей и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой имеет теперь двух детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких предприятиях и каждый день ездит в город, возвращаясь с поездом в 5:14 из Кэннон-стрит. Мистеру Сент-Клеру теперь 37 лет. Он ведет скромный образ жизни, хороший муж, любящий отец, очень популярен среди знающих его. Могу еще прибавить, что долгов у него всего на 88 фунтов 10 шиллингов, а в банке на текущем счету – 220 фунтов стерлингов. Поэтому нет никакого основания предполагать каких-либо денежных затруднений.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обыкновенного. Перед отъездом он сказал, что у него два важных дела в городе, и обещал привезти кубики своему маленькому сыну. Случайно в тот же день жена его получила телеграмму, что на ее имя в Абердинской судоходной компании получена небольшая, очень ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знакомы с Лондоном, то, наверное, знаете, что контора этой судоходной компании находится на Фресно-стрит, которая выходит к Апер-Суондем-лейн, где вы нашли меня сегодня. Мисс Сент-Клер отправилась после завтрака в Сити, сделала несколько покупок, зашла в контору судоходной компании, получила посылку и в 4 часа 35 минут шла к станции железной дороги по Суондем-лейн. Вы следите за моим рассказом?

– Да, пока все вполне ясно.

– Если помните, в понедельник было очень жарко. Миссис Сент-Клер шла медленно, оглядываясь, нет ли вблизи кеба, так как местность не нравилась ей. Внезапно она услышала крик и вся похолодела, увидев мужа, смотревшего на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, манящего ее рукой к себе. Окно было открыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он отчаянно жестикулировал, затем исчез так внезапно, как будто его насильно оттащили от окна. Одно обстоятельство не ускользнуло от ее зоркого женского глаза: хотя на муже был темный сюртук, в котором он уехал из дома, но не видно было ни крахмального воротничка, ни галстука.

Уверенная в том, что с мужем случилось что-то неладное, миссис Сент-Клер бросилась вниз по лестнице – так как дом этот был не что иное, как притон, в котором вы видели меня сегодня, – и, пробежав через комнату, выходящую на улицу, хотела подняться в первый этаж.

Но внизу лестницы ее встретил негодяй малаец, о котором я говорил вам, и с помощью слуги-датчанина вытолкнул ее на улицу. Охваченная безумным ужасом, она бросилась бежать по аллее и, к величайшему счастью, на Фресно-стрит встретила несколько констеблей, совершавших обход под начальством инспектора. Последний, с двумя полицейскими, пошел с миссис Сент-Клер, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, все они вошли в комнату, из окна которой она видела мужа. Но там не оказалось и следа его. Во всем этаже нашли только какого-то калеку ужасного вида, который, как кажется, живет тут. И он, и малаец клялись, что в передней комнате никого не было в этот день. Они говорили так уверенно, что инспектор стал сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком бросилась к небольшому деревянному ящику, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Оттуда выпали кубики, – игрушка, которую ее муж обещал привезти сыну из города.

Это открытие и смущение, выказанное при этом калекой, убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и результатом явилось предположение об ужасном преступлении.

Передняя комната, обставленная как гостиная, вела в маленькую спальню, выходившую на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, сухой во время отлива, но наполняющийся водой в прилив, по крайней мере на четыре с половиною фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу. При осмотре на подоконнике оказались следы крови; капли крови виднелись также и на деревянном полу комнаты. За занавеской, в передней комнате, была свалена одежда мистера Невилла Сент-Клера: сапоги, носки, шляпа, часы, – все за исключением сюртука. На одежде не было заметно никаких следов преступления. Что же касается самого мистера Невилла, то остается предполагать, что он мог исчезнуть только через окно, причем кровавые пятна на подоконнике указывают на то, что вряд ли он мог спастись вплавь, так как в то время должен был быть сильный прилив.

Теперь обратимся к негодяям, на которых может пасть подозрение. Малаец известен как человек самой плохой репутации, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что он был внизу лестницы через несколько секунд после появления ее мужа у окна, так что он является разве только соучастником преступления. Он говорит, что ничего не знает ни о преступлении, ни о Хью Буне и не может объяснить появления одежды Сент-Клера в квартире своего жильца.

Вот все, что известно о малайце. Что же касается до страшного калеки, Хью Буна, то он живет над притоном и, несомненно, последний видел Сент-Клера. Его отвратительное лицо известно всем бывающим в Сити. Он профессиональный нищий, хотя торгует восковыми свечками, чтоб избежать преследований полиции. Как вы знаете, на улице Треднидл-стрит в стене есть ниша. Бун ежедневно сидит там, поджав ноги, и предлагает прохожим свой небольшой запас спичек. Его жалкий вид вызывает сострадание добрых людей, и монеты так и сыплются в засаленную шапку, лежащую около него на мостовой. Я часто наблюдал за этим малым, когда еще не думал, что придется иметь дело с ним, и всегда удивлялся, сколько денег набирал он в короткое время. Его наружность невольно бросается в глаза. Целая шапка ярко-рыжих волос, бледное лицо, обезображенное ужасным шрамом, захватывающим верхнюю губу, подбородок как у бульдога и пронизательные темные глаза, составляющие странный контраст с цветом волос, – все это выделяет его из общего уровня нищих, равно как и его остроумные ответы на шутки прохожих. Таков человек, который живет в известном нам притоне и последним видел Сент-Клера.

– Но что же мог сделать калека с человеком в полном расцвете сил? – заметил я.

– Он калека только в том отношении, что хром на одну ногу; в общем же это, кажется, сильный, хорошо развитый человек. Вы, Ватсон, как врач, конечно, знаете, как часто слабость одного члена вознаграждается необычайной силой других.

– Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

– При виде крови миссис Сент-Клер лишилась чувств, и полиция отправила ее домой в кебе, так как ее присутствие не могло помочь розыскам. Инспектор Бартон тщательно обыскал все помещение, но ничего не выяснил. Сделали ошибку, что не сразу арестовали Буна и дали ему возможность переговорить с малайцем. Однако скоро спохватились и исправили эту ошибку. Бун арестовали и обыскали, но не нашли никаких улик против него. Правда, на правом рукаве рубашки у него оказались следы крови, но он показал палец, на котором виднелся порез, и объяснил, что, по всем вероятностям, следы крови на подоконнике являются следствием этого пореза, так как он подходил к окну, когда у него шла кровь из пореза. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клера, и клялся, что совершенно не знает, каким образом платье этого джентльмена попало в его комнату. Что же касается до слов миссис Сент-Клер о появлении у окна ее мужа, то это или почудилось ей, или она просто помешалась. Его увели, причем он громко протестовал против насилия, а инспектор остался ожидать отлива в надежде открыть что-либо.

Ожидания его увенчались успехом, хотя он нашел не то, что ожидал.

В канале нашли не самого Невилла Сент-Клера, а его сюртук. И как вы думаете, что было в кармане сюртука?

– Представить себе не могу.

– Да, трудно угадать. Карманы были набиты пенсами и полу пенсами – 421 пенс и 271 полу пенс. Неудивительно, что прилив не унес сюртука. Человеческое тело – дело иное. Между верфью и домом сильное течение. Понятно, что тяжелый сюртук остался на дне, а тело унесено течением в реку.

– Но ведь другие вещи остались в комнате. Неужели же на теле был только сюртук?

– Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил из окна Невилла Сент-Клера так, что никто не видел этого. Что же дальше? Наверно, ему пришла в голову мысль, что надо отделаться от улики в виде платья. Он схватывает сюртук и уже готов выбросить его в окно, как вдруг вспоминает, что сюртук не опустится на дно, а всплывет наверх. Времени у него мало, так как он слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, а может быть, и малаец, сообщник его, успел предупредить его о приближении полиции. Нельзя терять ни одного мгновения. Он бросается в укромный уголок, где спрятаны его сбережения, и набивает карманы сюртука попавшимися ему под руку монетами. Затем он выбрасывает сюртук и хочет сделать то же с остальными вещами, но слышит шум шагов на лестнице и еле успевает захлопнуть окно до появления полиции.

– Это правдоподобно.

– Примем эту гипотезу за неимением лучшей. Бун, как я уже говорил вам, был арестован и приведен в полицейское управление, но против него нельзя ничего было сказать. В продолжение нескольких лет он известен как профессиональный нищий, но ведет жизнь очень скромную. Так обстоит дело в настоящее время. Вопросы о том, что делал Невилл Сент-Клер в этой трущобе, что случилось с ним там, где он теперь, и какую роль играет в его исчезновении Кью Бун – остаются по-прежнему неразрешенными...

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этого странного приключения, мы проехали мимо последних домов предместья громадного города и выехали на дорогу, тянущуюся между двумя рядами заборов. Как раз в ту минуту, когда он окончил свой рассказ, мы увидели огоньки в домах двух деревень, лежавших по сторонам дороги.

– Мы въезжаем в Ли, – сказал Холмс. – За нашу короткую поездку мы проехали по трем английским графствам: начав с Миддлсекса, мы проехали частью по Суррей и заканчиваем в Кенте. Вот «Кедры». Там, под лампой, сидит женщина, которая, наверно, тревожно прислушивается к шуму копыт наших лошадей.

– Но отчего вы не ведете дела, сидя у себя на Бейкер-стрит? – спросил я.

– Потому что много справок приходится наводить здесь. Миссис Сент-Клер чрезвычайно любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, что она радушно встретит моего друга и помощника. Очень неприятно мне встретиться с ней, не имея вестей о ее муже, Ватсон. Вот мы приехали. Тпру! Стой.

Мы остановились перед большой виллой, окруженной лугами. Конюх подбежал, чтобы взять лошадь, а мы с Холмсом пошли по усыпанной песком дорожке к дому. При нашем приближении дверь открылась, и на пороге показалась маленькая блондинка в светлом легком платье с отделкой из розового шифона на рукавах и вороте. Фигура ее ясно выделялась в потоке света, падавшего из дома, и вся она, одной рукой держась за дверь, другую приподняв от нетерпения, с наклоненным туловищем, с жадно устремленными вперед глазами и раскрытыми губами, казалась олицетворенным вопросом.

– Ну, что? Как? – спросила она.

Увидав, что нас двое, она радостно вскрикнула, но восклицание это перешло в стон, когда она заметила, что мой товарищ покачал головой и пожал плечами.

– Нет хороших вестей?

– Нет.

– А дурных?

– Тоже нет.

– И то слава Богу. Но входите же. Ведь вы, наверно, устали.

– Вот мой друг доктор Ватсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих важных делах, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда и уговорить помочь мне в наших поисках.

– Очень рада вас видеть, – сказала она, горячо пожимая мне руку. – Надеюсь, вы извините, если найдете какие-нибудь беспорядки в доме, и примете во внимание неожиданно постигший нас удар.

– Сударыня, я отставной солдат, – ответил я, – да к тому же вам нечего извиняться. Я буду очень счастлив, если могу помочь вам и моему другу.

– Мистер Шерлок Холмс, – сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где на столе был приготовлен холодный ужин, – я хочу предложить вам несколько откровенных вопросов, на которые прошу вас дать такие же прямые и откровенные ответы.

– Извольте, сударыня.

– Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу выслушать ваше откровенное мнение.

– Насчет чего?

– Скажите, думаете ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, казалось, смутился.

– Говорите откровенно! – повторила миссис Сент-Клер, стоя перед Шерлоком Холмсом, сидевшим на стуле, и пристально смотря ему в глаза.

– Откровенно говоря, сударыня, я не думаю, чтобы он был жив.

– Вы думаете, что он умер?

– Да.

– Убит?

– Я не говорю этого. Может быть.

– Когда же он умер?

– В понедельник.

– Тогда, может быть, вы объясните мне, мистер Шерлок Холмс, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил со стула, словно от электрического удара.

– Что такое?! – закричал он.

– Да, сегодня.

Она, улыбаясь, показала ему клочок бумаги.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста.

Холмс поспешно схватил записку, положил ее на стол, разгладил и стал пристально рассматривать ее при свете лампы. Я встал с места и заглянул ему через плечо. Конверт был очень грубым, с грейвсендским штемпелем и помечен сегодняшним, вернее, вчерашним днем, так как было уже позже полуночи.

– Грубый почерк! – пробормотал Холмс. – Наверно, это не почерк вашего мужа, сударыня?

– Не его – на конверте, но письмо написано им.

– Я замечаю, что тому, кто подписывал конверт, пришлось справляться об адресе.

– Почему вы так думаете?

– Как видите, имя и фамилия написаны черными чернилами, которые высохли сами собой. Остальной адрес – какого-то серого цвета. Очевидно, тут прикладывали промокательную бумагу. Если бы весь адрес был написан сразу и промокательная бумага была приложена к нему, то часть его не была бы так черна. Кто-то написал сначала имя и фамилию и только через несколько времени прибавил адрес, которого не знал раньше. Конечно, это пустяк, но пустяки имеют важное значение. Дайте мне взглянуть на письмо. Ага! Здесь было вложено что-то.

– Да, кольцо. Его кольцо с печатью.

– Вы уверены, что это почерк вашего мужа?

– Да, один из его почерков.

– Как, один из его почерков?

– Он пишет так, когда торопится. В другое время его почерк совсем иной.

– «Не беспокойтесь, дорогая. Все кончится благополучно. Очевидно, тут вышло какое-то большое недоразумение, для выяснения которого придется потратить немало времени. Имейте терпение. Невилл», – написано карандашом на листке, вырванном из книги формата in octavo²⁰. Гм! Отправлено сегодня в Грейвсенде человеком с грязным большим пальцем. Ага! Лицо, которое заклеивало конверт, если не ошибаюсь, жует табак. Вы не сомневаетесь, сударыня, что это почерк вашего мужа?

– Нисколько. Эти слова написаны Невиллом.

– А письмо послано сегодня из Грейвсенда! Ну, миссис Сент-Клер, тучи начинают расходиться, хотя не могу сказать, что опасность уже вполне прошла.

– Но ведь он жив, мистер Холмс?

– Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо еще ничего не рассказывает. Его могли отнять.

– Нет-нет, письмо написано им.

– Хорошо. Но ведь оно могло бы быть написано в понедельник, а послано сегодня.

– Это возможно.

– Ну, а за этот промежуток многое могло случиться.

– О, не разочаровывайте меня, мистер Холмс. Я знаю, что с ним ничего не случилось. При той симпатии, которая существует между нами, я бы почувствовала, если бы с ним произошло что-либо дурное. В тот самый день, когда я видела его в последний раз, он порезал себе палец в спальне. Я была в это время в столовой и бросилась вверх, так как была уверена, что с ним случилось что-то. Неужели вы думаете, что я не чувствовала бы его смерти, когда даже такой пустяк влияет на меня!

²⁰ Книжный формат in octavo – размер, при котором на типографском листе размещаются 16 страниц книги размером 20–25 см в высоту.

– Я видел на своем веку слишком много для того, чтобы не знать, насколько женская впечатлительность может быть иногда ценнее логического размышления. И это письмо, конечно, служит важным подтверждением вашего мнения. Но если ваш муж и в состоянии писать письма, то отчего он не с вами?

– Не знаю и не могу придумать.

– В понедельник, при отъезде, он не говорил ничего особенного?

– Нет.

– Вы очень удивились, увидя его на Суондем-лейн?

– Очень.

– Окно было открыто?

– Да.

– Так что он мог крикнуть вам?

– Да, мог.

– А между тем, насколько я помню, у него вырвалось только какое-то бессвязное восклицание?

– Да.

– Вы подумали, что он зовет на помощь?

– Да. Он взмахнул руками.

– Но, может быть, это был возглас удивления. Он мог всплеснуть руками от изумления, неожиданно увидев вас.

– Это возможно.

– Вам показалось, что его оттащили от окна?

– Он исчез так внезапно...

– Может быть, он просто отскочил от окна. Вы не видели, чтобы в комнате был еще кто-нибудь?

– Нет, но ведь отвратительный нищий признался, что был там, а малаец стоял внизу лестницы.

– Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет как всегда?

– Да, но без воротничка и галстука. Я ясно видела, что шея у него была обнажена.

– Говорил он когда-нибудь с вами о Суондем-лейн?

– Никогда.

– Не было ли признаков, указывавших на то, что он курил опиум?

– Не было.

– Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это главные вопросы, требовавшие выяснения. Теперь мы поужинаем и затем удалимся в свои комнаты, так как завтра нам, быть может, предстоит много работы.

Нам была отведена большая комната с двумя кроватями. Я тотчас же разделся, чтобы заснуть, так как устал от вечерних приключений. Что же касается Шерлока Холмса, то когда у него бывало какое-нибудь загадочное дело, он мог не спать целыми сутками и даже неделями, обдумывая загадку, сопоставляя факты, обсуждая их со всех сторон и взвешивая данные. Я сейчас же понял, что и теперь он намеревается просидеть всю ночь. Он снял сюртук и жилет, надел синий халат и принялся ходить по комнате, собирая подушки с постели, диванов и кресел. С помощью этих подушек он устроил себе нечто вроде восточного дивана, сел на него, поджав ноги, и поставил перед собой пачку табаку и коробочку спичек.

При слабом свете лампы я видел его сидящим со старой глиняной трубкой во рту, с глазами, рассеянно устремленными в потолок, окруженным облаками голубого дыма, безмолвным, неподвижным. Свет лампы падал на его резко обозначенные черты. Таким я оставил его, засыпая, и таким же нашел, когда проснулся от вырвавшегося у него восклицания. Лучи летнего солнца заливали комнату. Холмс сидел по-прежнему, с дымящейся трубкой во рту. В

комнате стоял густой табачный дым, но от кучи табака, виденной мною вечером, ничего не осталось.

– Проснулись, Ватсон? – спросил он.

– Да.

– Хотите прокатиться?

– С удовольствием.

– Ну, так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где живет конюх, и нам скоро подадут экипаж.

Он усмехался, глаза его блестели. Это был совсем иной человек, чем тот мрачный мыслитель, с которым я расстался вечером.

Одеваясь, я взглянул на часы и несколько не удивился, что в доме все спали: было только двадцать пять минут четвертого. Я только что оделся, как Холмс пришел сказать, что лошадь уже запрягают.

– Хочу испытать одну из своих теорий, – сказал он, надевая сапоги. – Знаете ли вы, Ватсон, что пред вами в настоящее время один из величайших дураков в Европе. Стоило бы задать мне хорошую встряску. Но теперь, кажется, ключ к загадке найден.

– А где он? – улыбаясь, спросил я.

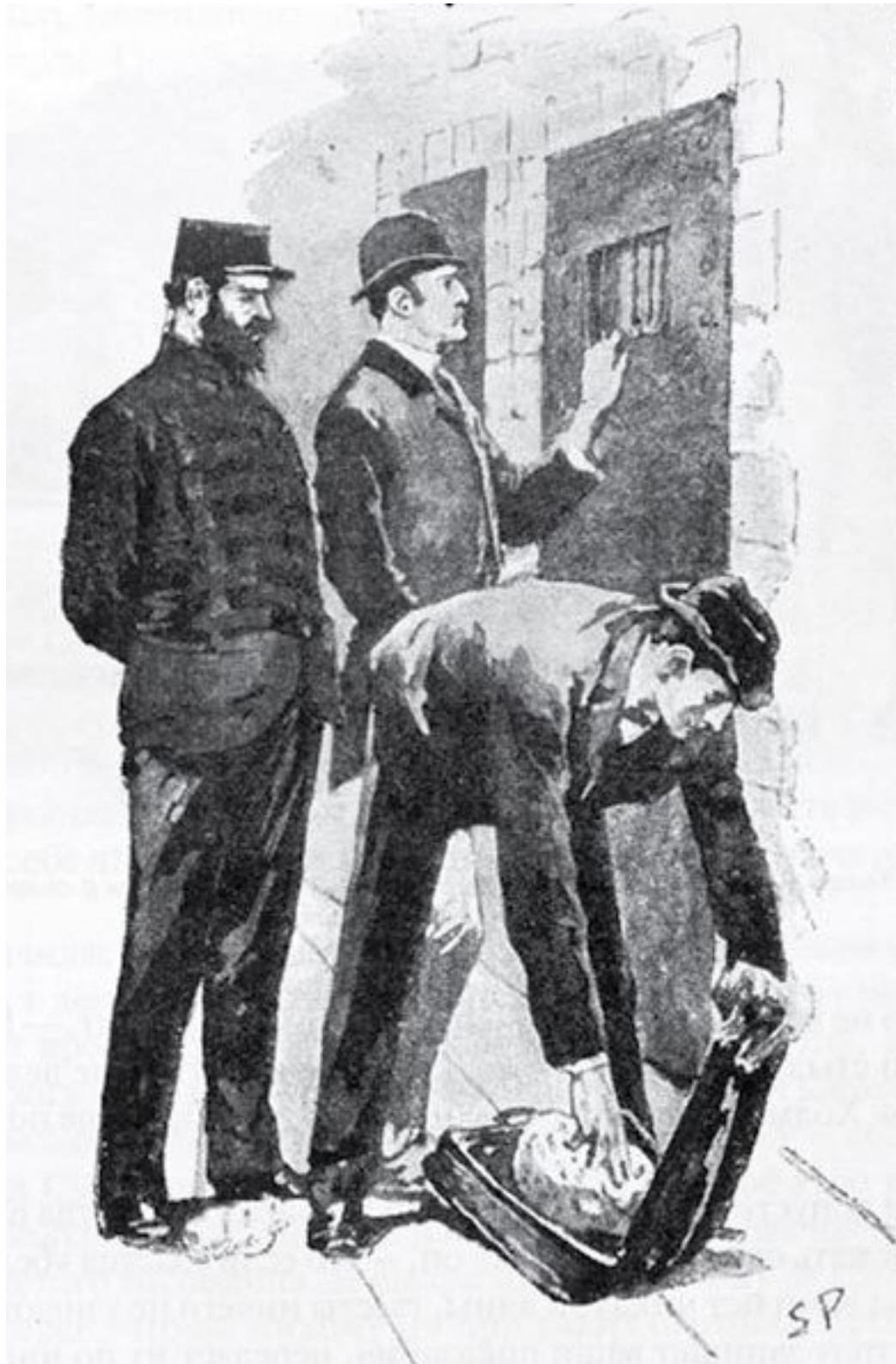
– В ванне, – ответил он. – О, я вовсе не шучу, – прибавил он, заметив мой недоверчивый взгляд. – Я только что был там, нашел ключ и положил в кожаный саквояж. Поедем, мой милый, и посмотрим, подойдет ли он к замку.

Мы тихонько спустились с лестницы и вышли во двор, залитый солнечным светом. Тут нас ожидал экипаж с лошастью, которую держал под уздцы полуодетый конюх. Мы вскочили в экипаж и быстро поехали в Лондон.

Несколько телег, нагруженных овощами, тянулись по дороге к столице, но в особняках царило полное безмолвие: все обитатели покоились в глубоком сне.

– В некоторых отношениях замечательный случай, – проговорил Холмс, пуская лошадь в галоп. – Сознаюсь, что я был слеп, как крот, но лучше научиться уму-разуму хотя бы поздно, чем никогда.

Когда мы въехали в город со стороны Суррея, там все еще спало; лишь изредка заспанные лица людей, привыкших вставать рано, виднелись в окнах. Мы проехали по Веллингтон-стрит и, круто повернув направо, очутились на Боу-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и два констебля, стоявшие у подъезда, отдали ему честь. Один из них взял под уздцы лошадь, другой повел нас внутрь.

- Кто дежурный? – спросил Холмс.
- Инспектор Брэд-стрит, сэр.
- Из устланного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий полный полицейский в форменной фуражке и тужурке.
- Мне нужно сказать вам несколько слов, Брэд-стрит.
- Пожалуйста, мистер Холмс. Войдите в мою комнату.

Мы вошли в небольшую комнату. На столе лежала громадная книга для записей, а на стене висел телефон. Инспектор сел за стол.

– Чем могу служить, мистер Холмс?

– Я хочу узнать о нищем Буне, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клера, из Ли.

– Да. Его привезли сюда для снятия допроса.

– Слышал. Он здесь и теперь?

– В камере.

– Спокойный мальчик?

– О, да, совершенно. Но грязен поразительно.

– Грязен?

– Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черно, как у трубочиста. Ну, когда окончится следствие, мы уже посадим его в ванну. Если бы вы его видели, то наверно согласились бы со мной, что ему нужна ванна.

– Мне бы очень хотелось повидать его.

– В самом деле? Так ведь это очень легко устроить. Пойдемте со мной. Саквояж можете оставить здесь.

– Нет, я возьму его с собой.

– Отлично. Пожалуйста сюда.

Он провел нас по коридору, открыл запертую дверь и спустился по винтовой лестнице. Мы очутились в коридоре с выкрашенными белой краской стенами и рядом дверей по обе стороны.

– Третья дверь направо, – сказал инспектор. – Вот здесь!

Он отодвинул дощечку в верхней части двери и заглянул в отверстие.

– Он спит, – сказал он. – Вы можете хорошо рассмотреть его теперь.

Мы оба приложились к окошку. Арестант лежал лицом к нам. Он крепко спал и дышал медленно и тяжело. Это был человек среднего роста, одетый, как и подобало, в грубую одежду; сквозь прорехи его изодранного сюртука проглядывала цветная рубашка. Он был действительно ужасно грязен и к тому же отталкивающе безобразен. Широкий шрам шел от глаза до подбородка, захватывал верхнюю часть губы так, что обнажал три зуба; масса ярко-рыжих волос обрамляла лоб и спускалась на глаза.

– Красавец, не правда ли? – сказал инспектор.

– Несомненно, ему следует умыться, – заметил Холмс. – Я предполагал это, и потому позволил себе принести все необходимое для мытья.

Говоря это, он раскрыл свой саквояж и, к великому моему удивлению, вынул оттуда большую губку.

– Хи-хи! И комик же вы! – со смехом проговорил инспектор.

– Если вы будете так добры, откроете тихонько дверь, то мы скоро придадим ему гораздо более приличный вид.

– Пожалуйста! – сказал инспектор. – Во всяком случае, он не делает чести тюрьме на Боу-стрит.

Он повернул ключ, и мы тихо вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сейчас же погрузился в глубокий сон. Холмс подошел к рукомоюнику, намочил губку и два раза сильно провел ею по лицу арестанта.

– Позвольте вам представить мистера Невилла Сент-Клера из Ли в графстве Кент! – крикнул он.

Никогда в жизни не приходилось мне видеть ничего подобного. Безобразная маска спала под губкой с лица арестанта, как древесная кора. Пропал грубый темный цвет кожи! Пропал ужасный шрам и изуродованная губа, придававшая такое отталкивающее выражение этому

лицу. Лохматые рыжие волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса – и перед нами, на постели, очутился изящный человек с бледным печальным лицом, черными волосами, нежной кожей. Он протирал глаза и в недоумении оглядывался вокруг, еще не очнувшись от сна. Внезапно он понял все и с криком отчаяния зарылся головой в подушку.

– Боже мой! – вскрикнул инспектор. – Ведь это действительно тот, кого разыскивают. Я знаю это по фотографической карточке.

Арестант поднял голову с видом человека, решившегося отдаться на волю судьбы.

– Ну, хорошо, – проговорил он. – В чем же меня обвиняют?

– В убийстве мистера Невилла Сент... Ну, нельзя же вас судить за это, – с усмешкой проговорил инспектор, – в крайнем случае, вас можно только обвинить в покушении на самоубийство. Двадцать семь лет служу в полиции, но не помню подобного рода дела.

– Если я – Невилл Сент-Клер, то, очевидно, не может быть и разговора о преступлении, и я незаконно посажен в тюрьму.

– Преступления нет, но совершена большая ошибка, – сказал Холмс. – Вам следовало бы довериться жене.

– Дело не в жене, а в детях, – простонал арестант. – Я не хотел, чтобы им было стыдно за отца. Боже мой, Боже мой! Какой позор! Что делать мне?..

Шерлок Холмс присел к нему на кровать и ласково погладил его по плечу.

– Если вы предоставите суду разъяснить ваше дело, то, конечно, оно не может избежать огласки, – проговорил он. – Но если вам удастся убедить полицию, что вас нельзя привлечь к ответственности, то не думаю, чтобы газеты заговорили о вашем деле. Инспектор Брэд-стрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям. Таким образом, дело не дойдет до суда.

– Да благословит вас Бог! – страстно вскрикнул арестант. – Я охотнее перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей тайны. Вы первые

услышите мою историю. Мой отец был школьным учителем в Честерфилде. Я получил превосходное образование, в молодости много путешествовал, пристрастился к сцене, сделался актером и, наконец, сотрудником одной из лондонских вечерних газет. Однажды моему издателю вздумалось напечатать ряд статей о нищенстве в столице, и я предложил ему свои услуги. С этого и начались все мои приключения. Чтобы хорошенько ознакомиться с делом и писать статьи, я оделся нищим-любителем. Будучи актером, я, конечно, изучал грим и славился своим искусством в этом отношении. Теперь это умение пригодилось мне. Я загримировал себе лицо, придав как можно более жалкий вид, сделал большой шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал губу, приподняв ее с одной стороны. Затем, надев на голову рыжий парик и облекшись в подходящую одежду, я стал на самом оживленном месте Сити и принялся продавать спички, в действительности же просил милостыню. Когда я вернулся домой вечером, после семичасовой «работы», то, к великому своему удивлению, увидел, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Скотланд-Ярд

Лондонский полицейский конца XIX в.

Лондонская полиция была основана в 1829 году, и ее штаб-квартира получила название Скотланд-Ярд (Скотленд-Ярд), то есть – Шотландский двор. Полиция Лондона не имела никакого отношения ни к Шотландии, ни к королевскому двору. Считается, что название пошло от первоначального расположения штаб-квартиры, окна которой выходили во двор резиденции, принадлежавшей в Средние века шотландской королевской семье.

Скотланд-Ярд появился после принятия парламентского акта, инициатором которого был министр внутренних дел Роберт Пил. С тех пор лондонских полицейских стали называть «бобби» – сокращение от имени Роберт. Со временем полиция доказала свою эффективность в наведении порядка на улицах английской столицы. Уровень преступности с ее помощью был значительно снижен. Зародилась криминалистика. Нужен был супергерой, благородный рыцарь, способный вырвать криминальное сердце из груди города. И он появился... Шерлок Холмс.

Лондонский полицейский 1850-х годов

Чтобы сгладить враждебное отношение лондонцев к своей полиции, руководство Скотланд-Ярда придумало для констеблей и сержантов полиции форму, которая имитировала костюм джентльмена: синий однобортный фрак с восемью позолоченными пуговицами и синие (летом белые) брюки. Голову полицейского венчал цилиндр, в руке он держал короткую дубинку.

В 1864 году вместо фрака был введен однобортный мундир с армейским воротником-стойкой и с теми же восемью пуговицами. На воротнике желтой и белой краской наносили номер дивизиона и личный номер владельца мундира. Скрывать номер от глаз прохожих не разрешалось. Позже место цилиндра занял высокий шлем военного образца. Снимать его, стоя на посту, было строго запрещено. В таком виде полицейская форма просуществовала до конца викторианской эпохи.

Я написал статьи и забыл обо всем до тех пор, пока мне не предъявили векселя, по которому я поручился уплатить за приятеля 25 фунтов. Я положительно не знал, откуда добыть деньги. Внезапная идея вдруг осенила меня. Я попросил редактора отпустить меня на две недели и провел это время, выпрашивал милостыню в Сити. Через десять дней я уплатил мой долг.

Вы можете себе представить, как трудно было работать за два фунта в неделю, когда можно достать столько же в день! Надо было лишь раскрасить лицо, положить на землю шапку и сидеть смирно. Долго длилась борьба между гордостью и стремлением к легкой наживе. Наконец последнее одержало верх, и я стал сидеть изо дня в день на своем излюбленном местечке, вызывая сожаление моим ужасным видом и набивая карманы медяками. Только один человек знал мою тайну – это хозяин притона, в котором я жил и откуда выходил по утрам в виде жалкого нищего, а по вечерам – хорошо одетым джентльменом. Я хорошо платил хозяину-малайцу за комнату и потому знал, что он сохранит мою тайну.

Скоро у меня оказалось много денег. Конечно, не всякий нищий в Лондоне может зарабатывать по семисот фунтов в год и даже более. Я обладал особыми преимуществами и умел остроумно отвечать на всякое, мимоходом сделанное замечание, так что стал своего рода известностью в Сити... Целый день в мою шапку сыпались пенсы, и я считал очень плохим тот день, в который не набирал двух фунтов.

Я богател, стал честолюбивым, нанял себе дом за городом и, наконец, женился. Никто не знал, чем я занимался. Жена знала только, что у меня есть какие-то дела в Сити, но не подозревала, какие.

В прошлый понедельник я переодевался в своей комнате и, взглянув в окно, к величайшему удивлению и ужасу увидел жену, стоявшую на улице и пристально смотревшую на меня. Я вскрикнул от изумления, закрыл лицо руками и выбежал к моему поверенному-малайцу. Я умолял его не пускать никого ко мне. Снизу до меня доносился голос жены, но я знал, что ее не допустят ко мне. Я быстро сбросил сюртук, надел свое нищенское рубище, разрисовал себе лицо и натянул парик. Даже глаз жены не мог бы признать меня в этом виде. Но вдруг я вспомнил, что при обыске комнаты платье может выдать меня. Я раскрыл окно, причем нечаянно задел палец, и ранка от пореза, сделанного утром, раскрылась. Потом я схватил сюртук с карманами, полными медяками, которые я переложил из мешка, и выбросил его из окна. Он исчез в Темзе. Я хотел швырнуть туда же и остальную одежду, но в эту минуту в комнату вбежали констебли, и через несколько мгновений – должен признаться, к немалому моему облегчению, – я был арестован не как Невилл Сент-Клер, а как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Я решился скрывать как можно дольше мое настоящее имя и положение и потому не хотел мыться. Зная, что жена будет страшно тревожиться обо мне, я украдкой от полицейских снял с пальца кольцо и передал его малайцу вместе с наскоро написанной запиской, в которой я писал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

– Она только вчера получила эту записку, – сказал Холмс.

– Боже мой! Какую неделю провела она!

– За малайцем следила полиция, – заметил инспектор Брэд-стрит, – и потому вполне понятно, что он не мог переслать письма. Вероятно, он передал его кому-нибудь из своих посетителей-матросов, а тот забыл о письме и отправил его только через несколько дней.

– Совершенно верно, – сказал Шерлок Холмс, одобрительно покачивая головой. – Но неужели вас никогда не судили за собирание милостыни? – прибавил он, обращаясь к Сент-Клеру.

– Много раз, но что значил для меня штраф.

– Теперь вам придется прекратить это ремесло, – сказал Брэд-стрит. – Если вы желаете, чтобы полиция замяла это дело, то Хью Буи должен перестать существовать на свете.

– Я уже дал себе торжественную клятву.

– В таком случае, я думаю, все будет забыто. Но если возвратитесь к прежнему ремеслу, дело выйдет наружу. Очень благодарен вам за выяснение этого случая, мистер Холмс. Хотел бы я знать, как вы достигаете подобного рода результатов?

– В данном случае я достиг разьяснения тайны, посидев на пяти подушках и выкурив пачку табаку... Я думаю, Ватсон, что если мы сейчас поедem на Бейкер-стрит, то поспеем как раз к завтраку.

История голубого алмаза

На второй день Рождества я зашел поздравить моего друга Шерлока Холмса. Он лежал в ярко-красном халате на софе, курил трубку, весь закрытый целой кучей утренних газет. Рядом с софой стоял деревянный стул, на спинке которого была повешена грязная, оборванная шляпа. Увеличительное стекло и щипчики на стуле указывали на то, что Шерлок Холмс рассматривал шляпу.

– Ты занят? – сказал я. – Я, может быть, тебе помешаю?

– Вовсе нет, напротив, мне очень приятно поговорить со своим добрым знакомым о результатах моего исследования. Это совершенно обыденный предмет, – при этом он указал на старую шляпу, – но дальнейшие обстоятельства, связанные с ним, небезынтересны, даже, некоторым образом, поучительны.

Я сел к камину и начал себе греть руки, так как на дворе было очень холодно и окна были покрыты толстой ледяной корой.

– Наверное, с этой вещью связана какая-нибудь преступная история, и она является для тебя исходной точкой для раскрытия преступления и наказания преступников?

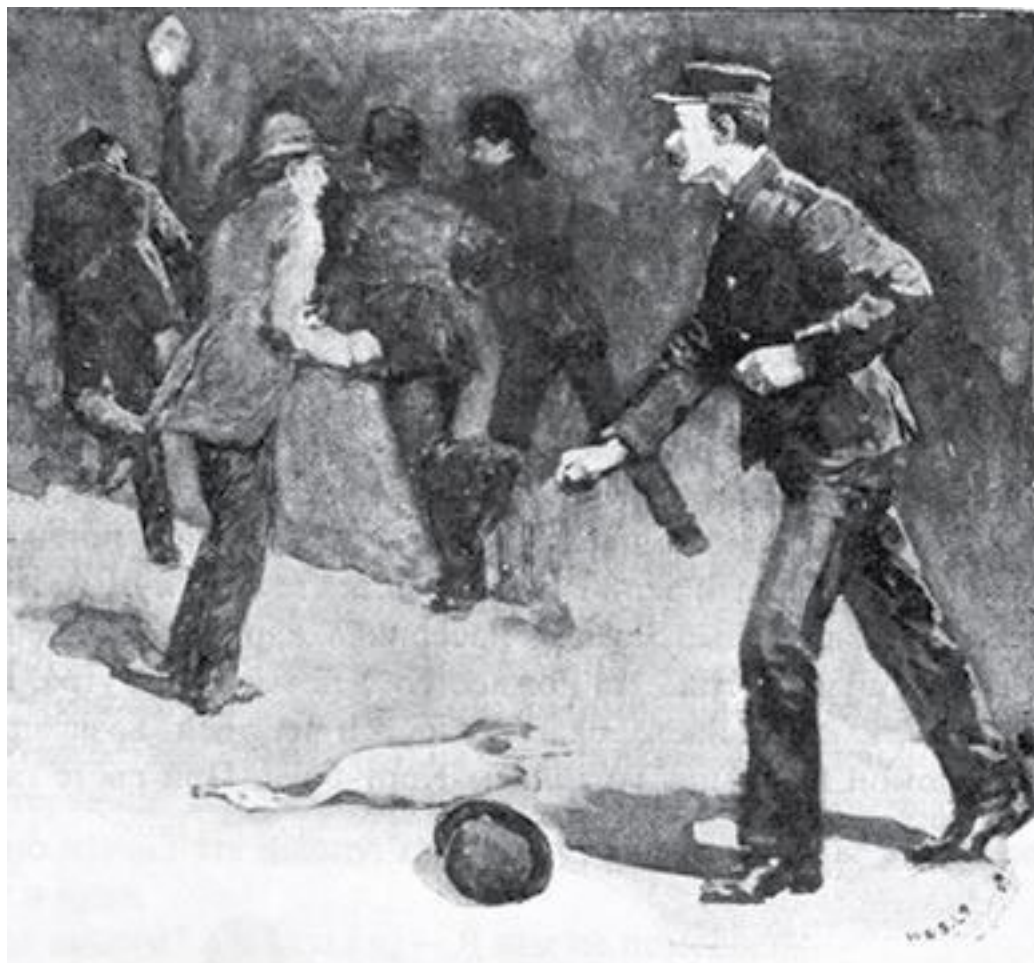
– Нет, нет, о преступлении тут нет и речи, – ответил со смехом Холмс. – Мы имеем дело с незначительным происшествием, скрывающим за собой, вероятно, что-нибудь очень интересное. Ты знаешь комиссионера Петерсона?

– Да.

– Этот трофей принадлежит ему.

– Это его шляпа?

– Нет, он ее нашел. Собственник ее неизвестен. Я теперь попрошу тебя видеть в этой вещи не старую выцветшую шляпу, а пробный камень для нашей дальновидности. Слушай, каким образом все это произошло. В первый день Рождества, около четырех часов утра Петерсон, – ты знаешь, он очень приличный человек, – возвращался из гостей домой, причем шел по улице Тоттенгам. Впереди него шел, как он рассмотрел при свете газовых фонарей, пошатываясь, высокий человек, несший на плече белого гуся. На углу улицы Гудж он вступил в ссору с двумя уличными мальчишками. Один из них сбил с него шляпу, после чего он поднял свою палку для защиты и при этом разбил магазинное окно. Петерсон поспешил к нему на помощь, но он, вероятно испугавшись бежавшего к нему комиссионера, форма которого похожа на полицейскую форму, бросил гуся и пустился бежать. Мальчишки последовали его примеру, так что на поле сражения остался один Петерсон, причем ему в добычу достался рождественский гусь и помятая старая шляпа.

– Которую он, конечно, вернул собственнику?

– Мой дорогой, вот в этом-то и загадка. Правда, к левой ноге гуся была прикреплена карточка, на которой было написано «Для м-ра Генри Бейкера», и на подкладке шляпы стояли инициалы Г. Б., но так как в Лондоне несколько тысяч Бейкеров, и несколько сотен Генри Бейкеров, то нелегко найти собственника этих вещей.

– Что же сделал Петерсон?

– Он передал мне шляпу и гуся, так как он знает, что я интересуюсь самыми незначительными загадочными случаями. Гуся я сохранил до сегодняшнего утра, но заметил, что, несмотря на холод, он скоро начнет портиться. Поэтому я отдал его Петерсону, а шляпу оставил у себя.

– Собственник ее не заявлял о себе?

– Нет.

– Каким путем можешь ты вывести заключение о его личности?

– Вот моя лупа, посмотри-ка сам, что тебе скажет шляпа о личности человека, обладавшего ею.

Я взял в руки старую измятую шляпу и начал ее рассматривать. Это была обыкновенная черная круглая шляпа на красной шелковой подкладке, теперь уже выцветшей. Фамилии фабриканта на ней не было, и, как совершенно верно заметил Холмс, на ней нацарапаны были инициалы «Г. Б.». На борту было отверстие для резинового шнура, самый шнурок отсутствовал. Шляпа была покрыта пылью и запачкана в нескольких местах. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что пятна старались скрыть, и что они были замазаны чернилами.

– Я ничего не замечаю, – сказал я, возвращая шляпу моему другу.

– Напротив, Ватсон, ты замечаешь, но не можешь вывести заключение.

– В таком случае, скажи, пожалуйста, что ты можешь заключить по этой шляпе?

Он взял ее в руки и стал рассматривать.

– Можно установить вполне определенно два факта и предположить с большей или меньшей вероятностью два другие факта. Сразу видно, что обладатель этой шляпы очень умный человек, и что он в течение трех последних лет находился в благоприятных материальных обстоятельствах, хотя за последнее время они ухудшились. Раньше он обращал большое внимание на свою наружность, теперь же с некоторого времени он морально расстроен и ввиду этого предается пьянству, а может быть также ввиду того, что жена его больше к нему любви не чувствует.

– Но, дорогой Холмс...

– Тем не менее, он еще сохранил долю уважения к самому себе. Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит на улицу, не привык к движению. Он средних лет, у него волосы с проседью, он недавно их стриг и мажет их помадой. Вот факты, которые можно вывести вполне определенно.

– Ты, конечно, шутишь, Холмс?

– Нисколько. Неужели ты не можешь понять, каким путем я дошел до этих предположений?

– Я, без сомнения, очень глуп, так как я положительно ничего не понимаю. Например, из чего ты заключил, что обладатель этой шляпы очень умный человек?

Вместо ответа Холмс одел шляпу, которая покрыла чуть ли не всю его голову.

– У кого такая большая голова, тот, несомненно, умен.

– Ну, а его материальные обстоятельства?

– Этой шляпе три года – это видно по фасону. Шляпа эта первого сорта, взгляни только на шелковую ленту и подкладку. Если этот человек три года тому назад был в состоянии покупать такую дорогую шляпу, и с того времени не приобретал себе новой, значит, материальные обстоятельства его пошатнулись.

– Ну, ладно, это достаточно ясно. Но из чего ты заключил, что он раньше обращал внимание на свою наружность, а теперь опустил?

Холмс засмеялся.

– Он приделал к шляпе резиновый шнурок, так как шляпы продают без шнурка, но затем, когда он оборвался, он не дал себе труда пришить новый. С другой стороны, он старался замазать пятна чернилами, что указывает на то, что он не потерял к себе всякое уважение.

– Против этого ничего нельзя возразить.

– Остальные пункты, а именно то, что он средних лет, что волосы у него с проседью, что он их недавно стриг, что он мажет их помадой, можно установить при рассмотрении подкладки. В лупу видно массу остриженных волосков, пахнущих помадой. Пыль, покрывающая шляпу, не уличная, а комнатная пыль, что доказывает, что шляпа большей частью висит дома, а следы пота указывают с достоверностью на то, что этот человек не привык много ходить.

– Но его жена? Ты ведь говорил, что она его больше не любит.

– Шляпу эту уже давно не чистили, значит, о нем не заботятся.

– Но он, может быть, холостяк.

– Нет, он нес гуся домой, значит, дома была жена и...

Холмс хотел продолжать, как вдруг дверь распахнулась, и вбежал весь раскрасневшийся Петерсон, видимо, сильно взволнованный.

– Гусь, мистер Холмс, гусь! – пролепетал он.

– Ну? Что с ним? Он ожил и вылетел в окно? – Холмс повернулся на софе, чтобы лучше рассмотреть его лицо.

– Посмотрите, вот что нашла моя жена в его в зобу!

При этом он протянул ладонь, на которой лежал чудный, блестящий голубой камень такой чистой воды, что он сиял как бы электрическим светом. Холмс вскочил.

– Вы нашли целое сокровище, Петерсон! Я полагаю, вы знаете, что вы нашли?

– Брильянт! Драгоценный камень!

– Не драгоценный, а самый драгоценный камень...

– Неужели это голубой алмаз графини Моркар? – воскликнул я.

– Конечно, это он! Я отлично знаю, как он выглядит, так как каждый день о нем пишут в «Таймс». Ценность его колоссальна. Тысяча фунтов стерлингов вознаграждения, предназначенных возвратившему этот брильянт его владелице, не представляет и двадцатой части его ценности.

– Тысяча фунтов! Всемогущий Боже!

Петерсон опустил на стул и уставился на нас.

– Если я не ошибаюсь, кража эта была совершена в «Космополитен отеле», – заметил я.

– Совершенно верно, двадцать второго декабря, пять дней тому назад. Да вот подробно.

Он отыскал номер газеты и громко прочел:

«КРАЖА В «КОСМОПОЛИТЕН ОТЕЛЕ»

Жестянщик Джон Горнер, 26 лет, обвиняется в том, что 22 украл из шкапулки графини Моркар драгоценный камень, известный под названием «Голубой алмаз». Джеймс Ридер, главный лакей гостиницы, заявил, что он вместе с Горнером 22-го числа был в туалетном кабинете графини, где нужно было поправить каминную решетку. Через некоторое время его вызвали по делу, а когда же он вернулся в кабинет, то Горнера там уже не было, письменный стол оказался взломанным, и находившийся в нем ящичек, в котором находились драгоценности графини, оказался пустым. Ридер тотчас же поднял тревогу, и Горнера арестовали в тот же вечер, но у него не нашли камня. Полицейский инспектор Брэд-стрит, арестовавший Горнера, заявил, что он отчаянно защищался и уверял в своей невинности. Так как Горнер уже раз был осужден за кражу, то следователь направил его дело в суд, где оно будет разбираться присяжными заседателями. Горнер, выказывавший сильное волнение во время следствия, при объявлении резолюции следователя упал в обморок, так что его вынесли из залы».

– Теперь наша задача состоит в том, чтоб найти нить, ведущую от взломанной шкапулки к гусиному зубу. Поэтому мы должны теперь определить роль, которую играл Генри Бейкер в этой таинственной истории. Попробуем самое простое средство и дадим объявление в газеты. Например, такое: «Найдены на углу Гудж-стрит гусь и черная мягкая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить эти вещи сегодня вечером в половине седьмого в доме номер 221 по улице Бейкер». Это коротко и ясно.

– Но попадется ли ему на глаза это объявление?

– Он, наверное, внимательно будет читать газеты, так как это для него немаловажная потеря. Сбегайте-ка, Петерсон, в газетную контору и сдайте это объявление во все вечерние газеты. Затем на обратном пути купите гуся. Мы должны его отдать вместо того гуся, который жарится теперь у вас на кухне.

Когда Петерсон ушел, Холмс взял камень и поднес его к огню.

– Прелестная вещь! Хотя этому камню всего двадцать лет, за ним есть очень печальные истории, два убийства, одно самоубийство и несколько краж. Я его спрячу и напишу графине, что алмаз у нас.

– Считаешь Горнера невинным?

– Не могу этого сказать. Всего вероятнее, что Генри Бейкер, который не знал ценности гуся, тут совершенно не причем. Я это установлю только тогда, когда мы получим ответ на наше объявление.

Я распрощался с ним, и мы условились, что зайду к шести часам вечера после обхода моих пациентов. Я немного запоздал, и была половина седьмого, когда я подходил к дому Холмса. У дома стоял какой-то высокого роста человек в шотландской шапке. Когда отворили входную дверь, мы оба одновременно вошли в комнату Холмса.

– Вы, вероятно, мистер Генри Бейкер? – проговорил Шерлок с необычайной любезностью. – Садитесь, пожалуйста, к камину, мистер Бейкер. Сегодня холодный день, и мне кажется, что вы жару переносите легче холода... А, Ватсон, ты как раз пришел вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

– Да, несомненно, это моя шляпа.

Бейкер был высокого роста, широкоплечий мужчина. Легкая краснота носа и щек и дрожание рук доказывали справедливость предположения относительно его пристрастия к вину. Его сальный черный сюртук был застегнут доверху, и воротник его был приподнят. Манжет на нем не было, и не было видно следов рубашки. Он говорил медленно, видимо, обдумывая слова, и производил впечатление образованного, но впавшего в бедность человека.

– Мы несколько дней держали у себя вещи, – проговорил Холмс. – Так как думали, что вы заявите о себе.

Посетитель смущенно рассмеялся.

– Я был уверен, что мальчишки стащили и гуся, и шляпу, и не хотел... и признаться откровенно, не мог рисковать деньгами на объявление.

– Я вас понимаю. Что касается гуся, то мы его съели.

– Съели? – при этом он в волнении приподнялся.

– Да, ведь он скоро испортился бы. Но я думаю, что вот этот гусь, такой же свежий и жирный, вполне вас удовлетворит.

– О да, конечно! – ответил со вздохом облегчения мистер Бейкер.

– Конечно, мы сохранили перья, ноги, голову вашего гуся, и если вы желаете...

Бейкер расхохотался.

– Что я буду с ними делать? Нет, с вашего позволения я обращу все свое внимание на этот превосходный экземпляр.

Холмс бросил на меня взгляд и при этом едва заметно пожал плечами.

– Вот ваша шляпа и гусь. Не можете ли вы мне сказать, где вы достали этого гуся? Мне никогда не приходилось видеть такой чудной птицы.

– Видите ли, – ответил Бейкер, поднявшись и взяв под мышку гуся. – Я обычный клиент трактира «Альфа», у музея. В этом году наш славный хозяин Виндигер ввел такое нововведение, что при уплате нескольких пенсов в неделю каждый из постоянных гостей получает к Рождеству гуся. Я аккуратно производил свои взносы, а остальное вы сами знаете. Я очень рад, что нашел свою шляпу, ибо шотландская шапка моим годам совсем не подходит.

С комической важностью нахлобучил он свою шляпу, сделал нам торжественный поклон и удалился.

– Ясно, что он тут не причем, – проговорил Холмс, притворив за ним дверь. – Ты голоден, Ватсон?

– Не очень.

– В таком случае, я тебе предлагаю отложить ужин. А теперь направимся по свежим следам.

– Ладно.

Вечер был очень холодный. Через четверть часа мы были в трактирчике «Альфа». Холмс заказал две кружки пива и обратился к краснощекому хозяину.

– Если ваше пиво так же вкусно, как и ваши гуси, то оно должно быть превосходно.

– Мои гуси? – хозяин был, видимо, удивлен.

– Да. Полчаса тому назад я говорил с мистером Генри Бейкером, который принадлежит к вашему «гусиному клубу».

– Ах, да, теперь я понимаю. Но это были не мои гуси.

– А чьи же?

– Я купил две дюжины у Брекенриджа, в Ковент-Гарден.

– А, вот как! За ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего дома! До свидания.

– А теперь к Брекенриджу, – проговорил он, выходя на улицу и застегивая пальто.

Когда мы подошли к магазину Брекенриджа, то застали хозяина, как раз закрывавшего ставни с помощью приказчика.

– Добрый вечер! Холодная погодка, – проговорил Холмс.

Торговец кивнул головой и бросил вопросительный взгляд на моего спутника.

– Как я вижу, вы продали всех ваших гусей? – продолжал Холмс, указывая на пустые мраморные столы.

– Можете получить завтра утром пятьсот штук.

– Мне нужно сейчас.

– Зайдите в лавку напротив, там еще найдете несколько штук.

– Совершенно верно. Но мне вас рекомендовали.

– Кто же?

– Хозяин «Альфа».

– Ах, да! Я ему продал две дюжины.

– Это были чудные гуси! Где вы их купили?

К моему удивлению, вопрос этот привел в ярость торговца.

– К чему вы клоните?! – крикнул он, уставившись руками в бока. – Говорите прямо, без обиняков.

– Да я прямо и говорю. Я бы хотел знать, кто вам продал гусей, поставленных вами в «Альфа».

– Ну, а я вам это не скажу. Вот и все!

– Я не понимаю, почему вы кипятитесь из-за такого пустяка?

– Кипячусь? Вы бы сами кипятитесь на моем месте! Я заплатил деньги за товар, и кончено дело. А то: «где гуси?», «кому вы продали гусей?», «что вы хотите за гусей?» Можно подумать, что других гусей не существует!

– Я не имею ничего общего с теми людьми, которые расспрашивали вас о гусях! – заметил как бы мимоходом Холмс. – Видите ли, если вы не хотите отвечать, то мое пари не состоится. Я знаток в живности и держал пари на пять шиллингов, что гусь доставлен из деревни.

– Но, в таком случае, вы проиграли пять шиллингов, – ответил торговец. – Гусь был городской!

– Ах, не может быть.

– А вам я говорю, что это так.

– А я этому не верю! Я слишком большой знаток.

– Хотите держать пари?

– Ведь я знаю, что вы проиграете, так как я прав. Все равно, я ставлю соверен, только чтоб проучить вас.

Торговец злобно ухмыльнулся.

– Принеси мне книги, Билл, – крикнул он.

Мальчишка принес маленькую тетрадку и толстую книгу, переплет которой был весь в жирных пятнах.

– Вот смотрите, упрямец, в этой тетради имена моих поставщиков. Вот, прочтите это имя.

– «Мистрис Окшотт, 117-тая улица, Брикстон, 249», – прочел Холмс.

– Так. А теперь откройте 249-ю страницу. Вы видите?

«Мистрис Окшотт, поставщица яиц и живности».

– Какая последняя поставка?

– «Двадцать четвертого декабря. Двадцать четыре гуся по семь с половиной шиллингов».

– Так. А что написано под этим?

– «Продано мистру Виндигеру, хозяину «Альфа», по двенадцать шиллингов».

– Ну, что вы теперь скажете?

Холмс выглядел совершенно смущенным. Он вынул соверен, бросил его на стол и вышел с недовольным видом. Отойдя некоторое расстояние от магазина, он от души расхохотался.

– Ну, Ватсон, теперь загадка должна скоро разрешиться. Вопрос в том, пойдем ли мы сейчас к мистрис Окшотт или отложим это до завтрашнего дня. Из слов этого грубияна ясно видно, что кроме меня, гусями интересовались и другие. И я бы...

Вдруг громкий крик донесся из только что оставленного нами магазина. Мы вернулись и увидели у магазина какого-то маленького человека, ругавшегося с хозяином, потрясавшим кулаками.

– Убирайтесь вы к черту с вашими гусями! Если ты еще раз вернешься, я натравлю на тебя собак. Пускай придет сама мистрис Окшотт, я ей дам ответ. А тебя это не касается!

– Ведь один гусь был мой, – пищал человек.

– Обратись к мистрис Окшотт!

– Она послала меня к вам.

– Обращайся к кому хочешь, мне до этого дела нет! Вон отсюда!

Он сделал угрожающее движение, и человек удалился.

– Вероятно, нам не придется быть у этой торговки, – шепнул Холмс. – Пойдем-ка. Может быть, этот человек будет нам полезен.

Он быстро догнал человека и хлопнул его по плечу. Тот быстро обернулся, и я увидел при свете фонаря, что краска сошла с его лица.

– Кто вы такой? Что вам нужно? – спросил он нетвердым голосом.

– Извините, – ответил вежливо Холмс, – но я случайно был свидетелем вашего разговора с торговцем и, пожалуй, могу вам оказать пользу.

– Вы? Кто вы такой? Как вы можете знать об этом?

– Меня зовут Шерлок Холмс. Моя специальность – знать то, чего не знают другие.

– Но об этом вы ничего не можете знать.

– Прошу извинения, но я знаю все. Вы бы хотели найти пару гусей, проданных мистрис Окшотт с улицы Брикстон торговцу Брекенриджу, а этим последним хозяину трактира «Альфа» Виндигеру, а Виндигером – нескольким клиентам, к числу которых принадлежит мистер Генри Бейкер.

– О, мистер, вы не можете представить, какое значение имеет для меня все это! – воскликнул маленький человек.

Холмс позвал проезжавшего извозчика.

– В таком случае, самое лучше будет, если мы это обсудим в уютной комнате, а не на улице, – сказал он. – Но прежде всего скажите мне, пожалуйста, с кем я имею удовольствие говорить?

Человек замялся.

– Меня зовут Джон Робинсон, – ответил он затем, бросив взгляд в сторону.

– Нет, нет, ваше настоящее имя, – проговорил вежливо Холмс.

Краска залила бледное лицо незнакомца.

– Хорошо, мое настоящее имя Джеймс Ридер.

– Ага, главный лакей в гостинице «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, я вам дам все необходимые справки.

Маленький человек остановился, бросая на нас полу испуганные, полу недоумевающие взгляды. Затем он сел на извозчика, и через полчаса мы очутились в квартире моего друга.

В дороге мы не обменялись ни одним словом; только порывистое дыхание моего спутника и нервное подергивание его рук выдавали его волнение.

– Вот и приехали! – проговорил весело Холмс, входя в комнату. – В камине горит огонь. Вы замерзли, мистер Ридер. Садитесь, пожалуйста, к камину. Позвольте мне только надеть туфли. Вот так! Значит, вы хотели бы знать, какая участь постигла гусей?

– Вот именно.

– Или, вернее, одного гуся? Ведь вы интересуетесь одним гусем – белым, с черными полосами.

Ридер задрожал от волнения.

– Ах! – воскликнул он. – Можете вы мне сказать, куда он попал?

– Он попал сюда.

– Сюда?

– Да, это был чудный гусь. То есть, вернее, гусыня. Я несколько не удивляюсь, что вы так интересуетесь. После того, как ее зарезали, она снесла голубое яйцо. Чудное яичко, вот оно.

Наш гость приподнялся и схватился правой рукой за край камина. Холмс открыл свою шкапулку и вынул голубой алмаз, сверкавший чудным огнем.

– Игра кончена, Ридер, – проговорил спокойно Холмс. – Помогите ему сесть, Ватсон. У него недостаточно нервов, чтоб быть мазуриком. Дай ему глоток коньяку. Вот так! У меня все козыри в руках, так что вам скрывать нечего. Вы слышали об этом голубом алмазе графини Моркар, Ридер?

– Да, горничная графини рассказывала мне о нем, – ответил он хриплым голосом.

– Ага, искушение стать сразу богатым человеком было слишком велико, и вы несколько не постеснялись в выборе средств. Вы знали, что этот Горнер уже раз попался в подобной проделке, и что поэтому подозрение падает на него. Что же вы сделали? Вы устроили с вашей сообщницей – горничной графини – так, что для исправления каминной решетки был позван Горнер. После его ухода вы взломали шкатулку, подняли шум и указали на Горнера, которого арестовали. Затем...

Ридер бросился перед моим другом на колени.

– Ради самого Создателя, жальтесь! – воскликнул он. – Подумайте о моем отце, о моей матери. Ведь они умрут с горя. Я еще никогда не совершал преступления! И клянусь вам, я всегда буду честным! Клянусь вам всем, что для меня свято! О, только ради Создателя, не предавайте меня суду!

– Садитесь, – ответил строго Холмс. – Расскажите мне, как было дальше дело. Каким образом в гусе оказался камень, и как этот гусь попал на рынок? Говорите нам одну только правду, в этом все ваше спасение.

Ридер повел языком по своим засохшим губам.

– Я вам расскажу, как все произошло, – начал он. – Когда Горнера арестовали, я решил, что надо немедленно спрятать камень, так как полиции может прийти мысль обыскать меня и мою комнату. Поэтому я отправился к своей сестре. Она замужем за Окшоттом, и торгует живностью. Я был в страшном волнении. По дороге каждого встречного я принимал за полицейского, и холодный пот выступал на моем лбу. Сестра спросила меня, что случилось, и почему я так бледен. Я ей сказал, что у нас в гостинице случилась кража. Затем я вышел на двор и начал за трубкой размышлять о том, что мне теперь делать.

У меня был раньше друг по имени Моцли, свихнувшийся с пути и только что теперь вышедший из тюрьмы. Он мне не раз рассказывал об уловках воров, прячущих украденные вещи. Я знал, что он меня не выдаст, так как я кое-что знал о нем, и поэтому я решил довериться ему. Он, наверное, укажет мне средство превратить камень в деньги. Но каким образом попасть к нему? На улице меня могли каждую минуту арестовать, обыскать, и тогда я пропал. Я прислонился к стене, передо мной плескались гуси; вдруг мне пришла в голову блестящая мысль. Сестра обещала мне подарить к Рождеству самого жирного гуся. Я решил взять его теперь и скрыть камень в его зобу. Я поймал одного гуся, раскрыл ему клюв и протолкнул ему в горло драгоценный камень. Но он начал так гоготать, что моя сестра вышла и спросила, что случилось. Только что я ей собирался ответить, как гусь вырвался из моих рук и смешался с другими.

«Что ты делаешь, Джеймс?» – спросила она.

«Ведь ты же обещала подарить мне на Рождество гуся. Вот я и смотрел, какой из них жирнее».

«Для тебя мы уже отложили гусыню, вон ту большую, белую. У нас их двадцать шесть штук – одна для тебя, другая для нас, и двадцать четыре для продажи».

«Благодарю тебя, Маджи, – сказал я. – Но я предпочитаю взять ту, которая только что была у меня в руках».

«Как хочешь. Какую же ты выбрал?»

«Вот ту белую, с черными полосами».

«Отлично, возьми ее».

Я взял гуся и отправился к Моцли. Я рассказал ему свою выдумку, и он чуть не лопнул от хохота. Когда же мы разрезали гуся, камня в нем не оказалось. Очевидно, произошла страшная ошибка. Я тотчас же бросился к сестре, но на птичьем дворе гусей больше не оказалось. Они были проданы Брекенриджу, в Ковент-Гарден. Я сейчас же бросился к нему, но он уже продал всю партию и ни за что не хотел мне сказать, кому именно. Вы его сегодня сами слышали.

Сестра говорит, что я схожу с ума. Иногда мне это самому кажется. Теперь я обеспечен на всю жизнь! Господи, спаси меня!

Он закрыл лицо руками и разразился рыданиями.

Наступило молчание, прерываемое только тяжелым дыханием несчастного и стуком пальцев Шерлока Холмса по столу. Наконец Холмс встал и открыл дверь.

– Уходите! – проговорил он.

– Что? О, Господь вас за это вознаградит!

– Ни слова! Ступайте!

Ридер не заставил себя просить дважды, и через несколько секунд донесся звук захлопываемой двери.

– В сущности, Ватсон, – проговорил Холмс, принимаясь за трубку, – я вовсе не обязан помогать полиции. Может быть, я должен был бы донести на Ридера, но я думаю, что молчанием спасаю от гибели человеческую душу. Он больше преступления не совершит. Горнер, конечно же, завтра же будет освобожден.

Пестрая лента

Просматривая записанные мною многочисленные приключения, которые я наблюдал в продолжение тех восьми лет, что следил за похождениями моего друга Шерлока Холмса, я нахожу между ними много трагических, несколько комических и большинство странных, но ни одного банального. Это происходит оттого, что он занимался своим делом из любви к искусству, а не из-за денег, и потому отказывался от всяких розысков, не имевших в себе чего-либо особенного или даже фантастического. Из всех записанных мною случаев едва ли не самым интересным является история с Ройлоттами из Сток Морана. Происшествие это случилось в первые годы моего знакомства с Шерлоком Холмсом, когда я был еще холост, и мы жили вместе на Бейкер-стрит. Я описал бы этот случай и раньше, если бы не дал одной даме обещания хранить его в тайне. Только ее преждевременная смерть несколько месяцев тому назад освободила меня от этого обязательства. Пожалуй, и хорошо, что можно, наконец, разъяснить эту историю, так как слухи, ходящие о смерти доктора Гримсби Ройлотта, представляют дело еще ужаснее, чем оно было на самом деле.

Проснувшись в одно прекрасное апрельское утро 1883 года, я увидел Шерлока Холмса, стоявшего совершенно одетым у моей постели. Я невольно удивился, так как было четверть восьмого, а Холмс вообще вставал поздно; я взглянул на него с изумлением и даже с неудовольствием, так как не любил, чтобы нарушали мои привычки.

– Очень жалею, что приходится будить вас, Ватсон, – сказал Холмс, – но так уже суждено сегодня всем нам. Разбудили миссис Хадсон, она меня, а я вас.

– Что же случилось? Пожар, что ли?

– Нет, клиент. Явилась какая-то барышня, чрезвычайно взволнованная, и непременно желает видеть меня. Она – в гостиной. Знаете, если молодые барышни в такой ранний час бродят по столице и будят спящих, то, вероятно, хотят сообщить что-нибудь особенно важное. Если дело окажется интересное, вы, наверно, захотите принять в нем участие. Поэтому-то я и решил разбудить вас.

– Благодарю вас, мой друг. Мне было бы жаль пропустить интересный случай.

Ничто в жизни не доставляло мне такого удовольствия, как возможность наблюдать за Шерлоком и восхищаться его быстрыми выводами, всегда основанными на логике. Я быстро оделся, и через несколько минут мы входили в гостиную. Сидевшая у окна дама, в черном платье и под густой вуалью, встала, увидев нас.

– Доброго утра, сударыня, – весело сказал Холмс. – Я – Шерлок Холмс. Это мой друг и компаньон доктор Ватсон. Вы можете все рассказывать при нем так же свободно, как и при мне... Ага, я рад, что миссис Хадсон догадалась затопить камин. Пожалуйста, сядьте поближе к огню, я велю подать вам чашку горячего кофе. Вы дрожите.

– Я дрожу не от холода, – тихо проговорила дама, садясь к камину.

– От чего же?

– От страха, от ужаса, мистер Холмс.

При этих словах она подняла вуаль, и мы увидели взволнованное бледное лицо с беспокойными испуганными глазами, похожими на глаза животного, которого преследуют охотники. По лицу и фигуре ей было лет тридцать, но в волосах пробивалась седина, а вся она казалась усталой и изможденной. Холмс окинул ее своим пронизательным взглядом.

– Не бойтесь, – проговорил он, наклонясь и ласково потрепав ее по руке. – Мы поправим все дело, я уверен в этом. Вы приехали с утренним поездом.

– Разве вы знаете меня?

– Нет, но я вижу у вас обратный билет в левой перчатке. Вы рано выехали, и вам пришлось ехать до станции в тарантасе по тяжелой дороге.

Барышня вздрогнула и с изумлением взглянула на моего приятеля.

– Тут нет ничего таинственного, – улыбаясь, проговорил он. – На левом рукаве вашей кофточки, по крайней мере, семь пятен от грязи. Пятна совсем свежие. Так забрызгаться можно только сидя в тарантасе, и то по левую сторону кучера.

– Вы правы, – сказала барышня. – Я выехала из дома раньше шести часов, в Летерхеде была в двадцать минут седьмого и отправилась с первым поездом в Ватерлоо. Сэр, я не могу больше вынести этого, я с ума сойду. Мне не к кому обратиться... Есть один человек, который любит меня, но он, бедный, немного может сделать для меня. Я слышала о вас от миссис Фаринтош, которой вы помогли в тяжком горе. Она дала мне ваш адрес. О, сэр! Не можете ли вы помочь мне или, по крайней мере, пролить хоть немного света в окружающий меня густой мрак? В настоящее время я ничем не могу вознаградить вас, но через месяц-полтора я выйду замуж, тогда я могу располагать своим состоянием, и вы увидите, что я не окажусь неблагодарной.

Холмс подошел к письменному столу, открыл его и вынул оттуда маленькую записную книжку.

– Фаринтош, – проговорил он. – Ах, да, помню этот случай; дело шло о диадеме из опалов. Кажется, это было раньше нашего знакомства, Ватсон. Что же касается вознаграждения, то сама моя деятельность служит мне вознаграждением; но вы можете возместить расходы, когда это будет удобно вам. А теперь прошу вас рассказать все, что может служить для выяснения дела.

– Увы, – ответила наша посетительница. – Весь ужас моего положения состоит именно в том, что мои страхи так неопределенны, а подозрения основаны на таких мелочах, которые кажутся ничтожными всем другим. Даже тот, от кого я могу ожидать помощи и совета, смотрит

на то, что я рассказываю ему, как на фантазию нервной женщины. Он не говорит ничего, но я читаю это в его успокоительных ответах и во взгляде, которым он смотрит на меня во время моего рассказа. Но я слышала, мистер Холмс, что вы умеете заглянуть в глубину души всякого злого человека. Вы можете посоветовать, что делать мне среди окружающих меня опасностей.

– Я весь внимание, сударыня.

– Меня зовут Элен Стоунер. Я живу с отчимом, последним представителем одной из старейших саксонских фамилий в Англии – Ройлоттов из Сток Морана, на западной границе графства Суррей.

Холмс кивнул головой.

– Я слышал эту фамилию, – сказал он.

– В былое время Ройлотты были одними из богатейших людей Англии, имения их простирались до Беркшира на север и Хэмпшира на запад. Но в прошлом столетии четыре поколения вели расточительный, распутный образ жизни, а во время регентства фамилия окончательно разорилась благодаря страсти к игре одного из ее членов. Остались только несколько акров земли да старинный двухсотлетний дом, заложенный и перезаложенный. Последний владелец влачил там жалкую жизнь нищего аристократа. Его единственный сын, мой отчим, видя необходимость примениться к новым условиям, занял денег у одного из своих родственников, выдержал экзамен на доктора и уехал в Калькутту. Благодаря своему искусству и силе характера он составил себе там большую практику. В припадке гнева, вызванного какой-то кражей в доме, он избил до смерти своего слугу-туземца и едва избежал смертной казни за убийство. Ему долго пришлось сидеть в тюрьме. В Англию он возвратился угрюмым разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стоунер, молодой вдове генерал-майора бенгальской артиллерии; сестра моя Джулия и я были близнецами. Нам было лишь по два года, когда мать вышла замуж во второй раз. У нее было значительное состояние, около тысячи фунтов дохода. Весь этот доход она отказала доктору Ройлотту с условием, что он будет получать его полностью, пока мы живем с ним; в случае же замужества которой-либо из нас он должен выдавать нам ежегодно известную сумму. Мать умерла вскоре после нашего возвращения в Англию: она погибла восемь лет тому назад при крушении поезда вблизи Кру. Доктор Ройлотт отказался от намерения составить себе практику в Лондоне и уехал с нами в свое родовое поместье – Сток Моран. Денег, оставленных матерью, хватало на все наши нужды, и, казалось, мы могли жить счастливо.

Но как раз в это время страшная перемена произошла в отчине. Вместо того чтобы завести знакомство с соседями, которые в первое время были очень довольны возвращением последнего из Ройлоттов в его родовое имение, он заперся у себя в доме и редко выходил оттуда, а если и выезжал, то сейчас же затеивал крупную ссору с кем ни попадя. Вспыльчивость, доходившая почти до мании, была в характере всех Ройлоттов; в отчине же, я думаю, она еще усилилась вследствие долговременного пребывания в тропическом климате. Произошло множество безобразных столкновений, два из которых закончились разбирательством в суде. Наконец он навел такой ужас на деревенских жителей, что все разбежались при его появлении, так как он – человек страшной силы и необузданной вспыльчивости.

На прошлой неделе он сбросил местного кузнеца с моста в реку, и мне едва удалось замять дело, отдав деньги, какие были у меня. Единственные его друзья – бродячие цыгане. Им он позволяет раскидывать шатры на своей земле, и иногда живет у них в шатрах и даже уходит с ними на несколько недель. Он очень любит индийских животных, которых присылают ему из Индии. В настоящее время у него есть павиан и пантера, которые бегают повсюду, наводя на поселян страх, какой наводит на них их хозяин.

Из моих слов вы можете заключить, что нам с Джулией жилось невесело. Прислуга не хотела жить у нас, и долгое время мы принуждены были делать все сами. Сестре было только тридцать лет, когда она умерла, но волосы у нее начинали седеть, как теперь у меня.

– Так ваша сестра умерла?

– Она умерла два года тому назад. Вот о ее смерти я и хочу поговорить с вами. Вы понимаете, что при том образе жизни, который мы вели, нам не приходилось встречаться с людьми наших лет и нашего положения. Но у нас есть тетка, незамужняя сестра моей матери, мисс Гонория Уэстфайл, и мы иногда гостили у нее. Она живет вблизи Харроу. Джулия была у нее два года тому назад на Рождество, познакомилась там с одним отставным морским офицером и обручилась с ним. Когда она вернулась, то сказала об этом отчиму; он не был против ее замужества; но за две недели до свадьбы случилось ужасное происшествие, лишившее меня моей единственной подруги.

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и опустив глаза. Теперь он полуоткрыл их и взглянул на посетительницу.

– Пожалуйста, расскажите все подробности.

– Мне легко это сделать, так как все, что произошло в это ужасное время, запечатлелось в моей памяти. Дом, как я уже говорила вам, очень стар, и для житья годен только один флигель. Спальни находятся в нижнем этаже, остальные комнаты – в центре здания. Первая – спальня доктора Ройлотта, вторая – моей сестры, третья – моя. Между этими комнатами нет сообщения, но все они выходят в один коридор. Ясно ли я выражаюсь?

– Вполне.

– Окна всех трех комнат выходят на лужайку. В эту роковую ночь доктор Ройлотт рано ушел к себе, хотя мы знали, что он еще не ложился, так как до сестры доносился запах крепких индийских сигар, которые он обыкновенно курил. Она пришла ко мне и просидела несколько времени, болтая о предстоящей свадьбе. В одиннадцать часов она встала и пошла к двери, но вдруг остановилась и спросила меня:

– Элен, ты никогда ночью не слышишь свиста?

– Никогда, – ответила я.

– Не может быть, чтобы ты свистела во сне, не правда ли?

– Конечно, нет. Почему ты спрашиваешь это?

– Потому что вот уже несколько дней около трех часов утра я слышу тихий свист. Я сплю очень чутко и просыпаюсь от этого свиста. Не знаю, откуда он доносится – из соседней комнаты или с лужайки. Я хотела спросить тебя, не слышала ли и ты его?

– Нет. Должно быть, это свистят противные цыгане.

– Очень вероятно. Но удивляюсь, как это ты не слышала.

– Я сплю крепче тебя.

– Ну, во всяком случае, это пустяки, – с улыбкой проговорила она, заперла мою дверь, и вскоре я услышала, как щелкнул ключ в замке ее комнаты.

– Вы всегда запираетесь на ночь? – спросил Холмс.

– Всегда.

– Почему?

– Я, кажется, уже говорила вам, что доктор держит павиана и пантеру. Мы чувствовали себя в безопасности только тогда, когда запирались на ключ.

– Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

– В эту ночь я не могла заснуть. Смутное предчувствие несчастья охватило мою душу. Сестра и я были близнецы, а вы знаете, какие тонкие нити связывают таких близких друг другу существ. Ночь была бурная. Ветер завывал в саду, а дождь хлестал в окна. Вдруг среди шума бури раздался отчаянный женский крик, полный ужаса. Я узнала голос сестры, вскочила с постели, закуталась в шаль и выбежала в коридор.

Когда я открыла дверь, я услышала тихий свист, про который говорила мне сестра, и затем звук как будто от падения какого-то металлического предмета. Я побежала по коридору. Дверь комнаты моей сестры была не заперта и медленно колыхалась на петлях. Я с ужасом смотрела на нее, не зная, что будет. При свете лампы я увидела на пороге сестру, с бледным от ужаса лицом, с протянутыми руками; она качалась, как пьяная. Я бросилась к ней и охватила ее руками, но в это мгновение у нее подкосились колени, и она упала на пол, корчась как бы от невыносимой боли. Сначала я подумала, что она не узнала меня, но когда я нагнулась над ней, она вскрикнула голосом, которого я никогда не забуду: «О, боже мой, Элен! Это была лента! Пестрая лента!» Она хотела еще что-то сказать, указывая но направлению к комнате доктора, но с ней сделались конвульсии, и она не могла проговорить ни слова. Я бросилась по коридору, стала звать отчима. Он уже поспешно выходил в халате из своей комнаты. Когда отчим подошел к сестре, она была уже в бессознательном состоянии. Он дал ей бренди, послал за доктором, но все было напрасно: она умерла, не приходя в сознание. Так скончалась моя дорогая сестра.

– Одно мгновение, – сказал Холмс, – вы уверены в том, что слышали свист и металлический звук? Можете поклясться в этом?

– То же самое спросил меня и следователь при допросе. У меня осталось сильное впечатление, что я слышала эти звуки, но, может быть, я и ошиблась, так как в то время была страшная буря.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, на ней была ночная рубашка. В правой руке у нее была обуглившаяся спичка, а в левой коробочка спичек.

– Это показывает, что она зажгла огонь, когда услышала шум. Это очень важно. Ну, а что сказал следователь?

– Он внимательно исследовал это дело, так как характер и образ жизни доктора Ройлотта были хорошо известны во всем графстве, но не мог открыть причины смерти сестры. Я показала, что дверь была заперта изнутри, а окна закрыты старинными ставнями с болтами. Тщательно исследовали стены и пол, они оказались вполне прочными. Печная труба широка, но в ней есть решетка. Очевидно, сестра была совершенно одна, когда ее постигла смерть. К тому же на теле не оказалось никаких признаков насилия.

– А как насчет яда?
– Доктора осматривали ее, но ничего не нашли.
– От чего же, по-вашему, умерла несчастная?
– Я уверена, что она умерла от страха и нервного потрясения, но не могу представить себе, что так напугало ее.

– Были в то время цыгане вблизи дома?
– Да, они почти всегда бывают в окрестностях.
– А как вы думаете, что могли означать слова о «ленте», «пестрой ленте»?
– Иногда мне это кажется просто бредом, иногда я думаю, что это лично относится к шайке людей, может быть, тех же цыган. Не знаю только, чем объяснить странное прилагательное «пестрая», если это относилось к цыганам; разве тем, что их женщины носят пестрые платки на голове.

Холмс покачал головой с видом человека, далеко не согласного с заключением мисс Стоунер.

– Это дело очень темное, – проговорил он. – Продолжайте, пожалуйста.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя стала еще однообразнее и скучнее. Месяц тому назад один добрый друг, которого я знаю уже несколько лет, сделал мне предложение. Это Перси Армитаж, второй сын мистера Армитажа из Крейн Уотер, вблизи Рединга. Отчим ничего не имеет против моего замужества, и мы должны обвенчаться весной. Два дня тому назад в западном флигеле нашего дома началась перестройка; в моей спальне просверлили стену так, что мне пришлось перейти в ту комнату, где умерла сестра, и спать на ее кровати.

Представьте же себе мой ужас, когда вчера ночью, в то время как я лежала на постели, размышляя об ужасной участи сестры, я вдруг услышала тот тихий свист, который был предвестником ее смерти. Я вскочила с кровати, зажгла лампу, но в комнате ничего не было. Я была слишком потрясена для того, чтобы лечь спать. Я оделась и, как только рассвело, тихонько сошла вниз, наняла себе тарантас в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, и отправилась в Летерхед, откуда приехала сюда с единственной целью: повидать вас и посоветоваться с вами.

– И умно поступили, – сказал мой друг. – Но все ли вы рассказали мне?

– Да, все.

– Мисс Стоунер, вы рассказали не все. Вы щадите своего отчима.

– Что вы хотите сказать?

Вместо ответа он отвернул черные кружева, пришитые к рукаву платья мисс Стоунер. На белой руке виднелись пять синих пятен – следы пяти пальцев.

– С вами обращаются очень жестоко, – сказал Холмс.

Мисс Стоунер сильно покраснела и спустила кружева.

– Он жестокий человек, – сказала она, – и, может быть, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание. Холмс, опустив голову на руки, пристально смотрел в огонь.

– Это очень темное дело, – наконец проговорил он. – Мне нужно знать множество подробностей, прежде чем решить, что предпринять. А между тем, нельзя терять ни одной минуты. Если бы мы поехали сегодня в Сток Моран, можно ли нам осмотреть эти комнаты без ведома вашего отчима?

– Он говорил, что сегодня поедет в город по какому-то важному делу. По всей вероятности, его не будет дома целый день. Экономка у нас старая и глупая. Я легко могу удалить ее.

– Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Ватсон?

– Ровно ничего.

– Так мы приедем оба. А вы что намерены делать?

– Я хочу воспользоваться тем, что приехала в город, и исполнить несколько дел. Но я возвращусь домой с двенадцатичасовым поездом, чтобы встретить вас.

– Ждите нас вскоре после полудня. У меня самого есть дела. Не останетесь ли вы позавтракать?

– Нет, мне надо идти. У меня на душе стало легче после того, как я все рассказала вам. Буду ожидать вас после полудня.

Она опустила свою густую черную вуаль и вышла из комнаты.

– Что вы думаете обо всем этом, Ватсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку стула.

– По-моему, это темное, страшное дело.

– Да, достаточно темное и страшное.

– Но если мисс Стоунер не ошибается, говоря, что пол и стены крепкие, а через дверь, окно и печную трубу невозможно проникнуть в комнату, то, несомненно, ее сестра была одна, когда с ней случилось что-то таинственное, бывшее причиной ее смерти.

– Что же означают эти ночные свистки и странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить все: свист по ночам, присутствие табора цыган, пользовавшихся особым расположением старого доктора, тот факт, что доктор был заинтересован в том, чтоб его падчерица не выходила замуж, ее последние слова о «шайке» и, наконец, рассказ мисс Элен Стоунер о слышанном ею металлическом звуке (быть может, то был шум от болта, которым запирались ставни), – то есть большое основание предполагать, что тут именно надо искать разгадку тайны.

– Но что же сделали цыгане?

– Не могу себе представить.

– Многое можно возразить против этой теории.

– Я знаю. Поэтому-то мы и едем сегодня в Сток Моран. Я хочу узнать, насколько верны эти предположения. Что это, черт возьми?

Дверь нашей комнаты внезапно распахнулась, и на пороге показался человек огромного роста. Костюм его представлял собой какую-то странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гамашы и хлыст в руках. Он был так высок ростом, что задел шляпой при толку, и так широк в плечах, что занял всю дверь. Его толстое лицо было все изборозжено морщинами, загорело от горячего солнца Индии. Он смотрел то на одного, то на другого из нас своими впалыми, налитыми желчью глазами. Эти глаза и тонкий нос придавали ему вид старой хищной птицы.

– Который из вас Холмс? – спросил неожиданный посетитель.

– Я, сэр. Вы имеете преимущество предо мной, так как я не знаю вашей фамилии, – спокойно ответил мой приятель.

– Я – доктор Гримсби Ройлотт из Сток Морана.

– Ага! Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Холмс.

– И не подумаю. Здесь была моя падчерица. Я проследил ее. Что говорила она вам?

– Погода немного холодна для теперешнего времени года, – заметил Холмс.

– Что говорила она вам?! – бешено крикнул старик.

– Но я слышал, что крокусы уже начинают расцветать, – невозмутимо продолжал Холмс.

– А! Вы хотите отделаться от меня, да? – сказал посетитель, делая шаг вперед и размахивая хлыстом. – Я знаю вас, негодяй! Слышал много! Вы – Холмс-проныра.

Мой приятель улыбнулся.

– Холмс-смутьян.

Улыбка так и расплылась по лицу Холмса.

– Холмс-сыщик.

Холмс громко расхохотался.

– Ваш разговор замечательно интересен. – проговорил он. – Пожалуйста, закройте дверь, когда будете уходить, а то очень сквозит.

– Уйду, когда скажу то, для чего пришел. Не смейте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стоунер была здесь... Я следил за ней! Со мной шутки плохи! Так и знайте.

Он сделал шаг вперед, схватил кочергу и согнул ее своими громадными загорелыми руками.

– Смотрите, не попадайтесь мне, – проговорил он, бросив согнутую кочергу, и вышел из комнаты.

– Очень любезный и милый господин, – со смехом сказал Холмс. – Я не сравнюсь с ним в объеме, но если бы он остался, я бы показал, что немногим уступаю ему в силе.

Он поднял согнутую кочергу и сразу выпрямил ее.

– Представьте себе, какая дерзость! Смешивает меня с полицией! Впрочем, этот случай только прибавит нам рвения. Надеюсь, что маленькая мисс не пострадает от своей неосторожности. Теперь, Ватсон, мы позавтракаем, а потом я пойду навести несколько справок.

Шерлок Холмс вернулся домой около часа после полудня. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание покойной жены его, – сказал он. – Чтоб определить его значение, мне пришлось справляться о нынешних ценах бумаг, в которых помещено имущество покойной. Общий доход во время смерти покойной доходил почти до 1100 фунтов стерлингов, теперь же, вследствие падения цен на сельскохозяйственные припасы, упал до 750 фунтов стерлингов. При выходе замуж каждая дочь имеет право на 250 фунтов стерлингов дохода. Очевидно, что если бы обе они вышли замуж, то нашему милому знакомому остались бы крохи; ему пришлось бы плохо даже и в том случае, если бы хоть одна из дочерей вышла замуж. Я не напрасно потерял утро, так как убедился, что у него самые серьезные мотивы препятствовать браку падчериц. Медлить нельзя, Ватсон, тем более, что старик узнал, что мы заинтересованы в этом деле. Если вы готовы, пошлем за кебом и поедем на вокзал. Возьмите, пожалуйста, револьвер – это превосходный аргумент для человека, который может завязывать узлы из кочерги. Револьвер и патроны – я думаю, больше нам ничего не нужно.

Поезд в Летерхед отходил, как раз когда мы приехали на вокзал. Приехав на место, мы наняли в гостинице экипаж и проехали четыре-пять миль по живописной местности. День был чудный, солнце ярко сияло, на небе виднелось лишь несколько прозрачных облачков. На деревьях и кустарниках показывались первые зеленые почки, в воздухе стоял приятный запах влажной земли. Это пробуждение весны составляло странный контраст с ужасным делом, по которому мы ехали. Холмс сидел, сложив руки и надвинув шляпу, очевидно, в глубоком раздумье. Вдруг он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал на луга.

– Посмотрите! – сказал он.

Густой парк шел по склону холма. Из-за ветвей деревьев виднелись очертания очень старого дома.

– Сток Моран? – спросил Холмс.

– Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, – ответил кучер.

– Кажется, теперь там, куда мы едем, идет какая-то постройка, – продолжал Холмс.

– Там деревня, – сказал кучер, указывая на видневшиеся налево крыши домов. – А если вам нужно в дом, то вам ближе пройти туда этой дорогой, а потом по тропинке через поле. Вот там, где идет барышня.

– Это, должно быть, мисс Стоунер, – сказал Холмс, прикрывая глаза рукой. – Да, нам лучше пойти так.

Мы вышли из тарантаса, расплатившись с кучером, который поехал обратно в Летерхед.

– Пусть этот малый думает, что мы архитекторы или приехали по какому-нибудь другому делу, – сказал Холмс. – Не станем болтать лишнего... Здравствуйте, мисс Стоунер! Как видите, мы сдержали слово.

Наша клиентка бросилась к нам навстречу с сияющим от радости лицом.

– Я с нетерпением ожидала вас, – сказала она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно. Доктор Ройлотт уехал в город и, по всем вероятностям, не вернется домой до вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс и в коротких словах рассказал о посещении доктора Ройлотта.

Мисс Стоунер побледнела, как смерть.

– Боже мой! Значит, он следил за мной.

– Очевидно.

– Он так хитер, что не знаешь, как и скрыться от него. Что он скажет, когда вернется!

– Пусть остережется: могут найтись люди и похитрее его. На ночь вы должны запереться у себя в комнате. Если он будет угрожать вам, мы отправим вас к тетке, в Харроу. А теперь нам нужно воспользоваться удобным временем, и потому проведите нас, пожалуйста, в комнаты.

Дом был выстроен из серого, поросшего мхом камня, с флигелями по обеим сторонам, напоминавшими клешни краба. В одном из флигелей окна были разбиты и заколочены досками, крыша местами обрушилась. Средняя часть дома была в несколько лучшем состоянии. Правый флигель казался сравнительно новее, на окнах висели шторы, из труб шел голубой дым. Все показывало, что тут жили люди. У стены виднелись леса, но рабочих не было и следа. Холмс медленно расхаживал по нерасчищенной лужайке и внимательно разглядывал окна.

– Вероятно, это окно комнаты, в которой вы спали прежде, – сказал он, – среднее – спальни вашей сестры, а следующее – доктора Ройлотта?

– Совершенно верно. Теперь я сплю в средней комнате.

– Ну, да, из-за ремонта. Между прочим, эта стена, кажется, не особенно нуждается в ремонте.

– Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы заставить меня переселиться в другую комнату.

– А! Это имеет большое значение. В этом флигеле есть коридор, в который выходят все три комнаты. Есть там окна?

– Да, но очень маленькие и слишком узкие для того, чтобы пролезть в них.

– Так как вы обе запирались на ночь, то с этой стороны невозможно было пробраться в ваши комнаты. Будьте так добры, войдите в вашу комнату и закройте ставни.

Мисс Стоунер исполнила его желание. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно. Не было даже щели, в которую можно было бы просунуть ножик и приподнять засов. Он осмотрел в увеличительное стекло все петли: они оказались вполне целыми.

– Гм! – проговорил он, в недоумении почесывая подбородок, – гипотеза-то моя не оправдывается. Невозможно пролезть в окно, когда ставни закрыты. Ну, посмотрим, не увидим ли что-нибудь внутри дома.

Маленькая боковая дверь вела в окрашенный белым коридор, в который выходили все три спальни. Холмс отказался осматривать третью комнату, и мы прямо вошли во вторую, где спала теперь мисс Стоунер, и где умерла ее сестра. Это была маленькая комнатка с низким потолком и камином, такая, какие встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод, в другом – узкая кровать, покрытая белым одеялом, налево у окна – туалетный столик. Два стула и вильтонский ковер посреди комнаты довершали ее скромную обстановку. Карнизы стен были из темного дерева, такого старого и выцветшего, что, вероятно, они существовали тут с самого основания. Холмс поставил стул в угол и сел, внимательно оглядывая все вокруг.

– Куда ведет этот звонок? – проговорил он, указывая на толстый шур, висевший над самой постелью, так что конец его лежал на подушке.

– В комнату экономки.

– Он новее всех остальных вещей в этой комнате.

– Да, этот звонок провели только два года тому назад.

– Вероятно, ваша сестра просила об этом?

– Нет, она никогда не употребляла его. Мы привыкли все делать сами.

– Вот как? Зачем же было проводить этот звонок?.. Позвольте мне осмотреть пол.

Он бросился на пол и стал быстро ползать взад и вперед, внимательно рассматривая через увеличительное стекло трещины между досками. Он исследовал также плинтуса, затем подошел к кровати и тщательно оглядел ее и стену. Наконец он сильно дернул шнур.

– Не звонит, – проговорил он.

– Как не звонит?

– Он даже не соединен со шнуром. Это крайне интересно. Видите, он прикреплен наверху к крючочку над отверстием вентилятора.

– Как глупо! Я и не заметила этого.

– Очень странно! – бормотал Холмс, дергая шнурок. – В этой комнате вообще есть странности. Например, что за дурак тот, кто ставил вентилятор! Зачем было проводить его из одной комнаты в другую, когда можно было устроить так, чтобы он выходил наружу?

– Вентилятор также устроен не так давно, – сказала мисс Стоунер.

– В то же время, что и звонок, – заметил Холмс.

– Да, в то время было вообще несколько переделок.

– Удивительно интересно! Звонки, которые не звонят, вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стоунер, мы перейдем теперь в следующую комнату.

Спальня доктора Гримсби Ройлотта была больше комнаты его падчерицы, но так же просто убрана. Походная кровать, маленькая деревянная этажерка с книгами преимущественно технического содержания, кресло у кровати, простой деревянный стол у стены, круглый стул и большой железный шкаф – вот и все, что бросилось нам в глаза. Холмс обошел комнату, внимательно, с величайшим интересом осматривая все вещи.

– Что здесь? – спросил он, постучав по шкафу.

- Деловые бумаги отчима.
- Так вы видели, что находится там?
- Только раз, несколько лет тому назад. Я помню, что там было много бумаг.
- А кошки там нет?
- Нет. Что за странная идея!
- Посмотрите!

Он снял со шкафа стоявшее на нем блюдечко с молоком.

- Нет, мы не держим кошки. Но у нас есть пантера и павиан.
- Ах, да! Конечно, пантера не что иное, как большая кошка, но сомневаюсь, чтобы она удовольствовалась блюдечком молока. Мне очень хочется выяснить одно обстоятельство.

Он присел на корточки перед деревянным стулом и внимательно осмотрел его сиденье.

- Благодарю вас. Этого достаточно, – сказал он, поднимаясь и пряча лупу в карман. – Ага! Вот нечто весьма интересное!

Предмет, привлечший его внимание, была свернутая в петлю плетка, лежавшая на постели.

– Что скажете, Ватсон?

– Плетка самая обыкновенная. Не понимаю только, зачем из нее сделана петля.

– Не совсем обыкновенная. Ах! Сколько зла на свете, и хуже всего, когда умный человек совершает преступление. С меня достаточно того, что я видел, мисс Стоунер. С вашего дозволения, мы выйдем теперь на лужайку.

Мне никогда не приходилось видеть Холмса таким угрюмым и мрачным. Мы несколько раз молча прошли по дорожке. Ни мисс Стоунер, ни я не решались прервать молчание, пока сам Холмс не нарушил его.

– Мисс Стоунер, – сказал он, – необходимо, чтобы вы безусловно поступили так, как я посоветую вам.

– Я исполню все беспрекословно.

– Дело слишком серьезное для того, чтобы колебаться. От вашего согласия зависит, может быть, сама ваша жизнь.

– Я отдаю себя в ваши руки.

– Во-первых, мы оба, мой друг и я, должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стоунер и я с удивлением взглянули на него.

– Так должно быть. Я объясню вам все. Что там через дорогу? Кажется, деревенская гостиница?

– Да. Это «Корона».

– Оттуда видны ваши окна?

– Конечно.

– Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, и уйдите в свою комнату.

Когда услышите, что он пошел спать, откройте ставни, поставьте на окно лампу – это будет сигналом для нас, – заберите все, что вам нужно, и уходите в вашу бывшую спальню. Без сомнения, вы можете устроиться там на одну ночь, несмотря на ремонт.

– О, да, вполне!

– Остальное предоставьте нам.

– Что же вы сделаете?

– Проведем ночь в комнате и разузнаем причину напугавшего вас шума.

– Мне кажется, вы уже составили себе мнение об этом деле, мистер Холмс, – сказала мисс Стоунер, беря его за руку.

– Может быть.

– Так, ради Бога, скажите, отчего умерла моя сестра?

– Я хотел бы сначала собрать более ясные улики.

– По крайней мере, скажите, верно ли мое предположение, что она умерла от страха?

– Нет, не думаю. Предполагаю, была другая причина. А теперь, мисс Стоунер, мы должны покинуть вас, потому что если доктор Ройлотт вернется и увидит нас здесь, наша поездка окажется совершенно бесполезной. Прощайте! Мужайтесь: если вы исполните то, что я сказал вам, можете быть спокойны, что мы скоро отклоним угрожающую вам опасность.

Шерлок Холмс и я без труда нашли себе две комнаты в «Короне». Они были в нижнем этаже. Из окна видны были ворота и обитаемый флигель Сток Морана. В сумерки мимо нас проехал доктор Гримсби Ройлотт. Его громадная фигура виднелась рядом с мальчиком, который правил лошадей. Мальчик несколько времени возился, открывая ворота, и мы слышали, как доктор кричал хриплым голосом, и видели, как он бешено грозил кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут мы увидели свет от лампы, зажженной в одной из гостиных.

– Знаете, Ватсон, – сказал Холмс, – уж, право, не знаю, брать ли вас сегодня ночью. Дело то опасное.

– Могу я быть полезен вам?

– Ваше присутствие было бы незаменимо.

– Ну, так я пойду с вами.

– Очень мило с вашей стороны.

– Вы говорите об опасности. Наверно, вы заметили в этих комнатах то, на что я не обратил внимания.

– Нет, вы видели то же, что я, только я сделал больше выводов.

– Я не видел ничего особенного, за исключением шнура от звонка, и не могу себе представить, для чего устроен этот звонок.

– Вы видели и вентилятор?

– Да, но не вижу в этом ничего особенного. Отверстие такое маленькое, что едва ли даже мышь могла пролезть в него.

– Я знал, что есть вентилятор, прежде чем мы приехали в Сток Моран.

– О, милый Холмс!

– Да, знал. Помните, мисс Стоунер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигары доктора Ройлотта. Это, конечно, сразу навело меня на мысль, что между комнатами должно быть какое-нибудь сообщение. Отверстие это маленькое, иначе его заметил бы следователь. Я решил, что это должен быть вентилятор.

– Но что же в этом дурного?

– Ну, по крайней мере, странное совпадение. Устраивается вентилятор, вешается шнур, и спящая в кровати девушка умирает.

– Не вижу никакой связи.

– Вы ничего не заметили особенного в кровати?

– Нет.

– Она привинчена к полу. Случалось вам видеть такую кровать?

– Нет.

– Девушка не могла отодвинуть кровать. Та должна быть всегда в одинаковом положении относительно вентилятора и веревки... Приходится так назвать этот шнур, потому что он вовсе не предназначался для звонка.

– Холмс! – вскрикнул я, – я смутно догадываюсь, на что вы намекаете. Мы поспели как раз вовремя для того, чтобы предотвратить какое-то ужасное, тонко задуманное преступление.

– Да, ужасное и тонко задуманное. Если врач идет на злодеяние, то нет преступника хуже его. У него сильные нервы и знание. Палмер и Причард²¹ стояли во главе своей профессии.

²¹ Английские врачи-убийцы.

Этот человек перещеголял их, но я думаю, нам удастся перехитрить его. Много Ужаса придется нам видеть сегодня ночью. Ради бога, покурим спокойно и подумаем о более веселых вещах.

Около девяти часов свет, мелькавший среди деревьев, погас, и в доме стало совершенно темно. Часы тянулись медленно, как вдруг, как раз когда пробило одиннадцать часов, прямо перед нами вспыхнул яркий свет.

– Это сигнал из среднего окна, – сказал Холмс, вскакивая на ноги.

Выходя из гостиницы, он сказал хозяину, что мы идем к знакомому и, может быть, останемся ночевать у него. Через минуту мы уже шли по темной дороге, холодный ветер дул нам прямо в лицо, и только желтый свет указывал нам путь в царившей вокруг мгле.

Попасть в парк было нетрудно, так как стена, окружавшая его, местами обрушилась. Пробираясь между деревьями, мы дошли до лужайки, перешли через нее и только что собрались влезть в окно, как из-за группы лавровых кустов выскочило какое-то существо, похожее на отвратительного уродливого ребенка, бросилось на лужайку, словно в конвульсиях, и затем быстро исчезло во тьме.

– Боже мой! – прошептал я. – Вы видели?

Холмс на одно мгновение испугался так же, как и я, и в волнении сильно сжал мне руку, но затем тихо рассмеялся и на ухо сказал мне.

– Миленький дом. Это – павиан.

Я совсем забыл о любимцах доктора Ройлотта. Может, и пантера очутится скоро у нас на плечах. Сознаю, что я почувствовал облегчение, когда, сняв по примеру Холмса сапоги, пробрался вслед за ним в комнату. Мой приятель бесшумно закрыл ставни, перенес лампу на стол и окинул взглядом всю комнату. Потом он прокрался ко мне и, приложив руку ко рту, прошептал еле слышно:

– Малейший шум разрушит все наши планы.

Я утвердительно кивнул головой.

– Придется сидеть без огня. Он может увидеть свет в вентилятор.

Я снова кивнул головой.

– Смотрите, не засните: дело идет, быть может, о нашей жизни. Приготовьте револьвер на всякий случай. Я сяду на кровать, а вы на стул.

Я вынул револьвер и положил его на стол.

Холмс принес с собой длинную тонкую трость и положил ее возле себя на кровать вместе с коробочкой спичек и огарком свечи. Потом он потушил лампу, и мы остались во тьме.

Никогда не забуду этой страшной ночи! Я не слышал ни одного звука, ни даже дыхания, а между тем знал, что Холмс находится в нескольких шагах от меня и испытывает такое же нервное возбуждение, как и я. Ни малейший луч света не проникал через запертые ставни, мы сидели в полнейшей тьме. Снаружи доносился по временам крик ночной птицы; раз около нашего окна послышался какой-то вой, напоминавший мяуканье кошки: очевидно, пантера разгуливала на свободе. Издалека доносился протяжный бой церковных часов, отбивавших четверти. Как тянулось время между этими ударами! Пробило двенадцать, затем час, два, три, а мы все продолжали сидеть безмолвно, ожидая, что будет дальше.

Внезапно у вентилятора появился свет. Он сейчас же исчез, но в комнате распространился сильный запах горящего масла и раскаленного металла. В соседней комнате кто-то зажег огонь. До моего слуха донесся тихий шум, и потом все опять замолкло, только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, прислушиваясь. Вдруг раздался какой-то звук, тихий, равномерный, напоминавший струю пара, выходящую из котла. В то же мгновение Холмс вскочил с кровати, зажег спичку и начал неистово колотить тростью по шнуру.

– Вы видите ее, Ватсон!?! – кричал он. – Видите!?!

Но я ничего не видел. В ту минуту, как Холмс зажег свет, я услышал тихий свист, но глаза мои привыкли к темноте, и потому неожиданный свет ослепил меня, и я не мог понять, почему Холмс так ожесточенно колотит по шнуру. Однако я успел рассмотреть, что лицо его было смертельно бледно и выражало ужас и отвращение.

Он перестал колотить по шнуру и смотрел на вентилятор, когда внезапно в безмолвии ночи раздался ужасный крик. Он становился все громче и громче. Страдание, страх и гнев, – все чувства смешались в этом крике. Говорят, что его слышали в деревне и даже в отдаленном доме священника. Мы похолодели от ужаса и молча смотрели друг на друга, пока не замерли последние крики и прежняя тишина водворилась в комнате.

– Что это значит? – задыхаясь, проговорил я.

– Значит, что все кончено, – ответил Холмс... – И, может быть, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдём в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было серьезно. Он зажег лампу и пошел по коридору. Он дважды постучался в дверь.

Ответа не было. Тогда он повернул ручку двери и вошел, – я за ним, с револьвером в руках.

Страшное зрелище представилось нашим глазам. На столе стоял потайной фонарь с полуоткрытой дверцей. Свет от него падал на железный шкаф, раскрытый настежь. У стола на деревянном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого выглядывали босые ноги в красных турецких туфлях без задников. На коленях у него лежала плетка, которую мы видели утром. Он сидел, подняв вверх голову и устремив страшный, неподвижный взгляд в потолок. На лбу у него была странная желтая лента с коричневыми пятнами, плотно охватывавшая голову. Он не шевельнулся, когда мы вошли в комнату.

– Лента, пестрая лента! – прошептал Холмс.

Я подошел ближе. Внезапно странный головной убор доктора зашевелился, и из волос поднялась голова змеи.

– Это болотная гадюка, самая ядовитая змея в Индии! – сказал Холмс. – Он умер через десять секунд после укушения. Возмездие постигло жестокого человека. Кто роет другому яму, сам в нее попадет. Посадим эту тварь в ее логовище, а потом отправим мисс Стоунер в безопасное место и дадим знать полиции.

Он быстро взял арапник с колен мертвеца, накинул петлю на шею змеи и, вытянув руку, бросил ее в железный шкаф и запер его.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток Морана. Не буду подробно рассказывать о том, как мы сообщили эту новость испуганной девушке. Мы отправили ее с утренним поездом в Харроу к тетке. Официальное следствие установило, что доктор умер от неосторожного обращения со своей опасной любимицей. Когда мы ехали назад из Сток Морана, Шерлок Холмс рассказал мне остальное.

– Я пришел было к совершенно ложному выводу, милый Ватсон, – сказал он. – Видите, как опасно строить гипотезы, когда нет основательных данных. Присутствие цыган вблизи дома и слово «лента», сказанное несчастной молодой девушкой и понятое мной иначе, навели меня на ложный след. Очевидно, она успела разглядеть что-то, показавшееся ей лентой, когда зажгла спичку. В свое оправдание могу сказать только, что отказался от своего первоначального предположения, как только увидел, что обитателю средней комнаты опасность не может угрожать ни со стороны окна, ни со стороны двери. Вентилятор и шнур от звонка сразу привлекли мое внимание. Открытие, что звонок не звонит, а кровать привинчена к полу, возбудило во мне подозрение, что шнур служит мостом для чего-то, что переходит в отверстие и попадает на кровать. Мысль о змее сразу пришла мне в голову, в особенности, когда я вспомнил, что доктор привез с собой из Индии всяких животных и гадюк. Идея употребить в дело яд, недоступный химическому исследованию, могла прийти в голову именно такому умному, бессердечному человеку, долго жившему на Востоке. Быстрота действия подобного рода яда имела также свое преимущество. Только очень проницательный следователь мог бы заметить две маленькие черные точки в том месте, где ужалила змея. Потом я вспомнил свист. Это он звал назад змею до рассвета, чтобы ее не увидели.

Вероятно, он приучил ее возвращаться к нему, давая ей молоко. Змею он направлял к вентилятору, когда находил это удобным, и был уверен, что она спустится по шнуру на кровать. Может быть, целая неделя прошла бы прежде, чем змея ужалила молодую девушку, но рано или поздно она должна была стать жертвой ужасного замысла. Я пришел ко всем этим выводам раньше, чем вошел в комнату доктора Ройлотта. Осмотрев его стул, я убедился, что он часто становился на него, очевидно, с целью достать до вентилятора. Шкаф, блюдечко с молоком и петля на плетке окончательно рассеяли все мои сомнения. Металлический звук, который слышала мисс Стоунер, очевидно, происходил оттого, что ее отчим захлопывал шкаф. Вы знаете,

что я предпринял дальше, когда убедился в верности моих выводов. Я, как, без сомнения, и вы, услышал шипение змеи, зажег спичку и напал на нее.

– И прогнали ее назад в вентилятор.

– А она бросилась на своего хозяина. Некоторые из моих ударов попали в цель, пробудили ее злобу, и она кинулась на первого встречного. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Ройлотта, но не скажу, чтобы моя совесть сильно страдала от этого.

Палец инженера

Изо всех дел, которыми занимался мой друг Шерлок Холмс в период нашего знакомства, только два были начаты им по моей инициативе: дело о пальце мистера Хадерли и о сумасшествии полковника Уорбертона. Последнее представляло более обширное поле для наблюдательности, но первое так странно само по себе, и так драматично по подробностям, что следует упомянуть о нем, хотя оно и не дало моему другу возможности показать свои дедуктивные способности в полном блеске. История эта много раз рассказывалась в газетах, но, как и все подобные случаи, она произвела мало впечатления на столбцах периодических изданий. Зато она сильно заинтересовала тех, перед глазами которых проходили все факты, и тайна раскрывалась постепенно, шаг за шагом. В свое время этот случай произвел на меня глубокое впечатление, которое не ослабело и теперь, спустя два года.

Дело происходило в 1889 году, вскоре после моей свадьбы. Я вернулся к частной практике и покинул квартиру на Бейкер-стрит, где жил прежде с Холмсом, но продолжал навещать его. Иногда мне удавалось даже уговорить его зайти к нам. Практика моя расширялась, и так как я жил вблизи вокзала Паддингтон, то у меня были пациенты между тамошними служащими. Один из них, которого я вылечил от тяжелой хронической болезни, постоянно восхвалял меня и посылал ко мне всех знакомых больных.

Однажды утром, около семи часов, горничная постучала ко мне в дверь и сказала, что в приемной меня ожидают двое людей из Паддингтона. Я быстро оделся, так как знал по опыту, что случаи на железной дороге редко бывают пустячными, и пошел вниз. Проводник, мой старый приятель, вышел из приемной и притворил за собой дверь.

– Я доставил его сюда, – шепнул он, указывая пальцем на дверь. – Все обстоит благополучно.

– Кого вы доставили ко мне? – спросил я, удивленный таинственностью моего посетителя.

– Пациента, – все так же шепотом отвечал он. – Я подумал, что приведу его сам, чтобы он не утек, и доставил его в надлежащем виде. Я должен идти, доктор, у меня так же, как и у вас, есть свои обязанности.

И он ушел так поспешно, что я не успел поблагодарить его.

Я вошел в кабинет и увидел господина, сидевшего у стола. На нем была темная одежда, мягкая кепка валялась на моих книгах, одна рука была обвязана платком, на котором виднелись пятна крови. На вид ему было не более двадцати пяти лет. Его мужественное лицо было смертельно бледно. Казалось, он испытывал сильнейшее волнение и употреблял всю свою силу воли, чтобы сдержать его.

– Очень сожалею, доктор, что пришлось разбудить вас так рано, – оказал он. – Но сегодня ночью со мной случилось несчастье. Я приехал с утренним поездом и на вокзале Паддингтон попросил указать мне врача. Какой-то добрый мальчик привел меня сюда. Я дал горничной свою визитную карточку, но вижу, что она оставила ее на столе.

Я взял карточку и взглянул на нее. «Виктор Хадерли, инженер-механик, 16А, Виктория-стрит (третий этаж)» – вот имя и местожительство моего раннего посетителя.

– Сожалею, что заставил вас ждать, – проговорил я, садясь на стул. – Вы ехали всю ночь, а это уже само по себе довольно скучно.

– О, едва ли можно сказать, что я скучно провел эту ночь, – со смехом сказал инженер-механик.

Он смеялся очень громко и резко, откинувшись на спинку и весь трясась. Как врач, я восстал против этого смеха.

– Перестаньте! – крикнул я. – Придите в себя, – прибавил я, наливая воды из графина.

Все мои увещания были напрасны. С ним сделался один из тех истерических припадков, которые случаются с сильными натурами, когда приходит кризис. Но вскоре он пришел в себя и проговорил, краснея и задыхаясь:

– Я веду себя глупо!

– Ничего. Выпейте-ка лучше вот это.

Я добавил немного бренди в стакан с водой, он выпил, и румянец вернулся на его бледные щеки.

– Так-то лучше! – сказал он. – А теперь, доктор, вы, может быть, взглянете на мой палец или, вернее сказать, на то место, где был мой палец.

Он развязал платок и протянул мне руку. Даже мои привычные нервы не выдержали этого зрелища. На руке было четыре пальца, а вместо большого виднелась страшная окровавленная масса. Палец был отрублен или вырван из сочленения.

– Боже мой! – вскрикнул я. – Это ужасно. Должно быть, кровь шла очень сильно.

– Да, очень сильно. Когда это случилось, я потерял сознание и, должно быть, долго был без чувств. Очнувшись, я увидел, что кровь все еще продолжает идти; поэтому я забинтовал руку с помощью платка и прутика.

– Превосходно. Вам следовало бы быть хирургом.

– Это имеет некоторое отношение к гидравлике, а я специалист по этому делу.

– Рана нанесена каким-то очень тяжелым орудием, – сказал я, осмотрев руку.

– Чем-то вроде ножа мясника.

– Вероятно, случайность?

– Нисколько.

– Неужели покушение на убийство?

– Совершенно верно.

– Вы пугаете меня.

Я омыл рану, дезинфицировал ее, потом закрыл ватой и забинтовал. Он сидел, откинувшись в кресле, и не сморгнул, только по временам кусал губы.

– Как вы себя теперь чувствуете? – спросил я.

– Превосходно! После бренди и перевязки я чувствую себя совсем другим человеком. Я очень ослаб, но ведь в эту ночь мне пришлось много пережить.

– Может быть, вам лучше ничего не рассказывать. Это вас расстраивает.

– О, нет, теперь ничего! Придется же рассказывать полиции. Но, между нами, не будь у меня такого важного доказательства, как эта рана, я сам бы удивился, если бы поверили моему рассказу. Очень уж необыкновенное происшествие, а данных, чтобы доказать его, у меня слишком мало. А если мне и поверят, то у меня так мало улик, что еще большой вопрос, будут ли виновные наказаны.

– А! – сказал я. – Если это дело загадочное, то вам следует обратиться к моему другу Шерлоку Холмсу, прежде чем заявить полиции.

– О, я много слышал о нем, – ответил мой клиент, – и был бы очень рад, если бы он взялся за это дело, хотя, конечно, заявлю полиции. Можете вы дать мне карточку к нему?

– Я сделаю больше: сам свезу вас к нему.

– Вы несказанно обяжете меня.

– Мы пошлем за кебом, отправимся вместе и поспеем как раз к завтраку. Хватит ли у вас сил, чтоб ехать?

– Да. Я успокоюсь только тогда, когда расскажу всю историю.

– Итак, я посылаю за кебом и через минуту вернусь к вам.

Я вбежал наверх, в коротких словах объяснил все жене и через пять минут уже ехал с моим новым знакомым на Бейкер-стрит.

Как я и думал, Шерлок Холмс лежал в гостиной, просматривая объявления в «Таймсе». Он был в халате и курил утреннюю трубку, которую набивал остатками выкуренного накануне табака, тщательно высушенного и собранного на каминной доске. Он принял нас, как всегда, спокойно и приветливо и велел подать еще ветчины и яиц. Покончив с завтраком, он усадил нашего нового знакомого на диван и предложил ему стакан бренди с водой.

– Очевидно, вы испытали нечто совсем необычайное, мистер Хадерли, – сказал он. – Пожалуйста, прилягте и будьте как дома. Расскажите нам, что можете, и не говорите, когда устанете, а поддержите свои силы этим подкрепляющим средством.

– Благодарю вас, – ответил мой пациент, – я чувствую себя гораздо лучше после того, как доктор сделал мне перевязку, а ваш завтрак dokonчил дело. Я отниму у вас как можно меньше вашего драгоценного времени, и потому сразу начну рассказ о моем необыкновенном приключении.

Холмс сел в кресло, и лицо его приняло то усталое, равнодушное выражение, которым он прикрывался обыкновенно, когда бывал заинтересован чем-либо. Я сел напротив него, и мы вместе выслушали странную историю, которую рассказал нам инженер-механик.

– Надо сказать, что я сирота, холостяк и живу один в меблированных комнатах в Лондоне. По профессии я инженер-механик, специальность моя – гидравлика; имел большую практику в продолжении семи лет, когда я был в обучении у Беннера и Мэтисона, владельцев большой фирмы в Гринвиче. Два года тому назад, окончив образование и получив наследство от отца, поселился на Виктория-стрит и решил работать самостоятельно.

Полагаю, что всякое дело вначале идет плохо. Мне же особенно не повезло. В продолжение двух лет меня приглашали три раза на консультации да раз была небольшая работа. Заработок мой за все это время равнялся двадцати семи фунтам десяти шиллингам. Каждый день я сидел в моей маленькой берлоге от девяти часов утра до четырех пополудни и, наконец, потерял всякую надежду.

Но вчера, когда я уже собирался уходить из конторы, клерк доложил мне, что пришел какой-то господин по делу. Он передал мне карточку, на которой стояло: «Полковник Лисандр Старк». Вслед за клерком вошел и сам полковник, человек выше среднего роста, необычайной худобы. Мне никогда не приходилось видеть такого худого человека. На лице его выделялись нос и подбородок, а кожа так и натянулась на выдавшихся скулах. Однако худоба эта казалась обычным состоянием, а не следствием болезни. У него были блестящие глаза, твердая походка, уверенные манеры. Он был одет просто, но опрятно. На вид ему казалось около сорока лет.

– Мистер Хадерли? – спросил он с немецким акцентом. – Мне рекомендовали вас, мистер Хадерли, как человека, не только являющегося специалистом в своей профессии, но и умеющего хранить тайну.

Я поклонился, польщенный этими словами, как и всякий молодой человек, которого бы так хвалили.

– Могу узнать, кто дал мне такую хорошую аттестацию? – спросил я.

– Ну, может быть, лучше не говорить этого вам теперь. Из того же источника я знаю, что вы сирота, не женаты и живете в Лондоне один.

– Все это совершенно верно, – ответил я. – Но извините, я не понимаю, какое отношение это может иметь к моим профессиональным качествам. Ведь вы желаете говорить со мной по делу?

– Несомненно. Но вы сами увидите, что это имеет отношение к тому, о чем я буду говорить. У меня к вам профессиональное дело, но при этом требуется полная тайна, понимаете, абсолютная тайна, а этого скорее можно ожидать от одинокого человека.

– Если я дам вам обещание сохранить вашу тайну, то можете быть уверены, что сдержу слово, – сказал я.

Он пристально взглянул на меня. Никогда не случалось мне видеть более вопросительного и подозрительного взгляда.

– Так вы даете обещание? – наконец проговорил он.

– Да, даю.

– Полное молчание до визита к нам, во время его и после? Ни слова о деле, ни устно, ни письменно?

– Я уже дал вам слово.

– Отлично.

Он вдруг вскочил с места, пролетел, как молния, через комнату и распахнул дверь. Коридор был совершенно пуст.

– Все в порядке, – сказал он, возвращаясь на место. – Клерки очень часто интересуются делами своих начальников. Теперь мы можем беседовать спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.